Путь русского офицера

К.И. Деревянко

НА ТРУДНЫХ ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Подвиг Одессы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания контр-адмирала К.И. Деревянко рассказывают о Великой Отечественной войне. В первой книге своих воспоминаний автор повествует о героической обороне Одессы в 1941 г. и весомом вкладе Военно-морского флота в оборону города. На страницах книги рассказывается о героизме моряков, о нелегкой борьбе защитников города с врагом.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны.

- Константин Илларионович Деревянко
  -
  - Героизм и искусство в борьбе
  - Книга первая
    - Далекое и близкое
    - Ленинград. Кронштадт. Балтика
    - На Черном море
    - Флот строится
    - В Одесской военно-морской базе
    - Как начиналась война
    - Первый бой
    - Одессу оборонять
    - Одессу не оставлять
    - Оборону Одессы подчинить флоту
    - Морской фронт
    - Кризис
    - Школа мужества
    - Уроки
    - Ставка обращается с просьбой
    - Контрудар. Морской десант
    - Моряки проявляют характер
    - О защитниках Одессы: «Храбро и честно»
    - Штабы предлагают дерзкий план
    - База в эти дни
    - Посадка войск на суда
    - Боевой марш-маневр флота
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38

Константин Илларионович Деревянко
На трудных дорогах войны. Подвиг Одессы

Автор признателен В.В. Карпову за добрые советы, Н.М. Афанасьевой, З.И. Букиной, Л.М. Волнухиной, С.И. Егоровой, Е.К. Звезденковой, В.Е. Зубаревой, А.Г. Ильиной, Г.М. Калитиной, В.А. Кеменовой, Л.Д. Кирсановой, Н.Ф. Колбановой, А.П. Кузиной, К.Н. Ларину, Л.Н. Орловой, С.Ф. Подолян, А.И. Сафроновой, П.Г. Тарасову, А.В. Федуловой, А.Р. Чепиковой за помощь в подготовке рукописи к печати

Героизм и искусство в борьбе (О трилогии «на трудных дорогах войны»[1] и ее авторе, контр-адмирале К.И. Деревянко)

Прослужив три месяца командиром Очаковской военно-морской базы, летом 1944 года Константин Илларионович Деревянко внезапно получает из штаба Черноморского флота телеграмму: комфлот Ф.С. Октябрьский приказывает покинуть Очаков и явиться в Одессу, вступить в командование Одесской ВМБ. В день Военно-морского флота 23 июля К.И. Деревянко направился в пункт назначения. Здесь он начинал войну в качестве заместителя, затем начальника штаба базы, сюда вернулся войну завершать.

Одесская база вновь становилась прифронтовой. Изгнанный враг не унимался. Совершал налеты, бомбил. Да и сухопутная война шла под боком – освобождалась Молдавия. Все корабельные силы и боевые средства должны быть наизготове. Корабли Дунайской флотилии нацеливались на вход в Дунай. Кроме того, перед Одесской ВМБ стояла неотложная задача, уже осуществляемая Деревянко в Очакове, – траление мин в северо-западной части Черного моря. В этих заботах прошел месяц.

«На исходе дня 27 августа, – пишет К.И. Деревянко в конце своей третьей книги “На трудных дорогах войны”[2], – в моем кабинете раздался необычный телефонный звонок: ряд прерывистых коротких гудков. Таких позывных не позволяла себе телефонистка, когда звонила командиру. У аппарата оказался сам комфлот:

– Отложите все дела и сейчас же – ко мне».

Ф.С. Октябрьский был взволнован. Прошедший к Румынии и занявший Сулину десант не давал о себе знать…

Деревянко попытался разъяснить обстановку: в воздухе были невероятные помехи, связь утрачена (…)

Комфлот вручил Деревянко директиву № 0050[3] от 27 августа 1944 года, в которой приказывалось: капитану 1-го ранга К.И. Деревянко немедленно следовать в Сулину, сформировать базу, вступить в ее командование, ожидать дальнейших приказаний по продвижению в Румынии. Так К.И. Деревянко был направлен в освободительный поход в Румынию, а затем в Болгарию. В продолжении этого похода он становится командиром десантного соединения в составе корабельных сил и

морской пехоты. С ним идут испытанные воины: флаг-штурман флота Ю.П. Ковель (начальник штаба соединения), оператор В.П. Боровиков, командир бригады торпедных катеров Г.Д. Дьяченко, командир дивизиона малых охотников Г.И. Гнатенко, командир больших тральщиков В.М. Нарыков, командиры батальонов морской пехоты В.С. Макаров и Котанов, командир морской стрелковой бригады Л.К. Смирнов.

В полном виде это соединение формируется в Констанце, куда Деревянко придет через день после выхода из Сулины, то есть 30 августа. Порт Констанца будет стремительно взят участниками десанта. В Констанце он будет исполнять многофункциональные обязанности. Ему поручат выступить представителем советского флота, которому румынские морские власти должны передать все наличные корабли; он станет начальником гарнизона Констанцы; распоряжается разместить всех участников десантного соединения в удобных припортовых гостиницах. Здесь же автор будущих книг активно контактирует с комфлотом, а также наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым. Именно с последним он обсуждает подробности действий десанта по овладению болгарскими портами Варна и Бургас.

8 сентября, по директиве № 0077[4], десант во главе с Деревянко, насчитывающий сорок вымпелов, выходит в Болгарию. Но командование высадки десанта уже предупреждено: спешить применять оружие в Болгарии нельзя, болгарская армия, как и весь народ, ждет воинов-освободителей. Так и было. Быстро овладев портом Варна (в Бургас следовал отдельный небольшой отряд), участники десанта занимаются мирной работой. Как и в Румынии, составляется для представления в Ставку донесение о наличии в порту кораблей. Участники десанта присутствуют 9 сентября, когда в Болгарии объявлена народная власть, на многолюдном митинге. Это ликующее состояние братского народа автор книг пронес через всю жизнь.

В этот же день Верховный Главнокомандующий в третий раз после выхода черноморцев на зарубежную территорию поименно поблагодарил их в приказе. Значится там имя и К.И. Деревянко[5].

На последних страницах трилогии Деревянко пишет, что у Черноморского флота в этот период было два боевых направления: на одном, западном, – действовала Дунайская флотилия под командованием С.Г. Горшкова, продвигавшаяся по Дунаю в Европу, на другом, южном, – десантное соединение, командовать которым довелось автору. Именно на этом, черноморском направлении, напоминает Деревянко, воины первыми организованно встретили войну и теперь стали в рядах первых, кто пересек границу и вышел воевать на территорию

неприятеля. Им первым салютует Москва.

Это была награда для тех, кто первым отразил вражеский удар 22 июня 1941 года.

Подробности о первых сутках войны и о налете немецкой авиации на Севастополь К.И. Деревянко знает потому, что именно в ночь на 22 июня следовал в Севастополь на теплоходе «Армения» с командующим Одесским военным округом генералом Н.Е. Чибисовым для утверждения Плана совместного прикрытия границ на Военном совете флота.

О мучительных секундах перед принятием решения комфлотом Ф.М. Октябрьским, о первом залпе войны, когда он в одной руке держал телеграмму наркома (не допустить врага, но и не поддаться на провокацию), а в другой – трубку для отдачи приказа своим подчиненным: вражеские самолеты сбить, – поведано в первой книге контр-адмирала К.И. Деревянко. Четко действуя по Инструкции наркома Н.Г. Кузнецова, комфлот принимает решение. Он так и скажет: действуйте по Инструкции. А уж начальник штаба флота И.Д. Елисеев скомандует: «Огонь!»

Здесь К.И. Деревянко (и неоднократно), отдавая должное Октябрьскому, останавливает внимание читателя на организаторском таланте наркома Кузнецова, на его гражданском мужестве. Этот военачальник в трудный период встрясок в рядах военных кадров не только предусмотрел внезапное нападение врага, но и сумел привести к началу войны все флоты в полной боевой готовности. И вот в Севастополе дан первый бой.

«Я никогда не сомневался, – пишет автор трилогии, – что мы разгромим гитлеровскую Германию». И это его чувство подтверждают первые же впечатления 22 июня: встреча только что мобилизованных и увиденная длинная очередь в военкомат в Николаеве, состоящая из несовершеннолетних юношей и девушек.

Возвращаясь из Севастополя в Одессу сухопутным путем, Деревянко и Чибисов в одном из крымских сел оказались на митинге, где провожали на фронт упомянутых мобилизованных. «С них не сводят глаз матери, жены, возлюбленные. Возможно, это последнее свидание… Провожая, говорят: возвращайтесь с победой. Вот она, философия войны: общество с напутствием и скорбью провожает своих сыновей, – пишет автор. – Оно скорбит о возможной смерти героев и одновременно ждет и требует побед. А победы не бывают без жертв».

Константин Илларионович Деревянко принадлежит к тем участникам и исследователям войны, которые сразу почувствовали и глубоко осознали духовную суть Великой Отечественной войны. Он именует ее священной. Его

повествование проникнуто мыслью о большой жертве, которую приносит народ. Ведь в основе духовности всегда лежат любовь и жертва. И то, что потом назвали массовым героизмом (этот термин часто встречается и у Деревянко), по сути, и является той высокой жертвенностью, которая отличала наш народ.

Отсюда неиссякающий интерес автора к тому моменту, когда появляется подлинное бесстрашие на войне. Ведь страх – это не просто чувство, а здоровый инстинкт самосохранения. Но на войне его необходимо преодолеть. Как и когда это происходит? У каждого – по-своему. Но к готовому на жертву – приходит. Автор не стыдится показывать это на своем примере.

Налет авиации противника. Бомбят одесский порт. Рядом – штаб базы. Пронзительно свистят и разрываются бомбы. Под ногами колышется земля. А Деревянко со своим начальником, командиром Одесской ВМБ, контр-адмиралом ЕВ. Жуковым оказался в это время на террасе перед дверями штаба. «Я, – пишет автор, – невольно потянулся к двери… Жуков тихо укоризненно бросил: Деревянко, ты куда? А я и сам не отдавал себе отчета, куда и зачем. Получалось так: я, не дослушав Жукова, бросил его под бомбами, а сам – в укрытие. Выходило, – я предал его? Пристыженный, быстро повернулся. Жуков стоял с непокрытой головой и улыбался. Даже если это бравада, то и она была прекрасна. Жуков был великолепен. Он нисколько не потерял самообладания.

– Это война, и худшее впереди, – сказал он.

Мне было стыдно за минутную слабость. Готов был назвать себя трусом, хотя для меня это – первое испытание.

– Запомни, бравировать не надо, но и не от каждой бомбы прятаться следует. И еще: не забывай, рядом могут оказаться подчиненные. Учись подавлять страх усилием воли, ведь поначалу все испытывают страх. Приказывай себе находиться там, где требует обстановка. Но когда нужно, не стесняйся падать на землю, укрываться, ибо потери на руку врагу, – наставлял Жуков».

Тогда же, говорит автор, он дал себе зарок: «…никогда под ударами врага не пригнусь на виду у людей, не побегу в укрытие впереди подчиненных. И за всю войну не нарушил этого зарока».

Здесь же, в Одессе, Деревянко свое ратное поприще проходит рядом с полководцем И.Е. Петровым. Более бесстрашного человека, отмечает автор, ему встречать не приходилось. Но когда он спросил у самого Ивана Ефимовича, не бывает ли у него когда-либо страха, тот ему ответил: «Если вам кто-то скажет, что ничего не боится, – знайте, что перед вами бахвал».

Исследуя все тот же феномен бесстрашия, К.И. Деревянко спустя три десятилетия после войны пишет письмо морскому

пехотинцу А.М. Хмелевскому, первому подбившему под Одессой вражеский танк простой бутылкой с зажигательной смесью. Когда более всего было ему страшно: когда увидел танк или потом? Хмелевский отвечает, что когда он переполз в воронку от снаряда, танк надвинулся на него, но не раздавил гусеницами и не повредил бутылку-зажигалку. «Меня, – пишет Хмелевский, – только завалило землей. Когда танк сошел с воронки, я, полуоглушенный и перепуганный и одновременно *обозленный на гитлеровцев*, выпростался из-под земли и метнул в танк бутылку. И он вспыхнул. Если бы вы видели, как он красиво запылал!.. Человеку всегда страшно в таких случаях. Но мне тогда просто *некогда было бояться, раз я задался целью уничтожить танк.* Пока он не загорелся, чувство страха было загнано далеко внутрь. А когда все кончилось… страх разгулялся, и пришлось выкурить две папиросы».

Основное – цель. И еще – некогда заниматься собой. То есть готовность к отрешению от себя. Здесь и возникает действие, поступок, подвиг.

Одесса, сражавшаяся по приказу Ставки в окружении противника, сутками вела бои. В войну втянулись все – от командующих до рядовых. В этом пылу огня – некогда бояться, о чем говорит и генерал Петров. Тогда-то и проявляется тот самый массовый героизм. Но были и отдельные люди, подвигам которых не перестает на протяжении повествования изумляться автор.

Вот телефонист батареи, которому Деревянко звонит и передает, что ввиду близкого подступа врага необходимо уничтожить на данном рубеже пушки. И вдруг телефонист пропадает со связи. Минут двадцать начальник штаба в недоумении стоит с телефонной трубкой в руке и даже дует в нее, пытаясь прочистить проход сигналу, не зная, что произошло. Телефонист появляется на связи и, запыхавшись, говорит: «Виноват. Отлучался врукопашную». «Люди добрые! – восклицает К.И. Деревянко, – вы только подумайте! Он только что из рукопашного боя. Вынужден был оторваться на него от телефонной трубки. И он еще извиняется: «Виноват…» До конца дней К.И. Деревянко терзался, что не спросил тогда его фамилию, а ведь это был поступок, за который надо было представить к награде.

Не менее отважен был и поступок сержанта Д.С. Оболадзе. Он вызвался прикрывать отходивший батальон не всем взводом, чтобы не потерять людей, а отрядом из семи человек. И остался с ним против многократно превосходящего противника, ничего не говоря своим подчиненным. Оборону держали полтора часа. «Вы представляете, что такое полтора часа в бою? – вопрошает

автор. – При этом старший несет ответственность за других людей, которые не знают, что их всего семеро, и лишь оглядываются, почему по сторонам не слышно выстрелов своих. Оболадзе их только подбадривал. А когда атаку отбили и можно было отползать, тут он поздравил всех с благополучным исходом».

Оборонная твердь Одессы, как скажет К.И. Деревянко, складывалась не сразу. Но, понятно, в сжатые сроки. Ее успешному развитию способствовало решение наркома Н.Е Кузнецова: создать особую зону – Одесский оборонительный район (ООР) – потом это начинание будет перенесено в Севастополь (СОР) и другие обороняющиеся базы. В Одесском районе командование было подобрано, как неоднократно утверждает автор на протяжении всей трилогии, чрезвычайно удачно. Это, в первую очередь, командующий ООР контр-адмирал ЕВ. Жуков, командир Одесской базы контр-адмирал И.Д. Кулишов, командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров (до него – генерал-лейтенант Г.П. Сафронов), член Военного совета Ф.Н. Воронин, начальник штаба ООР генерал-лейтенант Г.Д. Шишенин, заместитель начальника штаба ООР и начальник штаба Приморской армии полковник Н.И. Крылов (впоследствии маршал Советского Союза).

Такой костяк командования стимулировал работу военной мысли у всех участников обороны. В Одессе, напоминает автор, были применены многие военно-тактические новшества, которые потом переняли все обороняющиеся флотские базы.

Наша война, повторяет Деревянко, шла в основном на суше. И все рода и виды войск, все силы и средства их были призваны на помощь армии. Вот почему, отражая постоянно прибывающие свежие силы противника (под Одессой было – в течение трех месяцев обороны – сгруппировано около двадцати только румынских дивизий, а вначале были войска и 11-й немецкой армии, и 17-й полевой, и I танковая группа), флот, воевавший вместе с армией, на всю мощь задействовал береговую и зенитную артиллерию, а также повернул на врага корабельные орудийные стволы. Тут понадобился не только сильный состав штаба, этого мозгового центра любого соединения, но потом и мужество, чтобы доказать своим же начальникам, что корабельная артиллерия так же, как и береговая, должна до последнего снаряда быть задействована в борьбе с врагом. И не стрелять по площадям, а бить по целям.

В Одессе была разработана система обстрела врага корабельной артиллерией по сухопутным целям. Созданы четыре базовых корпоста. Обучены корабельные корпосты, которые

выходили на боевые позиции. Корабли, приходящие в Одессу, освоили и контрбатарейную борьбу с сухопутной артиллерией противника. Командиры боевых кораблей сразу же поняли этот замысел Одесской базы, с энтузиазмом палили по целям врага, героически вели себя не только на переходах из Севастополя в Одессу, но и во время сражений в гавани осажденного города.

Рассказывая об этих боях, автор не может пройти мимо таких имен, как В.Н. Ерошенко, ЕЛ. Годлевский, С.С. Ворков, П.М. Буряк, А.И. Бобровников, П.И. Шевченко, Г.П. Негода… С ними много связано героического на Черном море. И первым местом проявления их героизма стала Одесса. Когда потом шла оборона Севастополя, и об этом тоже много раз скажет автор трилогии во второй книге «В борьбе за Севастополь и Кавказ», все эти командиры и другие, имена которых появятся чуть позже, будут ходить в Севастополь на крейсерах и эсминцах, бить корабельной артиллерией врага на суше и проявлять чудеса храбрости, выполняя задачи, казалось бы, сверх человеческих возможностей.

Как не сказать о том, сколь героически были бойцы на малых охотниках (МО). Это катерники. К их необычайному бесстрашию К.И. Деревянко возвращается постоянно на страницах всех трех книг. Ведь они действуют на самых малых боевых кораблях – всего 55 тонн водоизмещением. И, как замечает автор, «в большой шторм и танкер идет, покачиваясь, а каково нашему малышу?» Катер постоянно выныривает из многотонной волны, люди стоят привязанными к орудиям тросами, едва размещаются в тесном кубрике, сушат одежду на маломощных электрогрелках, еду нормальную в походе приготовить невозможно. Только приходят из боевого задания, им еще и спасибо не успеют сказать, а уже сигналят о постановке новой задачи – отправляться в поход. Но списать людей оттуда было невозможно: начиналась обида – не доверяете. Многих из них автор отлично знал, особенно близко – Героев Советского Союза командиров дивизионов МО П.И. Державина и Г.И. Гнатенко. Катерникам К.И. Деревянко поет гимн. Они – в охране конвоев и участники многочисленных десантов. Катерников посылали тогда и туда, когда и куда уже некого было послать. И они возвращались с победой. Многие ушли в вечность в борьбе за нее.

Беспрецедентным, героическим был пробег катерников из района Геленджика в Скадовск весной 1944 года. О нем рассказывает автор в третьей книге «От Кавказа до Балкан». Этот пробег сделали еще более малые катера, торпедные. И прошли расстояние в 420 миль (770 километров) чуть более чем за сутки на предельной скорости до 45 узлов.

Не забыл автор и о подвиге капитанов судов и транспортов

пароходства и торгового флота. Закаленные мореходы, отличные капитаны дальнего плавания храбро воевали. Именно они перевозили огромное количество войск сначала с востока на запад, а потом – с запада на восток и на север Черного моря. На них переправляли раненых, эвакуировали женщин и детей – самый бесценный груз. Враг утопил несколько наших транспортов и судов, в том числе теплоходы «Армения», «Абхазия», «Чапаев», «Днепр». Их капитаны и командиры В.Я. Плаушевский, М.И. Белуха, А.И. Чирков, А.Н. Моргунов поступили по традиции, освященной веками, – погрузились в морскую пучину вместе с судном.

Со страниц первой и до последней книги – непременный участник боя, летчик. Автор покорен мастерством и мужеством наших воинов в небе. Поначалу они оснащены менее современными машинами, чем противник, у них меньше опыта, так как противник уже два года в боях над Европой. Но сколько смелости, отваги, дерзновения! Иных летчиков К.И. Деревянко узнавал по почерку ведения боя, например, Ю. Рыкачева, И. Пескова, Л. Шестакова. Портреты летчиков – коллективные и индивидуальные, – данные автором, запоминаются как неотъемлемая составляющая картины войны. Таковы облики генералов Н.А. Острякова, В.В. Ермаченкова, И.Е. Корзунова…

В связи с рассказом о геройских поступках командиров кораблей, летчиков, рядовых у К.И. Деревянко постоянно возникает тема размышлений о военном счастье. Сколько переходов совершили по непрерывно простреливаемому и подвергающемуся бомбежке Черному морю такие отважные кораблеводители, как А.И. Зубков, В.И. Ерошенко, Ф.С. Марков, М.З. Чинчарадзе! А ведь не только уцелели, но и экипажи свои сберегли, корабли сохранили. В связи с этим автор вновь и вновь вопрошает: так что же такое оно – это военное счастье? Да, говорит он, это и выучка, и большие знания, и умение воспитывать и направлять людей, и умение управлять кораблем. И много всего того, что требуется от командира (или от отдельного человека). Но, замечает К.И. Деревянко, есть еще одна неучтенная составляющая военного счастья, которая не поддается ни одному расчету и человеческому разумению. Тут он, по умолчанию, дает место высшим силам. И, хотя во всех книгах он ни разу не употребляет слово «Бог», лексика и стиль изложения явствуют: автор – человек глубоко православный. Так оно и было.

Когда Константин Илларионович хочет сказать о каких-то высоких качествах человека, он обычно говорит: «У него была масса добродетелей». Или: «Да, он грешил, но в какую сторону грешил! Пусть он давал волю своим страстям; но это все шло на

благо высшему – победы над врагом». Или: «Это был кристально чистый человек… Я его причислял “к лику святых”».

Или: «Ну, уж если я был причастен к какому-то делу, то считал, что без моего присутствия и вода не освятится». И так далее.

Сам К.И. Деревянко, человек очень пытливый и педантичный, обдумав какое-то решение, выступал иной раз с дерзкими, казалось, предложениями. Так, например, когда в начале октября 1941 года уже был отдан приказ Ставки об эвакуации войск из Одессы в сражающийся Крым, и командованием ООР был составлен план ее осуществления, людей, причастных к этой операции, беспокоила перспектива долгой (две недели!) перевозки людей и техники морем. Ведь это – заведомый риск, причем неоправданный. 6 октября начальник штаба базы К.И. Деревянко кратко сказал своему коллеге И.И. Крылову: «Посадить за одни сутки 40 тысяч воинов с техникой и вооружением на наши корабли и суда не проблема. Сделаем». Оба прошли к командарму И.Е. Петрову, который сразу оживился, услышав такое сообщение. Как человек высокоодаренный, пишет автор, командарм тут же принимал хорошие идеи, от кого бы они ни исходили. Он с воодушевлением воспринял информацию. Далее уже было дело армии – разработать и выполнить свою задачу: как скрытно оторваться сухопутным войскам от рубежей боев. И тогда операция будет успешной. Именно их план, разработанный двумя штабами, базы и Приморской армии, был принят, одобрен командованием ООР, флота, наркомом Кузнецовым, Ставкой и Генштабом. Эвакуация произошла15—17 сентября 1941 года. Собственно посадка войск на корабли и суда и их уход произведены с 15-го на 16 октября. Марш-бросок в Крым произведен без потерь.

Ночь отрыва войск от огня неприятеля и их посадки на корабли описаны в таком темпе, с хронометром в руках, что если ставить об этом фильм, то смотрелся бы он с не меньшим напряжением, чем «Семнадцать мгновений весны». Но в данном случае – все документально, по часам и минутам.

К.И. Деревянко был уверен, что командный состав ООР будет действовать и в Севастополе. Начальство распорядилось по-другому. Командование Севастопольским оборонительным районом (СОР) осуществлял сам комфлот Октябрьский и те, кто до штурма Севастополя был в Главной базе, – адмиралы Н.М. Кулаков, В.Г. Фадеев, генерал П.И. Моргунов, прибывшие генерал Петров и полковник Крылов, поначалу – и адмирал Жуков.

На протяжении последующего повествования К.И. Деревянко будет повторять, что он не раз говорил начальству: лучшего

подбора командования, чем было в Одессе, в осажденной с суши военно-морской базе не найти. И когда нарком Кузнецов еще во время войны, а потом после ее окончания вновь спросит Деревянко, как он относится к организации обороны в Одессе и Севастополе, Деревянко повторит тот же свой тезис. И Кузнецов в книге «На флотах боевая тревога» скажет об этом.

А сам автор неожиданно для себя оказывается назначенным начальником штаба в отдаленную на данный момент, но важную базу (станет Главной), – в Потийскую ВМБ. Туда перебазируются из Севастополя основные силы Черноморского флота. О малоизвестных для широкого читателя действиях Черноморского флота конца 1941-го и в 1942 году К.И. Деревянко рассказывает во второй книге: как обустраивалась база, не приспособленная для такого флота и большая по размерам – от Батуми на юге до рек Псоу и Хоби на севере, каких трудов стоило обновить причалы, расширить входы в устья рек, ввести плавучие доки для ремонта боевых кораблей… Обо всем – во второй книге «В борьбе за Севастополь и Кавказ».

Основной работой штаба во главе с К.И. Деревянко станет организация конвоев в Севастополь и встреча их экипажей. Несведущий читатель может узнать, что это такое – военно-морской конвой. Огненный бастион ходили защищать не только эсминцы, но и крейсеры и даже линкор, на котором был флаг Л.А. Владимирского, командующего эскадрой ЧФ, известного флотоводца, весьма почитаемого автором. Деревянко считал его одним из своих учителей.

Показывая своих героев, К.И. Деревянко постоянно останавливался (не раз писал об этом в послевоенное время в прессе) на двух фигурах: командире эсминца «Безупречный» Петре Максимовиче Буряке и его сыне Володе. Подвиг их, особенно отца, – беспримерен, говорит автор. Да, его в некотором смысле можно сравнить с подвигом генерала Раевского на поле Бородина, который, схватив за руки двух сыновей, бросился в атаку, чтобы подкрепить дрогнувшие ряды солдат. Но нет, говорит автор, нельзя сравнивать: то было в порыве боя, в пылу, горячке. Но этот продуманный поход со своим сыном, 15-летним юнгой, который мог бы не ходить в этот последний смертельный бой под Севастополем, но был взят отцом, чтобы матросы не подумали, что это конечная схватка, этот поход делает особую честь и отцу, и сыну. Героическая кончина практически всего экипажа эсминца и, конечно, командира и его сына – это одно из величайших подтверждений той жертвы, на которую сознательно шел советский воин во имя победы. Подобного подвига автор не знает.

Через двадцать лет после войны об этом Константину Илларионовичу напишет К. Симонов: «…История, рассказанная о “Безупречном” в Вашей статье, никак не выходит у меня из головы, и вот что я решил. Заинтересовать в этом Экспериментальную студию художественных фильмов, которой руководит Григорий Чухрай и где работаю я…»[6]

Во второй книге трилогии героизм и подвиг становятся как бы фоном для размышлений автора. Подвиг неизбежен в священной войне. Но необходим и творческий подход командиров, командующих всех рангов. Без мудрого военачальника не жди побед. В связи с этим автор затрагивает многие широкомасштабные темы, над которыми он уже тогда задумывается. Например, о причинах наших неудач в первые дни войны, потом – о быстрой сдаче Крыма, затем, когда враг уже будет на Кавказе и на горных его перевалах, он задаст вопрос: почему противник здесь? И ответит: вероятно, потому, что высшее командование вовремя не увидело или не предугадало основных целей врага, который рвался к источникам нашего горючего – к нефти в Баку и Грозном. Поэтому-то он и оказался на Кавказе и на Волге. Кроме того, скажет Деревянко, ведь Гитлер рвался и в Иран, как к источнику горючего, и в Индию – на океанские просторы. Так что здесь, на Кавказе, решалась судьба многих стран и народов. А потом прибавит: мы мало исследовали значение наших побед на Северном Кавказе и на Волжской флотилии, которые не дали пройти врагу к Каспию. Тогда мы начали понимать, что научились воевать в современных условиях.

И, думается, было правильно отмечено еще в середине 1980-х годов в рецензии военной секции Ленинградского отделения Союза писателей (основной рецензент О. Стрижак), где сказано, что во второй книге К.И. Деревянко заложено много тем для будущих исследований хода войны.

Важны и интересны обращения автора трилогии к историческим примерам – поступкам полководцев Суворова и Кутузова. Примечательно его вдохновенное слово о бывалом солдате и о значении его присутствия на передовой.

Ярко отражена автором драматическая ситуация флота во время вторжения противника на Кавказ и его перевалы. Ведь закрепись он на Кавказе, флот оставался бы на малой полосе кавказской земли между уже занятым Крымом и занимаемым Кавказом. А на юге – Турция, которая тут же вступила бы в состояние войны с СССР как союзник Германии. Эту глубоко переживаемую автором ситуацию усугубляет приказ, который получает лично Деревянко от прибывшего на флот заместителя наркома И.С. Исакова и комфлота Ф.С. Октябрьского, –

разработать варианты затопления нашего флота. «Никогда, – пишет автор, – я не брался за работу с таким отвращением и с таким тяжелым состоянием, как в тот момент, когда мне было поручено это ненавистное дело».

Штаб, а во главе его Деревянко, переходит на совершенно сухопутную ратную работу. Лично начальник штаба, по распоряжению командира базы М.Ф. Куманина, организует на перевалах и в горах флотскую связь с радиостанцией и поручает специалистам по связи точно сообщать разведданные. В это время меняется командование 46-й армии, воюющей на Кавказе. Появляется известный командарм генерал К.Н. Леселидзе и начальник его штаба генерал М.Г. Микеладзе. На севере Кавказа воюет бесстрашный генерал И.Е. Петров, о котором автор неоднократно повторяет во всех трех книгах: «Там, где воевал Петров, можно было иметь чуточку меньше людей и чуточку меньше времени».

Налаженная флотом связь и разведка, полученные с Кавказа сообщения, работа, проведенная совместно со штабом 46-й армии, наконец радуют начальника штаба Потийской базы. Наш воин выстоял, и командование не подвело.

Кстати, о разведке. Ей уделено достаточно много места и в первой, и во второй книге. Значение ее велико. И она должна быть на высоте. То, что наша большая разведка не произвела должного анализа действий немецких десантов в Норвегию (морского) и на Крит (воздушного), привело к тому, что результаты этих десантов были механически перенесены на нашу ситуацию. Это неоправданное преувеличение возможностей гитлеровской Германии и навязывание разведкой мифических морских и воздушных десантов в Крым сыграли роковую роль. Десантный страх, нагнетаемый и высшим руководством, говорит автор, подавлял волю командующих сухопутными армиями в Крыму, нацеливал их на другое: смотрели в небо и на море и не построили вовремя оборонные укрепления на Перекопском валу и Акмонайских позициях. Но и командармы не освобождаются от вины. По мнению К.И. Деревянко, командир любого ранга после получения данных разведки обязан все просчитать с карандашом в руке, сидя над картами и схемами. Несколько раз он возвращается к трезвому восприятию разведданных такого мудрого военачальника, как адмирал Жуков. Он научил своих подчиненных все проверять и не распылять силы при проверке этих данных. Об этом – в первой и второй книге.

Третья книга – «От Кавказа до Балкан» – начинается с экстренного вызова Деревянко 26 декабря 1943 года из Бердянска, где он командовал базой, в Темрюк, где в это время

размещалось командование Черноморским флотом и Азовской флотилией. Он назначен командиром соединения «Керченская Переправа». Он счастлив, что его опять задействуют на самом горячем фронте Черноморского флота. Что вновь причастен к важной миссии, которую должны выполнить моряки, – поддержать Отдельную Приморскую армию (ОПАРМ). Главное – опять рядом с Петровым, с этим бесстрашным генералом Вперед. Деревянко должен организовать пополнение его армии, закрепившейся на отвоеванном Крымском (Керчь-Еникальском) плацдарме, – войсками, вооружением, продовольствием.

События будней и боевых праздников Переправы с любовью к людям и с чувством преданности долгу излагаются в последней книге трилогии. Из Протокола, составленного после совещания двух Военсоветов – армии и флота, представителей Ставки и Генштаба (в связи с чем К.И. Деревянко и был вызван), автор узнает, а потом убеждается, что люди, служащие на Керченской Переправе, не имели ежедневной горячей пищи и непромокаемой одежды, работая на палубах и пристанях в шторм, снег и дождь. «Как же так! – восклицает автор. – Это же элементарно для армии и флота: накормить бойца горячим обедом и выдать непромокаемое обмундирование». Встречается с личным составом и тут же заключает: «Скромный наш народ. Не с претензий начал, заговорили о том, как улучшить перевозки…»

Устроен быт, налажена связь, увеличиваются перевозки, ведутся контрбатарейные атаки… А командир требует, требует…

Потому что и от него требуют. И люди выполняют сверхзадачи. «Да что там и говорить, – любит повторять автор, – люди трудились на пределе человеческих возможностей».

На страницах третьей книги особое место занимают и образы воинов-женщин, при виде которых на передовой у автора возникает особенно сложная гамма чувств. Ведь это не женское дело. Однако сам он пишет, что Великая Отечественная война пересмотрела многие привычные для нас нормы. И поэтому с особым чувством он говорит о юных часовых-регулировщицах, о девушках-зенитчицах, о летном девичьем полке под командованием Е.Н. Бершадской.

К.И. Деревянко анализирует две важные операции, проведенные флотом и армией именно здесь, на Керченской Переправе, 10 и 23 января 1944 года. Это десанты в Крым, предпринятые для расширения нашего плацдарма и ускорения продвижения армии в глубь полуострова. И хотя, говорит автор, много писалось об их успехе[7], но в основном это было проявление большого героизма самих участников десантов, а ход этих операций не был продуман до конца и осуществлялись они в

неподходящих условиях. Первый – во время большого шторма. Деревянко предупреждал командование флота и флотилии (на тот момент – Л.А. Владимирского и Г.Н. Холостякова) о грозящем исходе, но десант состоялся. Произошло то, что ожидал автор. Уцелевшие тендеры и мотоботы Переправы вернулись сильно поврежденными. Погибло много людей еще до высадки десанта… Второй десант закончился со столь драматической развязкой, что автор, узнав много лет спустя, что к расправе над истинным героем сражения в Керчи командиром батальона Н.В. Сударикoвым причастен представитель высшего военного командования, восклицает: «Я был потрясен такой жестокостью. Общие неудачи списывались на счет одного человека». Это дает повод автору сказать еще раз о пределах командирской и человеческой власти. Без ложной скромности он говорит о том, что никогда не прибегал к крайним мерам по отношению к подчиненным. Считал, что в любой ситуации нужно дать себе остыть, потом принять решение. И не крайнее. Более того, приводит даже пример. Два его сослуживца (называет по фамилиям) были приговорены, Деревянко сам напросился в свидетели защиты. Офицеры были оправданы. Оба стали генералами.

А что касается общей организации операций, в том числе упомянутых десантов, автор скажет: и цель была прекрасна, и план хорош, но не учтен фактор времени. По убеждению автора, точный выбор момента и определение направления действий свидетельствуют о высоком уровне мышления любого командира, его умении задействовать свои знания и о его способности творчески подходить к искусству борьбы. Нельзя торопить события и нельзя безнаказанно использовать героизм людей.

Много места в книгах К.И. Деревянко уделяется роли политработника, его умению работать с людьми. В этом для него пример – начальник Политуправления ВМФ генерал И.В. Рогов, дивизионный комиссар Черноморского флота член ВС Н.М. Кулаков, начальник политуправления ЧФ Бондаренко. Незаменимы были на кораблях и на передовой многие комиссары, которых называет автор. Но в то же время не обходит молчанием и тот факт, что иной идеолог в военной форме считал возможным для себя жестко решать судьбы людей. Такому «подходу» противостоят командиры типа адмиралов Жукова и Кулишова.

К.И. Деревянко в своей трилогии не только часто останавливает свое внимание на действиях командующего ЧФ Октябрьского и командарма Петрова, но и много говорит об их взаимоотношениях. Автора волнует мысль, что по некоторым

литературным источникам, а также в результате досужих разговоров у потомков может сложиться превратное представление об отношениях этих людей. Он пытается сказать свое объективное слово человека, хорошо знавшего одного и другого. Говорит о том, что недопустимо об исторических личностях и их поступках судить всуе. Кроме того, приводит примеры величайшего благородства обоих. Они умны, талантливы, борются за одно дело. Один поднимал людей силой своего слова, другой увлекал их за собой «горячим дыханием своей души». А то, что возникали конфликтные ситуации при решении важных вопросов, так это в порядке вещей.

Замечательная личность наркома Николая Герасимовича Кузнецова проходит через все повествование К.И. Деревянко. Этот одаренный, высокообразованный военачальник всегда в центре внимания автора. Говоря о крупных успехах флота или какой-то операции, он неизменно возвращается к мысли, высказанной еще в первой книге: «Никакие эпитеты в превосходной степени не будут преувеличением по отношению к этой выдающейся личности». Все лучшее на флоте связывает с именем Кузнецова.

Надо сказать, что К.И. Деревянко много раз обращался в официальные инстанции с тем, чтобы в Москве и во всех главных базах флотов воздвигнуть Герою Советского Союза адмиралу Кузнецову памятники в полный рост с надписью: «Упредившему врага».

Н.К. Деревянко

Семья автора, в лице его дочери Деревянко Н.К. и внучки Деревянко Е.В., выражает благодарность тем, кто в период подготовки переиздания и издания трудов К.И. Деревянко поддерживал их организационно, морально и материально: адмиралу флота РФ Комоедову В.П., вице-адмиралу Нуждину Ю.Ф., Котляру В.А., заместителю председателя Фонда поддержки Российского флота Антонову В.Н., депутату Московской Городской думы от Центрального административного округа Гончару Н.Н., председателю Совета ветеранов г. Москвы Долгих В.И., заместителю председателя Совета ветеранов г. Москвы Пашкову Г.И., Козловой Т.С., Печерской Л.М., президенту «Регионального благотворительного общественного фонда содействия увековечению памяти Адмирала флота Советского Союза Кузнецова Н.Г.» Кузнецову В.Н. и сотруднице фонда Костиковой Т.В., а также Беловой-Бром Ж.Н. и ее семье, Болдаревой Г.Н., Бохорову Ю.А., Булычеву Б.А., Валькову В.М. и его семье, Васину М.М., Васиной Г.Г., Воронову А.К. и его семье, Деревянко В.Л., Долженковой В.А., Кайтмазовой Б.В., Комаровой

Н.А., Кузьминой Е.В., Мальцевой Т.С., Медуниной В.А., Москалевой А.А., Офинскому В.Г., Попову Ю.Г., Романову А.А., Савицкой Ю.В., Степанову В.А., Сургановой Т.В., Фефилову А.А., Черткову И.К. и его семье, Чурбанову В.Б., Шигину В.В., Широкому Б.А., Шурыгину В.В.

Книга первая
Подвиг Одессы

Далекое и близкое

Море! Его столько же любят, сколько и боятся. Кто в юности, начитавшись Станюковича, не мечтал о море и флоте! Море я полюбил с детства, с той самой поры, когда отец, оставив железнодорожную службу, а дед Степан – сельское хозяйство на Кубани, стали рыбачить на Каспии. Там я тонул. Дедушка меня спас. Пережитый страх не разлучил меня с морем: поправившись, я быстро научился плавать, стал ходить с отцом на сельдь и осетра. А Каспий свиреп, и мне не раз приходилось вычерпывать воду из лодки.

Спустя некоторое время отец вернулся на железную дорогу. Жили мы в городе Петровск-Порт (теперь Махачкала). Там мне посчастливилось увидеть канонерские лодки «Каре» и «Ардаган». Для меня это были могучие корабли – на каждом шесть пушек. Я целыми днями пропадал в порту. Как зачарованный смотрел на грозные морские орудия, когда их вращали по учебной тревоге.

Море и корабли покорили меня. Остальное довершил Станюкович. Я бредил флотом, океанскими плаваниями, морскими сражениями. Меня влекла суровость морской службы и штормовых походов. Потом пришло осознанное желание защищать морские рубежи Родины.

В конце 1917 года отец в поисках спокойной жизни перевез семью в родное село Успенское, на Кубань, где у нас были хата и семь десятин земли, по числу едоков. В революцию казачья Кубань, наполовину заполненная иногородними, промышленными рабочими и крестьянами «мужицких» сел, не могла быть тихим местом. Здесь чувствовалось сильное классовое и сословное расслоение. Вопрос о власти и земле стал настолько острым, что разделил людей на два непримиримых лагеря. Съехавшиеся на юг генералы, буржуазия и помещики создали Добровольческую контрреволюционную армию, которую царский генерал Корнилов повел в апреле 1918 года на штурм Екатеринодара (ныне Краснодар), находившегося в руках Советов. Там Корнилов и был убит. Его сменил Деникин.

Российская контрреволюция развязала Гражданскую войну. И на Кубани началось такое, чего, пожалуй, не испытал ни один край России. Сегодня наше село в руках красных войск, а завтра – у белых. Мы, подростки, познакомились со всеми видами оружия, видели кровь и смерть. Видели, как белое казачье секло шашками пленных красноармейцев на глазах у детей. И на себе испытали казачьи нагайки.

Красноармейцы попросили нас свести лошадей на водопой на

Кубань. А на том берегу казачьи окопы. Мы думали, что у казака не поднимется рука на малолеток. Видать, они разглядели, что под нами не крестьянские, а строевые кони, и решили проучить мальчишек. Однажды только я тронул коня с водопоя – по мне выстрелы. Завизжали пули. Конь подо мною рухнул. А я словно в рубашке родился: чиркнуло по тому месту, где у мужчин усы растут, и сильно обожгло. Я был напуган, но от помощи красноармейцам не отказался и перешел на ночной водопой, хотя с той стороны постреливали и ночью. И мы, юнцы, гордились тем, что тоже причастны к великому делу борьбы за народное счастье.

А оно только в марте 1920 года пришло на нашу землю, когда разгромили деникинщину Отец продолжал служить на железной дороге, и мне, как старшему из детей, в одиннадцать лет пришлось вместе с матерью браться за крестьянские дела основательно, возделывать свои десятины земли совместно с дядей.

На Кубани сев яровых начинается в марте, а сев озимых и уборка кукурузы заканчиваются в октябре. Четыре месяца в году по этой причине я пропускал занятия в школе. Пошли двойки. И только стараниями директора школы, замечательного педагога, воспитанника Петербургского университета Николая Владимировича Очаповского, с помощью его дополнительных уроков, я не попал в число второгодников. Но зато, как говорят, вышел в люди – стал крестьянином, познал труд хлебороба.

Тяжело хозяйствовать бедняку, и мы, пожертвовав наделом земли, переехали в Армавир. Там я стал путевым рабочим на железной дороге. Труд тяжелый: с напарником сменить в день четырнадцать шпал, – это с рассвета до темноты. Но я был счастлив: ведь я – рабочий. А сколько было радости, когда принес матери первую получку!

Тогда же вступил в комсомол. Состоял в комсомольской организации Армавирского железнодорожного узла. С осени 1926 года начал заниматься на вечернем рабфаке и готовился в военно-морское училище.

На рабфаке я встретился с замечательной девушкой – Женей Дубовской. Мы с ней прошли большой жизненный путь длиною в 57 лет.

Центром нашей общественно-политической жизни был железнодорожный клуб. Его возглавлял коммунист А.П. Круглов. Мы во многом были обязаны ему своим политическим взрослением.

От партийной организации к нам, молодежи, были прикреплены два замечательных коммуниста из рабочих – М.Д. Кильдишова и Сердюков. Они многое сделали для моей

политической закалки. Тогда в партии было много старых большевиков с дореволюционным стажем, участников Гражданской войны. Общение с ними, конечно же, не прошло бесследно.

Наступил август 1927 года. Я усиленно готовился к экзаменам. И вдруг вызывают на заседание бюро комсомольской организации. Секретарь бюро Наум Марголин говорит:

– Костя, горком комсомола получил путевку для направления комсомольца на учебу в Ленинградское военно-морское училище. Зная твое желание, бюро предлагает тебя.

Учащенно забилось сердце: для меня это большая честь.

Секретарь партийной организации В.Д. Краснова одобрила мою кандидатуру. На бюро горкома комсомола меня подробно расспрашивали о серьезности моих намерений, проверяли политические знания, трудовую деятельность, – путевка должна быть в верных руках. А потом вручили путевку. Выслушали мои заверения в честном служении народу, но благодарность от меня не приняли – к делу не относится. Городской военком оформил командировку в училище.

И ныне часто вспоминаю то суровое и доброе время – скромную жизнь, друзей, трудившихся во имя высоких идеалов. Поэтому, видимо, и врезались в память имена комсомольцев, с которыми был рядом: Витя Ермущенко, Ира и Шура Морквины, Коля Доронин, Галя Кузнецова, Вася Щеглов, Тоня Рахилло, Вася Здоров, Маруся и Саша Бородины, Ваня Хлюпин, Шура Фурман, Вера и Вася Козловы, Миша и Яша Деменко, Дуся Фурцева, Ваня Кравцов, Петя Вишняков, Костя и Варя Костюнины, Саша Шакин, Ваня Гарбузов, Тоня и Коля Ермаковы, Миша Бурлаков, Саша Малюков, Криша Пархоменко, Вася Сафронов, Вера, Женя, Надя Дубовские, Ваня Малышенко. Писать о них – это писать новую книгу.

Добрые и бескорыстные друзья-комсомольцы провожали меня торжественно и скромно. И ни у кого не появилось мысли «вспрыснуть отвальную». Всем было радостно и без хмельного.

А вот и милый моему сердцу свисток паровоза. Прощайте, Армавир и железнодорожная служба, прощайте, Кубань и Кавказ – родина моя. Прощайте, друзья-комсомольцы, я оправдаю ваше доверие!

Ленинград. Кронштадт. Балтика

Я – курсант Ленинградского военно-морского училища имени М.В. Фрунзе. Наше училище – самое древнее военное учебное заведение страны. Оно основано Петром I. В нем учились ставшие впоследствии знаменитыми русские адмиралы, мореплаватели, открыватели новых земель. Это рождало чувство гордости и обязывало к прилежанию.

Такое училище и в таком городе! Ленинград… Город великого Ленина. Колыбель Октябрьской революции. Здесь нельзя учиться и служить как-нибудь.

Все, что я увидел в училище и в городе, потрясло мое существо. Непривычные для меня громады заводов: «Красный путиловец», Балтийский, Адмиралтейский, Обуховский, Металлический. Бесчисленное количество других предприятий. Это их рабочие всего десять лет назад штурмовали Зимний.

И в училище все дышало Октябрем, все напоминало о Ленине. Огромный зал без колонн на пять тысяч мест – пожалуй, самый большой в городе. Зал Революции. На стене памятная доска: «В этом здании 8 мая 1917 года на общегородском собрании Петроградской партийной организации выступил Владимир Ильич Ленин с докладом об итогах Апрельской конференции РСДРП (б)». А через шесть дней Ленин выступал здесь же с публичной лекцией «Война и революция». Вождь вел партию к социалистической революции.

Часто и подолгу стоял я у этой доски и мысленно представлял, что здесь происходило десять лет назад. Вот там стоял Ленин, а здесь сидели, стояли рабочие, матросы, солдаты – пять с половиной тысяч человек. Они слушали вождя, готовились к революционным боям. Присутствовавшие здесь люди и сейчас живут в городе. Они приходили к нам и рассказывали о тех счастливых минутах общения с Ильичем.

Актовый зал Смольного. Здесь провозглашена Советская власть. Здесь декретами, подписанными Лениным, были узаконены завоевания рабочих и крестьян России. Отсюда невозможно уйти вдруг. Здесь надо побыть, постоять, походить, прочитать все памятные доски. И осмыслить. Осмыслить величие свершенного российским пролетариатом, солдатами и матросами во главе с Лениным в те десять дней, которые потрясли мир.

Что говорить, я считаю себя безмерно счастливым, что жил и учился в таком городе. И пусть это звучит как мое признание в самой возвышенной и преданной любви к городу Ленина и его людям. На мой и моих однокашников характеры, на нашу

жизненную позицию – идейные помыслы, устремления – оказала благотворное влияние атмосфера революционной романтики, которой овеян город на Неве.

Учеба в училище проходила крайне напряженно. Восемь уроков плюс три часа вечерних самостоятельных занятий. Побудка – в 7, отход ко сну в 23 часа. Мне нравились четкий воинский порядок, строгость и устремленность во всем.

Только мы погрузились в высокие материи математических наук, блестяще преподаваемых Р.А. Холодецким и М.Ф. Ляскоронским, как нам объявили, что наша 3-я рота «А» едет в Москву на парад в честь десятилетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Теперь у нас целыми днями строевые занятия. Наш командир роты, главный воспитатель, А.В. Дмитриев – человек большой культуры, знаток строевого дела. Своей выправкой он олицетворял образцового строевика. Поэтому на парад и была избрана наша рота, сами же мы еще не заслужили этого.

Через три недели мы в Москве. 7 ноября. Идем на Красную площадь. Остановка. Стою и думаю: сколько событий в моей жизни за три месяца! Далекая Кубань, Ленинград, училище, Москва, Красная площадь. Накануне парада мы были в Мавзолее, у Ленина.

Через несколько минут мы будем печатать шаг. Пройдем мимо трибуны, на которой руководители нашей партии, члены советского правительства.

А вечером нас повели в Большой театр. Я впервые в опере. Представляете, что это значит для парня из провинции в 20-х годах!

Полные впечатлений, мы возвращались в Ленинград. И с новыми силами – за учебу.

Во главе нашего училища стоял опытный и образованный моряк, бывший командир линейного корабля «Марат», Юрий Федорович Ралль. Все мы любили его за уважительное отношение к людям. С признательностью вспоминаю первых наших политических наставников – комиссаров училища: Я.В. Волкова (позже он стал членом Военного совета флота) и Я.В. Настусевича, секретарей партбюро А.П. Никифорова и И.В. Григорьева и комсомольского вожака Б.М. Балева (позже стал начальником Политуправления флота). Под руководством политработников мы прошли солидный курс общественных наук и пришли на флоты идейно закаленными и политически грамотными.

В училище был подобран сильный преподавательский состав. Сильное впечатление производил преподаватель морской

практики Никита Дементьевич Харин. Колоритная фигура. На его уроках не мечтай о постороннем – тотчас заметит и тут же: «Деревянко, а повторите-ка, братец, о чем я только что говорил». У Харина два лаборанта – А.П. Воробьев и Г. С. Грицук. Все трое – из матросов дореволюционного флота, много плавали, бывали в дальних походах. Стоило закончиться лекции или работам раньше, как они тут же начинали рассказывать об океанских походах в экзотические края. Слушать их – что Станюковича читать. Своими рассказами они прививали нам любовь к морю, уважение к старшему поколению моряков.

Не забудутся имена преподавателей: артиллерии – Ляпидевского, Винтера, Шейна, химии – Белецкого, английского языка – Ефремова. Астрономию нам читал Михаил Михайлович Беспятов. Милый наш старикан, он упорно обращался к нам по-старому: «Господа». Я даже поначалу не разобрал, что он говорит. А потом ужаснулся. Но вскоре все смирились. А начальство – уже давно. Только за неделю до смерти он пришел к нам на последний урок и впервые обратился по-другому: «Товарищи». Курс авиации читал И.Н. Дмитриев, а курс девиации – С.И. Фролов. Просмоленным от курева пальцем он стучал по доске и простуженным голосом вызывал: «Деревенько, к доске, объясните эту формулу». Я не поправлял учителя за искажение моей фамилии, – у нас не принято было делать замечания старшим, мы слишком почитали их.

Тактику флота преподавал П.Д. Быков. Это ведущая дисциплина, и в дополнение к лекциям я стал посещать библиотеку Военно-морской академии. Старомодные дамы-библиотекари воззрились на диковинного читателя, и пришлось упрашивать начальство. Я погрузился в золотой фонд морской науки. Зачитывался трудами адмирала и ученого С.О. Макарова.

Увлекательный и важный предмет – историю военно-морского искусства и военно-морскую историю – вел А.А. Ждан-Пушкин, человек интересный, с независимыми суждениями. Бывший командир подлодки, он был очень начитанным. Как лектор бесподобен. А еще – замечательный рассказчик. Закончив официальную часть урока, он начинал рассказывать разные морские истории, насыщенные романтикой океанских сражений и походов. Его лекций я ждал с нетерпением. А после бежал в «академичку».

Были в училище преподаватели – участники Цусимского боя Саткевич и Сакеллари. Учебный отдел возглавлял И.А. Холодняк, а строевой – Н.Б. Павлович.

С первого дня и до выпуска нас воспитывал и начальник курса Николай Александрович Луковников. Заботливый и

строгий человек, он оставил глубокий след в каждом из нас.

Особое место в нашем воспитании занимал новый начальник училища, он же и комиссар, Алексей Николаевич Татаринов. Член партии большевиков с 1917 года, матрос Балтийского флота, участник Октябрьской революции и Гражданской войны, он во всем был образцом для нас. Невысокий, крепкого телосложения, всегда в идеально пригнанном и отглаженном обмундировании. В движениях легок и честь отдавал артистически. Он настойчиво вырабатывал у курсантов собранность и дисциплинированность. Внезапно появлялся в классах и коридорах. Вот он идет – и будь начеку. Не успеешь – он первым отдаст тебе честь. Но ты уже не рад, что удостоен такой высокой чести. Предстояло объяснение, от которого горели уши и пылало лицо.

Особенно сурово он обходился с недисциплинированными, какими бы авторитетами они ни прикрывались. Татаринов их исключал. И хотя нажил недоброжелателей, но остался непреклонен. Его поддерживало высшее командование, так как он сделал училище образцовым.

Конечно, иные дулись на него за строгость, но кто уважал дисциплину – никогда. Старая истина: не приучишь себя повиноваться – не получишь морального права командовать людьми.

На всю мою последующую жизнь наложили отпечаток взыскательность и большевистская принципиальность Алексея Николаевича Татаринова, высокая требовательность Николая Александровича Луковникова. Я старался им во многом подражать. И если бы случилось чудо – начинать все сначала, я не отступился бы от их методов руководства, приносивших успех делу.

Заканчивался первый год обучения. Скоро практическое плавание. Вот только холодновато и промозгло. Морозы до

30 градусов, и южанину непривычно. И все-таки мы форсим – надеть шапку при 20 градусах мороза считалось не по-мужски. 20 градусов мороз и «ленты вьются позади» – это был флотский шик. Сказывалась полученная закалка. Позже, в Баренцевом море, хотя и в меховом реглане, но при шелковом белом кашне на мостике, в пургу. И ничего, не болели. Для походов и боев требуется длительная закалка на берегу в легкой одежде. И у нас в училище поощряли увольнение в холодную погоду в бескозырке. Не выпускали в город без шапки только при морозе ниже 20 градусов.

Ныне кое-где стали излишне нежить матроса вопреки его желанию и здравому смыслу. В октябре по гарнизонам объявляют переход на зимнюю форму одежды. Этот порядок механически

переносится на флот, и забывается старое доброе правило ежедневного объявления формы одежды по погоде. Ведь солдат и матрос живут и действуют в резко различных климатических и погодных условиях. В море, да еще на ходу, на ветру, всегда холоднее. И чтобы противостоять охлаждению, надо в базе и на берегу не кутаться, а закаляться.

1928 год. Первая летняя практика. На катерах идем к острову Котлин, в Кронштадт.

Это город-легенда. Гордость морской и революционной России. Город-крепость, прикрывавший Ленинград с моря, а в Великую Отечественную войну – и с суши. Кронштадт – форпост революции.

Я здесь впервые. Для меня тут все священно: и булыжные улицы, и Петровский парк, и Якорная площадь у собора, где кипели на митингах революционные страсти в семнадцатом году. Наши политработники познакомили нас с недавней историей славного города.

Было приятно узнать, что в самые тяжелые дни семнадцатого года ЦК партии большевиков всегда полагался на боевой отряд кронштадтцев в десять тысяч человек. Они охраняли ЦК партии и Смольный. Балтийские матросы вместе с рабочими штурмовали Зимний. Повели Керенский и Краснов наступление на советский Петроград – и балтийцы против них в первых рядах атакующих. У кронштадтцев богатые революционные и боевые традиции. С курсантских лет я запомнил имена многих балтийских матросов, кронштадтских большевиков, сыгравших активную роль в Октябре: П.Е. Дыбенко (впоследствии один из наркомов, а затем командующий войсками округа), Ф.Ф. Раскольников (был командующим Волжско-Каспийской флотилией, позже – на другой важной работе), П.Д. Мальков (первый комендант Смольного и Московского Кремля), П.Д. Хохряков (стал одним из руководителей уральских большевиков), Н.Г. Маркин (возглавлял Волжскую флотилию), Н.Ф. Измайлов (один из председателей Центробалта), М.И. Мартынов, И.Д. Сладков, В.Д. Трефолев (их именами были названы корабли), А.М. Любович (председатель исполкома Кронштадтского Совета), Ф.С. Аверичкин (стал командующим Каспийской флотилией), П.И. Смирнов-Светловский (в конце 30-х годов был командующим Черноморским флотом, затем первым заместителем наркома Военно-Морского Флота), И.И. Вахрамеев (председатель Центрофлота), Н.А. Ховрин, И.П. Флеровский, Т.И. Ульянцев, С.Г. Рошаль, И.Н. Колбин, К.С. Еремеев, ставшие видными советскими работниками. Их имена и дела записаны славной страницей в истории Октябрьской революции.

…Подходим к Большому Кронштадтскому рейду. На якоре стоит крейсер «Аврора». Нам предстоит на нем плавать. И сразу вспоминаются подробности биографии этого легендарного корабля, возвестившего миру о начале новой эры в жизни человечества. В 21 час 45 минут 25 октября (7 ноября) 1917 года по приказу комиссара крейсера «Аврора» Александра Викторовича Белышева комендор бакового шестидюймового орудия Евдоким Павлович Огнев произвел исторический выстрел.

Матрос Евдоким Огнев – храбрый боец партии большевиков. Когда буржуазия, генералы и офицеры после поражения в Центре сосредоточились на юге Дона и на Кубани и сформировали белую Добровольческую армию для разгрома Советов, ЦК партии направил туда свои проверенные кадры для организации борьбы с контрреволюцией. В их числе был и Евдоким Огнев.

В марте 1918 года он уже вел бой во главе красного отряда. И в очередном бою с белогвардейцами 20 апреля он геройски погиб у хутора Казачий Хомутец под Ростовом-на– Дону.

С замиранием сердца поднимаюсь по трапу и ступаю на палубу «Авроры». И прикасаюсь к самой истории. Все мы были преисполнены гордости, что удостоены высокой чести служить, учиться, плавать на «Авроре» целое лето.

Нас встретил вахтенный начальник В.А. Фокин, только что окончивший училище (в будущем адмирал, командующий Тихоокеанским флотом, затем – первый заместитель Главкома ВМФ).

Так как на крейсере штат команды сокращенный, все основные и тяжелые работы и обязанности легли на курсантов. Надо было содержать корабль в образцовой чистоте и продолжать учиться. Предстояло вычертить схему корабля от киля до клотика. Значит, его надо самому облазить. Научиться грести и ходить под парусами на всех образцах шлюпок. А главное – послужить рядовым, познать матросскую службу, пройти первую ступень военного моряка.

В расписании по приборкам за мной ванная и гальюн (туалет) флагмана, а потом на полубаке – драить с песком палубу. По боевой тревоге я заряжающий-снарядный 130-миллиметровой пушки. В корабельных нарядах – дневальный по кубрику, рассыльный у вахтенного начальника, рабочий камбуза (кухни) при корабельных коках. В походе – сигнальщик, помощник машиниста и кочегар. Не просто заваливать топку котла углем. Его надо бросать с ударом лопатой о поддон топки, чтобы уголь, как у сеятеля зерно, разлетался по всей топке и сразу охватывался пламенем – непрерывный огонь, без затухания.

Чтобы «пар был на марке». Тут могли выдержать только

молодые, сильные и опытные.

В июле нам объявили: идем в заграничный поход – в Норвегию и Данию. И это на первом году учебы.

Наше плавание проходило, когда в мире бушевали страсти вокруг злосчастной экспедиции итальянского генерала Нобиле на Северный полюс на дирижабле. Что там итальянцы забыли – даже Аллах не ведает. Это национальное предприятие носило отпечаток рекламного характера, присущего буржуазному государству. Сбросить над полюсом фашистский флаг и крест папы римского – от этого открытий в науке не прибавится. Дирижабль потерпел катастрофу. Часть экипажа погибла, другая – обосновалась на льдине. И вдруг сообщение: генерала Нобиле вывез со льдины самолетом шведский летчик Лундборг. Выходит, Нобиле покинул бедствующий экипаж, и легкое ранение не могло послужить оправданием. По нашим понятиям, это означало, что капитан первым покинул гибнувшее судно. Экипаж с льдины вскоре был снят нашим ледоколом «Красин». Вся мировая печать восторженно писала о благородстве русских.

И какое совпадение: легендарная «Аврора» идет в страну, куда вышел от Шпицбергена и «Красин», успевший еще спасти и немецкий пароход.

«Аврора» бросила якорь на рейде Осло. Отгремели салюты, и на борт поднимается посол Советского Союза в Норвегии – знаменитая Александра Михайловна Коллонтай, пламенная революционерка ленинской школы. Ее жизнь – борьба, отданная делу революции без остатка. Первому в мире послу-женщине отдает рапорт военмор Ю.Ф. Ралль. Она здоровается с нами, обходит строй. Затем беседует, собрав нас вокруг себя. Узнав, что наш Костя Половцев хорошо поет, А.М. Коллонтай просит его спеть русскую песню, по которой она соскучилась. И Костенька вдохновенно и красиво спел «Вот мчится тройка почтовая». После выступления на митинге ее пригласили в пекарню и преподнесли пышный белый каравай, а она показала на черный душистый «кирпич». Взяла его и проследовала на катер.

Осло – красивый, чистенький и уютный город, а норвежцы – приветливый народ. Для ознакомления с городом нам разрешали увольнение на берег. Расскажу об одном интересном и комичном случае.

Норвежские профсоюзные работники пригласили наших моряков в гости в свой клуб и щедро угостили музыкантов. Один из них отстал от оркестра. В это время я возвращался на корабль. Вся площадь запружена народом, трамваи остановились. В толпе стоял наш разъединственный матрос-музыкант и играл на кларнете. И до того красиво он исполнял русскую музыку, что

сверхдисциплинированные норвежцы превзошли самих себя: запретили ходить трамваям, чтобы не шумели. Полисмен усмотрел непорядок и приблизился к музыканту. Но наш умелец оказался находчивым. Он заиграл норвежский гимн, чем поставил полисмена по стойке «смирно». Когда я протиснулся ближе, то увидел картину, от которой душил смех. Перед нашим играющим музыкантом стоял вытянувшись и вскинув руку под козырек страж порядка. Закончив играть, музыкант вместе с нами заторопился к катеру.

В Копенгагене набережная была забита народом. Доносилась мелодия «Интернационала». Мы уволились на берег.

Копенгаген – красивый город. Его называют Северным Парижем. Но ему далеко до величия Ленинграда. На наш корабль потоком устремились экскурсанты. Окончив осмотр корабля, датчане становились в очередь к пекарне. Получив кусочек душистого черного хлеба, они бережно заворачивали его и уходили. Нет, в Дании не голод, это сытая страна. Просто такого вкусного хлеба они не выпекают.

В 1930 году мы снова в загранплаваний и снова на «Авроре». Наш маршрут: Кронштадт – Архангельск – Мурманск – Норвегия – Кронштадт. Никогда бы не поверил, что в Архангельске в конце августа может быть жара до 28 градусов. Мы купались в Северной Двине. Но вот вышли в море и надели спецовки. Холодно. Прошли Нордкап. Засветило сентябрьское солнце, и Северная Атлантика засверкала невиданной красотой. На что уж красива светло-голубая вода Атлантики у Португалии и в западном Средиземноморье, где мне довелось позже плавать, но то, что мы увидели, трудно передать словами. Пожалуй, бирюза в молоке – светло-бирюзовый цвет. Мы любовались морем, как любуются буйным хлебным полем и березовой рощей. Красивее воды, чем в северной половине Норвежского моря, я не видел.

Зашли в норвежский порт Кристиансанн. Там стояли французские миноносцы. На берегу встретились французские и советские матросы, но наши в кабачки не хаживали, как это было в дореволюционное время, а потому и не состоялся обмен формой одежды в знак вечной дружбы, и командирам не было заботы о взаимной развозке обмундирования. Не те времена, не те нравы.

В том году у нас это была последняя практика, в основном штурманская. С нами находился преподаватель Н.М. Аранов – один из лучших штурманов флота.

В ту пору шло строительство нового советского флота. Требовались кадры. Поэтому наш последний курс торопились выпустить. Темп учебы был взвинчен до предела. Мы сидели за книгами и в учебных кабинетах до позднего вечера – часов по

тринадцать в день.

23 февраля 1931 года. Грустное расставание с нашей альма-матер. Но впереди интересная морская служба.

Торжественное построение. Мы – красные командиры. Алексей Николаевич Татаринов выступает с трогательной напутственной речью. Мы еще много раз вспомним добрым словом своего строгого наставника, желавшего нам добра тем, что неотступно требовал от нас высокой дисциплины и организованности.

Около нас суетится Николай Александрович Луковников. Постоянно мы чувствовали его направляющую руку. А сейчас он вроде растерялся, не знает, где стать, куда подойти, – волнуется чрезвычайно. Он расстается с теми, с кем четыре года непрерывно был рядом.

Татаринов и Луковников от большой любви и доброты к людям были суровы и строги с нами. Этим они развивали у нас командирские качества. Они постоянно внушали нам, что в условиях боя, войны командиру необходимы железная воля, властность, неотступное стремление к выполнению поставленной боевой задачи. Они говорили нам, что только тот, кому безразлично будущее его питомцев, снисходителен к их ошибкам. Большой вред от такого воспитателя. Злая его доброта бедой оборачивается. Мы разделяли их точку зрения на воспитание и в душе поддерживали ее.

Прощальный ужин. Выпускной вечер в Доме Красной Армии. Блистательно танцует юная Галина Уланова.

Прощай, училище! До свидания, Ленинград! Спасибо вам за все!

Минули годы. Все мои однокашники прошли большой служебный путь. По-разному сложились судьбы выпускников. Одни не увидели Дня Победы. Другие ушли из жизни позже. А живые в меру своих сил ныне продолжают трудиться на государственной службе или занимаются воспитанием подрастающего поколения.

Добрую память о себе оставили мои однокашники Борис Шалашенко, Сергей Киселев, Леонид Бекренев, Борис Першин, Павел Сильченко, Арсений Познахирко, Сергей Глуховцев, Николай Египко, Михаил Щербаков, Наум Теумин, Даниил Нагорный, Михаил и Георгий Ивановы, Евгений Артемьев, Иосиф Чверткин, Вячеслав Карпунин, Евгений Симонов, Леонид Скородумов, Бонн Гуревич, Константин Самойлов, Иосиф Прохоров, Борис Иванов, Георгий Горбачев, Дмитрий Лотков, Константин Москалев, Иван Байков, Андрей Чабаненко, Валентин Чекуров, Владимир Касатонов.

На Черном море

Я назначен на Черное море. Приказом командующего Черноморским флотом В.М. Орлова определен на сторожевой корабль «Шторм» командиром минно-артиллерийской боевой части. Это один из первых новых надводных кораблей, осваиваемых советской промышленностью. Корабль еще строился, и мне посчастливилось близко познакомиться с огромным кораблестроительным заводом и его людьми.

Через год «Шторм» в составе флота. Мои подчиненные главстаршины торпедист Осталенко и артиллерист Устинов старше меня на восемь лет. Они знатоки своего дела. Ими надо уметь управлять. И вот тут меня поджидала первая служебная неприятность – я передоверился человеку, потому что он старше меня.

Стояли на Евпаторийском рейде, готовились к ночным артиллерийским стрельбам. Я тренировал артэлектриков на приборах, а Устинов – заряжающих на станке заряжания. К часу ночи закончили. Мне бы пойти на ют и проверить, как закреплен станок. А я из боевой рубки – в каюту, ведь в шесть утра снова тренировки. Подумал: Устинов еще меня поучит, как все сделать.

Лето, штиль. Корабль не шелохнется. И вдруг… Просыпаюсь от грохота и звона посуды в буфете. Корабль раскачивается с борта на борт – разыгралась непогода. И сразу мысль: а как там в моем хозяйстве? Выскакиваю на палубу и издали вижу страшную картину. Богатырь Устинов, в исподнем, одной рукой обхватил стойку кормового мостика, а другой – стойку станка заряжания, который устремился к накренившемуся борту. А в станке более полутонны веса. Значит, он не был закреплен Устиновым. Какая оплошность!

В следующий миг корабль начал стремительно крениться на другой борт, и станок с грохотом полетел туда же, круша все на своем пути. Устинов едва отпрянул. Подбежавшие на помощь отскочили. Только один смельчак, комендор великан Гаврилюк, рискуя жизнью, ухватился за станок. Я схватил деревянную подпорку из аварийного леса и подложил под станок. А Устинов вновь обхватил станок, Гаврилюк помог. Подскочили другие, и махину водворили на место.

Катаясь по палубе, станок сорвал крышки люков, повредил кормовое орудие, разбил кранец (ящик) с боевыми снарядами для первых выстрелов, что уже было на волосок от взрыва. Ужасающее происшествие на первом году моей командирской службы. Мертвая вещь превратилась в чудовище, которое

крушило все, что выступало над палубой.

Видно, драма разыгралась давно. Устинов первым услышал грохот и, почуяв свою вину, никого не позвал, хотел управиться сам. К нему поспешил Гаврилюк. Это было актом отчаяния – они оба могли погибнуть. Теперь они изранены и в крови. Фельдшер С.М. Нечепа хлопочет около них.

Мы пережили опасные минуты. Расследование показало: виноват главстаршина. Гаврилюк, человек весьма дисциплинированный и знавший, что всякий предмет на корабле в море по использовании подлежит закреплению по-походному, начал крепить станок. А Устинов отменил – погода тихая, скоро снова тренировки.

Вот вам пример злой доброты. Забота об одном человеке за счет безопасности и благополучия корабля и всего экипажа. Ведь если бы рванули снаряды в кранце, то взорвался бы артпогреб, находившийся под ними. Вот к чему могло привести нарушение корабельных законов.

Прибежал командир корабля П.И. Челышев, человек, в общем-то, не придирчивый. Глянул на разрушения – в лице изменился. Сильно разгневался. Пригласил меня в каюту и наказал. И поделом. Объяснил:

– Конечно, виновен Устинов и вы его накажете, но у вас нет контроля за исполнением, и пусть это будет вам уроком.

Я не стал накладывать взыскание на Устинова. Решил проучить его по-своему. Пригласил его и вручил книгу Виктора Гюго «Девяносто третий год»:

– Прочитайте главу «Корвет “Клеймор”», там похожая на нашу драма.

В штормовом походе на нижней палубе корвета сорвалась плохо закрепленная колесная пушка и, раскатываясь, крушила людей, пушки и деревянные борта корабля. Через пробоины внутрь начала поступать вода. Кораблю грозила гибель. Прибежал канонир, хозяин пушки, и вступил в борьбу с «погромщиком». В темноте он ухватился за пушку, остановил и закрепил ее. Находившийся на корвете генерал, глава мятежников, наградил канонира за отважный поступок, а потом приказал расстрелять его за небрежность, опасную для корабля.

В. Гюго вложил в уста генерала свои слова: «Быть в открытом море – значит быть лицом к лицу с врагом. Море – это засада. Смертной казни заслуживает тот, кто допустил оплошность перед лицом врага». Писатель хорошо знал море. Он правильно описал грозную морскую стихию.

Всю ночь Устинов читал книгу, а наутро пришел ко мне потрясенным:

– Лучше бы вы подвергли меня аресту, чем такой книгой казнить.

– Наказывать вас – это вроде срывать зло. А книга Гюго вас воспитала на всю жизнь. Жду от вас образцовой работы.

Мой психологический прием сработал. Устинова словно подменили – дела в артиллерии пошли хорошо. За две кампании мы провели шесть артстрельб с высокой оценкой. Осенью 1933 года я убыл на Высшие артиллерийские классы.

И вот вновь в Ленинграде. Город похорошел, стал еще опрятнее и красивее.

Шел первый год второй пятилетки. Модернизировались знаменитые ленинградские заводы-гиганты, строились новые. Возводился фундамент социалистической экономики.

Ленинградскую партийную организацию возглавлял Сергей Миронович Киров. Мне посчастливилось присутствовать на собрании и слушать Кирова. Он говорил о пафосе созидательного труда ленинградцев и всего советского народа, строящего социализм. Говорил вдохновенно и убежденно. Я был взволнован его выступлением. И не мог представить, что вижу его в последний раз. Через год Кирова не стало.

На артиллерийских классах сплошная высшая математика – теория стрельбы, баллистика. Изучали также взрывчатые вещества, технологию производства орудий. Нас учили профессора Военно-морской академии, выдающиеся теоретики, авторы многочисленных трудов, В.А. Унковский, С.А. Венкстерн, Л.Г. Гончаров. Практику мы прошли на артиллерийском полигоне и морском артиллерийском заводе, а стрельбы – на черноморских крейсерах.

И я вновь на Черном море – артиллеристом эсминца «Дзержинский», которым командовал капитан 3-го ранга Н.М. Харламов (в будущем командующий флотом). Высокой партийности человек. Мудрый наставник. Не терпел обращения к матросу «на ты».

– Обращение «на ты» к подчиненному, – объяснял он, – есть выражение хамства и барства и разлагает революционную дисциплину. Сегодня вы к матросу «на ты» и приятельски хлопаете его по плечу, а завтра в тяжелой ситуации он не выполнит ваш боевой приказ. У нас есть великий пример для подражания – Владимир Ильич Ленин. Из уважения к личности и в целях поддержания правильных служебных взаимоотношений, для укрепления дисциплины, он обращался ко всем только «на вы».

Мое становление как артиллериста проходило под руководством флаг-артиллериста соединения эсминцев

Владимира Сороко и под благотворным влиянием флагарта флота А. А. Рулля. В целях расширения наших познаний они както повезли нас, корабельных артиллеристов, на стрельбу 8-дюймовой береговой батареи № 10, которую возглавлял образцовый командир капитан А.И. Денненбург. И мы убедились, что нам, корабельным, есть чему поучиться у береговиков.

Значительным событием в жизни Черноморского флота тех лет явилось движение, развернувшееся под девизом «Борьба за первый залп», означавшее, что ты должен упредить противника в открытии артогня. Возглавили его командующий флотом И.К. Кожанов и флаг-артиллерист флота Рулль.

Под этим девизом мы и начали летнюю кампанию 1935 года, в течение которой провели четыре артстрельбы с высокими показателями. Одну из них – боевыми снарядами по берегу. Поправки выдавал береговой корректировочный пост. Этот опыт потом пригодился в обороне Одессы, когда мне пришлось организовывать артподдержку наших войск огнем кораблей.

Моя артиллерийская карьера внезапно оборвалась: получил назначение помощником командира эсминца «Петровский». Командиром его был капитан 3-го ранга Л. А. Владимирский (впоследствии командующий флотом), неустрашимый мореплаватель, безупречно управлявший кораблем. Во главе боевых частей корабля находились молодые лейтенанты – Николай Боярский, Василий Коровкин, Георгий Годлевский, Петр Шевченко. С ними предстояла большая работа. И только механики И. Х. Факиров и А.П. Харчевни были опытными специалистами.

Моим ближайшим помощником по морской части был Федор Щечка, отменнейший боцман и храбрый моряк. Всем хорош, одна маленькая человеческая слабость за ним водилась – неумеренное честолюбие. Жил он на Северной стороне. Чтобы не терять времени, я давал ему командирский катер.

Однажды заходят ко мне два лейтенанта с эсминцев, только что прибывшие из училища, и возбужденно докладывают: «Возвращаемся с Северной стороны. Видим, стоит катер. Присели на пристани в ожидании хозяина. Подходит капитан второго ранга (четыре средние нашивки). Подскочили, отдали честь, а он, не останавливаясь, небрежно дал отмашку и бросил, не глядя на нас: “Вольно, братцы. Садитесь, сам таким был”. Мы – за ним: “Разрешите на вашем катере в Южную бухту?” – “Пожалуйста”. Каково же было наше удивление, когда старшина катера обратился к нему: “Товарищ боцман”. Мы присмотрелись к его нашивкам, а они, пожалуй, нечто среднее между узкими боцманскими и средними. И решили вам доложить о том, какую

неуместную шутку он позволил».

Я поблагодарил лейтенантов, извинился за боцмана. Пошел к Щечке и попросил его показать новый китель. Пристыдил: «К вечеру перешить». И Щечка поубавил гонору.

И все-таки я до сих пор питаю нежные чувства к Федору Гавриловичу за его хозяйственность, за его умение поддерживать внешний вид корабля (а это визитная карточка), за неутомимость на походе и бдение. Мне с ним легко служилось. Ну а нашивки – это эпизод и всего лишь флотский юмор, без которого невозможно жить.

Тяжело служить помощником – он за многое в ответе. Командира считалось неприличным беспокоить, а помощника – можно: он для этого существует. До глубокой ночи дела, а с побудкой в шесть утра снова на ногах. Если хочешь скорее стать командиром корабля и исправно им управлять, будь усердным помощником командира. Следуя этому девизу, я увольнялся на берег к семье не чаще одного раза в неделю и видел сына Игоря только спящим. Так как командир и помощник не могут одновременно сходить с корабля, то совестливый старпом, уходя на берег, обычно не оставляет нерешенными срочные дела. А вообще-то командиры кораблей, уважавшие своих помощников, дорожившие их авторитетом (и своим покоем тоже), отвечали нетерпеливым: «Отложим решение вопроса до возвращения старпома на корабль».

Помощнику никак нельзя часто уходить на берег. Вернешься – твои дела не тронуты, тебя ждут. Вот почему нарком Военно-Морского Флота адмирал Н.Г. Кузнецов предложил записать в Корабельный устав статью: «Частое оставление корабля помощником командира несовместимо с должным несением его ответственных обязанностей». Было записано то, что мы давно уже практиковали.

Кто дорожит репутацией хорошего старпома и стремится стать толковым командиром, тот и сейчас следует этому славному правилу.

Опять не дано было мне долго послужить на одном корабле. По представлению командира бригады эсминцев капитана 1-го ранга Г.И. Левченко я был назначен командиром сторожевого корабля «Шквал».

Гордей Иванович страшно не любил сам частить на берег и нам твердил: «Корабль – дом, в море – дома». И в частых походах мы посетили и изучили все порты Черного моря. Эту практику продолжил и его преемник – капитан 1-го ранга М.З. Москаленко. Он до сих пор вспоминает один из штормовых походов.

Декабрь 1937 года. Вышли с базы три эсминца и «Шквал»

концевым. Тепло. Штиль. Проходим Синоп. Я собрал матросов, свободных от вахты, и стал рассказывать им об историческом Синопском бое 1853 года, в котором русские под командованием Нахимова стяжали славу.

Только закончил рассказ – сигнал флагмана: «Курс 330 градусов». На Севастополь. И тут же радист вручил радиограмму со штормовым предупреждением: ожидается норд-ост десять баллов. Да оно и видно было: солнце садится за тучу – берегись, моряк, получишь бучу. Грозный прогноз, многовато даже для эсминцев, а тем более для сторожевика. Потому-то комбриг эсминцев Москаленко и поднял сигнал: «Ход 24 узла». Надо торопиться проскочить хотя бы середину моря. Ведь до Севастополя 200 миль.

Наука и веками наблюдаемые признаки точно предсказали. Через час лизнул легкий ветерок, за ним порыв и сразу шквальный рывок. И задуло, и понесло. Опустилась ночь. Замерили вертушкой силу ветра. 18 метров в секунду от норд-оста. Это 8 баллов. А вот и первый сильный удар волны в правый борт. За ним второй, третий. Корабль задрожал. От сильного крена на левый борт наполовину обнажился правый винт. Позвонил механик, просил уменьшить ход – сильно вибрирует корабль. Памятуя упорство в борьбе со стихией моих наставников Владимирского и Харламова, я помедлил: пусть люди оморячиваются. Да и не хотелось отставать от эсминцев.

Но вот ветер резко усилился. Уже 24 метра – 10 баллов. Это жестокий шторм. Волна, накрывая корабль, перехлестывала через него. Резко увеличилась бортовая качка и началась килевая. Корабль стало так бить, что пришлось уменьшить ход до 18 узлов, и мы начали отставать от эсминцев.

В шторм и днем мало приятного, а ночью, в темень, совсем неуютно. Море кипело. Ветер срывал верхушки волн, и в воздухе сплошной стеной неслась водяная пыль. Видимость нулевая. Даже на мостике едва различаем друг друга. Эсминцы скрылись за пеленой воды.

У «Шквала» большая метацентрическая высота – отстояние центра тяжести корабля от центра его величины. У нас она при полном запасе топлива и воды намного больше единицы. Это обеспечивало кораблю большую остойчивость, но по этой же причине получалась стремительная бортовая качка. Период качания всего 6 секунд: 3 секунды валимся с борта на борт и столько же в другую сторону. У нас мало кто безболезненно переносил эту качку, резко снижалась работоспособность.

От сильных ударов волны крен на левый борт уже начал доходить до критических пределов, и палуба уходила под воду. Я

как сейчас слышу отвратительные щелчки-удары маятника кренометра о предельную планку с отметкой 53 градуса. А до Севастополя далеко, мы у южного берега Черного моря и укрыться негде. Волна катит через все море, она уже намного выше мостика.

Стихию можно победить только выдержкой, мастерством и мужеством всего экипажа. Да, но все смотрят на командира: как он там на мостике ведет себя – не обмяк, не раскис? И какие примет меры, чтобы разумно отштормиться? Это я вижу по поведению помощников, по их наводящим вопросам и намекам: что будем делать? Ведь так продолжаться долго не может. А раз так, командиру надлежит выкладываться полностью. В спокойной обстановке ты проявлял властность, требовал порой на грани возможного. Изволь показать себя, на что способен в чрезвычайной обстановке. Дрогнешь, растеряешься, примешь неумные решения, начнешь подавать непродуманные команды, неуверенным тоном, дрожащим голосом – считай, пропала твоя власть над людьми, пошатнулся твой авторитет и на будущее. А без авторитета командиру нечего и стремиться на командирский мостик.

Я понимал, что мне нужно решиться на принятие мер, расходящихся с действиями флагмана, и отдавал себе отчет в ответственности за свои поступки. Но продолжать движение за эсминцами курсом 330 градусов при таком ветре и волне от норд-оста уже опасно и мучительно для машинной команды. Надо облегчить положение корабля и экипажа – уменьшить бортовую качку. А для этого следует привести корабль к ветру. Значит, придется оторваться от соединения и оказаться в самостоятельном плавании. Не теряя времени на запросы, я принял решение следовать приемлемым для себя курсом и ходом, самостоятельно отштормиться.

Приказываю штурману Н. Глазунову подвернуть вправо на 30 градусов. Курс – норд. Направление на Феодосию. Бортовая качка уменьшилась, но усилилась килевая. Корабль стал сильно зарываться носом в воду. Уменьшил ход до 12 узлов. И в это время радист доложил сигнал флагмана: «Кораблям иметь ход 12 узлов». Значит, и эсминцам несладко.

Приказываю своему помощнику П. Щербанюку и механику А. Харчевину поставить на вахту в машины и к котлам наиболее опытных машинистов и предупреждаю, что смены не будет много часов; из кормового кубрика перевести людей в носовые; запретить хождение по палубе – кораблю должен быть обеспечен ход и нельзя потерять ни одного человека; проверить герметичность люков, чтобы корабль оставался

водонепроницаемым, – это залог безопасности.

Донес флагману о своих действиях и даже успокоился, что предпринял все возможное. Пусть эсминцы следуют в Севастополь, а мы отштормимся и придем позже. Но разве такой человек, как наш комбриг Михаил Захарович Москаленко, славный мореход и отважный воин, бросит свой корабль? Что вы! Он сообщил мне по радио: «Следую впереди вас тем же курсом, на пределе слышимости УКВ».

Тем временем ветер продолжал усиливаться. Замер показал 27 метров – это без малого ураган. 11 баллов! Волна стала еще выше. А черноморская волна противная. Она – не как океанская, пологая, а короткая и крутая, бьет словно молотом.

Сторожевик имел красивый развал бортов в носовой части, но этим развалом он бил о воду. Очередная волна высоко поднимала нос корабля, и казалось, что ты находишься на горе. Но уже в следующий миг нос падал вниз с волны и зарывался вместе с пушкой в следующую волну, а многотонная масса воды обрушивалась на мостик. И мы там, держась руками за поручни, плавали мокрые до нитки, ибо никакая герметизация одежды не способна была удержать воду. Сколько бы ни отплевывался, морская вода непрерывно проникает в рот. Много я попил соленой водички в ту памятную ночь.

Когда нос корабля падал с гребня на подошву волны, происходил гидродинамический удар. И в это время положение осложнялось еще больше. Корабль, идя под углом к волне и имея килевую и бортовую качки, падал носом не ровно, а боком, корма поднималась высоко вверх косо. Корабль описывал отвратительную фигуру – крученую восьмерку не в одной плоскости. Один винт в воде, а другой с бешеным ускорением молотил воздух. Начиналась такая вибрация всего корабля, что за поручни неприятно держаться. Корпус испытывал предельные напряжения. Но вибрация – одно зло, а в это время паровая турбина «воздушного» винта, не имевшего упора в воду, резко увеличивала обороты, устремляясь «вразнос», и машинист, как эквилибрист, непрерывно вращал маховик маневрового клапана, меняя количество пропускаемого пара, иначе турбина могла развалиться.

Удары в сочетании с вибрацией так сильны, а качка так стремительна, что при падении носа корабля на подошву волны новичку-командиру, проходившему у нас стажировку, казалось, что рушатся мачты, разваливается корабль, а он сам летит в пропасть. До сих пор помню, как после очередного удара довольно-таки храбрый старшина рулевых истошно закричал: «Товарищ командир, кажется, у корабля оторвало нос».

Остановил его: «Молчите, точнее держите корабль на курсе». Но какая там точность – от удара волны корабль уваливался от курса на 30 градусов, а потом, едва возвратившись, уклонялся в другую сторону. Ударами волн выбило все окна на ходовом мостике.

Чтобы ослабить удары волн, уменьшил ход до 6 узлов. В многочасовой борьбе не выдержало слабое звено. После очередного сильного удара волны корабль покатился влево, и рулевой тревожно доложил: «Корабль не слушает руля». Из всех неприятностей флотской службы для командира эта – одна из мерзких. Корабль неуправляем и, хотя на ходу, все время норовит стать бортом к волне. Опять выматывающая бортовая качка. Она настолько стремительна, а крен угрожающ, что все на корабле, что привязано, пытается сорваться, а что сварено с корпусом, грозит переломиться; люди, чтобы не свалиться и не смыло за борт, держатся за надежные устройства.

Все мои мысли о руле. И каково там сейчас машинистам? Вентиляторы остановлены, так как через них заливает машинные отделения. Температура там 45 градусов. Сдадут люди – и последствия трудно предвидеть. Ведь на походе машина и руль – это все.

В шторм – и без руля. Можно себе представить, какие невидимые для других процессы потрясают все существо командира, – он в ответе за корабль и экипаж. Он должен найти и принять решение. Но какое? Рулевое устройство – в кормовом отсеке. А как туда пробраться? По палубе катят многотонные валы воды. Туда нужно послать только добровольца, как в бою на смертельно опасное дело.

Вхожу в штурманскую рубку, угрюмо и в упор смотрю на штурмана. Он понял меня. Надо рисковать. Может, даже жизнью. Во имя корабля и экипажа.

– Разрешите с рулевым пробраться и отремонтировать? – обратился ко мне Глазунов.

– Идите.

Надеваем на них спасательные пояса, привязываем тросы. Назначаю обеспечивающую группу во главе с боцманом Поповым. Я рискую несколькими жизнями, Но для спасения корабля. И с напутствиями отправляю. Чтобы волна меньше накрывала корабль и не смыла людей, даю ход 24 узла и с помощью машин удерживаю курс по волне.

Томительные полчаса. Как призрак появляется Глазунов: все в порядке. Я готов обнять его. Но чур! Он позавчера мною арестован за возвращение с берега под хмельком. И все-таки, рассуждаю по справедливости, за подвиг даже провинившемуся полагается награда. После такого рискованного дела идти на

гауптвахту обидно, а со стороны командира это выглядело бы просто жестокостью. По приходе в базу сниму с него арест, а остальным – в приказе благодарность.

Повернул на прежний курс. И опять те же удары. Но после пережитого я на них реагирую по-другому.

Радиосвязь на УКВ с эсминцами прервалась, мы далеко оторвались. На дальномерном мостике, где стоял старшина-сигнальщик (он же и наблюдатель) и куда я поднялся, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, было еще хуже. Сквозь рев ветра и водяную пыль старшина прокричал мне на ухо, что он вроде видел проблеск огня. Я даже оторопел: неужели нас ищут? Ведь это еще одна опасность – столкновение в кромешной ночной и штормовой тьме. Тем более что нам ничем не поможешь в таком положении. Наше дело – выгребать самостоятельно к Крыму. Нет, это галлюцинации! Слишком мудр наш Михаил Захарович, чтобы решиться на поиск.

У теперешних мореплавателей к услугам радиолокация, круговой обзор, даже вехи видны. Иные отучились визуально наблюдать. Встретились мы в Ла-Манше, а в другой раз в Атлантике с кораблями США – ни души на мостике. Погода ясная, а локаторная антенна вращается, пользуются обзорным экраном. Такова, видимо, психология человека в век техники.

Когда мы получили локаторы, удивлялись: как совсем недавно могли без них плавать и даже в туман подходить к берегу и входить в базу?!

А тогда как бы пригодился локатор. Можно было бы видеть, где эсминцы, и по Крымским горам определиться. Пока же я, мокрый до нитки, на ветру держусь за стойку и слушаю удары кренометра.

И вдруг чудо: стих ветер. Полнейший штиль. Только крупная зыбь. Как во сне. Наверняка проходим центр антициклона, а в нем всегда затишье (это в центре циклона наисильнейший ветер). Надо ждать перемены направления ветра – подует от норд-веста и с той же силой. Открылась полная видимость, как и положено в центре антициклона. На горизонте огни – это эсминцы. Даю самый полный ход. Вступаю в кильватер. Открылся маяк Сарыч на южном берегу Крыма. Только легли на курс норд-вест, сразу задул ветер 10 баллов. Все повторяется. И опять ход 6 узлов.

Мимо пронесло какое-то неосвещенное судно без ходовых огней. Как привидение. Мы едва увернулись от него. Похоже, на нем вышла из строя вся энергетика, не работали руль и машина. В базе нам сообщат, что за Балаклавой шторм выбросил на берег греческое судно. Много лет торчал на камнях его остов.

Ветер усилился до 11 баллов. Опять пошли щелкающие удары

над головой и началась клятая крученая восьмерка. Но я почувствовал, что качка не такая стремительная. Понятно: мы израсходовали топливо, центр тяжести корабля поднялся, метацентрическая высота уменьшилась, начальная остойчивость стала меньше, качка стала спокойнее. Но возрос опрокидывающий момент, а это опасно при ударах волны. И я приказал механику немедленно принять забортную воду во все пустые нефтяные цистерны.

«Шквал» отставал от эсминцев. Михаил Захарович, видимо, беспокоился за нас и запросил: «Доложите состояние корабля. Можете ли следовать в Севастополь или вам лучше идти в Ялту?» Ответил: «Следую за вами». Командиры эсминцев «Шаумян» – Е.Н. Жуков и «Петровский» – К.Д. Сухиашвили участливо запрашивали: «Как самочувствие?» Не ответишь же друзьям, что плохо. «Лучше всех», – горько отшучивался я.

Корабль наш сработан советскими рабочими и инженерами добротно, и никакая волна его не перевернет. Не сдаст и корпус из закаленной стали, созданной советскими металлургами. В корабль я верил. Но еще больше верил в подчиненных. Все, кто был занят делом на походе, – выше всякой похвалы. Улучив минутку и оставив за себя помощника, спустился с мостика в котельное отделение. Невесело здесь на качке, одно утешение – не продувает и не окатывает, как на мостике, не видно, как темно-зеленая гора воды переворачивается на тебя и ты из нее, отплевываясь, выныриваешь и проверяешь: все ли целы, не смыло ли кого. Главстаршина котельных машинистов Иван Васильевич Миролюбов бессменно у котлов. Со своими подчиненными он бесперебойно обеспечивал машины паром. Миролюбов – трудолюбивый, дисциплинированный и смелый воин, пример для всех сверхсрочнослужащих.

Прошел в командирский коридор. Там стоят несколько матросов с унылыми лицами. Спрашиваю: в чем дело? Прячут глаза. Спустился в носовой кубрик. А там при ударах волны невообразимый грохот, кажется, что-то ломается и рушится. Стало ясно: у тех, кто не занят ходовой вахтой, не выдержали нервы, подальше от этих разрывающих душу ударов и грохота. А в коридоре потише, к тому же не видно грозной стихии. Чтобы ее познать во всей свирепости, надо подняться на мостик или хотя бы послушать того, кто там несет вахту. Но я запретил рулевым и сигнальщикам после смены распространяться о девятом вале и неисправном руле. Пришлось задержаться в коридоре и успокоить:

– Нас еще не раз тряхнет, но основания для тревоги нет. Наш корабль что «ванька-встанька». Идите спать. Я завидую вам и

мечтаю хотя бы обсушиться. А шум для молодых не помеха. Через два часа подъем.

Рассвело. Море буквально кипело. На повороте для входа в Севастопольскую бухту пришлось дважды пропустить «девятый вал» (бывает такой, но по счету не всегда совпадает). И все-таки мы не увернулись. От двойного удара волн при повороте наш «Шквал» заленился, лег на правый борт и задержался всего на пару секунд, а неприятно. Причиной тому были свободно перемещавшиеся топливо и вода в цистернах, увеличился кренящий момент. А бывало, и переворачивались. Японцы славятся как кораблестроители и мореходы. Но у них в штормах перевернулись два эсминца в океане, на длинной волне.

Ошвартовались у Минной пристани при 25-метровой силе ветра. Пришел комбриг. Я построил экипаж. Михаил Захарович объявил благодарность личному составу за мужество и мастерство в борьбе с жестоким штормом. Зашел ко мне в каюту и сказал: «А вам теперь сам черт не брат». И добавил, что, по сообщению начальника штаба флота, по всему морю ураганные ветры, погибло много турецких судов и у нас в Туапсе танкер выбросило на волнолом. Командующий флотом беспокоился и дважды запрашивал о состоянии кораблей, особенно «Шквала».

Пришли командиры эсминцев и поздравили с благополучным исходом. Да, поход и швартовка на таком корабле и в такую погоду – это испытание на верность морской и командирской службе. Не сдашься – не изменишь флоту.

Для всех экипажей кораблей этот штормовой поход явился большой школой морской выучки. Кто испытал на себе свирепые удары штормовых волн, закалился в борьбе со стихией, тот отважнее ведет себя в бою. Поэтому наши флагманы специально в штормовую погоду выходили в море на учения. Готовили советских моряков к грядущим боям.

Вскоре я был назначен командиром дивизиона сторожевых кораблей. И снова штормовые походы.

Весьма точно подметил тяготы службы на сторожевиках бывший нарком Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов в книге «Накануне»: «Труднее всего приходилось тем, кто служил на “Шквалах” и “Штормах”». А я как раз служил и на том и на другом и могу подтвердить: кто на них не служил, тот мало соленой воды попил и не знает, что такое гидродинамический удар волны.

Меня опять послали на учебу в Ленинград. Совершенствовать методы выхода в торпедные атаки. Новая встреча с любимым городом. Днем на учебе, а вечером в театре. Я тогда прослушал и просмотрел все оперы, драмы, оперетты, комедии, какие были в

репертуарах театров.

В декабре 1937 года был создан Наркомат Военно-Морского Флота. Это способствовало бурному развитию флота. Война подтвердила мудрость этого решения.

Наша бригада развертывалась в крупное флотское соединение новых мощных кораблей. Во главе его поставили молодого капитана 2-го ранга Н.М. Исупова. Меня назначили начальником штаба бригады. Это очень стремительное продвижение – за три года от командира боевой части эсминца до начальника штаба соединения. Это не на пользу делу – мал опыт.

Но мне повезло. Мой предшественник Милешкин создал крепкий штаб – у меня были отменные помощники. А комбриг эсминцев с помощью начальника отдела кадров флота Г. А. Коновалова подобрал сильных командиров дивизионов эсминцев – А.И. Зубкова, С.М. Сергеева, Э.В. Пышинского. Все они были старше меня возрастом, с большим опытом. С ними легко работалось. В общем, мне было у кого поучиться и на кого опереться.

Флот строится

В период предвоенных пятилеток в нашей стране была создана материальная база, позволившая поставить вопрос о строительстве морского и океанского флота, отвечающего интересам социалистического государства. Осуществление планов индустриализации, коллективизации и культурной революции дало возможность создать авиационную, автомобильную, электротехническую и оборонную промышленность, реконструировать на основе передовой техники и ввести в строй новые судостроительные заводы.

Еще в 1927 году на предприятиях судостроительной промышленности были заложены первые советские подводные лодки типа «Декабрист». В 1930–1934 годах начали вступать в строй подводные лодки типа «Ленинец», средние лодки типа «Щука» и «С», малые лодки типа «Малютка». Вскоре началось строительство океанских подводных лодок типа «К». В результате советский флот получил подводные лодки прибрежного, морского и океанского типов. Они обладали высокими по тому времени тактико-техническими характеристиками.

За годы второй пятилетки почти удвоилось число эскадренных миноносцев и сторожевых кораблей, в три с половиной раза возросло количество торпедных катеров, почти в три раза – тральщиков, в пять с лишним раз – подводных лодок. Почти в два с половиной раза выросло число стволов береговой артиллерии различных калибров.

Вслед за новыми подлодками с 1937 по 1941 год вступили в строй новые надводные корабли. Советские корабли во многом превосходили однотипные зарубежные, особенно в артиллерии. Инженеры, возглавляемые талантливыми конструкторами, создали для новых пушек бронебойные, фугасные и осколочно-фугасные снаряды.

В принятых в предвоенные годы решениях партии и правительства предусматривалось иметь сильные флоты на Тихом океане и на Балтике, существенно укрепить Северный и Черноморский флоты. Признавалось необходимым иметь в составе советского флота мощную авиацию берегового базирования для действий совместно с кораблями.

В начале третьей пятилетки была принята программа создания океанского флота, предусматривавшая закладку мощных линейных кораблей. Был заложен линкор «Советский Союз». Планировался и другой линкор. Я хорошо запомнил это событие.

Н.М. Исупов убыл к месту новой службы, и я временно исполнял обязанности комбрига. Звонок адъютанта комфлота: «Командующий приглашает вас к себе, сейчас же». Через двадцать минут я был у командующего флотом И.С. Юмашева.

– Мне поручили возглавить торжественную закладку нового линкора, – сказал он. – В состав делегации представителей флота включены и вы. Сегодня выходим на завод. Какой эсминец назначите в поход?

– Бывший ваш флагманский, «Петровский». Предлагаю включить в состав делегации и его командира – капитана 3-го ранга Бекренева.

– Утверждаю.

В торжественной обстановке, в присутствии рабочих и инженеров завода, руководителей партийных и советских органов, Иван Степанович Юмашев, директор завода А.В. Самарин расклепали раскаленные добела заклепки на стальной плите в килевой коробке линкора. Под этой плитой была заложена массивная серебряная пластина с выгравированными силуэтом корабля и сведениями о времени его закладки.

Поражали воображение данные линкора: водоизмещение 55 тысяч тонн, девять 16-дюймовых (406-миллиметровых) пушек в трех башнях, дальность стрельбы 45 километров, вес снаряда – тонна, мощность турбин 250 тысяч лошадиных сил, скорость хода 33 узла. Чудо-корабль!

Пусть читающий вдумается в эти цифры, памятуя, что это шел первый год третьей пятилетки. Всего десять лет тому назад мы покончили с разрухой. Подобное могло быть только в нашей социалистической стране. Только советский рабочий класс был способен на такой подвиг.

В США через год были заложены линкоры «Айова» и «Нью–Джерси» (они и сейчас в строю[8]) с аналогичными данными наших линкоров – ни одного преимущества.

Помимо линкора, трех крейсеров, пяти эскадренных миноносцев, дивизиона подлодок, сторожевых кораблей прежней постройки к началу войны Черноморский флот имел два новых крейсера, двенадцать новых эсминцев и лидеров, две бригады новых подлодок, новые тральщики, торпедные катера и сторожевые катера (малые охотники за подлодками – МО). В апреле 1939 года командующим Черноморским флотом был назначен флагман 1-го ранга Ф.С. Октябрьский, с именем которого связаны блестящие страницы истории Черноморского флота.

В нашей бригаде двадцать эсминцев, из них четырнадцать новых и строившихся. Шло сколачивание экипажей кораблей и

соединения в целом. Важнную роль в становлении бригады сыграл ее штаб, укомплектованный квалифицированными специалистами. С теплым чувством вспоминаю флагманского инженер-механика Б.Я. Красикова, флаг-штурмана В.Ф. Яросевича, флаг-связиста Е.И. Васкжова, флагарта Н.Я. Сидельникова, флаг-врача А.Г. Шевцова, флаг-минера И.А. Ефременко, погибшего в начале войны. Доброго слова заслуживает и Н.А. Курылев, инспектор по физкультуре и спорту

Высоким был накал в боевой подготовке тех предвоенных лет. Много дней и ночей мы с Сидельниковым провели на кораблях, организуя практические тренировки с комендорами, заряжающими, наводчиками. В условиях боя невозможно долго раздумывать над своими движениями – надо действовать у оружия автоматически. Только интенсивная тренировка может выработать высокое мастерство. Под автоматизмом мы понимали научно обоснованные, заранее осмысленные, рациональные, быстрые и четкие, многократно повторяемые действия, направленные на выполнение боевых нормативов в любых условиях в течение потребного времени. Но сам процесс формирования автоматических навыков должен протекать под контролем сознания обучаемого, иначе тренировки могут превратиться в дрессировку, отупляющую ум, волю, чувства.

В мае 1939 года народным комиссаром Военно-Морского Флота был назначен Н.Г. Кузнецов. А в июне он уже на Черном море.

Эскадра на Евпаторийском рейде. На мачте линкора «Парижская коммуна» флаг наркома. Командование всех соединений флота приглашено на линкор. Перед нами новый нарком. Ему всего 36 лет. Совсем недавно он был старпомом командира крейсера «Красный Кавказ» и командиром «Червоной Украины». Это были образцовые корабли с отлично поставленной службой. Затем Испания, где Н.Г. Кузнецов – доброволец, советник республиканского морского министра. Год – командующий Тихоокеанским флотом. И вот – нарком. Стремительный взлет.

Да разве только он один такой? Другим наркомам и командующим флотами тоже от 33 до 39 лет, а перед этим по году на двух постах. На всю нашу жизнь в те годы наложило тяжелый отпечаток нарушение ленинских норм и социалистической законности. Вместо безвременно ушедших выдвигались молодые. Не хватало опыта, но выручали знания, дерзание, сознание долга. Всего этого было в избытке у Николая Герасимовича.

У наркома проницательный взгляд, доброжелательное

отношение к окружающим. Заговорил медленно о том, что в стране создается океанский флот, что нужно быстрее осваивать новые корабли и технику, переходить на круглогодичную боевую подготовку, повышать бдительность.

Прошло немного времени, и мы почувствовали, что в наркомате властная рука. По-новому заработал и Главморштаб. На флотах был получен полный набор новых и обновленных боевых и оперативных документов, без которых нельзя успешно вести боевую подготовку и боевые действия. Мы уже осенью получили Инструкции по оперативным готовностям флотов и соединений. На флотах ранее разрабатывались документы по готовностям соединений. В результате обмена мнениями за год до поступления директивы наркома и инструкций было решено, в отличие от боевой готовности корабля, батареи, авиаэскадрильи, ввести новое понятие о готовности соединений и флота в целом – оперативная готовность. Она предусматривала комплекс организационных, политических и материально-технических мероприятий, которые исключали возможность застать нас врасплох. Приказом по флоту Инструкции по оперативным готовностям были введены в действие.

Главморштаб обобщил опыт флотов, усовершенствовал их документы, а нарком узаконил единую для всех флотов централизованную систему оперативных готовностей. Они стали законом жизни флотов. И началась их отработка. Начальник штаба флота Н.М. Харламов и новый начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2-го ранга О.С. Жуковский приложили огромные усилия по внедрению готовностей, совершенствуя их на многочисленных учениях. Для нас наступила беспокойная жизнь.

Об оперативных готовностях флотов Н.Г. Кузнецов в книге «Накануне» пишет в общих чертах, не раскрывая их существа. А мне, как начальнику штаба бригады, а затем и базы, выстрадавшему, как говорят, эти готовности в многочисленных учениях на протяжении трех лет, просто положено сказать о них подробнее.

Оперативных готовностей было три. О Г-3. Повседневная. На нее флот перешел сразу по получении директивы наркома осенью 1939 года и находился до кануна войны. При этой готовности корабли и части занимались повседневной боевой подготовкой, поддерживая в исправности и определенной готовности оружие и механизмы. Строго соблюдались нормы НЗ топлива и боезапасов. Все виды боевых и материальных запасов хранились на складах баз. Хочу подчеркнуть, что все это не означает, что до создания оперативных готовностей на флоте благодушествовали.

ОГ-2. Повышенная, промежуточная. При этой готовности погреба заполнялись боевыми снарядами. Ограничивалось увольнение на берег. Вводилось затемнение кораблей. В тылу вводилось дежурство для экстренной выдачи материальных и боевых запасов. В состоянии ОГ-2 корабли и части могут находиться весьма продолжительное время, хотя для этого и требуется известное напряжение моральных и физических сил. Личный состав остается на кораблях, вводится соответствующий режим дежурства, усиливается контроль по всем параметрам службы. С этой готовности можно быстро перейти на высшую готовность. И даже вступать в войну.

ОГ-1. Высшая готовность. Флот готов вести боевые действия всем составом и в полном объеме, немедленно. Готов также к проведению мобилизации. Прекращаются отпуска личного состава. Затемняются морские гарнизоны. Эту готовность нарком ВМФ мог вводить только с разрешения правительства, и он ее введет за три часа до нападения врага.

Такая, всеохватывающая и четкая, узаконенная центром, система готовностей флотов в истории нашего Военно-Морского Флота, да, пожалуй, и Вооруженных Сил, появилась впервые.

История засвидетельствует это важное событие в нашем военном строительстве. В 3-м томе «Истории Второй мировой войны» будет записано: «Крупным достижением советской военно-морской мысли явилось обоснование стройной системы приведения сил флота в боевую готовность в случае возникновения опасности нападения на страну».

И хотя на некоторых флотах уже делалось немало в этом отношении, официальное возведение готовностей в закон способствовало повышению мобильности морских сил нашей страны. Вопросы бдительности и готовности на флоте были поставлены в центр внимания командных и политических кадров – от корабля до наркомата. Они были мерилом зрелости кадров. Ничто не могло оправдать командира и политработника, если корабль, часть, соединение не могли быть изготовлены к бою, походу, к войне в целом в отведенное время.

Нарком Кузнецов снова посетил наш флот. По его приказанию флот переводился на учебную ОГ-1 (без отмобилизования). Он выступил перед руководящим составом и ориентировал на то, чтобы флот был готов к молниеносному ответному удару на внезапное нападение.

Неоднократно я слушал нашего наркома. Видел сделанное им для флота и безопасности нашей страны с морского направления и убеждался, что Николай Герасимович Кузнецов обладает большим военным дарованием и высокими партийными

качествами.

В Одесской военно-морской базе

Внезапный вызов к командующему флотом. Первая беседа с Ф.С. Октябрьским. Филипп Сергеевич сообщил, что вместо укрепленных районов создаются оперативно-тактические соединения – военно-морские базы.

– Как смотрите на службу в базе? – спросил меня.

– Служить надо там, где прикажут.

– Вот это правильно. Хочу назначить вас начальником штаба Новороссийской базы. Но есть и другое предложение – заместителем начштаба Одесской базы. Она приграничная, служба там интересная. Рядом штаб военного округа.

Я выбрал второе. И благодарю случай. Мне уже в самом начале войны довелось оказаться в гуще событий, работать рядом и под началом известных впоследствии военачальников М.В. Захарова, С.Г. Горшкова, И.Е. Петрова, Н.И. Крылова, Г.В. Жукова.

Я представился командиру Одесской военно-морской базы контр-адмиралу Гавриилу Васильевичу Жукову. Он произвел хорошее впечатление, и таким оно осталось до конца моей службы с ним.

Вскоре мы с Жуковым убыли на военную игру в Севастополь, после которой ее участники посетили флотские аэродромы. Нам показали все те же ДБ-3, СБ, И-16, созданные в середине 30-х годов. Они явно устарели. Да это подтверждается и авторитетным заявлением прославленного авиаконструктора С.В. Ильюшина, писавшего в «Правде» 18 августа 1936 года: «Машина, построенная 2–3 года назад, ныне признается уже устаревшей… Конструктор обязан смотреть далеко в будущее».

Наши флотские добровольцы-пилоты, возвратившиеся из Испании, сообщили, что у фашистов появился вооруженный пушками истребитель Ме-109Е со скоростью 570 километров в час. С ним состязаться и от него отбиваться сложно.

Выступивший перед нами начальник Главполитуправления ВМФ И.В. Рогов сообщил нам: вернувшиеся из Испании летчик С.П. Денисов и фронтовой журналист Михаил Кольцов информировали соответствующие инстанции, что с появлением «мессершмитта» начались наши затруднения в воздухе. Центральным комитетом партии и советским правительством весной 1939 года были приняты меры по созданию новых бомбардировщика, штурмовика и истребителей.

В июне 1940 года в Одессу прибыл нарком Кузнецов. Меня пригласили в кабинет Жукова. Я представился наркому. Это было мое первое очное знакомство с ним.

– Вас назначили представителем флота в войска Одесского военного округа. Уверенно ли чувствуете себя в этой роли? – спросил нарком.

– Командование и штаб военного округа и войска знаю. Такое ответственное задание выполняю впервые.

– Всякое новое дело начинается впервые. Ваша задача – консультировать армейское командование по действиям кораблей и информировать флот о действиях армии по освобождению Бессарабии.

И я тотчас вылетел на КП округа.

Полмесяца я находился в войсках. Осенью начальник штаба базы уехал на учебу. Мое временное исполнение обязанностей начштаба затянулось почти до войны.

Одесская база, после Главной, самая крупная на Черноморском флоте. Она включала все рода морских сил: надводные корабли – вспомогательный крейсер «Коминтерн», два эсминца, дивизион канонерских лодок, бригаду торпедных катеров, малые охотники за подлодками, тральщики, военные транспорты; подводные лодки; береговую артиллерию – 17 батарей калибром до 203 миллиметров, установленных от Очакова до устья Дуная; зенитную артиллерию; авиацию – четыре бомбардировочные и разведывательные эскадрильи; береговые части, спецслужбы, тыл. Флот – в миниатюре. Ее операционная зона от Тендры до Румынии и сто миль в море. Два пункта базирования кораблей: Одесса и Очаков. В Очакове укрепленный сектор, прикрывавший вход к Николаеву и Херсону. Там же базировалась флотская истребительная авиация.

В такой базе тяжело работать «за двоих», но приятно рядом с Жуковым. Для меня он большой авторитет – воин Гражданской войны, испанский доброволец, на его груди ордена Ленина и Красного Знамени, а это всегда было показателем высочайшей доблести. Несмотря на горячность и строгость адмирала, наши отношения ничем не омрачались.

В Европе в океанах, на морях и в воздухе шла война. И ее надо было изучать – извлекать опыт и полезное брать на вооружение. Для этого мы использовали многочисленные источники информации. В боевой деятельности флотов воюющих сторон допускались ошибки, и мы, моряки, подвергали их критическому разбору, осмысливали их теоретическую основу. При этом не забывали, что сама по себе критика не принесет нам побед на крыльях. Мы стремились учиться на чужих ошибках, хотя, может, не всегда прилежно. Сравнивая, видели и понимали преимущества нашей военной теории. Однако старались не сводить дело к декларациям, памятуя, что нерадением и

неумением все наши преимущества в теории и практике, во всем военном деле можно свести к нулю, что они могут остаться нереализованными потенциальными возможностями, созданными усилиями ученых, рабочего класса, советского народа под руководством нашей партии. Поэтому мы отдавали себе отчет в том, что нужно не пассивно ожидать благ от пороков чужой теории, а искусно реализовать все наши возможности, чтобы добиться успехов в борьбе с врагом. И Главморштаб создал Наставление по ведению морских операций.

Было бы неверным умолчать и о наших ошибках и просчетах. Не успели создать десантные корабли и построили мало тральщиков. У нас не было радио– и гидролокаторов и магнитных тралов. На кораблях отсутствовали магнитные пояса против магнитных мин. И мы за это расплачивались потерями. На совместных занятиях руководящего состава Одесского военного округа и Одесской базы, проходивших в начале июня 1941 года, мы услышали много нового. В ходе учебы состоялась поездка в части для ознакомления с авиацией и вооружением стрелковых дивизий.

На Кишиневском и других аэродромах мы не стали смотреть старые самолеты СБ и И-16, хотя они составляли основную массу авиапарка. Нас потянуло к только что поступившим с заводов новым машинам – пикирующему бомбардировщику Пе-2 и штурмовику Ил-2. От них веяло мощью. Но их было мало – процентов десять. Истребитель МиГ-3 развивал огромнейшую скорость – более 600 километров. В мире таких не было. Но он без пушек, а пулеметами трудно вести борьбу против современного самолета

Нам показали танк Т-34. Гениальное творение, мировой шедевр танкостроения. С блеском прошла всю войну «тридцатьчетверка». Но пока в округе их всего шестьдесят. Основой парка был устаревший Т-26.

Пистолет-пулемет Дегтярева (ППД) мы посмотрели в стрельбе. Его барабанный магазин вмещал 71 патрон. Но пока такого оружия мало.

Артиллерия по-прежнему была на высоте. В 1937–1939 годах были созданы пушки и гаубицы разных калибров. Они хороши. Но испытывался недостаток в противотанковой артиллерии.

Подводя итоги ознакомительной поездки, можно было прийти к выводу, что наша армия переживает огромную и сложную перестройку. В ней идет бурный процесс военно-технического переоснащения, обучения воинов и становления командного и политического состава. Начинают мужать кадры, недавно выдвинутые на высокие посты.

Было очевидно, что делаются полезные выводы из опыта войны и войсковой практики. Та техника, за которую взялись в 1937–1938 годах, главным образом артиллерия, уже заканчивалась обновлением, а за которую взялись с задержкой, в 1939–1940 годах, – самолеты, танки, автоматы – только начинала обновляться. Было видно, что с ней торопятся, обстановка подхлестывает.

После войны Маршал Советского Союза А.А. Гречко напишет: «История учит, что планирование и темпы работы военного производства должны четко, научно обоснованно координироваться с задачами и сроками приведения в боеготовность армии, с учетом развития международных событий и степенью угрозы империалистической агрессии. Закономерный и, мы сказали бы, бесконечный процесс постоянного совершенствования оружия, военной техники, замены старого вооружения новым, который постоянно убыстряется, также должен быть согласован с развитием обстановки, военной политикой и стратегией государства. Перед минувшей войной принятие на вооружение новых образцов военной техники протекало медленно»[9].

30-е годы характеризовались бурным развитием советской военной теории. Могучие умы советской военной науки – М.Н. Тухачевский, В.К. Триандафилов, А.И. Егоров, И.П. Уборевич, Р.П. Эйдеман, Б.М. Шапошников, И.С. Исаков, К.Б. Калиновский, А.Н. Лапчинский – выдвинули целый ряд теоретических положений, являвшихся вершиной военной мысли того времени. Под руководством талантливого полководца Тухачевского был издан в 1936 году Полевой устав – ПУ-36, в котором было записано много ценных положений и важных требований, и среди них главное: Красная Армия должна быть готова ответить молниеносным ударом на внезапное нападение врага.

На флоте досконально изучали этот устав и руководствовались основными его положениями. Еще более совершенным должен был стать ПУЛЕ Как раз в это время Центральный комитет партии подверг критике тезис «легких побед». Поэтому в уставе не было отражено бытовавшее тогда положение о достижении победы «малой кровью». Оставался в силе девиз: на внезапное нападение ответить молниеносным мощным контрударом с добиванием врага на его территории. Но любой крылатый девиз нуждается в организационном и материальном подкреплении.

Военно-теоретические установки 30-х годов, сформулированные видными в то время военачальниками и военными учеными, способствовали развитию советской военной

теории, выработке у военных кадров передовых взглядов на ведение вооруженной борьбы и облегчали написание уставных документов, в частности Наставления по ведению операций, но этого сделано не было.

Война подтвердила верность многих положений нашей военной теории. Исследования и опыт военного и послевоенного времени приводили к выводу, что подготовленная по всем правилам военного искусства оборона с глубокоэшелонированной, многополосной, траншейной системой, заполненной войсками, содержащимися в высокой готовности, исключает тезис о фатальных и абсолютных преимуществах нападающего внезапно, дающих ему якобы неотразимое превосходство для гарантированного прорыва позиций обороняющегося и последующего его разгрома. Но теории обороны уделялось мало внимания.

Мне так сдается, что мы недостаточно глубоко провели анализ (а может, на это и не хватило времени) немецкой морской операции по захвату Норвегии и Критской воздушной операции. Поэтому считалось, что немцам многое под силу. Норвегия и Крит относительно легко дались немцам, и это породило много легенд и мифов.

Как начиналась война

Истекал второй год со дня заключения с Германией договора о ненападении. Наше правительство строго соблюдало договор, но и не забывало, с кем имеет дело, ибо была и другая мера чести. Нет, поначалу ничто не тревожило. Шла торговля, немецкие суда в большом количестве посещали наши порты. Нам даже были проданы крейсер «Лютцов» и некоторые образцы боевых самолетов. На немецкие авиационные, танковые, морские заводы были допущены наши военные делегации: «Смотрите наше оружие – от вас нет секретов». Может быть, было желание попугать нас боевой техникой, чтобы сговорчивее были? А может, это был камуфляж для прикрытия истинных целей? Искусная политика должна была в этом уверенно ориентироваться. Наша бдительность должна быть на высоте. К тому вынуждала обстановка.

5 апреля 1941 года Советский Союз подписал с Югославией договор о дружбе, а на другой день Германия напала на нее. Это был недружественный акт по отношению к нам, подрывавший веру в пакт о ненападении. Как снежный ком нарастали тревожные симптомы. Германские войска введены в сопредельные с нами районы и страны – сателлиты Германии: Болгарию, Финляндию, Румынию. К концу апреля у наших границ было сосредоточено уже около 70 немецких дивизий. Появились факты нарушения нашего воздушного пространства немецкими самолетами явно с разведывательными целями. Сбивать их запрещалось. И вот почему.

Начальник штаба Одесского округа генерал-майор М.В. Захаров пригласил командира базы Жукова и меня и ознакомил нас с содержанием директивы наркома обороны, которой запрещалось в приграничной полосе проводить такие мероприятия, которые Германия могла бы истолковать как нашу подготовку к войне. Речь шла о войсковых учениях, полетах самолетов, подтягивании войск к границе. Не разрешалось открывать огонь по немецким самолетам. В дальнейшем из Москвы не раз напоминали командованию Одесского военного округа о необходимости проявлять максимальную осторожность во избежание провокаций со стороны Германии и осложнений во взаимоотношениях с ней.

Полгода я замещал начальника штаба базы. За это время командир базы Жуков по разным причинам часто отсутствовал – в отпуске, на пленуме ЦК Компартии Украины, на игре и учении в Севастополе. У меня жизнь, как на корабле: без увольнений на

берег. База своей операционной зоной соприкасается с границей и территориальными водами Румынии. Неспокойно стало у нас под боком. Чувствовалось, что война приближается к границам нашей Родины. Запомнилась мне напряженная весна сорок первого – Жуков и я в непрерывных походах на кораблях и разъездах по батареям от Очакова до Дуная. Своих детей я видел в неделю раз, и то спящими, на что жена Евгения Ивановна роптала:

– Служба у тебя береговая, а совсем отбился от дома. Игорь подговаривает шофера провезти его с Наташей в штаб повидаться с тобой. Не правда ли, оригинальный образ семейной жизни и способ общения детей с отцом?

Чтобы покончить с домашней критикой, пообещал следующее воскресенье посвятить семье. А в субботу, рано утром, когда я в своем кабинете дозоревывал после ночных проверок кораблей и частей, в гавань вошел без оповещения эсминец с флотской инспекцией во главе с заместителем начштаба флота капитаном l-ro ранга А.Е Васильевым. И началось. Учебная оперативная готовность номер один. Боевые тревоги. Ночные проверки. Внезапные артиллерийские стрельбы. Торпедные атаки. Минные постановки. Штабные тренировки. Особенно строго проверяли береговую артиллерию инспекторы полковник Н.П. Чухарев и майор Ю.И. Неймарк.

Инспекция убыла. Но вскоре уехал на военную игру в Севастополь командир базы. Решив неотложные дела, я выкроил воскресенье, чтобы побывать дома. Дети прыгали и льнули ко мне, жена сияла, а теща Екатерина Павловна хлопотала по кухне, как будто в доме поселился молодой зять. С понедельника я приезжал домой по вечерам очень рано, к девяти. Семейная идиллия тянулась непривычно долго – целую неделю. Ее внезапно прервал начштаба округа генерал Захаров, разыскав меня по телефону на береговой батарее:

– Прошу вас оставить все дела и безотлагательно прибыть ко мне.

У него находился начальник оперативного отдела полковник Л.В. Ветошников.

– Получена директива наркома обороны и начальника Генштаба о составлении нового плана прикрытия границы. Нам с вами надлежит составить план совместной обороны морского побережья от устья Дуная до Тендры включительно, то есть в границах Одесской базы. Я знаю, что вы сейчас трудитесь в трех лицах, но допускаетесь к работе только вы. Запирайтесь с Ветошниковым. Вам будет подведен прямой телефон к оперативному дежурному базы. Пусть он управляет базой, а неясное докладывает вам.

Ловко генерал распорядился моими делами. А выполнение акта инспекции? А поездка в Очаков?.. Весь этот план рухнул. А еще… Предстояло как-то поделикатнее уведомить, чтобы в ближайшие недели меня не ждали дома. Весь день в округе, а для базы – вечер до полуночи: просмотреть переписку, ответить на вопросы, рано утром изучить обстановку, заслушать сменяющихся ОД и снова в штаб округа. База – динамичный организм: непрерывные выходы и входы в гавани кораблей, полеты самолетов, огневые задачи, плавание и учения в водах, сопредельных с Румынией. Многое держалось на четком планировании и образцовой оперативной службе. И у меня вся надежда на моих верных помощников – оперативных дежурных: С.В. Филиппова, В.Л. Ильича, Н.Д. Квасова, Ф.Ф. Северина, Я.В. Букача, В.Д. Коркунова, А.А. Петрова, И.И. Глущенко, И.А. Морозова. А еще мне, когда я оставался за командира базы, крепко помогал политотдел, возглавляемый полковым комиссаром Самуилом Израилевичем Дитятковским.

Я попросил генерала Захарова ориентировать в обстановке.

– У наших границ уже более семидесяти пяти немецких и румынских дивизий, идет наращивание сил. Германское правительство объясняет перевод своих войск с запада на восток необходимостью вывести их из-под ударов английской авиации для отдыха, переформирования и тренировок к десантированию на Британские острова. Неубедительно звучит. Неясно, чье внимание немцы хотят отвлечь: англичан – от Ла-Манша или наше от нашей границы? Ситуация крайне запутанная, и мы не должны исключать камуфляжные действия германского командования. Наше дело – готовиться к отражению удара.

Две недели напряженной работы – и наш совместный план готов.

Беспокойные апрель и май сменились тревожным июнем. В штаб округа из-за кордона поступают сведения о том, как идет сосредоточение войск противника у нашей границы. За май – удвоение румынских дивизий, а в северных районах Румынии отмечено появление немецких частей и крупного войскового штаба. Это был штаб 11-й немецкой армии. В готовности 3-я и 4-я румынские армии. Штаб Одесского округа обменивался разведсводками с Киевским военным округом. Его сводки тревожнее: на территории Польши – интенсивное сосредоточение немецких дивизий. Такое может делаться только перед нападением.

В базе, как и на всем флоте, на систематических учениях совершенствовались походные, боевые и оперативные готовности. Действовали наши авиаразведка, корабельные дозоры.

В Одесском округе, во главе которого стояли умудренные жизненным и боевым опытом военачальники генералы Я.Т. Черевиченко, Н.Е. Чибисов, М.В. Захаров и член Военного совета А.Ф. Колобяков, было осуществлено многое по повышению готовности войск. В ходе учений 48-й стрелковый корпус был переправлен через Днестр в Молдавию, ближе к границе. Добились разрешения от Генштаба не посылать артиллерию для учебных стрельб на дальние полигоны, оставить ее в войсках. Была отменена большая полевая поездка по округу, чтобы командование корпусов и дивизий не отрывалось от своих войск. Готовились полевые аэродромы для рассредоточения авиации. Проводились тревоги и учения с выходом частей из казарм и лагерей. План прикрытия границы еще не был отправлен в Генштаб, а выписки из него уже пошли в корпуса и дивизии, и там знали, что делать по тревоге.

Не знаю, как обстояло дело в других округах. Только после войны я прочитал в воспоминаниях маршала К. К. Рокоссовского «Солдатский долг» о том, что в 20-х и 30-х годах на Дальнем Востоке боеготовность войск была выше, чем в некоторых западных округах в сорок первом.

Пришла июньская сводка Разведуправления Генштаба за подписью генерала Ф.И. Голикова. В этот период у нас шла подготовка к большому учению флота с участием войск Одесского военного округа. Мне было поручено выступить перед армейскими командирами с лекцией на тему «Высадка тактического морского десанта». Генерал Захаров пригласил меня и начальника разведки округа для ознакомления с тезисами наших лекций, картами и схемами. И вот здесь я увидел разведывательную карту с данными на 1 июня 1941 года. От кружков немецких и румынских дивизий, расположенных в широкой полосе вдоль нашей границы от Балтики до Дуная, рябило в глазах – 133 дивизии. За месяц – почти удвоение. Это же война. Уже трудно было верить в пакт с Германией о ненападении.

Пока Захаров знакомился с тезисами, я прочитал выводы разведсводки и поразился их несоответствию. По смыслу получалось, что вражеские войска размещены так вдоль нашей границы для чего угодно, но только не для войны с нами; пока Германия не управится с Англией, нам нечего опасаться.

Захаров, наставляя своего разведчика, приказал ему не упоминать в лекции выводы сводки. Похоже, что на них повлияла дезинформация, запущенная немцами, о продолжении ими подготовки к десанту в Англию. А позже мы узнаем, что такая успокоительная пропись в выводах разведсводки соответствовала

некоторым концепциям о сроках войны – за пределами сорок первого года.

Из грозной дислокации немецко-румынских войск были сделаны выводы, не производившие угрожающего впечатления на того, кто должен был подать сигнал боевой тревоги.

Прибыл новый начальник штаба базы капитан 1-го ранга С.Н. Иванов, и я освободился от массы административных дел.

В начале учения, 14 июня, по радио было передано Сообщение ТАСС о том, что в иностранной печати муссируются слухи о близости войны между СССР и Германией. По мнению советских кругов, говорилось в сообщении, Германия соблюдает пакт о ненападении и слухи о ее намерении порвать пакт и напасть на СССР лишены всякой почвы, а переброска германских войск в восточные районы связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям. СССР намерен соблюдать условия пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными.

Кто был осведомлен об обстановке на границе, посчитали Сообщение ТАСС дипломатическим шагом, преследующим две цели: подтвердить нашу верность пакту и вызвать на откровенность германское правительство для объяснения причин концентрации немецких войск у наших границ. По установившейся практике международных отношений, особенно между партнерами по договору, считалось, что Сообщение ТАСС, как важнейший политический документ, будет опубликовано в германской печати на следующий день (как это сделала мировая печать), а еще через день-два можно ожидать ответного заявления.

На второй день учения в Одесском порту шла посадка войск на десантные транспорты – планировалась высадка 150-й стрелковой дивизии на крымское побережье. Но на посадке – никого из руководства округом. Жуков приказал мне съездить в штаб округа и выяснить, что случилось.

В оперативном отделе – сборы к отъезду. Ветошников встретил меня словами:

– Я разыскивал вашего начштаба. Идемте к генералу Захарову.

Тот был краток:

– Доложите командиру базы, что в силу чрезвычайных обстоятельств у границы командование округом не в состоянии принимать дальнейшее участие в учениях. Мы готовимся к отъезду на КП.

Жуков доложил об этом прибывшим в Одессу начальнику

Главморштаба адмиралу И.С. Исакову и Военному совету флота. Они с пониманием отнеслись к сообщению и посетили командующего войсками округа генерала Я.Т. Черевиченко, который, познакомив их с обстановкой на границе, просил заместителя наркома ВМФ Исакова освободить его от участия в учении для выполнения приказания наркома обороны. Оказывается, командующий войсками округа 14 июня получил приказание выделить армейское управление (9-й армии) и 21 июня вывести его в Тирасполь, тщательно организовав управление войсками оттуда.

Руководство Красной Армии принимало меры к повышению готовности приграничных войск. Я спросил Ветошникова о том, есть ли указания по изготовлению войск и развертыванию КП корпусов и дивизий. Он ответил, что пока нет.

И все-таки директивы наркома обороны и начальника Генштаба от 14 и 18 июня (командующие других западных округов получили их 18 июня) надо считать важными оперативными документами. Одно дело – начать управлять войсками для отпора врагу с готового КП, и другое – быть застигнутым в штабе, в городе, начать подводить связь к КП, переезжать под ударами авиации противника. И неизвестно, как бы тогда протекало приграничное сражение.

В Тирасполь на КП выехала оперативная группа штаба округа. А тем временем наши военно-политические отношения с Германией накалились до предела. День 18 июня крепко мне запомнился – он принес тревожные вести. По информации, полученной командующим войсками округа из Москвы, Сообщение ТАСС даже не опубликовано в германской печати. Маловероятно, что появится ответ германского правительства. Времени прошло много, а партнер по пакту не откликнулся. На фоне концентрации его войск у нашей границы это было похоже на то, что он задумал злое. Информация об уходе из наших портов германских торговых судов, свернувших грузовые работы, подводила к такому же выводу.

Закончилось учение флота совместно с войсками Одесского округа. В порт вернулись транспорты с частями 150-й дивизии. Я готовил материалы к разбору учения. И вдруг звонок начштаба базы Иванова: «Идемте к командиру».

Жуков был взволнован и озабочен: «Читайте». Это была телеграмма Военного совета флота: «Вне всякой очереди. По флоту. Оперативная готовность номер два». Подана в 17.15 19 июня. Без пометки «Учебная». Значит, исходит от наркома ВМФ – только он может переводить флоты на фактически повышенную оперативную готовность. Но штаб Одесского округа пока не

получал указаний о повышении готовности войск. Похоже, что нарком ВМФ действует самостоятельно, по обстановке, сложившейся к этому дню. Позже Кузнецов расскажет нам: «У меня были все основания действовать так: я знал о приказании наркома обороны о выезде командования западных округов на КП, получил информацию о том, что германское правительство не ответило на Сообщение ТАСС и даже не опубликовало его в печати, что немецкие торговые суда, прервав грузовые операции, покидают наши порты. Я помнил исторические случаи внезапного нападения на русские флоты в 1904 году в Порт-Артуре и в 1914 году на Черном море и, понимая свою персональную ответственность за неприкосновенность наших морских границ, самостоятельно перевел флоты в ОГ-2, о чем было записано в оперсводке Главморштаба, регулярно посылавшейся в Генштаб».

Через три дня совершится нападение врага, и все по достоинству оценят мужественный и прозорливый шаг наркома ВМФ. Николай Герасимович Кузнецов выдержал экзамен на военную и государственную зрелость как народный комиссар советского правительства.

Соединениям и частям Одесской базы был передан условный сигнал, означавший переход на ОГ-2. Многократно проигранный на учениях, он был четко исполнен в назначенные часы и минуты. Ночная проверка, проведенная штабом и политотделом базы, показала собранность и крепкое политикоморальное состояние личного состава. Только я улегся отдохнуть после ночной проверки кораблей и частей, звонок Жукова: «Зайдите». У него Иванов.

– Читайте. – И Жуков вручил мне телеграмму начальника штаба флота Елисеева: «В двухдневный срок закончить план прикрытия границы, составленный со штабом округа, и представить Военному совету флота; указания округу Генштаб дал».

– Вы его составляли – вам его и заканчивать, – приказал мне Жуков. – Вас ждут в штабе округа, звонил Захаров.

Ветошникова я застал в сборах.

– В Тирасполь? – спросил я.

– Нет. Туда выехал оперотдел во главе с моим заместителем майором Филипповым, а я – в Москву. Вызывают в Генштаб с Планом прикрытия границы. Наш совместный план по обороне морского побережья приказано направить Военному совету флота на утверждение, и, видимо, вам придется сопровождать нашего представителя.

Черевиченко и Жуков приняли совместное решение: направить в Севастополь заместителя командующего округом

генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова и капитана 3-го ранга К.И. Деревянко с совместным Планом прикрытия границы для рассмотрения его на Военном совете флота.

Первый бой

Суббота 21 июня 1941 года. Флот уже двое суток в повышенной готовности. Но мы, моряки, понимали, что, в какой бы готовности ни находился флот, судьбу Родины решают сухопутные войска.

Скоро наше отплытие. Сборы у меня короткие, прощаться не с кем. Семья в Севастополе, на похоронах, – скоропостижно скончалась сестра жены Вера Ивановна Дубовская, мой друг и товарищ 20-х годов по армавирскому комсомолу.

В тяжелых раздумьях покидал я Одессу: наши оперативные планы на пути в Москву и Севастополь. Командование округом в движении на КП, флот в готовности… А по войскам никаких указаний.

Надо быть на пристани в час отхода одесского экспресса-теплохода по Крымско-Кавказской линии, чтобы полюбоваться редкостным зрелищем. Каждый отход теплохода – праздник. А сегодня – суббота, вечер. Масса провожающих. Разноцветье платьев, букеты цветов. Люди в приподнятом настроении: одни в предвкушении приятного плавания, другие – дня отдыха. Безбрежное веселье и по-одесски шумные, крикливые разговоры с особой, присущей только одесситам, интонацией. И конечно же, в этот час никто не хотел думать о войне.

Было бы нечестно по прошествии десятков лет распространяться, что я или мои начальники предсказывали ее начало. Не было таких провидцев ни в низах, ни в верхах. Но никто из тех, кто служил у границы, кто знал обстановку, пережил лето сорок первого и видел, на себе испытал, как начиналась война, не откажется и сейчас от того чувства ожидания удара, которое тогда владело нами в последние мирные дни.

Нет-нет, только не сегодня. Сегодня мы не хотели войны, поэтому и не ждали ее сегодняшней ночью. Мы хотели отодвинуть этот день. Все говорило за то, что война будет. Но только пусть не теперь. Ведь мы еще не все сделали и в перевооружении, и в уточнении замыслов врага, и в готовности. Так я думал.

А еще… Совсем недавно мне казалось – это мои личные раздумья и я их никому не навязываю, – что Сталин контролирует положение. Возможно, он еще скажет свое решающее слово. Может, в его силах отсрочить войну своими, непостижимыми для моего ума, путями, только ему одному подвластными. Ведь он многое может. Мы верили в его большие возможности искусного

политика. И наверное же, с помощью этой веры некоторые из нас, в том числе и я, назначали про себя выгодные для нас сроки возможной войны. Лично я не ожидал нападения Германии в июне 41-го. Ведь мы поэтому и в Севастополь следовали, что решали за противника по-своему.

Что это – так устроен человек? Тогда он плохо устроен. Если на душе тревожно сегодня, то будь готов к удару на завтра. Я так думал тогда: если я не жду сегодня нападения, то почему эти развеселые и экспансивные одесситы должны терзать себя думами о войне вообще? К тому же неделю назад они с облегчением прочитали Сообщение ТАСС: все, что они до этого слышали тревожного, – провокация. Германия не собирается нападать на нас. Теперь без тревог можно плыть по самой красивой в мире прибрежной линии вдоль Крыма и Кавказа, от красавицы Одессы до субтропических Сухуми и Батуми. От одной мысли перехватывало дыхание. Тогда на прощально-поцелуйном причале я стоял поодаль и с грустью – и не только потому, что наша семья в глубоком трауре, – наблюдал эту веселую безмятежность людей, искренне веривших в свое мирное бескрайнее счастье. А отсчет его сроков уже шел на часы и минуты. До первых залпов зенитной артиллерии Черноморского флота оставалось семь часов.

Генерал Никандр Евлампиевич Чибисов подъехал ко второму гудку теплохода. В сопровождении охраны мы поднялись на борт теплохода «Армения» в каюту-люкс генерала. По просьбе Чибисова я познакомил его с флотской системой оперативных готовностей и проведенными мероприятиями по ОГ-2.

– Интересная система готовностей, – заметил он. – А нарком Кузнецов, видать, дальновидный человек. Понимая реальную угрозу нам, принял важное решение о повышении готовности флотов.

Утро 22 июня. Стоим на якоре у Евпатории. Прибыли новые пассажиры. Через иллюминатор моей каюты, выходивший на прогулочную палубу, слышу обрывочные слова: «…бомбили… Севастополь…» Неведомой силой вынесло меня на палубу. А там масса людей и стоит необычная для путешествующих тишина. Пассажиры сгрудились и слушают пожилого, в очках, мужчину: «Сегодня ночью немецкие самолеты бомбили Севастополь, имеются убитые и разрушения». В безмолвии и растерянности пассажиры осмысливают услышанное. А человек в очках, мне показалось, почувствовал себя виноватым, что оглушил людей страшной вестью. Да, это – война.

Я поспешил к Чибисову. Выслушав меня, он ответил: «Вот и закончилась наша миссия». Вошел взволнованный капитан судна

В.Я. Плаушевский:

– Я получил радиограмму из пароходства следовать в Ялту, так как вход в Севастополь закрыт. Имею сведения, что его бомбили немцы. Вы старшие из военных. Что бы вы посоветовали для обеспечения безопасности плавания в этой ситуации?

– Это по части товарища Деревянко, – ответил Чибисов.

Я не заставил себя ждать.

– Немедленно сняться с якоря и следовать по назначению, обойдя район Севастополя по большим глубинам, так как он может быть заминирован. Выйти к Алупке и следовать вплотную к берегу до Ялты. Установить наблюдение за воздухом и перископами подлодок. Остальное договорим на мостике.

Начали движение. И я посоветовал капитану скрытно от пассажиров провести аварийную тревогу и проверить состояние спасательных средств, дал рекомендации по уклонению от атак самолетов, подлодок и торпед.

В 12 часов по радио выступил заместитель председателя Совнаркома В.М. Молотов с сообщением о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз и призвал советских людей самоотверженно сражаться с фашистскими захватчиками. В Обращении говорилось, что эта война навязана нам не германским народом, а кликой фашистских правителей.

Да, мы, советские люди, – интернационалисты и никогда не отождествляли фашизм с прогрессивными немцами, которые сами стали жертвой гитлеризма. Однако историю не переделаешь. На наших глазах проходили политические события в Германии, начиная с голосования на парламентских выборах в 1932 году. Доверие подавляющего большинства немецкой нации было отдано нацистской партии.

На исходе дня мы были в Севастополе на флагманском командном пункте – ФКП флота.

Чибисов сразу же обратился к Октябрьскому:

– Какие имеете сведения о положении на фронтах, и прежде всего на юге? Ведь я теперь командующий Одесским округом, а Черевиченко – командующий 9-й армией.

– Недавно звонил в Москву. Обстановка на фронтах неясная. Войска 9-й армии своевременно подошли к границе и вместе с Дунайской флотилией отбили попытки немцев и румын форсировать Прут и Дунай.

Я внимательно слушал разговор двух командующих.

– А что произошло в Севастополе? Он помянут в выступлении Молотова? – спросил Чибисов.

По рассказу командующего флотом, дополненному потом начальником штаба флота Елисеевым и оператором штаба, моим

старым сослуживцем, капитаном 3-го ранга В. А. Ерещенко, вот как развивались события в Севастополе.

В ночь вражеского нападения в штабе находились начальник штаба Елисеев и оператор Ерещенко. Оперативным дежурным был капитан 3-го ранга Н.Т. Рыбалко, а его помощником – капитан-лейтенант А.С. Левенталь, оба энергичные командиры.

В первом часу ночи 22 июня по ВЧ позвонил нарком Кузнецов и приказал Елисееву без промедлений переводить флот на оперативную готовность номер один. Сказал, что телеграмма об этом пошла. Ее начали передавать из Москвы в 23.50 21 июня.

Прибыл командующий. В час пять минут ему вручили телеграмму: «Оперативная готовность номер один. Немедленно. Кузнецов». Через 7 минут пошло приказание по флоту.

В Главной базе командиры и сверхсрочнослужащие были вызваны в части по инструкции «Экстренный вызов» рассыльными, а затем для ускорения были даны звуковые и световые сигналы: «Большой сбор». Севастополь был затемнен. В штаб флота потоками шли запросы из частей и гражданских организаций. Все было необычно: ведь этому поколению в большинстве своем предстояло воевать впервые.

Флот перешел на высшую оперативную готовность к трем часам тридцати минутам 22 июня. И готов был вести боевые действия всеми силами. Зенитная и береговая артиллерия на всем театре была готова к открытию огня к двум часам десяти минутам.

То, что адмирал Кузнецов, исходя из обстановки, за три дня до нападения фашистской Германии повысил готовность флотов, а в ночь нападения, используя введенную им два года назад систему оперативных готовностей, с помощью короткого сигнала привел флоты в полную готовность, ставит его на особое место в ряду руководящих военных кадров. И никакие эпитеты превосходной степени не будут преувеличением при оценке этой личности.

Во втором часу ночи пришла вторая телеграмма наркома ВМФ. В ней говорилось, что в течение 22–23 июня возможно нападение врага. Оно может начаться с провокаций. Не поддаваться на провокации, могущие вызвать осложнения; быть в полной готовности встретить внезапный удар немцев и их союзников.

Позже мы узнаем, что такую осторожную телеграмму с оговорками Н.Г. Кузнецов составил в точном соответствии с телеграммой наркома обороны С.К. Тимошенко и начальника Генштаба Г.К. Жукова, посланной в военные округа по указанию, которое они получили. Такая телеграмма не могла не вызвать

глубоких раздумий: встретить, но не поддаваться.

После изготовки к бою томительно потекло время. Все в напряженном ожидании. Три ноль-ноль. Как током пронзил всех первый доклад береговых постов наблюдения о шуме моторов в воздухе с морского направления. Шел первый вал войны.

На всю жизнь врезался в мою память день 22 июня 1941 года. Я почти дословно помню все сказанное тогда Октябрьским, Елисеевым, Ерещенко. Оперативный дежурный флота Рыбалко, получив в 3.07 первый доклад о шумах моторов, тотчас доложил командующему.

– Есть ли наши самолеты в воздухе? – спросил Октябрьский.

– Флотских самолетов нет, по армейским оповещения не было. Сейчас идет еще доклад: шумы моторов неизвестных самолетов приближаются. Какие будут приказания для открытия огня?

Можно представить состояние Филиппа Сергеевича. Впервые в жизни он сталкивался с такой ситуацией. До этого он получал запреты на открытие огня по немецким самолетам во избежание осложнений с Германией и провокаций. Может, это и есть провокация? Пройдут над Севастополем и уйдут? Может, это армейские бомбардировщики авиакорпуса полковника В. А. Судеца из Запорожья, часто совершавшие тренировочные дальние полеты в море через Крым? Оповещение о них могли не получить, они могли уклониться от курса, а мы их собьем? А может, это нападение Германии? И как все это увязать с двусмысленной телеграммой наркома? И Октябрьский, держа в одной руке эту телеграмму, а в другой – телефонную трубку прямого провода с ОД флота, терзался. Во всех случаях не сносить головы: и когда откроешь огонь по своим, и когда не откроешь огонь по нападающему Велика ответственность командующего флотом за принимаемое решение. Особенно в условиях прежних предупреждений и противоречивых указаний.

Но оперативному дежурному флота, ответственному за происходящее, нет дела до этих барьеров и эмоций комфлота. Он ждет приказа, ибо у другого телефона на прямом проводе начальник ПВО флота полковник И.С. Жилин – тот ждет распоряжений. И Рыбалко вновь налегает:

– Товарищ командующий, как быть с открытием огня?

– Действуйте по инструкции, – ответил Октябрьский.

Елисеев в воспоминаниях замечает: «Поведение Октябрьского вызвано большой ответственностью, связанной с открытием огня, стремлением проявить выдержку и осторожность»[10].

Оператор Ерещенко рассказывал: «Елисеев и я стояли рядом с Рыбалко. Нервы что струны. И наш спокойный и уравновешенный

Елисеев, знавший наизусть инструкцию, согласно которой по неизвестным самолетам, пролетающим над Главной базой флота, открывать огонь с разрешения командующего, крикнул, как будто батареи были рядом: “Огонь!” Рыбалко не менее твердо прокричал в трубку начальнику ПВО: “По неизвестным самолетам – огонь!” А тот, тоже пуганный не раз ответственностью за нарушение приказа – не трогать немецкие самолеты, – в ответ: “Вы берете на себя большую ответственность, я записываю это в журнал”. Но Рыбалко уже не смутишь: “Сперва огонь, а потом записывайте куда хотите”».

Сразу вспыхнули десятки прожекторов. В их лучах – немецкие самолеты Хе-111.

В 3.13 первый залп дала 74-я зенитная батарея старшего лейтенанта И.Г. Козовника, которая стояла у Стрелецкой бухты, а вслед за ней открыли огонь батареи старших лейтенантов Печерского, Фастовца, Зернова, Сальникова, Алюшина, Пьянзина, Игнатовича, Юрханьяна, Тизенберга, Еременко и другие из дивизионов Хижняка, Тумиловича, Ребедайло, Сариева 61-го зенартполка, которым командовал В.П. Горский (начштаба – И.К. Семенов). Загрохотали все 48 стволов зенитных батарей ПВО и столько же корабельных. И грянул бой. Первый бой Великой Отечественной войны.

В 3.15 Октябрьский доложил в Москву наркому: «Отражаем налет немецких самолетов». Видимо, Кузнецов доложил правительству, ибо вскоре поступили доклады: «Сбит самолет противника, предположительно два подбито». Позже подтвердилось: противник потерял три самолета.

С постов получены донесения: «От самолетов отделяются парашюты и приводняются на внешнем рейде». Два парашюта приземлились в черте города, и город потрясли два взрыва. Днем специалисты доложили, что это взорвались морские донные магнитные мины с помощью специального взрывателя, чтобы мы не могли раскрыть их секрета в случае падения на сушу.

Самолеты, ослепленные прожекторами, встреченные огнем, беспорядочно сбросили мины. Ни одна из них не попала на фарватер.

Севастополь не бомбили. Произошло худшее. Противник произвел воздушно-минную атаку Главной базы флота с целью заблокировать корабельный флот. Но она была отбита. Честь и слава черноморским зенитчикам.

В будущем маршал Г.К. Жуков отметит в «Воспоминаниях…», что Черноморский флот организованно встретил внезапное вражеское нападение.

– Филипп Сергеевич, над Севастополем патрулируют

истребители И-16. У вас нет новых самолетов? – спросил Чибисов.

– Из шестисот самолетов у нас только одна эскадрилья новых, это пикировщики Пе-2, которые только сегодня привел с завода майор Морковкин.

Я отпросился у Октябрьского повидаться с Елисеевым для получения указаний. Потом встретился с работниками штаба. Начальник оперативного отдела О.С. Жуковский – в Москве с планами, вся оперативная работа легла на его помощников Н.В. Тишкина, В.А. Ерещенко, В.С. Лисютина. Но особенно тяжело начальнику оргмоботдела В.И. Никитину – идет мобилизация. И.М. Нестеров готовится возглавить морские коммуникации. Уточнив интересующие меня вопросы у начальников связи и гидрографии Г.Г. Громова и А.В. Солодунова, я вернулся в кабинет комфлота, когда он, закончив рассказ, пригласил нас отужинать. Я отказался и попросил разрешения повидаться с семьей.

Двери открыла Надежда Ивановна, сестра жены, и отшатнулась.

– Чур-чур… Откуда?.. Почему?

– Некогда. Где Женя?

– С детьми, мамой и моей Аленой эвакуированы в село Биюк-Сирень, что по дороге в Симферополь.

– А моя мать?

– Анна Федотьевна наотрез отказалась эвакуироваться.

Я бросился к матери.

Мать сидела на диване, обнявшись с внучатами, детьми моей сестры Антонины – Августиной, Юлием, Валерием – мал-мала меньше детвора. Жалкие и беспомощные. Надвигалась ночь со всеми своими опасностями приморского военного города.

Мать ко мне со слезами:

– Как же ты, сынок, сюда попал? Ведь война идет, а служба твоя в Одессе. И что теперь с нами будет? Беда-то какая.

Как мог, объяснил, как мог, утешил:

– Красная Армия и Флот разобьют врага.

– Что ж я, по-твоему, несмышленая? Ведь это же немец пошел на нас, а он уже всю Европу прибрал.

Вот так мы, занятые службой, порой считали, что наши жены и матери не разбираются в «высоких материях». А она, видите, какой политик и стратег!

Обнял племянников, расцеловал мать. На целых четыре года.

С темнотой выехали из Севастополя. Вот справа село Биюк-Сирень, тут моя семья. Хотелось утешить и обнять. Да разве можно думать о личном, когда такая всенародная беда? Усилием воли заставляю себя не просить Чибисова завернуть в село.

Рассвет застал нас на Перекопе. Включили радиоприемник. Передавали обращение премьер-министра Англии к нации. Мы услышали откровенного антикоммуниста, но реально мыслящего политика: «Гитлер напал на Россию… Это прелюдия к вторжению в Англию… Никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я, но все это отходит на задний план… Сегодня главный враг – гитлеровская Германия, и мы окажем России всякую помощь».

Это был лучший час Черчилля как государственного деятеля, когда он пошел вместе со своим народом на союз с СССР.

В нашей машине произошла поломка, и мы пошли в ближайшее село звонить в Симферополь о помощи. Идем вдоль хлебов, стоящих стеной. По ним ветер гонит волны. И над этим русским полем, искусно трепеща крылышками, зависнув на месте, заливается без умолку полевой солист – певучий жаворонок. А в пшенице неумолчный звенящий треск кузнечиков и время от времени выбивает свое перепелка: «Пить пойду, спать пойду». На земле и в небе буйствует жизнь. И не хочется верить, что в сотнях километров отсюда враг топчет такую же русскую ниву и «костлявая с косой» пожинает свой страшный урожай.

Село оказалось центральной усадьбой колхоза, и здесь мы попали на митинг – провожали мобилизованных на фронт. Выступавшие давали наказ сыновьям бить беспощадно фашистов. Машины скоро увезут этих парней, и с них не сводят глаз матери, жены, возлюбленные. Они не стыдятся своих слез расставания, ведь это, возможно, последнее свидание. Вот она, философия войны: общество с напутствием и скорбью провожает своих сыновей. Оно скорбит о возможной смерти героев и одновременно ждет и требует побед. А победы не бывают без жертв. Такова железная логика.

Днем переправились через Днепр. Вечером – в Николаеве. И здесь, в областном военкомате, я стал свидетелем незабываемого события. К Чибисову прорвалась группа юношей и среди них девушки. Ну явно им неполных семнадцать, а самозабвенно утверждают: восемнадцать.

– Товарищ генерал, военкоматы не зачисляют нас в Красную Армию, а мы хотим громить немецко-фашистских захватчиков.

– Есть Указ призывать 1918 года рождения и старше.

– Так мы просимся как совершеннолетние, добровольцами.

– Давайте ваши паспорта.

Вот и раскрылась святая ложь – все «забыли» дома.

– Не зачислите – убежим на фронт, там примут.

Прошли годы, а я постоянно вспоминаю николаевскую встречу с юными патриотами. И рождалось большое чувство

гордости за мой народ. Из двух встреч с советскими людьми я вынес глубокую убежденность, что наш народ не согнет никакая беда. Он непобедим! И я никогда не сомневался, что мы разгромим гитлеровскую Германию.

Наконец я у себя в штабе и засел за оперативные дела.

Одессу оборонять

Одесская военно-морская база начала боевые действия с первого дня войны, и особенно активно очаковской зенитной артиллерией. В Николаеве находилось большое число новых – готовых и достраивавшихся – крейсеров, лидеров, эсминцев, подлодок; и противник решил заблокировать эту наиболее ценную часть нашего корабельного флота. На Одесскую базу легла ответственная задача. Во вторую ночь войны, а затем и в последующие, авиация противника начала сбрасывать магнитные мины на очаковские фарватеры. Встреченные дружным огнем зенитного артдивизиона, которым командовал майор В.А. Моисеев, ослепленные прожекторами, самолеты противника беспорядочно сбросили мины – фарватеры остались чистыми и по ним продолжали ходить суда и корабли из Николаева и Херсона. После Севастополя это была вторая победа черноморских зенитчиков. Враг не застал их врасплох.

Корабли базы под командованием капитана 3-го ранга Г.И. Гинзбурга начали ставить оборонительное минное заграждение от Днестровского лимана до Тендры по дуге при гидрографическом обеспечении службы капитана 3-го ранга Б.Д. Слободника. Наша фланговая 130-миллиметровая береговая батарея № 717 под командованием капитана Н.С. Гуппала у устья Дуная вела бой с противником, пытавшимся переправиться через Килийское гирло. Самолеты 70-й и 78-й авиаэскадрилий, которыми командовали майоры И.А. Кравцов и Ф.И. Бадербеков, наносили бомбовые удары по румынским кораблям в Сулине и Тулче.

Адмиралу не понравился мой утренний доклад по сухопутной обстановке из-за отсутствия данных от армии. Он приказал начальнику штаба отправить меня на КП 9-й армии, нанести обстановку на карту, наладить информацию и тотчас вернуться назад.

Через полтора часа я был на КП армии в селе Красная Горка, что севернее Тирасполя. Ветошников еще не возвратился из Москвы. Его заместитель майор Филиппов показал карту обстановки и рассказал о первых днях боев.

Начальник штаба округа Захаров прибыл на КП 21 июня и взял на себя управление войсками. Военный совет округа прибыл утром 22 июня. Вечером 21-го из Одессы Черевиченко после переговоров с наркомом Тимошенко приказал Захарову поднять войска по тревоге и занять рубежи у границы. В полночь были подняты по тревоге 22 сухопутные и 4 авиационные дивизии.

Авиации было приказано к рассвету рассредоточиться на полевых аэродромах. В 2 часа ночи 22-го начали принимать телеграмму с директивой наркома обороны и начальника Генштаба, в которой говорилось о возможном нападении немцев. Она требовала быть в готовности встретить удар, но не поддаваться на провокации. Предписывалось в течение ночи на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепленных районов на границе, к рассвету рассредоточить авиацию по полевым аэродромам, войска привести в готовность и держать рассредоточение и замаскированно; никаких других мероприятий не проводить. Войска выдвигать к границе не разрешалось. Эта телеграмма была переадресована в корпуса и дивизии уже под гром артиллерийской канонады. И кто не отдал предварительных приказаний, уже ничего не успел сделать. Таким упреждающим приказанием на флоте явилась телеграмма Кузнецова о переходе на ОГ-1, а в Одесском округе – смелое решение Черевиченко с вечера поднять войска по тревоге. Они вовремя подошли и в первый день отразили попытки противника переправиться через Дунай и Прут. Противник бомбил пустые казармы и аэродромы. Наши истребители сбили тогда 30 вражеских самолетов. Это большая заслуга летчиков и командования ВВС округа генералов Ф.Г. Мичугина и А.З. Устинова, проявивших величайшую ответственность и оперативность.

– В первый день были получены еще две директивы наркома обороны, требовавшие наступления и разгрома вторгшегося врага. Второй день принес огорчения: войска противника, используя огромное превосходство в силах, переправились через Прут и захватили плацдарм в районе Скуляны. Севернее наша 18-я армия вела тяжелые бои. Что делалось далее к северу, мы не знали, – закончил рассказ Филиппов.

Выполняя приказание Жукова, я доложил Захарову о действиях базы. Он передал информацию для Жукова: создан Южный фронт во главе с генералом армии И.В. Тюленевым, ему подчинены 18-я и 9-я армии.

Из Очакова доложили, что магнитные мины, приводнившиеся на мелководье, самовзорвались. Значит, в них есть взрыватели для самоуничтожения, чтобы мы не могли поднять, разоружить, изучить, создать трал и оборудовать антимагнитные пояса на кораблях. Одна мина, упавшая на сушу, взорвалась, как бомба, – похоже, с помощью загубленного взрывателя. А одна упала в Березанский лиман и не взорвалась, видимо, не сработал взрыватель на самоуничтожение. Она видна с берега. Туда был направлен флагманский минер базы Н.Д. Квасов. Из Севастополя прилетел военинженер И.И. Иванов. Трактором вытащили мину

на берег. И эти два героя, рискуя жизнью, развинтили, разобрали трехметровую махину и вынули все приборы. Мину доставил в Одессу мичман Л.С. Кушнир. Вес взрывчатого вещества – 300 килограммов. Но все обошлось благополучно, не сработали ловушки-взрыватели. Наш Квасов был награжден за мужество орденом Красного Знамени.

Иванов увез приборы. В Севастополе их ждали флотские минеры во главе с М.М. Семеновым и А.И. Маловым, чтобы изучить и приступить к созданию магнитного трала. В начале августа на флот прибыли ученые А.П. Александров и И.В. Курчатов. По устройству приборов мины они разработали теорию размагничивания кораблей и размагничивающего устройства, которое под руководством начальника техотдела флота И.Я. Стеценко позднее было установлено на кораблях.

Армейские и флотские бомбардировщики ДБ-3 и флотские пикировщики Пе-2 под командованием капитана А.П. Цурцумия начали бомбить румынские нефтяные промыслы в Плоешти, которые питали горючим германские вооруженные силы. 26 июня два наших лидера обстреляли и подожгли нефтяные баки в Констанце. Но на минном поле подорвался и затонул лидер «Москва». Не стоила эта нефть такой потери. Корабли были посланы в миноопасный район без разведтраления. Когда пришли в себя, нашли решение: эту задачу надо было возложить на новый крейсер с дальнобойной артиллерией. Он достал бы эти нефтяные баки, не входя в опасный район.

В те дни Дунайская флотилия под командованием контр-адмирала Н.О. Абрамова (начальник штаба – В.В. Григорьев, начальник оперативного отдела – Ф.В. Тетюркин) провела блестящую и дерзкую операцию – высадила два десанта на вражеский берег Дуная, которые удерживали плацдармы до 18 июля. Это был единственный случай в первые дни войны, когда наши войска и корабли пересекли границу и вели бои на вражеской территории.

Пошла вторая неделя войны. Как бы ни казались нам, морякам, важными наши флотские боевые дела, нас уже неодолимо тянуло на сушу осложнившееся положение нашей армии и неясность обстановки на фронтах. Жуков не выдержал и скомандовал мне:

– Забирайте сухопутные карты, выезжаем на КП 9-й армии.

Майор Филиппов показал свою карту и доложил, что в районе Скуляны противник расширил плацдарм, у нас не хватило сил сбросить его в реку. Наша 18-я армия и севернее ее 12-я армия Юго-Западного фронта с боями отходили от границы. Перед фронтом этих и нашей армий действовали (с юга на север)

4-я румынская, 11-я немецкая, 3-я румынская армии, венгерские части и части 17-й немецкой армии. Обстановка на других фронтах неизвестна. С минуты на минуту ждем Ветошникова из Москвы с подробностями.

– Прибыл новый начальник штаба армии генерал-майор П.И. Бодни. Захарова отзывают в Москву, – заключил Филиппов.

А вот и Ветошников – мрачнее тучи. Мы с ним прошли в кабинет начштарма. Ветошников пробыл в Генштабе семь первых дней войны и знал обстановку на фронтах. Его информацию было тяжело слушать. Так как планы округов по прикрытию границы не были введены в действие, внезапный удар врага приняли немногочисленные приграничные дивизии и пограничные заставы. Наши воины проявляли массовый героизм и вели сдерживающие ожесточенные бои. Отходя, наносили по врагу контрудары. На соседнем, Юго-Западном фронте в районе Луцк – Броды – Ровно развернулось крупное танковое сражение, задержавшее продвижение противника. 99-я дивизия с погранотрядом выбили гитлеровцев из Перемышля. Но Киевское направление внушало опасение. На Северо-Западном фронте, в Прибалтике, храбро сражался гарнизон Либавы – 67-я дивизия, моряки, пограничники. Но противник рвался к Риге. Большие потери самолетов, прежде всего на аэродромах. В воздухе заметно превосходство немецкого истребителя Ме-109Е.

Первым нарушил молчание Жуков, человек смелый в суждениях.

– У нас был выдвинут прекрасный девиз: «Летать выше всех, дальше всех, быстрее всех», поднимавший людей на большие дела. У нас мощные авиазаводы, много конструкторских бюро. И вдруг превосходство «мессершмитта». Как участник испанских событий, я видел его в небе Испании еще три года назад и полагал, что ему уже противопоставлена машина.

– История была благосклонна к нам, преподала урок в Испании в 1937 году, отпустив четыре года на перевооружение, – заметил Захаров.

– А почему винтовок не хватает? Ведь у нас хорошие оружейные заводы, – спросил Жуков.

– Оружейные заводы работают исправно. Тут какой-то просчет. А еще была мысль переходить на автоматическую винтовку.

Весь путь до Одессы мы с Жуковым обсуждали сложившееся положение.

Я напомнил адмиралу содержание директивы Генштаба, по которой составлялся план прикрытия границы. Предусматривалось силами прикрытия отразить нападение и

отбросить противника, пока идет мобилизация и развертывание. Советская военная наука вполне обоснованно считала, что война потребует мобилизации усилий всего народа, создания массовой армии. План прикрытия границы предусматривал деление войск на группировки, с размещением их на большую глубину. Отражение первого удара возлагалось на дивизии прикрытия границы.

– Я так понял, – сказал Жуков, – что в идее замысла директивы не проглядывалась возможность внезапного нападения на нас всей отмобилизованной вражеской армии вторжения и необходимость выставления у границы против нее всей нашей армии в соответствии с требованиями Полевого устава о молниеносном ответном ударе и наших хороших девизов: «Ни пяди нашей земли врагу» и «Воевать на территории агрессора», являвшихся сердцевиной нашей военной доктрины. Видно, предполагалось, как в прежних войнах, что сперва будет идти мобилизация и бои между силами прикрытия, а затем сражение главных сил. Хотя наши военные теоретики перед войной писали: отныне ожесточенные сражения массовых армий будут начинаться с первого дня войны. Эти правильные положения не нашли отражения в наших планах в силу незавершенности новой теории о начальном периоде войны.

Продолжая, Жуков высказал такую мысль: а может быть, помимо плана прикрытия границы, который можно было вводить только по указанию правительства, в армии невредно было бы иметь инструкцию по оперативной готовности войск, вроде флотской, которая у нас определяла бы строгий оперативный режим в угрожаемое время, предусматривала бы повышенную готовность, рассредоточение авиации, вывод частей на промежуточные рубежи и которую могло бы вводить в действие военное командование коротким сигналом, тогда, может быть, и приграничное сражение протекало бы по-иному? С высокими моральными данными и мастерством воинов Красной Армии, своевременно поднятые войска, занявшие рубежи, трудно было бы сбить.

Хорошо сказал Гавриил Васильевич. Все-таки умная у него голова, суждения логичные, интересные. Он высокого мнения о силе Красной Армии, его уверенность в советском воине покоряла и еще больше утверждала мою веру в непобедимость нашей армии. Вообще у Жукова много добродетелей: служака старательный, душа партийная, требовательный командир, хороший товарищ, любит смелое и острое слово и на доброе щедрый. Может по душам поговорить, доверительно высказать сокровенное. С ним было приятно работать и беседу вести.

Третьего июля по радио выступил И.В. Сталин. Он говорил: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!.. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины… Над нашей Родиной нависла серьезная опасность…»

Как могло случиться, что Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Захват врагом нашей территории объяснялся тем, что война началась при выгодных условиях для немецких войск. Они были отмобилизованы, придвинуты к границе и находились в полной готовности, а нашим войскам надо было отмобилизоваться и придвинуться к границам. Сталин призывал советских людей, чтобы они осознали всю глубину опасности, отрешились от беспечности. Враг жесток. Он хочет восстановить царизм. Дело идет о жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам Советского Союза свободными или оказаться порабощенными. Далее была изложена программа борьбы с врагом.

Необычная доселе форма обращения, содержание речи, интонация голоса говорили о величайшей озабоченности партии и правительства создавшимся положением.

Вскоре после выступления Сталина и в связи с прорывом противника на Юго-Западном и Южном фронтах в направлении Житомира, Винницы, Кишинева по обороне Одессы были приняты первые важные решения. 6 июля была сформирована Приморская группа войск (позже переименованная в Приморскую армию) в составе трех южнофланговых дивизий 9-й армии, укрепрайонов, погранотрядов, Дунайской флотилии, Одесской базы. Ее командующим был назначен командующий Одесским военным округом генерал Н.Е. Чибисов по совместительству. Тут же он получил телеграфное приказание комфронта о строительстве оборонительных рубежей вокруг Одессы (и других городов) и на побережье совместно с флотом. Это приказание было 12 июля подтверждено директивой фронта, составленной начальником инженерных войск фронта А.Ф. Хреновым. К работам приступили немедленно. Силами города, округа, базы создавались противотанковые рвы, окопы.

Выполняя решение правительства, руководство Одессы усиленно эвакуировало оборудование предприятий в тыл. До пяти судов в сутки уходило в дальние порты. Морские коммуникации заработали в интересах Одессы на полную мощь, и их надо было защищать.

Для обороны судов на переходе морем от авиации и кораблей противника Одесская база ввела в действие систему конвоев.

Конвой состоял из грузовых судов и боевых кораблей охранения. Конвойную службу базы возглавил оператор капитан 3-го ранга А.А. Петров. Он формировал, отправлял и встречал конвои.

В те дни положение 9-й армии осложнилось. Противник развивал наступление на Кишинев, армия отходила. Жукова это взволновало: ведь за Днестром на побережье стояли две наши береговые стационарные батареи. Они не на колесах и с армией не смогут отойти.

Жуков уехал к Чибисову за указаниями. А у того на руках полученный только что приказ командующего 9-й армией об отводе 8 июля войск (в том числе и зачисляемых в Приморскую группу) от Прута и Дуная к Днестру. И Чибисов, уже как начальник, дает разрешение Жукову снять заднестровские батареи. Командующему флотом пошла телеграмма – подтвердить снятие батарей. Мы приготовили два отряда кораблей для этого дела. Прошла ночь. Ответа из Севастополя нет. Приказ об отводе войск не отменен, но приморские войска и Дунайская флотилия не отходят и продолжают бои на границе. Значит, и наши батареи должны продолжать действовать и даже прикрыть отход флотилии. Считая это само собой разумеющимся, начальник штаба и я, доложив обстановку на суше и море, никаких предложений о снятии или оставлении батарей и не вносили.

То ли Жуков не доверился нашим сведениям, то ли усомнился в способностях своего штаба правильно оценивать обстановку и вносить дельные предложения, но, выслушав нас, скомандовал, как отрезал:

– Начальник штаба, приказываю в тринадцать ноль-ноль кораблям выйти для снятия батарей. Вам и Деревянко проверить готовность сил и средств и своевременный выход.

Мне нравился Жуков за быстрые и смелые решения. Но это его решение показалось скоропалительным. Безусловно, командиру надо было заслушать мнение штаба, а штабу быть инициативнее, вносить свои предложения, если они, конечно, есть, и отстаивать их. Принятое без всестороннего осмысления решение является волевым и часто ведет к неудачам. Мы оба – и начштаба, и я – оказались в роли послушных молчальников. И не утруждая себя угрызениями совести, бросились усердно выполнять приказание. Это была ошибка – и командира, и наша.

Уже отвинчивали гайки оснований пушек, когда Чибисов сообщил Жукову, что отход левофланговых дивизий фронта отменен. Мы вернули корабли, о чем Жуков донес Октябрьскому. А у того оказался характерец, я вам доложу. Узнав, что без его приказания собирались снять батареи, разразился таким взрывом,

что рикошетом прошло и по исполнителям.

– Зайдите, – услышал я в трубку.

У Жукова сидели начальник штаба и начальник политотдела и усердно изучали какой-то документ.

– Хотя вашей фамилии там нет, но присоединяйтесь. Полезно поучиться, – угрюмо произнес Жуков.

Это была телеграмма Октябрьского, похоже, лично им писанная. Привожу ее, чтобы показать, как уже в самом начале войны ставился вопрос стоять насмерть. И опускаю только тяжелые обороты и самые крепкие выражения, характерные, как потом я уяснил, для стиля Октябрьского.

«Жукову. Вы эвакуируете батареи… Легко сдаете завоеванное… Наши бойцы должны драться до последнего снаряда и, если нужно, погибнуть смертью храбрых, чем действовать по вашему методу. Вся Бессарабия наша, а Жуков уходит. Не надо конфузиться. Батареи оставить. Если их будет окружать враг, взорвать, а личный состав взять на корабли. Прочитайте телеграмму Иванову и Дитятковскому. Октябрьский. Кулаков»[11].

У меня горели уши, гудела голова. Я не смел глянуть в глаза рядом сидящим. Ранее смутно представляя ошибку, теперь ясно видел всю неприглядную картину нашей позорной затеи. И хотя моей фамилии в телеграмме не было, я посчитал себя полноправным соучастником этой бесславной «операции». Это же относилось и к начполитотдела. Вот почему две фамилии и оказались в тексте телеграммы. Октябрьский – умный человек, он был прав, но тон телеграммы обидный. Впрочем, и многие другие телеграммы, написанные лично Октябрьским в подобных ситуациях, были весьма резкими. Он страстно, не сдерживаясь, обрушивался на непорядки, просчеты и ошибки и их носителей. Мы это все испытали на себе сполна. И надо было обладать большой выдержкой, чтобы молча сносить эти резкости, тем более что Октябрьский почти всегда был прав и отстаивал высшие интересы дела, а если и обижал незаслуженно, то искал пути загладить свою вину А это уже величайшая добродетель, и ее надо уметь ценить.

Жуков не смолчал и дерзко ответил. Горячность его в принятии решения обернулась неприятностью. Сгоряча он послал и ответ.

Вообще горячность и волевые решения – слабое место в деятельности Жукова. Хотя это и не снижает его заслуг как способного организатора и руководителя обороны Одессы.

В июле стали поступать вести одна горше другой. Всякая война начинается с приграничного сражения. Оно было

проиграно нами. 28 июня пал Минск, 1 июля – Рига, 9 июля – Псков, 10-го бои завязались на реке Луге, а это уже под Ленинградом. 11 июля вражеские танки прорвались к дальним подступам Киева, на реку Ирпень. 16-го пал Смоленск. Враг вклинился на 600 километров в глубь страны. Обозначилась смертельная угроза трем великим городам: Ленинграду, Москве, Киеву. И промышленному югу Украины. Вот когда защемило сердце. Впереди у нас еще будет много испытаний, но каждый воевавший скажет, что самое тяжелое мы пережили первым военным летом. Оно было трагическим, но и самым героическим для нас – тогда стал рушиться немецкий «блицкриг».

16 июля Красная Армия оставила Кишинев. Наши левофланговые дивизии оказались как бы в «мешке», в юго-западном углу территории страны. Их надо было выводить. И 18 июля командующий Южным фронтом приказал Приморской армии отойти от государственной границы на реках Дунай и Прут к реке Днестр и «во взаимодействии с Черноморским флотом не допустить прорыва противника в направлении Одессы, удерживая последнюю при любых условиях»[12]. Это была первая постановка задачи на оборону Одессы.

Как раз в эти дни Одессой занималось и гитлеровское командование. В дневнике начальника германского Генштаба Гальдера есть запись за 18 июля: «Согласно указанию фюрера, теперь следует приступить к операции по овладению Одессой. Для выполнения этой задачи предназначен корпус Ганзена и большое количество румынских дивизий»[13].

Дунайская флотилия, сняв наши десанты с вражеского побережья Дуная, прорвалась с боем и под прикрытием огня 717-й береговой батареи капитана Гуппала по Килийскому гирлу в море и к 20 июля сосредоточилась в Одессе. Через день она направилась на Южный Буг, а позже перейдет на Днепр, чтобы артиллерией своих мониторов и бронекатеров наносить удары по вражеским войскам. И теперь ее уже можно было называть Днепро-Бугской флотилией. А мы тем временем благополучно сняли свои заднестровские батареи.

На совместном заседании Военного совета Приморской армии, бюро Одесского обкома и горкома партии и командования Одесской базы было решено форсировать строительство оборонительных рубежей вокруг города. Одесская партийная организация направила все свои усилия на подготовку города к устойчивой обороне. На строительство рубежей ежедневно выделялось более 12 тысяч человек. Коммунисты возглавили рабочие отряды. На рубежах часто можно было увидеть первого секретаря горкома партии Н.П. Гуревича. Совершенствовалась

местная противовоздушная оборона (МПВО) города, которую возглавлял председатель горисполкома Б.П. Давиденко. Под руководством обкома и облисполкома формировались истребительные батальоны и отряды ополчения, в которые вступили все коммунисты непризывного возраста.

Усилиями областных и городских партийных и советских органов Одесса быстро становилась фронтовым городом. Одесская партийная организация считала себя мобилизованной в интересах фронта.

Приморская армия не имела бомбардировочной авиации, и командарм обратился к Жукову за помощью. Но наша авиация бомбила объекты противника по приказанию командующего флотом. Однако становилось очевидным, что это дело второстепенное. Для всех нас главная угроза шла с суши. Дела нашей армии осложнялись с каждым днем, и пришла пора нам, морякам, переходить к боевой помощи армии огнем. И Жуков, не запрашивая разрешения, приказал направить авиацию базы для нанесения ударов по целеуказанию штаба Приморской. И донес об этом командующему флотом.

21 июля впервые морские летчики обеих эскадрилий базы пошли за Днестр бомбить войска противника, наседавшие на арьергарды наших отходивших частей. Вражескую пехоту прижали к земле, а это уже передышка для наших подразделений. Самолеты вернулись с пробоинами. За ночь их отремонтировали, а утром снова в бой.

Вы думаете, нашим пилотам просто давалась война на суше? Морской летчик обучен бомбить корабли и базы. А пехоту, окопы бомбить надо по-другому. И пришлось переучиваться на ходу. Командарм поблагодарил наших авиаторов. Пехоте понравилась помощь моряков, и тогда летчики стали делать по два-три вылета в день. Полет бомбардировщика СБ в зону действий вражеской истребительной авиации уже сам по себе является героизмом, а благополучный исход боя с нею – это высочайшее искусство. Таким мастерством и большой отвагой владели лейтенанты А.А. Куксин, Г.С. Сидоренко, П.И. Монахов, С.Г. Отинко, Н.С. Хохлов, А.И. Егоров, В.А. Изотов. Они надежно поддерживали свою пехоту. А водил их в бой майор Н.И. Земцов, большой мастер бомбовых ударов.

22 июля противник начал бомбить порт и город. Одессу прикрывала 15-я бригада ПВО в составе двух зенитно-артиллерийских полков и дивизиона под командованием полковника И.Т. Шиленкова (комиссар И.Ф. Подколзин, начальник штаба Н.И. Хоровец). Наш морской зенитный артполк, которым командовал майор Л.С. Гассель (комиссар А.М.

Кисляков, начальник штаба П.М. Сологуб), был включен в общую систему ПВО для прикрытия порта. 69-й авиаполк истребителей И-16 под командованием майора Л.Л. Шестакова предназначался для ПВО города.

В первый же вражеский налет зенитная артиллерия (начальник артиллерии бригады ПВО майор Т.И. Ростунов) и истребители показали, что они старательно обороняют Одессу с воздуха. Был сбит один вражеский самолет, остальные беспорядочно сбросили бомбы. Корабли не пострадали. К вечеру – второй массированный налет. Вода в акватории порта «кипела» от взрывов бомб, и по кораблям прошлись осколки. Это побудило Жукова приказать вывести военный транспорт «Аджария» на внешний рейд. На этот раз начальник штаба и я хотя и робко, но возражали. Не помогло. И наутро она была повреждена бомбой. Потеря судна была на нашей совести.

Штаб базы размещался в особняке на взгорье, над портом. С группой офицеров я вышел на площадку, с которой виден порт. К нам подошел Жуков и, увидев наши напряженные лица, завязал отвлекающий разговор. В беседу ворвались гром залпов зенитной артиллерии, свист и разрывы бомб. Взметнулось пламя пожара в порту. А когда после пронзительного свиста летевших бомб за штабом раздались два мощных взрыва, зазвенели стекла, заколыхалась земля, я не то что побежал, а потянулся к двери. Видно, у необстрелянных нарушаются центры управления в таких ситуациях, и они делают глупости. Жуков тихо, укоризненно бросил вдогонку:

– Ты куда, Деревянко?

А я и сам не отдавал себе отчета: куда и зачем? Получилось так: я, не дослушав Жукова, бросил его под бомбами, а сам – в укрытие. Выходило, я предал его. Пристыженный, быстро повернулся и возвратился. Жуков стоял с непокрытой головой и улыбался. Даже если это бравада, то и она была прекрасна. Жуков был великолепен. Он нисколько не потерял самообладания.

– Это война, и худшее впереди, – сказал он.

Мне было стыдно за минутную слабость. Готов был назвать себя трусом, хотя для меня это – первое испытание.

– Запомни, бравировать не надо, но и не от каждой бомбы прятаться следует. И еще: не забывай, рядом могут оказаться подчиненные. Учись подавлять страх усилием воли, ведь поначалу все испытывают страх. Приказывай себе находиться там, где требует обстановка. Но когда нужно, не стесняйся падать на землю, укрываться, ибо потери на руку врагу, – наставлял Жуков.

Бомбы рвались вблизи. Колыхалась земля. А я не шелохнувшись слушал Жукова и пытался проникнуть в его

духовный мир. Я так понял его: в момент опасности каждым человеком овладевает врожденный инстинкт самосохранения, чувство страха за жизнь, но его надо учиться подавлять.

Эти несколько минут с Жуковым под бомбежкой для меня были академией мужества. Гавриил Васильевич преподал мне первые и запомнившиеся на всю жизнь нравственные уроки. Такое не забывается. Я искренне полюбил Жукова. И если я критикую его недостатки, то так повелевает мне долг пишущего – история не разрешает и не прощает замалчивания, ибо оно уже является лжесвидетельством.

Я и мои товарищи обязаны Жукову первой боевой закалкой. И вообще всем нам в Одессе сильно повезло: было кому подражать, тем более что в тот лихой час особо ценилась отвага. Тогда же я поклялся, что никогда под ударами врага не пригнусь на виду у людей, не побегу в укрытие впереди подчиненных. И за всю войну не нарушил этот зарок. Но это потом. А тут во дворе штаба взорвалась бомба, вынесло все стекла. Я отряхнулся от осколков стекла и продолжал выполнять срочное задание. А в щели этим же взрывом убило матроса.

Как-то шел к судну, с которого разгружали снаряды. Начался артобстрел порта. Впереди разорвался снаряд, и вокруг судна с полными трюмами боеприпасов заплясали разрывы. Что делать? Возвратиться? «Надо подавить страх и делать то, что себе назначил», – так говорил Жуков. Прохожу щель, в которой сидят солдаты, прибывшие на разгрузку снарядов. Я им – ни слова. Только подошел к судну – и они следом. Сила примера. Жуковская академия. Кто с ним рядом повоевал, не мог остаться робким: «Помни о долге и о том, что рядом люди; и если они в полный рост, то и тебе не положено сгибаться; но если нужно, то ползи на брюхе и младшим прикажи». И сам Жуков, приезжая на Жевахову гору, полз к стогу сена на НП нашего корректировочного поста, ибо туда долетали мины.

Мне посчастливилось вместе воевать в Одессе и у Керченского пролива с храбрейшим человеком генералом И.Е. Петровым. Отважнее его нет для меня человека на планете. Спросил я его: «Испытываете ли вы страх под огнем?»

– Поначалу, – ответил он, – сильно боялся, а потом стал подавлять страх, а сейчас некогда бояться, да и долг обязывает. – И добавил: – Если кто вам скажет, что не боится смерти, знайте – перед вами бахвал.

Каким бы храбрецом ни был Жуков, но когда около штаба взорвалась уже пятая бомба, два соседних дома были разрушены и штаб уже дважды остеклялся, у него созрело решение:

– Начальник штаба, к утру ФКП базы перевести на КП 411-й

батареи.

Эта новая 180-миллиметровая батарея находилась к югу от Одессы, у Большого фонтана. Как в воду смотрел адмирал. В этот же день – прямое попадание бомбы в бывший штаб.

К 25 июля Приморская армия переправилась на восточный берег Днестра и, выполняя директиву комфронта об удержании Одессы, непосредственно прикрыла ее. Мы можем с полным основанием считать, что с этого дня начались ожесточенные бои за Одессу на дальних подступах – на Днепровском рубеже.

В связи с тем что управление Одесского военного округа должно было переместиться в тыл и заниматься мобилизацией и формированием частей, в Приморскую армию было назначено новое руководство: командующим – генерал-лейтенант Г.П. Софронов, членом Военного совета – дивизионный комиссар Ф.Н. Воронин, начальником штаба – генерал-майор Г.Д. Шишенин, начальником оперативного отдела – генерал-майор В.Ф. Воробьев. Политотдел армии возглавил полковой комиссар Л.П. Бочаров.

Генерал Воробьев, перед которым я отчитывался по оперативной службе, ученый человек, окончил две академии. У него я многое почерпнул по общевойсковым делам. Он охотно делился знаниями. По службе я ежедневно докладывал ему обстановку. Хотя он относился ко мне уважительно, как-то неуютно было с генералом. Потому я чаще общался с его операторами майором Ю.М. Лернером, капитанами И.П. Безгиновым, И.Я. Шевцовым, Н.И. Садовниковым и К.И. Харлашкиным и разведчиком майором В.С. Потаповым. На одном из докладов у Воробьева я познакомился с полковником, которому суждено было стать крупным военачальником, Маршалом Советского Союза.

– Познакомьтесь, – сказал Воробьев. – Мой заместитель.

Я представился.

– Крылов, – ответил полковник.

Отныне я имел дело с ним. Мне понравился Николай Иванович деловитостью и немногословием. Шла жестокая война. Она прессовала время. Длинные разговоры были нетерпимы. Болтуна мы просто считали опасным. А тут появился человек, который больше десятка слов из себя не выжимал, и все ясно. Он обладал огромной выдержкой. Я не слышал от него повелительного тона в мой адрес. Это располагало к сотрудничеству, И мы дружно работали.

Мы быстро сработались и с начальником артиллерии армии полковником Н.К. Рыжи, его начальником штаба майором

Н.А. Васильевым. И начали готовить морскую артиллерию к

боям за Одессу.

Мы жили не только частными событиями. Нас интересовала и беспокоила обстановка на других участках советско-германского фронта. В первой половине июля мы находились под тяжелым впечатлением стремительного продвижения врага. Казалось, что нет удержу его натиску. С тревогой мы ждали, что вот-вот враг совершит рывок к Москве и Ленинграду.

Но вот прошла еще неделя-другая. И враг как бы споткнулся. В немецкой военной машине произошел сбой. В Заполярье его остановили 14-я армия и Северный флот на реке Западная Лица. На Балтике военно-морская база Ханко приступила к захвату близлежащих островов противника; Моонзундские острова надежно оборонялись. Части армии и флота остановили противника на реке Луге. У Смоленска развернулось крупное сражение. На оборонительных рубежах Киева шли бои.

На трех главных направлениях – Ленинградском, Московском и Киевском – враг в середине июля был задержан. В его стремительном продвижении наступила пауза, которая не укладывалась в план «Барбаросса». И хотя враг пока удерживал инициативу, советские войска, измотав его контрударами, во второй половине июля перешли к стратегическому оборонительному сражению на широком фронте.

Наша партия и народ сделали главное в экономическом, идейно-политическом и военно-техническом планах, что позволило советским вооруженным силам, хотя и ценой больших потерь, при нехватке некоторых видов оружия и техники, устоять, а затем и дать грандиозное сражение врагу уже через три недели после его вторжения. Я погрешил бы против истины, если бы сказал, что мы уже тогда назвали сложившуюся ситуацию началом кризиса немецкого молниеносного плана войны. Мы назовем это своим именем чуть позже, а в середине июля мы перешли рубеж, после которого война пошла не по первичным гитлеровским замыслам. И товарищ Сталин в своем выступлении 6 ноября скажет о провале гитлеровского «блицкрига». Заметьте: скажет до начала Московской битвы. Но все это будет потом.

А сейчас? Если от Балтики до Киева противник в результате сильных контрударов Красной Армии, понеся значительные потери, был надолго задержан, то к югу от Киева он продолжал теснить наши войска, и линия фронта до Днестра имела большую подвижность, хотя на приморском фланге Красной Армии уже складывалась оборонительная твердь Одессы.

В середине июля вражеская группировка войск в составе

17– й армии и 1-й танковой группы, прорвав оборону на Юго-Западном фронте, повернула вправо. Из района Житомира и

Бердичева она устремилась на юго-восток вдоль правого берега Днепра в его большую излучину, оттесняя на юг наши 6-ю и 12-ю армии. 21 июля противник занял Умань и продвигался к Кировограду и Первомайску. Обе эти армии оказались в полуокружении. Их передали в состав Южного фронта. Между Юго-Западным и Южным фронтами образовался разрыв более 100 километров. Под натиском 11-й немецкой и 3-й румынской армий с запада и 17-й немецкой армии с северо-запада наша

18– я армия отходила к реке Южный Буг. За ней потянулся правый фланг 9-й армии. Но левым флангом она продолжала вести бои на Днестре вместе с Приморской армией. Эта обстановка обеспокоила наркома ВМФ Кузнецова и комфлота Октябрьского, и они решили изложить свою позицию по вопросу обороны с суши наиболее важной базы на Черном море.

До мелочей помню день 27 июля, день первой постановки боевой задачи нам, одесским морякам. День клонился к закату. Жуков пригласил Иванова и меня выйти подышать свежим воздухом. Только уселись, к адмиралу подошел помощник начальника связи ГБ. Миньков и вручил ему телеграмму. Жуков читал ее долго. Потом посмотрел в даль, как бы осмысливая прочитанное, и протянул документ Иванову. Мы углубились в чтение.

Это была телеграмма командующего флотом. Как потом выяснилось, она пересказывала телеграмму наркома, но со специфическими добавлениями, присущими Октябрьскому Когда надо было поднять людей на выполнение трудной задачи, вдохновить, он лично писал документы, не доверяя другим свои мысли. Он считал, что только с кончика его пера сможет сойти то, что он хотел донести своим флагманам. Он не только приказывал, но и убеждал. Порой он вставлял острое слово, и люди эмоциональные воспринимали его как обиду. Я же видел в его словах главное: огонь, страсть, великое служение народу. А все это вдохновляло на беспощадную борьбу с врагом.

Привожу сокращенный текст телеграммы Октябрьского, исключив слишком резкие выражения: «Жукову. Специально предупреждаю вас. Независимо от положения на сухопутном фронте, вы не должны отходить. Драться за базу до конца. Понимайте это как боевой приказ: победить или умереть, но никакого отхода. Вам отход запрещен. База и корабли флота будут драться до конца. Никакой эвакуации. Приступить к тренировке батарей и кораблей в стрельбе по суше. Привлекайте к строгой ответственности тех, кто собирается сдавать базу… Моряки никогда не отступали, если получили приказ: не отходить»[14].

Значит, если Приморская, по обстановке или по приказу, отойдет на восток, морякам не разрешалось отходить даже последними. Всяк читающий может поставить себя на наше место и предаться размышлениям. Я так понял приказ: мы должны максимально задержать врага.

Суровый приказ получили мы. Нашлись такие среди моряков, которых он ошеломил.

Приходилось встречать утверждения, что Жуков с самого начала стоял за оборону Одессы даже силами флота. Это неверно. Эволюция его взглядов и настроений проходила на моих глазах, и она не связана с его личными качествами храбрейшего воина. Он крепко стоял за неукоснительное выполнение директивы фронта о защите Одессы силами Приморской армии и Одесской базы. Но до получения приказа командующего флотом он и все мы в обстановке общего отступления армии не исключали оставления Одессы, если вдруг Приморская по приказу отойдет к Николаеву или враг от Днестра отбросит ее туда. Тем более уже был прецедент – из Дуная отошла Дунайская флотилия одновременно с войсками. Но нарком и комфлота имели на сей счет свое особое мнение. Телеграмма комфлота стала переломной в сознании Жукова: морякам ни шагу из Одессы. Он быстро перестроился, а за ним и все мы.

Жуков, протягивая телеграмму Иванову, тихо, вроде про себя, проговорил:

– Пока не представляю, как одними моряками удержать Одессу. Неделя боев на ближних подступах и на баррикадах – и все будет кончено. Но коль есть приказ, будем биться до последнего.

Гавриил Васильевич прошел славный боевой путь. Юношей начал воевать в Гражданскую на Волжской флотилии. Сражался за Испанскую республику. Опыта и отваги через край. И если он заговорил о драматичном исходе защиты Одессы одними моряками, то это не от слабости духа и незнания дела, а в результате трезвой оценки положения.

Пользуясь правом младшего первым излагать свое мнение, я сказал Жукову:

– Из телеграммы не вытекает, что на моряков возлагается ответственность за Одессу. Только за базу. И не исключается возможность поворота всей Приморской армии к Одессе, на юго-восток.

Начальник штаба, как классический штабист, любивший официальный тон в служебных разговорах, и после тех двух наших осечек с батареями и «Аджарией», настойчиво и твердо изложил свою позицию:

– Комфлота поставил нам задачу удерживать базу. Позвольте в рамках этой задачи подготовить вам предложения штаба.

Но Жуков не из тех, кого легко переубедить, кому легко доказать. Он проводит свое, причем логично:

– Может произойти непредвиденное, и тогда, начав борьбу за базу, мы втянемся в борьбу за город. Комфлота не уверен, что армия отойдет к Одессе. Надо быть готовыми и к худшему. Готовьте предложения по двум вариантам – самостоятельно и совместно с армией.

Мне было приказано выехать в армию и выяснить последнюю обстановку на суше. К 18.00 вызывались в штаб командиры и комиссары соединений и частей для постановки боевых задач.

Только вчера Н.И. Крылов бодро докладывал, что на Днестре противник будет задержан. А сейчас он мрачнее тучи. Молча показал на карту. Там все слишком очевидно. Используя превосходство в силах, войска 11-й немецкой и 4-й румынской армий минувшей ночью форсировали Днестр у Дубоссар и на стыке 9-й и Приморской армий захватили плацдарм, получивший наименование Дубоссарского. Здесь завязались тяжелые бои. Создалась непосредственная угроза Одессе.

– Наша 95-я дивизия ведет бои на южном фасе плацдарма. Для ее усиления направляем части. Чем ей может помочь база? – спросил меня Крылов.

– База своей авиацией уже неделю помогает Приморской. Жуков сегодня подтвердил решение поддерживать авиацией войска на Днестре. Днем две эскадрильи бомбардировщиков СБ могут сделать три боевых вылета, а ночью две эскадрильи гидросамолетов МБР-2 – один вылет.

– Идемте доложим начштарму Шишенину.

После доклада я вышел от Шишенина и в его приемной встретился с незнакомым генералом. Я представился.

– Петров, – ответил, улыбаясь, генерал.

Это был командир 1-й кавалерийской дивизии. Он только что закончил в Одессе формирование этой дивизии. Командир 7-го кавполка дивизии полковник В.И. Лукащук находился с генералом в ожидании указаний перед выступлением к Дубоссару.

Иван Ефимович Петров оказался интересным собеседником. Забросал меня вопросами по флоту. Он производил сильное впечатление своей эрудированностью. Энергичен, непоседлив. Часто вскакивал со стула и порывался куда-то уйти. Его волнение выдавало подергивание головы – старая контузия. Его дивизия вступала в первый бой. А это кавалерия в открытой степи, а в небе вражеские самолеты.

Я познакомился с человеком, имя которого вошло в историю обороны четырех городов-героев: Одессы, Севастополя, Новороссийска и Керчи.

Привез я Жукову печальную весть. Глянул он на карту и крякнул. В зале сидели притихшие командиры и комиссары соединений и частей базы. Жуков приказал повесить карту и доложить обстановку собравшимся. Плацдарм глубиной пять километров и по фронту восемь выглядел грозно.

Жуков зачитал телеграмму комфлота и приказал готовиться к боям на суше. Сказал, что для нас это становится главным. Затем последовали подробные указания.

Из личного состава базы сформировали сухопутный отряд моряков, которому суждено было стать зародышем морской пехоты Черноморского флота. Его командиром стал знаток общевойскового боя майор И.А. Морозов, окончивший курсы «Выстрел».

Тем временем наращивались усилия для завершения оборонительных рубежей, строительством которых руководил начальник инженерной службы армии полковник Г.П. Кедринский. Самыми опытными в полевых сооружениях были люди строительных и инженерных батальонов, но основная масса работавших – это жители города. Приехал я как-то уточнить наличие людей от базы и увидел поразившую воображение картину: трудились десятки тысяч людей, вытянувшись в цепочку, уходившую за горизонт на десятки километров по линии рубежа. В большинстве это были женщины и пожилые мужчины. Среди них оказалось много коммунистов. В нестерпимую жару, не разгибаясь, они ожесточенно вгрызались в землю. Это был героический труд во имя победы над врагом. Бывало, фашистские летчики снижались и поливали пушечным и пулеметным огнем беззащитных в открытом поле.

Немецкая авиаразведка, фиксировавшая строительство одесских рубежей, могла навести начальника германского Генштаба Гальдера на мысль, которую он записал в дневнике 30 июля: «Следует ожидать попытки противника удержать район Одессы и прилегающее к ней побережье. Единственным средством против этого является прорыв 1-й танковой группы через Первомайск на юг»[15]. А позже он запишет: «Русские обороняются без признаков отхода».

1 августа произошло событие, которого мы не ожидали: командарм Приморской армии назначил командира Военно-морской базы Жукова начальником гарнизона Одессы. Что бы это значило? Жукову непонятно, и он донес Военному совету флота. На другой день звонок начштаба Иванова:

– Адмирал вызывал меня и приказал прихватить с собою Деревянко.

Входим к командиру. Он подает телеграмму: «Жукову. В связи с положением на фронте возможен выход штаба Приморской армии из Одессы. В этом случае руководство обороной Одессы в целом остается за вами. Очевидно, командарм исходил из этих соображений, назначив вас начальником гарнизона. Надо принять это назначение. Октябрьский. Кулаков»[16]. Вот так-то!

Когда Жуков хотел кого-либо по-дружески высмеять, он прищуривался. Вокруг щелок глаз собирались морщинки. Улыбаясь уголками рта, он с легким сарказмом выговаривал. Таким образом он не раз высмеивал мой розовый оптимизм по какому-либо вопросу. Вот и сейчас глянул на меня своим прищуром:

– Ну что, предсказатель? Вы навязывали мне мысль, что наше дело – защищать базу, а теперь видите, куда оно клонится. Стратег-неудачник.

– Я верю в силу директивы фронта: Приморская армия будет удерживать Одессу, хотя и не исключаю ее отход на восток при чрезвычайных обстоятельствах.

Штаб предложил и командир одобрил развертывание сухопутного отряда в полк.

С того дня мы редко видели Жукова в штабе. Он энергично взялся за гарнизонные дела, наводя порядок и укрепляя город. Хорошим помощником у него был комендант гарнизона майор И.И. Проценюк. Адмирал приказал береговым инженерам базы А.Т. Павлову, А.С. Цигурову, Р.Б. Каменецкому, Б.К. Лепехину, И.Д. Еремину составить схему баррикад и приготовиться к их строительству. Жуков взял на строгий учет все воинские подразделения, расположенные в городе, вручил их список начальнику штаба базы и с учетом их приказал мне лично составить план обороны города с суши, взяв за основу ближайшие рубежи. С помощью Н.И. Крылова я выполнил это задание.

Жуков запросил комфлота: если придется подрывать батареи, что предусматривалось в приказе комфлота на случай отхода, то подрывать ли бетонные блоки, имея в виду восстановление батарей в будущем? Разъяснения не последовало, а вот на телеграмму ответ не заставил себя ждать. Как потом мы узнали, Октябрьский поручил штабу запросить Главморштаб. Видно, телеграмма попала на глаза наркому. А тот только недавно приказал биться до конца. И вот 4 августа в Одессу пришла телеграмма наркома на имя комфлота, но отрепетованная нам и совершенно неожиданного содержания: пока батареи не

разрушены противником, никакого их оставления не должно быть. Нарком еще более, чем комфлота, ужесточил понятие «стоять насмерть».

Обстановка на Южном фронте осложнялась все более. Приморская армия и левофланговые дивизии 9-й армии вели бои у Дубоссарского плацдарма, который противник продолжал расширять. Правофланговые дивизии 9-й армии и 18-я армия переправлялись через Южный Буг южнее Первомайска.

Драматически сложилась судьба 6-й и 12-й армий. Мы сами были озабочены предстоящей борьбой за Одессу, но нас потрясла весть из района боев этих армий. После занятия Умани противник отбросил 6-ю армию генерала И.Н. Музыченко и 12-ю армию генерала П.Г. Понеделина к югу и отрезал им пути отхода на восток к Днепру. 28 июля началось их окружение, а 2 августа замкнулось вражеское кольцо.

Развернулось беспримерное сражение советских воинов, полное трагизма и бессмертных подвигов. В Одессу дважды в день приходили оперсводки Южного фронта с отрывочными сведениями по этим армиям. Вскоре после окружения армий генерал Музыченко был ранен. И теперь в сводках обе они именовались «группой генерала Понеделина». Кончились боеприпасы. По воздуху их много не перебросишь. И в ход пошли штыки. До сих пор почти дословно помню сообщение от 5 августа о том, что группа Понеделина, окруженная плотным кольцом мотопехоты и атакуемая авиацией, продолжает вести героические бои без боеприпасов, горючего и продовольствия, переходя в рукопашные схватки с целью пробиться на восток в районе Подвысокое. Радиосвязь прерывалась, и мы, не ведая, что с ними, ждали чуда. Через три дня сводка еще печальнее: попытка группы Понеделина прорваться на юг успеха не имела. Разрозненные подразделения советских воинов бились в окружении до середины августа. И многие из них прорвались к своим.

Нельзя было бесстрастно брать в руки эти сводки. Нельзя было без восхищения и гордости за советских людей читать скупые строки отрывочных вестей, доходивших по радио от окруженных, но не сдававшихся, дравшихся насмерть. Мне представлялось, что все героическое и благородное, что есть в нашем народе, сейчас сконцентрировано на этом – вот тут рядом – маленьком пятачке, в районе к югу от Умани. Я думал: что там за люди! Откуда у них берется неистребимая живучесть! Какая сила питает их своим эликсиром, чтобы в таких сложных обстоятельствах продолжать борьбу! Ведь мы недавно видели, как на Западе после первого сокрушительного удара армии бежали, разваливались, сдавались. А тут – без боеприпасов, штыком и

прикладом пробивали себе дорогу к фронту верившие в правое дело партии, народа, советской власти. Это духовный завет ныне живущим.

3 августа противник захватил Кировоград и Первомайск и, продвигаясь на юго-восток, заходил в тыл армиям Южного фронта. Обстановка требовала принятия мудрых решений. Становилось очевидным, что нам не удержать территорию между Днестром и Днепром. Жестокая, неумолимая военная целесообразность – отвод войск на восток – становилась единственной реальностью. Одновременно с этим надо было решить судьбу Одессы.

Одессу не оставлять

Мы ожидали решений по армии. И вдруг в полдень 5 августа приходит телеграмма, в которой по указанию наркома ВМФ командующий флотом приказывает Жукову: для выполнения задачи обороны Одессы иметь тесную связь с сухопутным командованием по вопросам артподдержки наших войск кораблями и береговыми батареями; войска необходимо поддерживать до последнего снаряда; в случае окружения Одессы противником нашим войскам будет оказана поддержка огнем флота и организовано их питание морем; если наших войск под Одессой не окажется, Одесской базе противостоять врагу самостоятельно. Для обороны Одессы будут назначаться корабли флота до крейсеров включительно[17].

Похоже, что в Москве принято какое-то решение по Одессе, что морское командование, не исключая отхода наших войск на восток, нацеливает моряков и на самостоятельную оборону города. Адмирал принял это как боевую задачу и подтвердил штабу свое прежнее распоряжение: готовить базу к защите города по двум вариантам – с армией и самостоятельно.

В тот же день адмирал, заслушав мой доклад и предложения начштаба, поставил соединениям и частям базы боевые задачи по обороне Одессы совместно с армией и самостоятельно, в точном соответствии с директивными указаниями наркома и комфлота. И приказал штабу приступить к формированию двух морских полков базы с присвоением им номеров: первый и второй. В полки были включены береговые части и добровольцы с кораблей, батарей и учреждений базы. Поредели ряды штабов, политотдела, тыла и служб базы. Опустели винтовочные пирамиды кораблей и батарей. Для охраны штаба базы было оставлено всего семь винтовок. Свой пистолет ТТ я отдал преподавателю школы старшин капитану А.С. Ламзину, назначенному командиром роты 1-го полка. Этому полку оружие наскребли, а для второго – обратились к командарму. А у того нет лишнего оружия. Жуков обратился к комфлоту, и тот прислал винтовки.

Адмирал назначил командиром 1-го морского полка майора И.А. Морозова – он из армейских командиров, с общевойсковым образованием. Лучшей кандидатуры не подберешь. Комиссаром полка назначили инструктора политотдела базы В. А. Митракова. Начальником штаба полка стал старший лейтенант К.Л. Сталюков. И полк вышел на полевые учения. По директиве наркома ВМФ из надводных кораблей базы был сформирован отряд для артиллерийской поддержки наших войск.

После занятия противником 3 августа Первомайска полосы обороны армий Южного фронта сместились к югу: 18-я армия переправлялась через Южный Буг в районе Вознесенска, а Николаев оказался в полосе 9-й армии. В Николаеве – штаб фронта, а вскоре – и штаб 9-й армии.

Стало известно, что командарм Приморской Софронов предполагает перевести свой КП из Одессы в село Нечаянное, что по дороге в Николаев, и уже выслал туда квартирьеров. Но ходом событий это решение было отменено: Николаев, входивший ранее в полосу обороны Приморской армии, теперь прикрыла 9-я армия, а для Приморской оставалась в силе прежняя задача – удерживать Одессу. К тому же пришли новые решения относительно Одессы.

До 6 августа мы в Одессе не знали, что предпринимается по нашему городу в верхах. Поэтому для ясности обратимся к архивам.

Главнокомандующий Юго-Западным направлением Маршал Советского Союза С.М. Буденный (ему подчинялись Юго-Западный и Южный фронты и Черноморский флот) и начальник штаба направления генерал-майор А.П. Покровский направили 4 августа из Полтавы в Ставку доклад, в котором просили разрешить войскам Южного фронта отойти на рубеж Знаменка – река Ингул – Николаев, поручив оборону Одессы Приморской армии. Это было нечто совершенно новое в военном искусстве и в практике начавшейся войны – такого еще не бывало, чтобы оставить изолированной далеко в тылу врага целую армию оборонять город. Здесь не все ясно. И в 21.50 4 августа начались телеграфные переговоры между заместителем начальника Генерального штаба генерал-майором А.М. Василевским и А.П. Покровским (они излагаются сокращенно).

Василевский: Для доклада Ставке доложите соображения Главкома ЮЗН по обороне Одессы Приморской армией в соответствии с представленным вами планом.

Покровский: По плану обороны удержание Одессы имеет большое политическое и оперативное значение. Противник будет постоянно связан на фланге. Оборона Одессы мыслится в условиях господства нашего флота на Черном море…

В ходе дальнейшего разговора шло обсуждение рубежей отвода войск и состава сил для обороны Одессы.

Идея замысла Буденного и Покровского состояла в том, чтобы путем удержания Одессы отвлечь с главного направления как можно больше вражеских войск и приковать их к городу на длительный срок, чем облегчить положение войск Южного фронта, отходивших на восток. И сделать это требовалось

небольшим числом войск, совместно с флотом, имея в виду его Одесскую военно-морскую базу. Да никто всерьез и не обсуждал бы идею удержания Одессы без моряков.

Телеграфные переговоры о способах удержания Одессы закончились к утру. А в 18.10 5 августа Ставкой было сообщено главнокомандующему Юго-Западного направления Буденному, командующему Южным фронтом Тюленеву, командующему ЧФ Октябрьскому о том, что с предложением маршала Буденного о рубеже отвода войск Южного фронта на линию реки Ингул Ставка никак не может согласиться.

Ставка приказывает:

Первое. При отводе войск занять линию Днестровский лиман, Беляевка, Березовка, Вознесенск, Кировоград, Чигирин…

Третье. Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот…

Уникальность Одесской эпопеи состоит в том, что Ставка специально оставила в тылу врага город с войском и флотом, чтобы они отвлекли на себя как можно больше вражеских войск и этим облегчили наше положение на главном направлении. А сама оборона закончилась образцовой эвакуацией войск.

После войны адмирал Кузнецов рассказывал, что, узнав о предложениях Буденного и согласии Ставки и Генштаба Одессу не сдавать, он решил ускорить постановку задачи одесским морякам и, не ожидая подписания директивы Ставки, послал телеграмму: морякам при всех обстоятельствах драться за Одессу. База получила задачу на удержание Одессы раньше, чем командование армии.

Нам была понятна категоричность приказов высшего морского командования: сражаться за Одесскую базу и город даже самостоятельно, до последнего снаряда или пока не будут разбиты пушки береговых батарей. Может, кто скажет – нереально. Да, несколько дней боев вместе с баррикадными – и все было бы кончено. Но эти дни задержки врага стоили того, ибо облегчали положение армии.

И все, кто помнит, как начиналась война, кто пережил на фронте лето сорок первого и наблюдал не всегда достаточно продуманные решения боевых задач и не совсем обоснованные оставления некоторых рубежей и населенных пунктов, поймут, что приказы наркома Кузнецова и комфлота Октябрьского, отражая их гражданственность, звучали благородно, были наполнены чувством тревоги за Родину и свидетельствовали о решимости моряков биться за каждую пядь родной земли – держаться максимально дольше в своих морских укрепленных районах, оттянуть на себя побольше вражеских войск, задержать

этим продвижение врага в глубь страны, оказать максимальную помощь армии. А для армии был дорог каждый час и день в задержании противника, и это расценивалось тогда как проявление величайшего героизма и искусства в борьбе.

Жуков решил перевести ФКП в город – ближе к порту. Да и негоже управлять гарнизоном из-за города. Приглянулось ему здание эвакуировавшегося Кардиологического института, и он с начальником штаба выехал его осмотреть.

Только вернулся, как появился заместитель начальника тыла базы интендант 1-го ранга Яков Иванович Осипов. Интереснейшая личность. Он обладал массой добродетелей, которым мог бы позавидовать каждый. Это был кристальной чистоты человек во всех отношениях: скромный в быту, он презирал роскошь и поэтому ненавидел стяжательство, был лишен малейших признаков честолюбия и самолюбования. Я причислял его к «лику святых». Человек высокой гражданственности, трудолюбив до самозабвения, исполнение долга для него – высшая степень оценки личности. Свою жизненную позицию коммуниста он утверждал ежедневным трудом без выходных и высокой дисциплинированностью; за ним надо было уметь поспевать в работе и жизни. Очень не терпел болтунов и сам был немногословен. Простуженным голосом, с хрипотцой, он не говорил, а выдавливал слова. Человек дела, он был принципиален во всех сложностях, какими полна военная служба. Вроде тихий, а нет-нет прозвучит металл в голосе. Железной воли начальник. Грамотность невысокая, но брал умом, опытом, житейской мудростью, усидчивостью, преданностью делу партии. Глаза Якова Ивановича были зеркалом его души. Он громко не смеялся, а улыбался, и в глазах всегда эдакая приветинка. Но упаси вас рассердить Осипова: густые брови, как зонтом, накроют глубоко сидящие глаза, и из них угрюмый взгляд вперемешку с молниями.

Возрастом он был старше меня, и я с благоговением относился к нему: встречал у порога кабинета и провожал до парадной штабного здания.

– Вы ко мне, Яков Иванович? – спросил я его, когда он вошел.

– Да нет, я к командиру.

– Так идемте. У меня очередной доклад ему как раз.

Жуков сразу к Осипову:

– Опять ты, Яков, пришел с этим надоедать?

Меня удивила фамильярность обращения. Но тут же вспомнил, что часто видел их мило беседующими за столом во время обеда и что они ходили друг к другу в гости семьями.

– Вот, я оформил свою просьбу рапортом.

Жуков сообщил нам – комиссару, начальнику штаба,

находившимся у него, и мне, что Яков Иванович давно обхаживает его, просится на фронт. Если кто не знает, что он собой представляет, скажу. Из рабочих. Матрос с крейсера «Рюрик». Участник Гражданской войны на Волге против Колчака и Деникина. Закончил войну в 1920 году в персидском порту Энзели. Был командиром десантного матросского отряда в Кожановской десантной армии Волжской флотилии, командовал Бирским полком. Ваш покорный слуга был у него в подчинении молодым матросом.

Я слушал раскрыв рот: вот это да! Какой же я невнимательный! Прожил рядом с таким человеком полтора года, восторгался им и за делами ни разу не спросил о его прошлом. Это же настоящий герой Гражданской войны – мой идеал. Тут меня и осенила мысль:

– В ваше отсутствие, товарищ адмирал, доложили, что формирование полков идет полным ходом. Просили ускорить назначение командования 2-го полка.

Иванов предложил начальником штаба начальника оргмоботделения штаба базы майора Ф.Ф. Северина. А Дитятковский назначил инструктора политотдела базы батальонного комиссара В.И. Навознова комиссаром полка.

Жуков говорил всегда сурово. Но иногда на него находило и он допускал эмоции. А тут такой случай с его другом.

– Товарищ Осипов! Назначаю вас командиром 2-го морского полка. – И пожал ему руку. – Поздравляю с назначением. Дорогой Яков Иванович, идешь ты на опасное дело. И годы не те, ведь уже сорок шесть. Но знаю: тебя не удержать, и ты, как те юнги, чего доброго, сбежишь на фронт. Уверен, ты исполнишь свой долг до конца. Но пока есть дни, проштудируй Боевой устав пехоты и хотя бы просмотри проект Полевого устава 1941 года, его в июне прислали на отзыв. Признай, что ты поотстал от современного боя. И враг не тот, и техника не та.

Осипов, окрыленный назначением, выпорхнул как юнец. Вид у него спортивный, излишеств в жизни не допускал и годы его не выдавали,

6 августа полковник Крылов сообщил, что в штабе фронта получена директива Ставки: Одессу не сдавать, оборонять ее совместно с флотом. Приморская армия по решению командующего войсками фронта отводилась на рубеж Березовка, Раздельная, Беляевка, Каролино-Бугаз. Это в 60 километрах от города. Его можно было считать дальним рубежом обороны Одессы. В нашу армию включались 25, 95, 30-я стрелковые и 1-я кавалерийская дивизии. Имелся еще 136-й запасной полк, и формировался 26-й пограничный полк. Одесская база оставалась

в оперативном подчинении армии.

В этот день ФКП базы был переведен в здание Кардиологического института. Хорошо, близко к порту, к кораблям. Но мы сразу попали под бомбежку.

Левофланговые дивизии 9-й армии под нажимом противника продолжали отходить от Дубоссарского плацдарма к Николаеву.

В ночь на 8 августа по приказу командующего Приморской армией 25-я и 95-я дивизии начали отходить на юго-восток, ближе к Одессе, на рубеж, указанный директивой фронта. Правее должна была находиться 30-я дивизия, но противник отбросил ее к Николаеву. Между 9-й и Приморской армиями образовался разрыв, в который устремились войска 11-й немецкой армии. Создалась угроза прорыва противника к Одессе с северо-востока. В этом направлении была выдвинута 1-я кавдивизия генерала Петрова. Сюда же перебрасывались 1-й морской и 26-й пограничный полки.

Сухопутчикам и морякам было объявлено, что они сражаются за Одессу, выполняя приказ Ставки: город не сдавать.

8 августа противник перерезал шоссейную дорогу Одесса – Николаев и прервал транспортную и проводную связь Приморской армии с фронтом. Командарм Софронов послал первую просьбу комфлоту Октябрьскому помочь Приморской армии боеприпасами. В этот же день войска, база и жители города были оповещены приказом, подписанным начальником гарнизона контрадмиралом Жуковым и комендантом гарнизона майором Проценюком, что Одесса объявляется на осадном положении. Из города в полки потоком пошло пополнение. Пожилые одесситы уходили в ополчение. К станкам становились старики, женщины и подростки. Они же продолжали совершенствовать оборонительные рубежи, протяженность которых составила свыше двухсот километров. Шла мобилизация коммунистов для пополнения рядов политработников. Милиция взяла под охрану улицы и пригородные дороги. Город-труженик стал городом-воином.

95-ю и 25-ю дивизии, усиленные пулеметными батальонами и артполком Тираспольского укрепрайона, командарм Софронов начал отводить ближе к Одессе, на более выгодные рубежи. Поставил их между Хаджибейским и Днестровским лиманами. Этим сузил их полосы обороны, уплотнил боевые порядки, придав устойчивость обороне города на северо-западном и западном направлениях, наиболее угрожаемых в те дни. Командарм безошибочно определил, что первый натиск врага надо ожидать с северо-запада, от Тирасполя, и поставил здесь крепкую, хорошо воевавшую 95-ю дивизию. 10 августа она заняла рубеж

Алестарово – Секретаревка. Это был передовой рубеж обороны Одессы.

Командовать дивизией только что назначили генерал-майора В.Ф. Воробьева. В дивизии подобрался сильный руководящий состав: военком – полковой комиссар Я.Г. Мельников, начштаба – майор И.И. Чиннов, начоперотделения – майор В.П. Сахаров, начальник артиллерии – полковник Д.И. Пискунов. Стрелковыми полками командовали опытные полковники: 241-м – П.Г. Новиков, 161-м – С.И. Серебров, 90-м – М.С. Соколов; командирами артиллерийских полков были: 57-го – подполковник А.В. Филиппович, а 397-го – майор П.И. Поляков.

Левее 95-й находилась 25-я дивизия, которой командовал полковник А.С. Захарченко. Это соединение носило имя легендарного героя Гражданской войны В.И. Чапаева и было сильно своими боевыми и революционными традициями. Ему был назначен рубеж Мангейм, Беляевка на Днестре. Далее на юг до морского побережья восточный берег Днестровского лимана обороняли подразделения 25-й дивизии, одесские истребительные батальоны и отряды ополченцев. 25-й дивизии был придан 40-й морской подвижной артдивизион базы на мехтяге, которым командовал майор И.Б. Яблонский. Обе дивизии поддерживал огнем 265-й тяжелый артполк под командованием майора Н.В. Богданова (в будущем Герой Советского Союза). В готовности к открытию огня по заявкам дивизий находились береговые батареи и корабли базы.

Северо-западное и западное направления были прикрыты. А чем прикрыть город с северо-востока? Тут одной кавдивизии мало. И по решению Военного совета армии был создан сводный отряд комбрига С.Ф. Монахова[18].8 августа его выдвинули на рубежи северо-восточного направления. 1-й морской полк поставили правофланговым между Аджалыкскими лиманами. У него в тылу – 412-я крупнокалиберная береговая стационарная батарея. Левее – между Большим Аджалыкским лиманом и железной дорогой – занял позиции 26-й погранполк. Ему придали морские подвижные батареи № 37 и № 38. Между железной дорогой и Куяльницким лиманом занял рубеж 54-й стрелковый полк, взятый из 25-й дивизии, а поддерживать его стал 134-й артполк майора И.Ф. Шмелькова. Между Куяльницким и Хаджибейским лиманами (будем впредь именовать этот промежуток Межлиманьем) заняли оборону две роты железнодорожного полка. Позже сюда будет выдвинут батальон 136-го запасного полка с пулеметной ротой. Отряд занял рубеж Булдинка – Свердлово, поселки Шевченко, Ильинка, Чеботаревка. Для поддержки его были назначены корабли и батареи базы и

артдивизион 266-го тяжелого артполка.

В оперсводках штаба армии от 10 и 11 августа говорилось, что кавдивизия генерала Петрова после боя с частями 72-й немецкой дивизии к северу от Одессы 10 августа отошла на юго-восток и по приказанию командарма заняла восточнее Морского полка рубеж обороны Тишковка – Визирка. Это между Тилигульским и Аджалыкским лиманами. Ее правый фланг на побережье моря у села Коблево прикрыл 47-й понтонный батальон[19].

История полна случаев неудачных отходов и отступлений, и уставы требуют продуманной их организации. Наступающий при фронтальном и параллельном преследовании стремится отсекать арьергарды и уничтожать по частям отступающие войска. И если удачно, то отступление может превратиться в бегство. А это уже паника, разгром.

Командование Приморской армии – Софронов, Воронин, Шишенин, командиры дивизий и полков искусно организовали отвод войск: умело вывели их из боя у Днестра и после трехсуточного перехода, преодолев 80 километров, в состоянии высокой боеспособности заняли рубеж обороны, назначенный командармом. Это был передовой рубеж непосредственной обороны города.

Одесса была «закольцована» нашими войсками – приморцами, моряками, пограничниками, ополченцами. Корабли и береговые батареи изготовились к открытию огня. В защитной линии Одессы не осталось щелей, и враг не мог с ходу захватить город.

В эти дни полковник Н.И. Крылов был утвержден начальником оперативного отдела штаба армии. Николай Иванович обладал многими положительными качествами – большим опытом, усидчивостью, знанием дела, тактом во взаимоотношениях, а это способствовало взаимопониманию. Как раз в то время произошло курьезное происшествие на передовой, которое ему и мне было приказано разобрать и впредь подобного не допускать.

Тогда нас изводили ложные донесения о воздушных десантах. 9 августа у села Свердлово пост ВНОС наблюдал пролет немецких самолетов и одновременно увидел идущее по дороге в направлении Одессы подразделение в красноармейской форме. Решил увязать эти два события. И с поста в штаб l-го морского полка, рядом расположенного, пошло фантастическое сообщение: с немецких самолетов высадился десант в красноармейской форме и следует по дороге в сторону города. Командир полка Морозов доложил об этом оперативному дежурному базы и

сообщил, что выслал против десанта батальон и дал заявку 412-й батарее для открытия огня.

Хорошо, что ОД базы был умный и опытный человек майор В.Л. Ильич, уже наученный ложными докладами. Он заподозрил неладное: как это – днем, у наших рубежей, на глазах у войск, и вдруг вражеское подразделение на марше по дороге в город? И порекомендовал Морозову выслать разведку и проверить сообщение поста. А я посоветовал отменить подготовку батареи к открытию огня.

Позвонили адмиралу, который из штаба армии должен был поехать в штаб полка. Разобравшись на месте, он оттуда сообщил, что донесение о десанте ложное. Жуков приказал принять необходимые меры, чтобы не допускать подобной путаницы во избежание трагического исхода.

Нарком Кузнецов, отдав распоряжения по Одессе, направил на Черное море своего представителя, заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Г.И. Левченко для координации действий флота с Южным фронтом. 8 августа на эсминце «Шаумян» в Одессу прибыли замнаркома и член Военного совета флота дивизионный комиссар Н.М. Кулаков. Кулаков у нас уже третий раз с начала войны.

Гордей Иванович Левченко – мой бывший начальник. Когда он командовал соединением эсминцев, я был помощником командира эсминца и командиром сторожевого корабля. За два года совместной службы я хорошо узнал его. Не скажу, что наши отношения были безоблачными, – он был суров, требователен и, как мне казалось, больше всего ко мне. А у меня тоже характерец, я вам доложу. Пожалуй, будет честнее, если скажу: наверняка повод к осложнениям чаще давал я. А вообще в оценке людей нельзя быть мелочным, вспоминать личные обиды. Надо руководствоваться партийным правилом: видеть в человеке главное. А таким у Левченко было беззаветное служение народу. Весь служебный путь Гордея Ивановича – это подвижничество во славу Родины. Пусть этот путь не всегда был ровным и гладким, но всегда честным.

В 1913 году крестьянский паренек с Украины – в Кронштадтской школе юнг. Война. Он – комендор на крейсерах «Паллада» и «Адмирал Макаров». Октябрьская революция. Левченко – унтер-офицер эсминца «Забияка». Гордей Иванович вооружает 30 матросов и ведет их на штурм Зимнего. Затем курсы красных командиров. Гражданская война. В марте 1919 года Левченко вступает в партию большевиков. На фронте сражается против Юденича, участвует в подавлении мятежа на форту Красная Горка. Дальше – старший артиллерист линкора,

командир эсминца, командир легендарной «Авроры», командующий Каспийской флотилией, командир дивизии линкоров, командир соединения эсминцев, начальник штаба и командующий Балтийским флотом. С 1939 года – заместитель наркома ВМФ. Флотоводец и знаток сухопутного дела. Не каждому дано такое.

В Одессе Левченко и Кулаков сутки работали с Военным советом армии и командованием базы. Тут полное единство взглядов: сухопутчики и моряки отстоят Одессу. Армейские руководители понимали, что, будучи отрезанными от фронта, они оказались в полной зависимости от моря и флота, и были довольны прибытием замнаркома ВМФ и его заверениями, что флот поможет армии авиацией, кораблями, боеприпасами и организует ее снабжение морем. И Левченко послал указание комфлоту о том, что сухопутный фронт для флота имеет первостепенное значение, что необходимо усилить удары морской авиации по войскам противника. В последующие дни указания были реализованы, и армейские товарищи отметили эту оперативность.

Приезд Гордея Ивановича Левченко в Одессу запомнился всем: спокойный тон при беседах, ясные суждения, четкие указания. Через день Левченко и Кулаков были уже в Очакове. Здесь командование гарнизона, выполняя распоряжение командира Одесской базы, вместе с райкомом партии и райисполкомом усиленно готовили город к обороне. Заместитель наркома ВМФ назначил флотского генерал-майора И.Н. Кузьмичева, прибывшего с ним из Москвы, командовать обороной Очакова. Его заместителем стал майор П.З. Базилевич, комиссаром – батальонный комиссар Г.Н. Вишневский, начальником штаба – майор И.Р. Хвескевич. Проведя необходимые оргмероприятия по обороне Очакова, Левченко отправился в Николаев. Там предстояло решать крупные оперативные вопросы по взаимодействию армии и флота.

Приморская армия, оторвавшись от фронтовых баз снабжения, стала испытывать трудности с боеприпасами. Военный совет армии 8 августа послал Военному совету флота телеграмму с просьбой помочь снарядами и ручными гранатами. Адмирал Октябрьский сделал необходимые распоряжения, а Софронову ответил, что 10-го снаряды будут поданы. В назначенный день с боеприпасами прибыл тральщик «Райкомвод» под командованием старшего лейтенанта Л.Ф. Школенко, а вслед еще два судна. Этим было положено начало действий морских коммуникаций в интересах Приморской армии.

Я помню, как пришли первые суда со снарядами. В порт

примчалось чуть не все командование армии. Тут же стояли машины и рабочие роты. Снаряды сразу увезли на фронт.

11 августа к восточным рубежам обороны города подошли 15-я пехотная дивизия, кавалерия и танки противника. По приказанию комбрига Монахова 726, 37 и 38-я морские подвижные батареи, которыми командовали капитан А.Г. Кривошеев и старшие лейтенанты Г.Н. Тарнопольский и А.В. Лизенко, обстреляли их, а Морской и Пограничный полки открыли пулеметный и ружейный огонь. Вражеская пехота залегла и на ночь притихла.

Еще вчера Жуков донес комфлоту, что командарм потребовал поддержки войск корабельной артиллерией, и просил ускорить возвращение одесских кораблей из Севастополя. А сегодня командарм Софронов, сообщая комфлоту о подходе вражеских войск к восточным рубежам, просил выслать корабли для содействия армии.

12 августа противник повел первый штурм Одессы. Как и предвидел командарм Софронов, основной удар противник наносил с северо-запада, против 95-й и 25-й дивизий. Целую неделю три дивизии противника – 3, 7 и 11-я – пытались непрерывными атаками сбить 95-ю, но безуспешно. Защитники рубежа словно вросли в землю. А сверху их прикрывала морская авиация. Флотские бомбардировщики Пе-2, СБ, ДБ-3ф (Ил-4) – последние на флоте были торпедоносцами, – действуя из Крыма, ежедневно наносили массированные удары по вражеским войскам, штурмовавшим Одессу. Продолжали действовать и самолеты базы, и 69-й истребительный авиаполк майора Л.Л. Шестакова – он фактически стал штурмовым. 95-я дивизия отбилась и устояла.

12 августа в бой вступила морская пехота Черноморского флота. Взошло солнце, и бойцы 1-го морского полка увидели, как из оврага поднялась густая цепь вражеских солдат и стремительно двинулась на них. Впервые наши матросы увидели врага. Кто он? Насильно толкаемый или побуждаемый алчностью к чужому добру? Вот они, бегущие и орущие, с оружием наперевес, поливающие огнем перед собой. Смерть им! Огонь по ним!

К бою изготовилась 412-я стационарная батарея с пушками калибром 180 миллиметров. Ею командовал капитан Николай Викторович Зиновьев. Умный и волевой командир, он содержал батарею в отличном состоянии.

По целеуказанию командира Морского полка батарея дала первый залп. Ее стокилограммовые снаряды сразу же прижали к земле вражескую пехоту, атаковавшую 1-й батальон.

Находившийся в боевых порядках стрелков помощник командира батареи старший лейтенант Л.В. Мищенко с корректировочным постом дал на орудия поправки, и последующие залпы точно накрыли цель. Но враг не унимался. Его пехота снова в броске. Обороняющиеся встретили ее мощным ружейно-пулеметным огнем. Вражеские цепи подошли уже на 400 метров. За пехотой показались танки. Батарея перенесла огонь на них.

В Морском и Пограничном полках не было полковой и батальонной артиллерии. Пограничникам база отдала морские гаубичные батареи. Морской полк обделила. Но наши умельцы из 42-го артдивизиона – техник М.В. Волкаш, мастер П.И. Лазаренко, инженер В.А. Мотыльков – смастерили малокалиберную батарею, приладив учебные стволы на колеса. Командир дивизиона майор А.И. Денненбург укомплектовал ее личным составом. Командиром батареи назначили лейтенанта В.Н. Левака и послали ее Морскому полку. А вскоре направили и вторую.

Не оставила без внимания Морской полк и база. Кроме 412-й батареи ему в поддержку назначили корабли, хотя их артиллерия не могла заменить полевую, когда требовалась стрельба прямой наводкой.

В первом же бою наши воины испытали на себе мощь автоматического огня противника. А у нас тогда было очень мало автоматов, и надежды возлагали на русскую трехлинейную с граненым штыком. Она хорошо выручала. Даже в том бою при контратаке матрос Бурсов с четырьмя товарищами закололи штыками 10 гитлеровцев.

Морской полк показал себя хорошо – в первый день боев отбил четыре вражеские атаки и удержал рубеж, который проходил от села Булдинка до южной окраины Свердлово. Перед нашими окопами оказалось много вражеских трупов. Был и первый трофей – танкетка. На ней потом комиссар 412-й батареи старший политрук А.В. Малинко прорвался в тыл противника, разведал его резервы, по которым батарея открыла огонь.

Обстановка заставила нас послать на помощь Морскому полку гидросамолеты МБР-2 82-й и 7-й (бывшей пограничной) эскадрилий. Это были лодочные, чисто морского назначения самолеты-разведчики. И то, что мы потребовали от них летать над сушей с бомбами против пехоты и танков, было «противу естества». Но требовалось спасать положение – и командиры эскадрилий и их заместители И.Т. Чебаник, П.В. Соловьев, Я.Г. Князев, Н.И. Климовский, М.М. Лысенко, летчики и штурманы В.Я. Симонов, Г.С. Шаронов, В.Н. Мейев, Ф.Н. Аглотков, С.Е. Слепцов, В.Е. Яковлев, С.И. Пашун, В.М. Чистяков по три раза в день ходили и бомбили сухопутные цели. И так наловчились, что

их подключили помогать и другим полкам. Командарм Софронов в приказе сердечно отблагодарил морских летчиков за боевые успехи. «Отблагодарил» и противник. Налетели бомбардировщики Ю-88 на аэродром в Хаджибейском лимане, но безрезультатно. Через день прилетели вражеские истребители. Они и подожгли на воде несколько машин. На следующий день – новый налет. Наши героические гидроэскадрильи понесли большие потери.

Второй день боев у моряков также был удачным. Наш адмирал, бывалый воин, лишенный сантиментов, и то был растроган. Он подписал благодарственный приказ Морскому полку, 412-й батарее и двум гидроэскадрильям за стойкость и успешное отражение атак не менее двух пехотных полков. Жуков лично выехал на КП Морского полка и вручил его командиру майору Ивану Алексеевичу Морозову за умелое руководство полком и личную отвагу в бою именные часы с секундомером и светящимся циферблатом. Возвратившись от Морозова, адмирал приказал кораблям базы немедленно вступить в бой с противником и поддержать огнем Морской полк. Так как командир отряда кораблей только что прибыл и не успел освоиться с обстановкой, Жуков решил лично поставить кораблям боевые задачи, Прихватив с собой меня и флагманского артиллериста базы капитана 2-го ранга С.В. Филиппова, он убыл в порт.

В кают-компанию крейсера «Коминтерн» были приглашены командиры эсминцев «Шаумян» и «Незаможник», канонерской лодки «Красный Аджаристан» капитан-лейтенанты К.П. Валюх, Н.И. Минаев, П.М. Покровский и их артиллеристы старшие лейтенанты С.М. Ткачук, С.В. Клемент, И.Е. Халазий. Заметно их волнение – ведь им предстоит первый бой с сухопутным противником, первая боевая стрельба главным калибром по вражеской пехоте.

Задачи уяснены. Командир базы принял решение огонь вести двумя методами: днем – по наблюдаемым целям с помощью корректировочных постов, а ночью – по заявкам армейских командиров, по площадям. Поэтому мы тщательно инструктируем корректировочные посты, наставляя людей, как лучше организовать дело, чтобы каждый залп был поражающим.

Корректировочные посты под командованием старшего лейтенанта Н.С. Старкова, лейтенанта К.А. Никифорова, мичмана Г.Д. Юрина выехали в батальоны Морского полка.

И через два часа гром корабельных пушек возвестил, что черноморские корабли вступили в борьбу за Одессу рядом с Приморской армией.

В тот день, 13 августа, противник, обойдя наши войска с северо-востока, появился восточнее Тилигульского лимана и замкнул полукольцо вокруг Одессы. Прервалась связь с Очаковом. Отныне мы – Одесский плацдарм. И со страной нас связывает только море. Надежно, но все же это вода. И верят ли армейские товарищи в этот морской путь?

Как потом рассказывал член Военного совета Ф.Н. Воронин, сомнения были. 15 августа он доносил в Политуправление фронта, что некоторые командиры, узнав, что мы будем оборонять Одессу и что сзади только море, несколько растерялись. Но потом поняли, что береговая артиллерия, корабли, морская авиация в сочетании с минным заграждением являются грозной оборонительной силой города с моря. Вражеский флот не сможет безнаказанно подойти к Одессе. Фланги войск, упиравшиеся в море, тоже были надежно прикрыты.

Военный совет армии разделил плацдарм на три сектора: Восточный – от Аджалыкского до Хаджибейского лимана, в нем оборону держит сводный отряд комбрига С.Ф. Монахова; Западный – здесь обороняется 95-я дивизия генерал-майора В.Ф. Воробьева; Южный – в обороне 25-я дивизия под командованием полковника А.С. Захарченко. Кавдивизия Петрова выводилась в резерв. Рубеж обороны проходил от Аджалыкского лимана до Днестровского, от села Григорьевка, где сейчас новый Южный порт, через Булдинку, Алестарово, Беляевку до Каролино-Бугаза, подковой от моря до моря. И то, что у оборонявшихся в тылу было море, являлось немаловажным психологическим фактором.

Разведчики доложили, что противник начал наращивать силы: в Южном секторе появилась кавалерийская дивизия, а в Восточном – кавалерийская и танковая бригады. Это настораживало. Ведь с противотанковыми средствами у нас плохо, и не только в Одессе. Кое-кого охватила танкобоязнь. Конечно же, никто не мог мириться с этим.

Еще в июле мы на местах получили указания из Москвы, излагавшие меры борьбы с танками: их надо уничтожать имеющимися средствами и теми, которые можно изготовить на месте. Было приказано изготавливать бутылки с горючей смесью.

По поручению Военного совета Приморской армии одесские руководители Н.Т. Кальченко и Н.П. Гуревич дали задание городским предприятиям изготовить бутылки с горючей смесью. Были привлечены ученые, инженеры-химики, мастера, топливники. Они создали наиболее эффективные горючие смеси и сконструировали безопасный для бойца и надежный запал к бутылке. Задание о выпуске бутылок было дано заводам и

мастерским.

С большим энтузиазмом рабочие приступили к выполнению заказа. Они трудились, не считаясь со временем, не покидая предприятий, и через три дня дали первую партию бутылок со смесью.

Уже к 10 августа бойцы получили нужное оружие. Но в него надо было поверить. Требовалось доказать, что это средство борьбы с вражескими танками надежное. 13 августа такой случай представился. Морской пехотинец А.М. Хмелевский развеял миф о неуязвимости гитлеровских танков.

Александр Михайлович Хмелевский – агроном из села Чернянка на Херсонщине. Он и сейчас там проживает. В армию призван накануне войны. Потом попал в 1-й морской полк. 12 августа впервые в жизни увидел врага, впервые стрелял по нему. Наутро снова бой. Между вражескими атаками командир отделения послал его за водой. А в это время началась новая атака. Вражескую пехоту поддерживали танки. Атака застала Хмелевского с чайником воды, когда он проходил по тылам соседней роты. Вражеские танки уже прорвались через передовые окопы. Солдат остановился, залег и с расстояния полутора сот метров открыл огонь из винтовки бронебойно-зажигательными пулями по смотровым щелям головной машины. Танк повернул на дерзкого стрелка. Хмелевский переполз в воронку от снаряда и снова стал стрелять. А дальше – лучше словами Хмелевского:

– Танк надвинулся на воронку но, на мое счастье, не раздавил меня гусеницами и не повредил бутылку-зажигалку. Меня только завалило землей. Когда танк сошел с воронки, я, полуоглушенный и перепуганный и одновременно обозленный на гитлеровцев, выпростался из-под земли и метнул в танк бутылку. И он вспыхнул. Если бы вы видели, как он красиво запылал! Я до этого не мог представить, что так могут гореть танки. Машина поспешно отвернула в сторону. А за ней и другие. Видно, то был командирский танк. Вражеская атака не состоялась. Вот и все.

Я спросил Александра Михайловича: а когда было страшнее всего в том эпизоде с танком? Он ответил:

– Человеку всегда страшно в таких случаях. Но мне тогда просто некогда было бояться, раз я задался целью уничтожить танк. Пока он не загорелся, чувство страха было загнано далеко внутрь. А когда все кончилось и я стал осмысливать происшедшее, страх разгулялся и пришлось выкурить две папиросы.

Об уничтожении танка бутылкой с горючей смесью начштаба Морского полка Сталюков доложил в штаб базы, а мы – Жукову. Он приказал немедленно представить рядового Хмелевского к

награде. И Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1941 года А.М. Хмелевский был награжден орденом Красного Знамени.

Командир сектора С.Ф. Монахов и комиссар ЕМ. Аксельрод доложили Военному совету армии о подвиге матроса, и он был по достоинству оценен. По указанию члена Военного совета Ф.Н. Воронина начальник политотдела армии полковой комиссар Л.П. Бочаров в тот же день через политработников оповестил личный состав о подвиге Хмелевского. Становилось совершенно очевидно: не так страшен черт, как его малюют, танки врага можно уничтожать.

Наш политотдел выпустил брошюру о героях боев. В ней подробно рассказал о том, как Хмелевский поджег вражеский танк бутылкой с горючей смесью. Проведенная работа имела большое значение – воины Приморской армии, моряки и пограничники убедились в реальной возможности бороться с гитлеровскими танками и поверили в бутылку-зажигалку. Бойцы осмелели в борьбе с танками. Появились специалисты по уничтожению бронированных целей. Бойца Носкова, например, называли истребителем танков. И таких было немало.

Рабочие и инженеры одесских предприятий, особенно стекольного, крекинг-завода и бензоскладов, дали фронту около 100 тысяч бутылок с зажигательной смесью.

В Морском полку быстро справились с танкобоязнью. В честь бутылки-зажигалки матросы даже сложили песенку:

Простая бутылка простого бензина В отважных и ловких руках Вражьему танку приносит кончину И вражьему замыслу крах.

13 августа 1-й морской полк, хотя и отразил все атаки врага, понес большие потери. Его в тот день кроме двух пехотных полков атаковали кавалерия и танки. Морякам помогли устоять артиллеристы и авиация. Но пришлось помогать и стрелками. Адмирал, посоветовавшись с командармом, приказал послать подкрепление – батальон из 2-го морского полка. Это были добровольцы с крейсера «Коминтерн» и кораблей ОВРа (Охрана водного района) базы.

В последующие дни противник напористо атаковал наши подразделения у Булдинки. 412-й батарее пришлось непрерывно помогать оборонявшимся огнем. Туда были направлены еще два корпоста во главе с лейтенантами В.П. Кувшиновым и И.В. Чумаком. А с пушками управлялись старшина батареи А. Ющенко, старшина комендоров Н. Проценко и сержанты Лемешко, Бондалетов, Войтюк, Медведев, Нечаев, Думов, Власенко, Загон, Крыштал, Злобин, Согомонян, Рудин.

У Н.Е. Проценко был двенадцатилетний сын Женя. Он отказался эвакуироваться с матерью на Кавказ и остался с отцом на батарее. Выполнял боевые задания комбата Зиновьева. А однажды совершил героический поступок: пробрался через фронт и разведал местоположение вражеских орудий, обстреливавших 412-ю батарею. Зиновьев несколькими залпами заставил замолчать пушки противника.

Враг продолжал нажимать на Морской полк. И Жуков его усилил 21-й батареей. Это – восьмидюймовая (203 мм) батарея из дивизиона майора Г.М. Булаховича, которого затем сменил майор Ф.С. Лютый. Она стояла у мыса Е (Северный Одесский). Ею командовал капитан А.И. Кузнецов.

Александра Ивановича я хорошо узнал за полтора года, не раз видел его молодцов в деле. Командир любил подчиненных, и они платили ему тем же. Комбатр мне очень нравился за то, что содержал батарею в высокой боеспособности и постоянной готовности к действию. Помню командиров орудий – Абашидзе, Иночкина, Беницкого.

Когда 14 августа противник пехотой и кавалерией атаковал моряков, Кузнецов обрушил огонь на врага и не дал ему продвинуться. Стрельбу батареи точно корректировал пост под командованием лейтенанта М.Я. Канишевского.

На поддержку Морского полка переключили и морскую подвижную 122-миллиметровую пушечную батарею № 726. В боевые порядки левофлангового батальона выехал с корпостом старший лейтенант М.Д. Зайцев. Он вел корректировку огня батареи и вместе с матросами отбивал атаки вражеской пехоты. Михаилу Даниловичу храбрости не занимать. Он был ранен, но не разрешил отправить себя в госпиталь. И до сих пор носит в теле осколки вражеской мины.

Когда через наши боевые порядки просочились вражеские солдаты и перерезали телефонный провод к корпосту Зайцева, сержант Журавлев бросился устранять обрыв. Но, соединив провод, попал под автоматную очередь. Раненный, он в течение трех часов отбивался от врага огнем и гранатами. И отбился. За этот подвиг Константин Филиппович Журавлев был награжден медалью «За отвагу». А погиб он в 1943 году на Малой земле и похоронен на братском кладбище в Геленджике.

Уже много дней и ночей не сходят с мостиков командиры кораблей Валюх, Минаев, Покровский. Они поддерживают Морской полк. Пехота все время требует огня.

Противник, испытав на себе корабельную артиллерию, начал вести с ней борьбу. Установленные за Григорьевкой на побережье вражеские батареи стали систематически обстреливать наши

корабли. Это усложнило их действия. Приходилось менять позиции, удаляться от рубежей полка, уклоняться от вражеских снарядов маневрированием, ставить дымзавесы. А вскоре и авиация противника начала наносить удары по кораблям. Эсминец «Незаможник» получил повреждения и ушел в гавань. За ночь его отремонтировали, и он вернулся на боевую позицию.

Потери в Морском полку настолько велики, что приходится еще раз помогать ему подкреплением. Еще один батальон, собранный из разных подразделений, направился на участок обороны полка.

И на других участках не было затишья. Противник атаковал повсеместно. Атакованы и Пограничный, и 54-й полки. В Восточном секторе вместе с пехотой у противника действуют кавалерийская и танковая бригады. В Западном 95-я дивизия сдерживает натиск трех дивизий врага. В Южном 25-ю Чапаевскую атакуют тоже три вражеские дивизии. Здесь создавалась угроза захвата противником села Кагарлык.

В действиях противника появилось новое – он атакует и ночью. Первые ночные атаки противник провел 13 августа на участке Морского полка, а на следующую ночь – на участках 25-й и 95-й дивизий. Напряжение росло с каждыми сутками. На Очаков нацелилась 50-я немецкая пехотная дивизия.

Штаб Южного фронта оперсводкой оповещал, что радиосвязь с группой войск генерала Понеделина – это остатки наших частей, окруженных 2 августа под Уманью, – прекратилась. 18-я армия отходила от реки Ингул к Днепру. 9-я армия задержалась на Дубоссарском плацдарме у Днестра, и ей в тыл уже нацелились танки противника.

В ночь на 15 августа правый фланг Морского полка был атакован двумя вражескими батальонами. Моряки сражались отважно, но были вытеснены из окопов. К пяти утра противник занял Булдинку и обрушил на полк сильный минометный огонь. Нарушилась связь с батальонами. Вскоре и наша телефонная связь с полком прервалась. По радио получаем донесение: «Идет бой. Противник остановлен. Морозов пытается восстановить положение на правом фланге».

Жуков недоволен тем, что моряки не удержали Булдинку. И вину за это связывал с именем Морозова. Волнуясь, говорил:

– Похоже, он не справился с полком в ночных условиях боя.

Мы с Ивановым отговорили Жукова немедленно ехать в полк. Ведь еще не все потеряно, надо дать время самому командиру справиться с трудностями. Он согласился наполовину.

– Хорошо, – сказал он. – Готов выслушать соображения штаба. Товарищ Деревянко, Морозов – бывший ваш подчиненный.

Поезжайте в полк, поговорите с ним, присмотритесь. Не растерялся ли он?

Через час я был на КП полка в совхозе имени Котовского, что севернее Чебанки. Вблизи рвутся не только снаряды, но и мины, идет ружейно-пулеметная стрельба. Командир полка только что вернулся из 1-го батальона, который был выбит из Булдинки. Морозов весь в пыли, лишь зубы блестят. Глаза покрасневшие – видно, эти сутки он не спал.

Морозов удручен потерей Булдинки, но ни тени растерянности.

– Вся наша беда в отсутствии полковой и батальонной артиллерии и минометов. И нет резервов. Присланные батальоны даже не возместили потерь. В полку меньше тысячи человек на восемь километров фронта. Сейчас подразделения закрепились. После обеда будем отбивать село. Хорошо бы иметь свежий батальон.

Я побыл с Морозовым час и убедился, что он на месте, хороший командир полка. Да что говорить, он еще до войны командовал полком, а после окончания курсов «Выстрел» был переведен на флот. Так и доложил Жукову: Морозов на месте. А он не то что возразил, а покачал головой и хмуро посмотрел на меня. Что бы это значило? Может, он ожидал от меня нужного для него доклада, может, и посылал меня, чтобы получить от штаба предложение, совпадающее с его мнением.

– А я так думаю, что Морозова надо заменить, – сказал, как отрезал, Жуков.

Я стоял на своем: Морозов неповинен в потере Булдинки. Причины этого более глубокие – нехватка людей и пехотных средств дальнего и ближнего боя. И почему после первого отхода сразу снимать командира? Армии Южного фронта уже второй месяц отходят, но разве там идет непрерывная смена командиров? Сказал и подумал: а может, это общая болезнь и в этом ищут выход? А может, у Жукова есть лучшая кандидатура, предложенная командармом?

Иванов напомнил адмиралу, что он два дня назад наградил Морозова часами и люди могут нас не понять.

– Это была реакция на первый удачный бой. Теперь проверяется стойкость на длительную борьбу в сложных условиях. Там нужен закаленный в боях командир. Я пришел к выводу, что там выдержит только такой, как Осипов, – высказался Жуков.

Вот оно что! Вот куда клонил дело Жуков. Видимо, он уже не один день вынашивал эту задумку. А может, его подогревал

Осипов? Ведь его 2-й полк в городских казармах, в готовности

для прикрытия порта, а он рвался не в пехоту вообще, а на фронт. Возможно, Яков Иванович, проштудировав уставы, продолжал эти дни изводить Жукова просьбами отпустить его на передовую. Ведь он приходил в штаб. Не исключено, что Жуков раньше не хотел пускать своего старого друга и старшего товарища в опасные места, ибо он из тех, кто полезет в окопы и, чего доброго, поведет роту в атаку. Да и лет ему много. И Жуков, не дав ему 1-й полк, думал, что тот утихомирится. Не знаю, кто кого тогда водил за нос. Похоже, что Яков Иванович здорово обвел Жукова – сперва ушел из тыла, а теперь, считай, добился конечной цели – только на передовую.

Осипов! Это неожиданно. Морозов смел, умен и с образованием. Осипов, по словам Жукова, храбр и имеет боевой опыт. Я стоял на своем: Морозов не заслуживает снятия. Но у Осипова есть преимущество – житейская мудрость и духовная власть над людьми. И против Осипова не возразишь. И я сдался. Да Жуков и не нуждался в моем мнении – он уже решил.

Жуков вызвал Осипова, объявил ему о назначении. Яков Иванович тут же укатил на машине со своим постоянным и верным спутником – шофером Петей Широковым – в 1-й морской полк и через час уже командовал им.

Нет, никакого чуда не произошло. Правда, Булдинка к 17 часам была отбита. Но какой ценой? Полк понес большие потери. Оборонять ее было уже нечем, и ночью ее пришлось, вновь оставить. Но Осипов сумел организовать оборону, мобилизовать бойцов сражаться стойко и мужественно. Вскоре вся страна узнала из печати и по радио о подвигах защитников Одессы – морских пехотинцах. 1-й морской полк и его славный командир полковник Яков Иванович Осипов боевыми делами писали славную страницу истории советской морской пехоты.

И.А. Морозов вступил в командование 2-м полком. При обороне Севастополя он командовал полком, был начальником штаба морской бригады и героически погиб в бою под стенами будущего города-героя.

16 августа эсминцы «Безупречный» и «Беспощадный» доставили в Одессу боеприпасы. Комдив Б. А. Пермский, командиры П.М. Буряк и Г.П. Негода так торопились, шли такими форсированными ходами, что сгорела краска на трубах, они стали черными. Боеприпасы оказались очень кстати. В это время крайне осложнились дела на участке 25-й дивизии. Под командованием полковника А.С. Захарченко она двумя полками уже неделю сдерживала две вражеские дивизии. Но вот подошла третья, и началось.

Левофланговый 287-й стрелковый полк, которым командовал

подполковник С.И. Султан-Галиев, занимал рубеж от Днестра у села Беляевка вправо до Кагарлыка. Правее, до стыка с 95-й дивизией, держал оборону 31-й стрелковый полк под командованием полковника К.М. Мухамедьярова. Оба командира уже успели отличиться в боях у границы. Их части поддерживали 69-й и 99-й артиллерийские полки майора А.И. Лукьяненко и подполковника Н.К. Рощина.

Противник двумя дивизиями нанес удар на стыке полков 25-й дивизии и занял село Кагарлык. Командарм приказал восстановить положение. Для этого создавалась ударная группировка в составе 25-й и 1-й кавалерийской дивизий и 90-го полка 95-й дивизии. Командовать ею назначался командир 95-й дивизии генерал Воробьев. Замысел хороший: биться за каждую пять своей земли. Но почему на участке дивизии полковника Захарченко, куда подтягивалась дивизия генерала Петрова, командовал генерал Воробьев? К тому же в полосе обороны его дивизии непрерывно атаковали крупные вражеские силы и присутствие там командира было весьма желательным. Тогда никто не понял этого решения.

Сам Воробьев был удивлен таким заданием, поскольку не его дивизия составляла основу группировки, да и действовать предстояло в другом секторе. Тогда все были взволнованы потерей Кагарлыка, особенно руководители области и города, – ведь рядом Беляевка, а в ней одесская водокачка, подающая воду из Днестра в Одессу

Наспех организованный контрудар привел к кратковременному освобождению Кагарлыка. Противник остановил наши части, а потом, перейдя в наступление, 18 августа вновь захватил Кагарлык, а вслед и Беляевку и продолжал теснить 25-ю дивизию несколько дней.

Еще шел бой за Кагарлык, а генерал Воробьев к исходу дня 17 августа вынужден был поторопиться из Южного сектора к себе в Западный, ибо там создавалось угрожающее положение. В десятом часу утра 18 августа звонит офицер связи штаба базы при штабе армии подполковник В.Д. Коркунов и докладывает:

– После бомбового удара и артподготовки противник повел наступление против 95-й дивизии. Много танков. Положение серьезное. Командарм приказал снять с ПВО города зенитный артдивизион и выдвинуть против танков. Пришла флотская авиация из Крыма – бомбит вражеские войска.

Флотская авиация с 12 августа поддерживала Приморскую армию. А с 18-го вся 63-я авиабригада ЧФ под командованием полковника ЕИ. Хатиашвили начала бомбить вражеские войска под Одессой. 2-й минно-торпедный полк, теперь уже с бомбами, в

составе шестидесяти пяти самолетов Д Б-3ф (Ил-4), ведомый майором А.Г. Бибой, и 40-й бомбардировочный полк, имевший семьдесят пять самолетов СБ и двенадцать Пе-2, под командованием подполковника В.Ф. Злыгарева, а позже – майора И.И. Морковкина, ходили под Одессу днем и ночью. В небе Одессы прославились мастерством и отвагой морские летчики А. Цурцумия, А. Кондрашин, Ю. Пешков, П. Аккуратов, Т. Лушаков, П. Ножкин, Ю. Калечит. Должен сказать, что все флотские летчики восприняли задачу помогать защитникам Одессы как почетное поручение и рвались в бой. А наставлял их, шлифуя мастерство, помощник командующего ВВС флота полковник Н.А. Наумов. Он с ними и летал на боевые задания. И подполковник В.П. Конарев стал водить по ночам под Одессу 119-й полк гидросамолетов. А когда наловчился и осмелел, стал приходить и днем. Представляете: лодочный гидросамолет над окопами! Вот и 18 августа гидросамолеты прилетели помогать 95-й дивизии.

Я поехал в штаб армии уточнить обстановку. Крылову по телефону докладывает начальник оперативного отделения штаба 95-й майор В.П. Сахаров: атакованы все три полка. Особенно сильный нажим на 161-й. Противник ввел в бой части трех пехотных дивизий и танковую бригаду. Их поддерживает авиация и тяжелая артиллерия. Насчитали 60 танков. Начарт Пискунов выдвинул против них артполк Филипповича и дивизион Барковского – не менее половины танков подбили. Противник вклинился в наши боевые порядки. Очень большие потери с обеих сторон.

Крылов ушел с докладом к командарму, а возвратившись, передал своему заместителю майору Ю.М. Лернеру:

– Командарм приказал вам и направленцу капитану Шевцову немедленно выехать на КП 95-й и глазами штаба армии убедиться, насколько сложны дела у Воробьева. Надо доложить оттуда о необходимой помощи. Зенитный артдивизион уже на переходе туда. – Повернулся ко мне, сказал: – У меня нет к вам вопросов. А не желаете посмотреть, что такое общевойсковой бой?

Я не возражал, но должен был заручиться согласием начальства. Иванов отпустил меня на три часа.

Уже с половины пути было видно, что в полосе обороны 95-й над горизонтом стоит дым, Лернер рассказал, что и в предыдущие дни враг пытался здесь прорвать оборону, но без танков. И понес большие потери.

Через полчаса мы на КП дивизии в районе Выгоды. Это в 6 километрах от переднего края. Вышли из машины и сразу ощутили атмосферу боя. Сплошной гул артиллерийской

канонады, отдельных выстрелов не различить. Кто-то умно определил: канонада – это видимый глазом воздух. Это точно.

Генерал Воробьев поздоровался с нами, но тотчас вернулся на свое место. Мы понимали: мешать комдиву в такое время недопустимо.

Я стал наблюдать за ним. Все такой же, как и в штабе: спокоен, ровен, вежлив. Только в отдаваемых приказаниях и разговорах по телефону чувствуется командирская властность. Нет, он не отменяет распоряжений, отданных подчиненными командирами, не мешает и даже не звонит им, а только отвечает на вопросы, подсказывает и часто прикладывается к стереотрубе.

Подошел к другой стереотрубе и я. Поле боя в дыму, но разобраться можно. Прямо в центре, на участке 161-го полка у Сереброва, видны вражеские танки. Противник просочился в нашу оборону, но был остановлен. Видимо, главный удар атакующие наносили на участке полка Сереброва.

Докладывают из полков, что противник бросает в бой новые части. Хорошо действуют наши пулеметные батальоны из Тираспольского укрепрайона. Без них не удержать бы позиции. Растут потери в подразделениях. Исход боя предопределить трудно, и потому Воробьев упорно молчит. А мне многое непонятно.

В Гражданскую войну я наблюдал сабельный бой красных конников с белыми казаками. Тогда мое юношеское сознание потряс его бескомпромиссный исход. Он шквально начался, долго тянулся и медленно закончился. Стороны не разошлись после рубки. Никто никого не преследовал – некого и некому было. Бой тихо замер. Оставшиеся в живых легкораненые расползлись за помощью по дворам хутора Трехсельское, что стоит в долине Урупа напротив станицы Бесскорбной. Основная масса осталась на поле, по которому бегали осатаневшие кони.

Общевойсковой бой я наблюдал впервые. Он все с той же бескомпромиссностью классовой борьбы, только масштабнее и с современными средствами уничтожения противника. Представил эти масштабы: ведь такое сейчас идет по всему 80-километровому отрезку Одесского фронта. А может, и на всем фронте.

В тот день – 18 августа – 95-я выстояла, отбилась и отбросила противника. Около 1000 трупов оставил враг на поле боя. Это была большая победа. Противник в пять раз численно превосходил дивизию и был разгромлен. Дивизия осталась на своих рубежах. Командующий 4-й румынской армией донес начальству (это стало известно позднее), что его дивизии потеряли в боях 50 процентов личного состава.

Героями дня были полковники С. Серебров и Д. Пискунов,

искусно выдвинувший артиллерию командир артполка А. Филиппович, командир артдивизиона В. Барковский, командиры батальонов В. Вруцкий, М. Долгий и Я. Бреус. Вскоре Якову Бреусу было присвоено звание Героя Советского Союза. Отличился в бою солдат Яков Бегельфор и за храбрость был награжден орденом Красного Знамени.

Когда я заехал к Крылову поделиться впечатлениями, он высказал интересную мысль: сегодняшним успешным боем как бы подведен итог первого этапа борьбы – мы уверовали, что можем бить врага, он не пройдет и Одессу не возьмет вот так, за здорово живешь; заложена основа обороны.

Противник вторично захватил Булдинку и придвинулся к селу Шицли. Осипов и комиссар Митраков, спасая положение, сами водили батальоны в контратаки. В боевых порядках находились и работники политотдела базы А.З. Симонов, Н.П. Краев, М.Г. Лизунов, И.А. Пронин, М.Г. Потапов, А.М. Дольников. Они вдохновляли воинов на самоотверженные действия, воспитывали у них стойкость в бою, с ними ходили в контратаки.

Многим мы обязаны политработникам в воспитании у воинов чувства долга перед Родиной, ответственности за ее судьбу. Выполняя свой партийный долг, они не щадили собственной жизни.

Матросы в августовских боях стяжали славу отважных и умелых пехотинцев. Уже в первых боях отличились комсомольцы Дмитрий Воронко, увлекавший своих товарищей в контратаки, Сергей Молдаванов, уничтоживший гранатой вражеского снайпера, санинструктор Хальвинский, проложивший своим товарищам путь гранатами для контратаки.

Когда в контратаке одна из рот залегла под пулеметным огнем, матрос Просвиркин подполз и гранатами уничтожил вражеский пулемет. И рота продолжила контратаку. За этот подвиг Василий Григорьевич Просвиркин был удостоен ордена Красного Знамени.

Фланги Морского полка упирались в лиманы. Против правофлангового батальона противник накапливал силы. Надо было сорвать его очередную атаку и вообще хорошо потрепать его, чтобы затем дать передохнуть бойцам. Но тут требуются добровольцы. И комбат поделился мыслями с секретарем комсомольской организации. Разведчик, он же пулеметчик, Семен Клименко вызвался пробраться с пулеметом в тыл противника и ударить по скоплению вражеской пехоты.

Клименко пополз по кукурузе и подобрался к цели. И вот застучал его пулемет. Нападение было настолько неожиданным, что вражеские солдаты бросились в сторону своих позиций и в

нашу сторону. А когда наш батальон открыл по ним огонь, отчаявшиеся гитлеровцы кинулись в лиман.

– Пусть покупаются, – пошутил Осипов, подоспевший к месту боя. А потом приказал пленить их.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1941 года матрос Семен Игнатьевич Клименко за героический подвиг был награжден орденом Ленина.

Враг продолжал штурмовать позиции Морского полка, пытаясь сбросить оборонявшихся в море. На помощь морякам были посланы батальон НКВД и батальон из 2-го полка. Пополнение еще шло в полк, когда противник прорвался к селу Шицли и далее по оврагу просочился к 412-й батарее.

Осипов собрал группу матросов и бросился ликвидировать брешь. А тут вражеская кавалерия в прорыв пошла. Кавалерию отсекли, 28 кавалеристов взяли в плен. Жуков приказал пленных доставить в штаб базы. И вот мы их допрашиваем.

Румынские солдаты и унтер-офицеры – политически безграмотные, не разбираются в происходящем на планете. Они не знают, какие в Румынии партии и их цели. За что воюют? За землю, за богатую жизнь. Им обещали плодородные земли Транснистрии (Заднестровье – территория между Днестром и Южным Бугом). Колхозы, мол, будут распущены, украинцы изгнаны, а участники похода получат земельные наделы, машины и скот, даровых батраков.

Вот она, страшная побудительная сила, которая толкает их в бой.

Румынский капитан на допросе держался самоуверенно. Он ответил, что цель его борьбы – «великая Дако-Румыния». В нее румынские правители включали и Молдавскую ССР, и Транснистрию (Заднестровье). Гитлер обещал румынам эти земли в награду за разбойный поход.

Закончив допрос, пленных отправили в лагерь. А через день их посадили на транспорт «Кубань» и повезли на Кавказ. И надо же было такому случиться: судно на переходе бомбили немецкие самолеты. Бомба попала в трюм с пленными. Многих убило. Убили их союзники, немцы. А оставшихся в живых взял на борт эсминец «Безупречный», оказал помощь раненым и доставил по назначению.

Село Шицли в те дни несколько раз переходило из рук в руки. Вражеские автоматчики просочились к 412-й батарее. Комбриг Монахов взял из Погранполка батальон и послал его на помощь морякам. Противник был отброшен с помощью батареи Зиновьева.

В этих боях отличился командир пулеметного отделения В.М.

Жариков. Он огнем своих пулеметов нанес большой урон вражеским кавалеристам.

19 августа 1-й морской полк закрепился на рубеже Новые Беляры, Шицли, Старая Дофиновка. Это в трех километрах от 412-й батареи. База послала ему на пополнение роту матросов.

Одесса продолжала сражаться. И не только на сухопутном фронте. Уже месяц враг бомбил город, порт и корабли. Видимо, гитлеровское командование решило бомбами разрушить Одессу и порт, через который шло питание Приморской армии, топить суда, доставлявшие боеприпасы и пополнение.

Враг неистовствовал. До пяти налетов в день и тридцати самолетов одновременно. А 18 августа, когда отбивалась 95-я дивизия, на город было девять налетов. Весь день не было отбоя воздушной тревоги. В Одессе большие разрушения, пожары и много жертв. Бомбежки приносили огромные страдания гражданскому населению и особенно раненым, размещенным в госпиталях и больницах.

Прикрытие города и порта с воздуха приобрело важное значение. Так понимал свою задачу и личный состав 15-й бригады ПВО. Командир бригады полковник И.Т. Шиленков, начальник штаба майор Н.И. Хоровец, начальник ПВО базы полковник И.И. Глущенко и начальник артиллерии бригады майор Т.И. Ростунов создали стройную организацию наблюдения и продуманную систему огня. И хотя одесский плацдарм невелик, а обнаружение и оповещение о подходе вражеских самолетов затруднено, наши зенитчики старались понадежнее прикрыть город и порт. Для этого в море были выставлены катера наблюдения за воздухом. Зенитная артиллерия и 69-й истребительный авиаполк майора Л.Л. Шестакова постоянно в непрерывных и изнурительных боях с авиацией противника.

Морской 73-й зенитный артполк, которым командовал майор Л.С. Гассель (комиссар – А.М. Кисляков, начальник штаба – майор П.М. Сологуб), прикрывал порт. В боях на морском направлении уже отличились орудийные расчеты сержантов Безрука, Манюни и Павленко, а рядовой Михаил

Коптюх и сержант Илья Лагутин заслужили высокие награды Родины. На счету батарей старших лейтенантов П.А. Кушнира и М.Ф. Логинова по четыре сбитых самолета. Оба командира Указом Президиума Верховного Совета СССР за высокое боевое мастерство награждены орденами. Более десяти самолетов сбили зенитчики 638-го полка подполковника Г.Б. Света. Армии было тяжело, и ей на помощь не раз посылались зенитные артдивизионы капитанов Барсукова и Богоутдинова, батальоны майоров Гудыма и Мельника. В общем, наша ПВО воевала в небе,

на суше и на море. И в этом заслуга командиров, а также комиссаров И. Подколзина и А. Тимошенко.

В помощь войскам Восточного сектора были еще направлены две канлодки: «Красная Грузия» под командованием капитана 3-го ранга Г.В. Катунцевского (комиссар – Н.И. Епонешников) и «Красная Армения» (командир – А.И. Коляда, комиссар – М.А. Серов). Их артиллеристы П.Г. Кравченко и В.Р. Шульмейстер выехали в полки корректировать огонь, оставив на кораблях лейтенантов Алейникова, Кудрина, Лушкина. Это была крепкая поддержка и пограничникам, и морякам. Положение на участке 1-го морского полка несколько стабилизировалось. Яков Иванович Осипов показал себя храбрым и мудрым командиром.

Одесса приковала к себе уже 8 вражеских дивизий. Какое это облегчение Южному фронту! А там наши войска продолжали отходить под вражескими ударами. 15 августа пал Кривой Рог. 18-я армия отходила к Днепру, а 9-я – от Николаева к Херсону. В ее арьергарде отходил личный состав Николаевской военно-морской базы, сведенный в отряд под командованием контр-адмирала И.Д. Кулишова и полкового комиссара И.Г. Бороденко, и своим зенартполком (командир – А.В. Мухряков) отбивался от вражеских танков. 19 августа войска фронта переправлялись через Днепр. Рядом с Одессой сражался Очаков. Вице-адмирал Левченко, отправив 14 августа из Николаева на Днепр флотилию, сам убыл в Очаков. Части гарнизона выдвинуты на рубежи обороны, и уже 10 августа очаковские батареи вели огонь по врагу

15 августа Г.И. Левченко был у нас. С Жуковым выехали посмотреть, как воюют моряки. Мы с Ивановым пытались было отговорить их от этой поездки, так как далее КП полка под минометным огнем, но они даже не удостоили нас ответом. К вечеру вернулись. Морская форма имела жалкий вид, на ней засохшая глина. В поисках Осипова они пошли на КП 1-го батальона, попали под обстрел и получили хорошую практику передвижения по-пластунски. Да им не привыкать – оба старые сухопутные бойцы, воевали против Деникина, Колчака, Юденича. Вот и вспомнили старину.

После встречи с командованием армии Гордей Иванович убыл в Очаков. Здесь развернулись бои за город. Стрелковый батальон Одесской базы под командованием майора А. А. Бондаренко, пограничники майора А.П. Изугенева, инженерная рота базы капитана И.Е. Зайцева, катерники капитан-лейтенанта Н.Л. Каневского, подразделения капитан-лейтенанта А.В. Пичугина и майора М.Т. Кудлая, ополченцы под руководством секретаря райкома партии П.Е. Назаренко вступили в жестокую

схватку с 50-й пехотной дивизией противника, имевшей огромный боевой опыт войны в Европе. Наши подразделения поддерживали огнем береговые 203-миллиметровые батареи капитанов И.А. Радченко и А.С. Савона и сторожевой корабль «Кубань» под командованием старшего лейтенанта И.А. Кожухаря. Их огонь на передовой корректировали старший лейтенант Н.А. Юрасов и лейтенант Л.И. Сыркин.

Видимо, от командира 50-й немецкой дивизии пошло донесение о боях под Очаковом, так как после войны мы прочтем в дневнике начальника германского Генштаба Гальдера запись от 19 августа: «В районе Очакова противник предпринял контратаки на участке 50-й дивизии»[20]. Гальдер четырежды упоминает в дневнике этот маленький городок со скромным морским гарнизоном. Защитники Очакова дали предметный урок немецкому командованию. Их стойкость ошеломила гитлеровцев, и они стали усиливать дивизию танками, артиллерией и авиацией. При защите Очакова в боях с танками, пехотой и самолетами отважно действовал личный состав зенитных батарей старших лейтенантов Р.Н. Дерягина, Е.А. Бржозовского, А.П. Овсянникова, А.С. Вознесенского, И.А. Попирайко из дивизиона В.А. Моисеева.

И только когда были израсходованы все снаряды, пушки береговой и зенитной артиллерии разбиты, а защитники Очакова понесли тяжелые потери, защитники города, после рукопашных схваток в городской черте, в ночь на 21 августа отошли на кораблях на Кинбурнскую косу и острова Березань и Первомайский. Они создали здесь новый оборонительный рубеж, который имел важное оперативное значение, так как прикрыл Западную Таврию. Очаковцы помогли и Одессе: проходившие вблизи Очакова и вдоль Тендровской косы морские коммуникации до конца обороны Одессы были недоступны для противника. Мы в Одессе понимали то важное дело очаковцев, которое они выполняли в интересах города и армии, на полтора месяца оттянув с главного направления к Очакову и островам дивизию противника со средствами усиления.

Конечно, на фоне сражений всего советско-германского фронта Очаковская оборона – это боевой эпизод. Но в нем как в капле воды отразился дух советского народа – громить фашистских захватчиков везде и всюду, до полной победы над ними.

С Днепра на остров Первомайский прибыл Левченко. Он дал высокую оценку стойкости защитников Очакова и утвердил организацию обороны на новом рубеже. Оставив генерала Кузьмичева во главе обороны на островах и косе, Гордей

Иванович убыл в Одессу – помочь Жукову.

Оборону Одессы подчинить флоту

Начальник германского Генштаба Гальдер 19 августа записал в своем дневнике: «Противник продолжает оказывать сопротивление нашим частям, наступающим на Одессу». А на другой день дополнил запись: «Одесса все еще продолжает вызывать беспокойство»[21].

В первых августовских боях защитники Одессы выдержали экзамен на боевую зрелость. Был преодолен психологический барьер – начал рушиться миф о непобедимости гитлеровских армий. И какие бы испытания нас ни ожидали, мы крепко уверовали, что врагу не взять Одессу. Можно утверждать, что в середине августа завершилось становление обороны Одессы.

Но исподволь вставал вопрос о подчиненности обороны Одессы. Ведь войска Южного фронта уже на Днепре, а его штаб в четырехстах километрах и он практически не управляет Приморской армией, и фронт не снабжает ее. Нам казалось, что над этим думают и в Севастополе, и в Москве.

Решение вопроса ускорил случай. По докладу начальника гарнизона Жукова командарм решил разгрузить Одессу от скопившихся в ней тыловых подразделений 9-й и 18-й армий и отправить их морем к месту дислокации армий. 16 августа они начали грузиться на суда. В тот день уходил большой конвой в составе семи судов и восьми кораблей охранения. На них 13 тысяч эвакуируемых (женщины, дети, раненые), воинские тылы и оборудование предприятий. Мне приказано провести инструктаж (конференцию) капитанов и командиров.

Судами командовали опытные капитаны дальнего плавания А.Н. Моргунов («Днепр»), В.Я. Плаушевский («Армения»), В.И. Бацаценко («Восток»), Г.И. Вислобоков («Кубань»), С.Н. Кушнаренко («Пестель»), Ф.Г. Родити («Азов»), А.Ф. Шанцберг («Ворошилов»). Им дано сильное охранение: эсминцы «Беспощадный» и «Безупречный», которыми командуют капитаны 3-го ранга Г.П. Негода и П.М. Буряк, а также шесть «охотников» во главе с комдивами капитан-лейтенантами П.И. Державиным и Г.И. Гнатенко. Группу лоцманов возглавлял капитан дальнего плавания М.И. Белуха. Командиром конвоя был назначен комдив эсминцев капитан 2-го ранга Б.А. Пермский.

Уже заканчивалась конференция, когда комендант порта капитан-лейтенант П.П. Романов доложил, что на посадку пошли солдаты с оружием. Я поспешил к судам. Оказывается, с грузами тылов 9-й и 18-й армий уходили не только материально ответственные лица, но и вооруженные подразделения из охраны

этих тылов, что не вызывалось потребностью. И в нашем отчаянном положении это выглядело непонятным. Мы бедствовали без оружия и бойцов, оголяли боевые посты кораблей и пирамиды, чтобы бросить подкрепления на фронт, в Севастополе снимали людей с кораблей, опустошали оружейные склады и готовили отряды матросов в Одессу, а тут уходили готовые к бою подразделения с оружием. Явный недосмотр должностных лиц, коим поручена отправка тылов.

При осадном положении действуют особые законы – принадлежность бойцов к другим армиям не имеет силы. Всякий способный носить оружие, а тем более с оружием, ставится в ряды защитников города. И я приостановил посадку. Ко мне подошел майор Ершов из штаба армии и показал посадочную ведомость на «Днепр», подписанную им и с визой Военного совета армии. В ней говорилось: посадка воинских частей – 1500 человек. Это же целый полк. Я позвонил Жукову. Он тотчас прибыл и как начальник гарнизона и командир базы действовал энергично и в рамках соподчиненности. Не найдя Софронова, он при нас созвонился с начальником штаба армии Шишениным, заручился его согласием. По его приказанию со всех судов были высажены вооруженные подразделения, чтобы направить их на фронт, где как раз шла жестокая схватка за Кагарлык.

Тут бы отблагодарить Жукова за инициативность, распорядительность и заботу о пополнении армии, а получилось нехорошо. Конечно, я понимаю: командарм руководил войсками и не имел возможности вникнуть в суть происшедшего, доверился докладам. И между командармом и командиром базы, доселе дружно работавшими, произошла размолвка: Жуков вроде бы откорректировал план Военного совета армии по посадке на суда и за это был отстранен от обязанностей начальника гарнизона.

О происшедшем Жуков донес Октябрьскому, а тот послал резкую телеграмму начальнику Генштаба и наркому Кузнецову. Позже стало известно, что Кузнецов копию этой телеграммы направил в Ставку.

А на море произошло событие, потребовавшее нашего внимания. 18 августа Жуков получил радиограмму комфлота: из Сулины вышли 8 крупных и 4 малых транспорта противника с десантом в охранении 10 катеров; вылетела наша авиация; вам приготовиться уничтожить корабли противника внутри минного заграждения[22].

Жуков высказал сомнение: кто и как мог установить, что на транспортах десант? Но коль есть приказ, – штабу подготовить предложения для принятия решения.

В докладе по оценке обстановки я отметил, что Румыния не

имеет такого количества крупных транспортов – авиаразведка могла ошибиться в определении размера судов. Слабенький эскорт из десяти катеров не вязался с двенадцатью десантными транспортами – тут нужны эсминцы и крейсера. Для форсирования нашего мощного минного заграждения противнику потребуются десятки тральщиков. У противника же нет ни крейсеров, ни такого количества тральщиков, и вообще подобный десантный отряд может быть разгромлен на нашем минном поле и внутри минного заграждения нашей береговой артиллерией, кораблями и авиацией. И как вывод: с десантом против Одессы может идти только большой флот с авиацией, а этот отряд судов может быть чем угодно, только не десантным. Он может следовать куда угодно, только не к Одессе. Наиболее вероятно, что эти малые суда совершают внутренние перевозки или рыбачат. Поэтому, выполняя приказание комфлота, мы не должны отвлекать наши крупные силы с главного, сухопутного направления на ложные, не ослаблять наших главных усилий на суше.

Начштаба Иванов, согласившись с оценкой и выводами, предложил: во исполнение приказа командующего флотом направить против судов противника отряд торпедных катеров, канлодку и эсминец. Остальными кораблями поддерживать войска. Адмирал утвердил. Высланные корабли вернулись к рассвету ни с чем.

Утром 19-го после безрезультатного поиска «десанта» на Одесский рейд неожиданно прибыло севастопольское соединение в составе лидера «Ташкент», эсминцев «Бодрый», «Безупречный», «Беспощадный». И тут же пришло приказание комфлота: эсминцам в случае отсутствия десанта подойти к Одессе и нанести удар по вражеским войскам в районе сел Свердлово и Визирка[23]. Это в тылу противника, там его резервы. Корректировать огонь нельзя. Значит, Октябрьский заведомо определил стрельбу по площадям. Вот бы эти восемнадцать новеньких 130-миллиметровых пушек да по вражеской пехоте, атакующей полки в Восточном секторе. Но у нас нет резервных корректировочных постов. Если бы мы заранее знали о приходе эсминцев, можно было бы что-то придумать. И вот в этот день мы с флагартом базы Филипповым задумали создать базовые корпосты для кораблей флота, придаваемых базе. А пока начали выполнять приказание комфлота. Полковники Крылов и Рыжи дали цели. Кораблям поставили задачи, и они открыли огонь. Только я закончил радиопереговоры с кораблями, звонок Иванова: зайдите к адмиралу.

Жуков подал мне радиограмму. По укоренившейся привычке

я сначала посмотрел на подписи. А там крупными буквами выведено: Сталин, Шапошников. Вот это да! Впервые держу в руках такое. Это была директива Ставки Верховного Главнокомандования.

В ней говорилось о том, что командующим Одесским оборонительным районом назначается контр-адмирал Гавриил Васильевич Жуков с непосредственным подчинением командующему Черноморским флотом. Определялся и состав ООР: в него входили все части бывшей Приморской группы войск и Одесской военно-морской базы. Лаконично и четко определялись задачи Одесского оборонительного района.

В числе задач ООР было записано: «Уделить особое внимание созданию и развитию оборонительных инженерных сооружений… Мобилизовать и использовать все способное население для обороны города… Изъять из тыловых частей и учреждений весь излишний начальствующий и рядовой состав и использовать для службы в строю. Установить в городе и районе жесткий порядок и соответствующий режим для гражданского населения… Все ненужное для обороны эвакуировать. Эвакуацию производить во всех случаях лишь с разрешения контр-адмирала Жукова».

Раньше мы гордились тем, что морская Одесса явилась единственным городом, специально оставленным Ставкой во вражеском тылу для отвлечения на себя крупной группировки войск противника с сухопутного направления. А теперь на флот возложена ответственность за успешное решение этой крупной оперативной задачи, и для этого ему придана Приморская армия. Нет сомнения, что Одесса занимает значительное место в планах Ставки, если она уже дважды принимает по ней важные решения.

Г.В. Жуков имел все данные, чтобы возглавить дело, которое ему поручалось. Его ум, знания, боевой опыт, воля, организаторские способности и преданность делу партии позволяли ему быть командующим обороной Приморского плацдарма, изолированного от основного фронта. И он оправдал доверие партии, до конца исполнив свой долг.

Позже нарком Кузнецов рассказал нам историю организационных решений по Одессе, а потом написал об этом в своих воспоминаниях. Нарком был высокого мнения о Жукове: «Он обладал всеми личными качествами, необходимыми командующему оборонительным районом»[24]. С предложением Кузнецова поставить Жукова во главе обороны Одессы согласился начальник Генштаба Маршал Шапошников. Верховный Главнокомандующий утвердил эту кандидатуру.

Командующий ООР контр-адмирал Жуков избрал себе КП там, где был КП армии. До отъезда туда он занялся

организационными вопросами, а на меня возложил все дела базы и приказал узнать в штабе флота, чем закончилась история с десантом. А десанта и не было. При повторном вылете флотские самолеты уже не обнаружили судов. Не обнаружили их и эсминцы. При опросе мной в 1944 году командующего румынским флотом Мачелариу тот отрицал подготовку десанта. Это подтвердилось и архивными документами румынского флота в Констанце.

В первые месяцы войны, пока мы не освоились, много было всяких историй со всевозможными десантами. Шли абсурдные донесения снизу и непроверенная информация сверху. Преувеличивались возможности и способности противника. Это лежало за пределами научного обоснования, когда бдительность перерастала в мнительность. Над иными как дамоклов меч висели истории захвата гитлеровцами острова Крит с воздуха и Норвегии с моря. Уроки из этого нельзя было механически переносить на нашу действительность.

Конечно, военный человек должен быть бдительным, готовым ко всяким случайностям, держать подчиненных в разумном напряжении, однако помнить, что неоправданные, да еще частые, предупреждения об опасности – не безобидные акции. Противник демонстрациями увлекает вас на ложное направление. Перенацеливанием сил вы изматываете их, ослабляете главное направление. И еще хуже – люди привыкают к ложным тревогам, а наступает действительная угроза – они не готовы.

В нашем случае мифический десант «испарился» под лучами восходящего солнца. А мы в результате этой истории заполучили четыре корабля. И теперь по вражеским войскам огонь вели девять кораблей. Со стороны моря накатывался сплошной гул орудийных выстрелов.

Я выкроил часок и с темнотой выехал на рейдовый пост, что на холодильнике порта (сейчас там морской вокзал). Тут с большой высоты открывалось потрясающее зрелище в ночи. Частые залпы кораблей сливались в канонаду, и слышалась мощная, милая сердцу артиллериста музыка. Вспышки орудийных залпов образовывали огненное ожерелье, повисшее над водой. А так как тучи нависли, то оно отражалось от них, и весь рейд и залив были освещены как в сильную грозу.

Я представлял себе, что происходит на кораблях. Ведь на всех девяти плавал и знал их людей. Корабли стреляли на ходу, а в заливе тесно маневрировать. Стрельба производилась на коротких отрезках пути, с частыми поворотами. Смотри в оба, командир. Но за весь период обороны у нас не произошло ни одного столкновения. Это говорит о высокой квалификации

командиров и штурманов и бдительности сигнальщиков-наблюдателей.

Приступая к новым обязанностям, Жуков не слагал с себя ответственности за морской сектор и своих командных функций по прежней должности пока никому не передавал. Он позвонил начальнику штаба армии генералу Шишенину и попросил его срочно прибыть по неотложному делу. Ознакомив его с директивой Ставки, Жуков объявил Шишенину, что отныне он начальник штаба ООР, а его заместитель – Иванов. Генерал Софронов станет заместителем Жукова. Затем они собрались вместе, чтобы оценить обстановку и осмыслить содержание будущих первых приказов. А я занялся делами базы – ведь в бою девять кораблей и надо готовить крупный конвой к выходу в Новороссийск.

Шишенин, доложив свои соображения и получив установки, убыл в штаб армии составлять первые приказы. Затем туда же уехали Жуков и Иванов. В седьмом часу вечера мне позвонил Крылов и попросил прислать штабного командира за приказом командующего ООР номер один, подписанным Жуковым, Дитятковским и Шишениным в 18.15 19 августа. В нем говорилось о том, что по указанию Ставки для обороны Одессы создается ООР. Командующим ООР назначен контр-адмирал Жуков. Его заместителем по сухопутным войскам – генерал-лейтенант Софронов. Комиссаром ООР становился полковой комиссар Дитятковский. Начальником штаба ООР – генерал-майор Шишенин. Помощником командующего ООР по оборонительному строительству назначался генерал-майор Хренов, заместителем начальника штаба по морской части – капитан 1-го ранга Иванов. В состав ООР включались все части и учреждения Приморской армии и все части Одесской базы. Военно-морская база переподчинялась непосредственно Жукову.

Руководство ООР тотчас же приступило к исполнению новых обязанностей. В 23.55 Жуков, Дитятковский и Шишенин подписали приказ номер два. В нем определялись задачи и рубежи дивизий.

Приходилось слышать утверждения, что эти приказы были отданы дивизиям через голову командования и штаба армии. Это досадная неточность. Ведь Шишенин – глава армейского штаба, значит, уже не через голову. Второй, оперативный, очень

сложный по содержанию и объему приказ мог быть подготовлен только коллективом грамотных армейских штабистов. Как пишет Н.И. Крылов в воспоминаниях, «бразды правления по штабу армии ему передал Шишенин в ночь на 20 августа», а днем и вечером 19 августа, когда готовился приказ

номер два, Шишенин продолжал возглавлять штаб армии (а Крылов никогда не выходил из его подчинения, став на другой день и заместителем начштаба ООР по совместительству). Приказ номер два явился результатом многочасовой коллективной работы операторов штаба армии, руководимых Шишениным и Крыловым. После его подписания он был разослан в дивизии оперативным отделом штаба армии, его средствами связи.

В эти первые часы жизни новой организации обороны Одессы Шишенин, выполняя решения командующего ООР, руководил войсками, опираясь на штаб армии. Я не знаю в эти часы характера взаимоотношений Шишенина с Софроновым, но с приказом номер один, которым Софронов назначался заместителем командующего ООР, он был ознакомлен немедленно.

Позже раздавались голоса, что неудачи, постигшие в те дни 25-ю дивизию при отходе, связаны с содержанием приказа номер два, якобы продиктованного Жуковым. Это совершенно неверно. Шишенин – не из тех людей, кому адмирал мог бы внушить концепции, не стыкующиеся с сухопутной действительностью. Тут действовал уставной порядок, сложившийся в армии: штаб сделал расчеты, Шишенин внес предложения, Жуков утвердил этот разумный вариант. Шишенин – умный и образованный генерал и опытный штабист. К его мнению прислушивались и Софронов, и Жуков. А с 25-й дивизией получилось так, потому что она своим двухполковым составом уже вторые сутки отходила под ударами трех дивизий противника.

Генерал А.И. Ковтун-Станкевич (он тогда был в 25-й дивизии штабным командиром и вскоре вступил в командование 287-м полком) после войны в письме ко мне так описал отход от Кагарлыка: «Наша дивизия под ударами многократно превосходящего противника отходила, нанося контрудары. В пылу боя части перемешались. Тогда командир дивизии А.С. Захарченко, комиссар Ф.Ф. Машков, прихватив меня, бросились в ряды отходивших и восстановили положение. А тут вскоре по приказу Жукова подоспела на помощь кавдивизия И.Е. Петрова, а потом и 136-й запасной полк майора Н.М. Матусевича. Но при отходе полки поменялись местами – 31-й полк стал левофланговым у Днестра, а 287-й полк правым флангом примыкал к 95-й дивизии».

Шишенин и Крылов в боевом донесении штаба ООР, подписанном ими в 8.15 20 августа, сообщали, что все части Приморской армии на основании директивы Ставки вошли в состав ООР. 18 и 19 августа шли напряженные бои. Противник, сосредоточив до семи дивизий, наносил главный удар от

Кагарлыка на Карсталь и к исходу дня 19 августа прорвал фронт на участке Кагарлык – Беляевка. В связи с угрозой окружения наших войск решением командующего ООР 95-я и 25-я дивизии под прикрытием арьергардов и 1-й кавдивизии отошли на рубеж Палиово – Выгода – Карсталь – Маяки. Это документальное доказательство является свидетельством того, что только угроза окружения наших войск, сложившаяся 18 и 19 августа, вынудила Шишенина предложить, а Жукова решить отвести войска, чтобы не произошло худшее. Шишенин и Крылов всю ночь руководили отводом обеих дивизий.

Противник, захватив Беляевку, остановил одесскую водокачку. Температура воздуха 30 градусов, и в городе более 400 тысяч человек[25]. Всякий поймет трагедию, в которой оказалось население, больные и раненые. Началось бурение артезианских колодцев, которое возглавил генерал А.Ф. Хренов. К боевой страде добавились страдания в быту: жажда посерьезнее голода. Появились карточки на воду. Осложнились приготовление пищи и стирка белья. Не работала канализация, а это уже угроза эпидемий. К тому же много воды требовалось заводам, работавшим для фронта, госпиталям и больницам. Враг начал бомбить город зажигательными бомбами. Начались пожары. А воды нет.

20 августа командиром 25-й Чапаевской дивизии был назначен генерал И.Е. Петров, бывалый воин, участник Гражданской войны. Время покажет, что его назначение оказалось большой удачей. И хотя боевой путь Ивана Ефимовича не всегда был гладким – и не по его вине, в наших сердцах он оставил о себе добрую память как талантливый, мужественный военачальник. Полковника А.С. Захарченко назначили начальником штаба войск Восточного сектора. Это способствовало благополучному исходу боев в будущем в этом районе. Хороший воин во всех отношениях, он после Одессы командовал 192-й дивизией и погиб в 1942 году.

Жуков послал Военному совету флота предложения по расстановке руководящих кадров ООР. И сразу же получил ответ: Софронов – командующий армией, Воронин – член Военного совета ООР, Шишенин – начальник штаба ООР, Иванов – его заместитель, командир базы – Кулишов, начальник штаба базы – Деревянко, и до прибытия командира на него возлагаются обязанности командира базы[26]. Вскоре эти назначения были утверждены Москвой.

Я воспринял новое назначение как высокое доверие наркома, Военного совета флота и старался оправдать его. Полковник Н.И. Крылов по устному приказанию приступил к исполнению

обязанностей начальника штаба армии и заместителя начштаба ООР по совместительству. Политотдел ООР возглавил полковой комиссар Л.П. Бочаров.

Для руководства городом в состав Военного совета ООР был введен первый секретарь Одесского обкома партии бригадный комиссар А.Г. Колыбанов. Он и председатель облисполкома Н.Т. Кальченко с помощью партийной организации обеспечили необходимые условия для жизни и деятельности населения, удовлетворения запросов фронта. Многое в этом направлении сделали также секретари обкома партии Г.С. Сенин, Л.И. Найдека, И. А. Сосновский, Е.Ф. Карюков, А.Ф. Чернявский, Д.Г. Гапий, секретарь горкома партии Н.П. Гуревич, председатель горисполкома Б.П. Давиденко, заместитель председателя облисполкома Я.М. Мизрухин. Все они много работали по обеспечению боевых действий войск, обслуживанию населения, организации МПВО, эвакуации предприятий, проведению оборонных работ.

Членом Военного совета от флота был назначен И.И. Азаров.

Тыловое снабжение и пополнение людьми Приморской армии Генштаб возложил на Северо-Кавказский и Закавказский военные округа с подачей грузов и людей через Кавказские порты. Наши коммуникации удлинились до 400–600 миль (730-1100 км).

Ставка и Генштаб создали стройную структуру обороны Одесского плацдарма. Защита Одессы явилась совместной оборонительной операцией всех видов Советских Вооруженных Сил: сухопутных войск, флота, авиации, войск ПВО, с участием торгового морского флота и гражданского населения города и области.

Меня и сейчас иные спрашивают: чей же вклад больше в Одесскую эпопею? Я отвечаю в полном соответствии с исторической правдой: да, армия была придана, подчинена флоту. Но на главном, сухопутном, направлении обороны она была основной ударной силой, подкрепленной флотской мощью: морской пехотой, береговой артиллерией, кораблями и авиацией. И если учесть образцовую эвакуацию армии морем, то попробуй разберись в приматах и приоритетах – чей вклад больше! Получится, как в той притче: все равно что искать черную кошку в темной комнате, куда она вообще-то и не заходила. Армия и флот на равных защищали Одессу Вот в чем состоит истина.

Шишенин объявил Крылову и мне, что штаб ООР будет небольшим, без отделов, и состоять из представителей армии и флота. Из Севастополя уже прибыли операторы полковники А.М. Аганичев, Г.В. Матьяшек и капитан 2-го ранга Л.Г. Чернов. Софронова, Крылова и меня, как исполняющего обязанности

командира базы, пригласили на Военный совет ООР, где Жуков дал установочные указания. Из них следовало, что присылаемые флотом боевые корабли будут придаваться базе, их использовать в артподдержке сухопутных частей. На море должен быть один хозяин, поэтому порт подчиняется базе, а через него и все приходящие торговые суда. Было приказано создать в порту образцовую организацию для быстрой разгрузки и вывозки боеприпасов, других грузов. Эвакуация морем людей по линии города и армии возлагалась на базу. Ничто не могло быть вывезено из Одессы без санкции командира базы. Ни один мужчина в возрасте от 18 до 55 лет не имел права покинуть осажденный плацдарм.

Окончательно сложился морской фронт обороны Одессы, и нужно было умело возглавлять его борьбу. В связи с ограниченным составом штаба ООР и в целях быстрого решения морских вопросов за базой оставалось право самостоятельного сношения со штабом флота по вопросам перехода кораблей и судов и их действий. А решение вопросов взаимодействия между армией и базой возлагалось на их командование. В самых драматических ситуациях, следовавших одна за другой, между штабами армии и базы не возникло ни одной размолвки, которая бы привела к разнобою в работе. Я это отношу на счет деловитости и партийной принципиальности работников обоих штабов. Этому способствовал и спокойный характер начальника штаба Приморской полковника Николая Ивановича Крылова. И когда он писал воспоминания о Севастополе, хорошо сказал: «В Одессе отношения со штабистами-моряками были как-то ближе и теплее – такие, как здесь с Моргуновым и Кабалюком» (это севастопольские береговые артиллеристы).

Конечно, у нас возникали рабочие споры, обычные для штабов соединений, воюющих рядом на стыке суши и моря. Но они были даже полезны в поисках лучшего решения, велись в пределах разумного и разрешались при общем согласии в соответствии с существовавшими требованиями.

Противник подтягивал свежие дивизии и вводил их в бой. Острота борьбы за Одессу росла с каждым днем и часом. В нее все больше втягивались труженики города и области. В тылу войск население помогало создавать новые позиции. На осажденном плацдарме шло сражение за город, а колхозы продолжали убирать урожай и снабжать войска продовольствием. Случалось, что и гражданское население попадало под огонь артиллерии и минометов противника. Были потери.

Весь призывной контингент для пополнения частей был практически исчерпан. 90 процентов коммунистов Одесской

партийной организации с оружием сражались с врагом. Когда становилось тяжело на передовой и командиры дивизий взывали о помощи, обком и горком партии производили очередную – в который раз! – мобилизацию коммунистов и направляли их в части.

Одесса – промышленный город. В ней много предприятий. Среди них немало крупных: завод сельскохозяйственных машин, автокрановый завод, судоремонтные заводы… Они освоили более 130 видов военной продукции. На одесских предприятиях создавались легкие танки (на базе трактора), бронепоезда, минометы, ручные гранаты, бутылки с горючей смесью, противотанковые и противопехотные мины, шанцевый инструмент, походные кухни, ремонтировались самолеты, танки, орудия, суда, корабли, винтовки, пулеметы, автомашины. Город снабжал войска обмундированием и обувью. На полную мощь работали мясокомбинат и хлебозаводы. Успешное проведение Одесской оборонительной операции было обеспечено, помимо других факторов, большим и героическим трудом одесских рабочих и колхозников во главе с партийной организацией.

На фронт приезжали делегации предприятий. Перед воинами выступали артисты. Одесса хранила боевые традиции трех революций и Гражданской войны. Материальное обеспечение фронта и моральная поддержка города способствовали укреплению стойкости в рядах воинов. И какие бы неудачи нас ни ожидали, мы были уверены, что можем сильно бить врага и легких побед под Одессой ему не видать.

Говоря о городе, я имею в виду и порт. Но он занимал особое место в борьбе за Одессу. Без него вообще была бы немыслима оборона города.

Морской фронт

К 20 августа сухопутный фронт обороны Одессы проходил от Григорьевки у Аджалыкского лимана через Шицли, Кубанку, Ильинку (в Межлиманье), южнее Палиово, к Францфельду (ныне Надлиманское) у Днестровского лимана и далее по восточному его берегу на юг, к Каролино-Бугазу, что у моря. Он был похож на подкову, упиравшуюся концами в море.

Вот эти концы и замыкал наш морской фронт. Но обозначить его линией, как сухопутный, нельзя. Морской фронт борьбы за Одессу проходил и по береговой линии, и в сторону суши от нее и еще больше в море. Он включал морские береговые батареи и корабли в заливе и на рейде, авиацию с ее местами базирования, морские коммуникации – порт и суда с боевым охранением, зенитную артиллерию, минное заграждение, береговые наблюдательные посты и многое другое.

Одесский морской фронт обороны имел сухопутное и морское направление. База выполняла две оперативные задачи: наносила по врагу удары и обеспечивала защитников города всем необходимым. Для решения этих задач она имела береговую и зенитную артиллерию, корабли, авиацию, суда и придаваемые корабли флота. Морские батареи калибром до 203 миллиметров были сведены в три дивизиона, которыми командовали майоры А.И. Денненбург, Г.М. Булахович (затем Ф.С. Лютый), И.Б. Яблонский. Большая дальность стрельбы – от 20 до 37 километров, в зависимости от типа орудий – позволяла производить маневр огнем с одного сектора обороны на другой. Все батареи имели устойчивую радио– и телефонную связь с передовой. Береговая артиллерия была в базе главной огневой силой против вражеской пехоты.

Другой огневой силой являлись корабли. Они имели свои преимущества: могли быстро менять позиции, приближаться к рубежам обороны, наносить удары с малых расстояний. Крейсер «Коминтерн», эсминцы и канлодки базы, обстреливавшие вражеские войска, были сведены в отряд кораблей под командованием контр-адмирала Д Д. Вдовиченко (комиссар – Я.Г. Почупайло, начштаба – Б.А. Чижевский).

Огонь кораблей и батарей корректировался постами, которые находились на переднем крае. Личному составу корпостов даже приходилось вступать в единоборство с вражескими солдатами.

На морском фронте сражалось соединение кораблей ОВРа базы. Им командовал капитан 2-го ранга П.П. Давыдов, комиссаром был батальонный комиссар А. А. Ефимов, а

начальником штаба – капитан 3-го ранга М.А. Лепакин. Люди высокой чести, большого мастерства и отваги, они искусно руководили боевыми действиями своих кораблей. Их соединение несло дозоры в море, вело поиск подводных лодок противника, особенно внутри минного заграждения, тралило фарватеры, ставило дымовые завесы в порту, поддерживало порядок в гаванях, конвоировало транспорты. Для выполнения этих задач ОВР имел в своем составе: отряд малых охотников за подлодками – МО, которым командовал капитан 3-го ранга А.М. Кузнецов, тральщики, сторожевые корабли, вспомогательные корабли и суда. Всего около сорока вымпелов. Так как конвоирование транспортов приобрело наиважнейшее значение и стало одной из основных задач базы, мы привлекли к этому все свои корабли, но главным образом малые охотники. Все они были задействованы в конвоях.

МО становился основным кораблем охранения транспортов. Корабль небольшой и экипаж маленький, но, казалось, для них не было невыполнимых задач. В мирное время, согласно приказу о мореходности, в 7-балльную непогоду МО не разрешалось выпускать в море, а тут и в 9 баллов от командира «охотника» не было жалоб на непогоду.

Катерники с «охотников» самые боевитые воины и лучшие мореходы на флоте. Тяжек их ратный труд, а быт, по теперешним взглядам, просто суровый. Для других – после короткого плавания отдых и усиленное питание на береговых и плавучих базах, а «охотник» в непрерывных походах. В шторм камбуз не работал – питались всухомятку. В тесном кубрике жили и обсушивались.

Даже заскочив накоротке в гавань, продолжали жить на своем катере, даже зимой, обогреваясь электрогрелками. Бывало, приведут транспорт в порт, сдадут в сохранности. Им еще и спасибо за это не успели сказать, а уже нужно выполнять новое приказание: в дозор или конвой. А так как конвоирование не сквозное, а со сменой охранения в море, то получалась челночная страда с постоянным пребыванием в море. Часто на подходе к гавани катера-охотники уже ожидал сигнал: «Следовать по назначению, задача такая-то».

Экипаж «охотника» – 23 человека. Стоит одному-двум проявить робость под ударами врага или перед громадой волны, падающей на тебя, сразу же выпадет какое-то звено в действиях экипажа. Об этом все знали. И на маленькой платформе 55 тонн водоизмещением постоянно и все вели борьбу и с врагом, и со стихией. В этой борьбе могли выстоять и победить только отборные в физическом и моральном отношении моряки.

МО-125 во главе со старшим лейтенантом В. А. Тимошенко вступил в бой на Дунае в первый же день войны и уничтожил огнем пограничный пикет противника. А через день уже высаживал десант бойцов из 25-й Чапаевской дивизии на румынский берег Дуная. В Одессу Тимошенко пришел, понюхав пороху. И сразу же – в конвои и непрерывные бои с авиацией. Как обстрелянного, его наравне с командирами дивизионов катеров назначали командиром конвоев, и все суда он сопроводил по назначению без потерь. На этом катере отвагой и умением выделялся комендор И.Н. Перевозчиков – он сбил два самолета. Оба моряка удостоены орденов за оборону Одессы.

Изо дня в день в конвоях МО-116. Им командовал старший лейтенант М.И. Малахов, коммунист. В конвоях с его участием – ни одной потери судов. МО отважно защищал Одессу, а затем Севастополь и Новороссийск. Командир его погиб в 1943 году – сгорел вместе с катером. За Одессу Михаил Илларионович и комендор А.И. Рощин были награждены орденами.

Лихими были командиры МО-119 и МО-128 старшие лейтенанты И.П. Михайлов и В.П. Щербинин. Они отличились в десантах, конвоях, дозорах и были удостоены высоких наград Родины.

Своими бойцовскими данными выделялись командиры «охотников» Г.А. Акимов, С.М. Гладышев, М.Ш. Кауфман, А.П. Скляр, В.А. Тимошенко.

Интересными людьми были командиры катеров Иван Пакош и Федор Коренной. Оба воевали еще в Первую мировую и Гражданскую. Каждому было уже под пятьдесят. Они призывались в тыловые части, но упросили послать их на передовую морского фронта. Здесь они и сложили свои головы: Ивана Пакошу сразил снаряд в Одесском порту, а Федор Коренной погиб в Туапсе.

А вообще-то командиры «охотников» были молодые люди. Большинство из них пришли в базу из пограничных войск с опытом боевой службы по охране границ в мирное время. Все они люди большой отваги, усердно служили Родине. И если учесть их роль буквально во всех операциях Черноморского флота, особенно в десантных и в конвоях, то придется, говоря начистоту, признать, что на малые охотники в войну легла наибольшая нагрузка. Я начал и закончил войну с этими кораблями. До сих пор храню теплые чувства к людям этого «москитного» флота за их великое противостояние врагу. И пусть они простят меня за то, что, может, не все делал для них, а задачи возлагал сверх человеческих возможностей, но они шли и исполняли свой долг до конца.

Наши «охотники» были сведены в два дивизиона – первый и

второй. Ими командовали капитан-лейтенанты П.И. Державин и Г.И. Гнатенко – ныне Герои Советского Союза, офицеры запаса, проживают в Одессе. Оба пограничники, с отличной морской и боевой выучкой и суровой пограничной закалкой. С первого часа войны уверенно ступили на боевой путь флотской страды – сразу в дозоры и конвои. Они были постоянными командирами конвоев – «штатными». Если командир катера иногда получал передышку, например когда корабль находился в ремонте, то комдивы переходили с палубы на палубу – и вновь в поход. Державин и Гнатенко нравились мне за находчивость, мужество и беспредельную терпимость к перегрузкам. Они безропотно переносили все тяготы войны, подавая пример исполнения долга.

Я всегда с благодарностью вспоминаю руководящие кадры пограничных войск, и прежде всего контр-адмирала С.М. Воробьева, за воспитание у подчиненных командиров высокого чувства ответственности. Что касается моряков-пограничников, то в воспитании у них стойкости большую роль сыграли политработники С.П. Павлов, С.З. Голуб, Г.М. Седух.

В составе Одесской базы было соединение санитарных транспортов, которым командовал капитан 2-го ранга К.Ю. Андреус. Его семь судов вывозили раненых, женщин и детей и доставляли пополнение и боеприпасы.

Одесские морские коммуникации, действовавшие в интересах армии и города, настолько усложнились, что на Одессу работали Черноморский флот, Черноморское пароходство и Совтанкер. Последним руководил И. Сырых. А начальником пароходства был Г.А. Мезенцев. Его имя в тридцатых годах стало известно всему миру. Капитан дальнего плавания, он командовал транспортом «Комсомол». На нем доставлял Испанской республике советское оружие, добровольцев. Фашисты не простили ему этого и, когда он шел уже с мирным грузом в Бельгию через Гибралтар, его перехватили корабли мятежного флота. Судно было потоплено, а экипаж подвергнут тюремному заключению. Только через год их удалось выручить. Вскоре после этого Георгий Афанасьевич возглавил Черноморское пароходство. И теперь оно полностью работало на войну. А его начальник знал толк в воинских перевозках.

Средоточием одесских морских коммуникаций являлся Одесский торговый порт – сорок пять причалов протяженностью пять километров. Начальник порта Пахом Михайлович Макаренко подчинялся командиру базы. Он – капитан дальнего плавания и знаток погрузочно-разгрузочных работ. Интересный человек. Малоразговорчив, деловит, тверд характером, отважен в боевой обстановке, рачительный хозяин. Это то, что нужно. Но ершист –

с ним надо осторожно. Чувствителен к престижу – сильно развито профессиональное самолюбие. А у кого оно не развито? Разве только у беспринципных. Нет, он из-за мелочей не взрывался, но в существенном не уступал. И представьте, часто оказывался прав. На все имел собственное мнение, а уж одно это – неоценимый дар. В сложных ситуациях с такими людьми, как Макаренко, можно работать. Мне нравилось, что он не поддакивал по всякому случаю для поддержания «добрых» отношений, а там, где нужно, возражал и спорил. В дебатах рождалось лучшее решение. Не помню случая, чтобы он громогласно признавал свою осечку. Он просто замолкал, незаметно выключаясь из спора. Одессе повезло, что во главе порта осажденного города, куда сходились в то время все морские пути, оказался хороший организатор портового предприятия. Политическую работу в порту возглавлял комиссар порта М.М. Гильдии, заместитель предгорисполкома.

В Одесском порту были сильные кадры: диспетчеры А.И. Павлов, А.К. Каспарьян и М.Е. Палатников, начальники районов порта К. Давидович, Я. Драк, Г. Крижановский, бригадиры И. Никитюк, Х. Покрас, Ф. Цапок, А. Данилюк, рабочие А. Вуйцик, К. Добровольский, Г. Завадский, Н. Шевченко, А. Полещук, крановщики Григоренко, Остроушко, Куценко.

Контроль над судами осуществлял капитан порта Василий Иванович Коваль, трудолюбивый и храбрый воин. Его ближайшим помощником был старший лоцман Н.Г. Пучков. Это они встречали и распределяли суда по причалам и проверяли готовность их к плаванию.

Но в порту должен быть распорядитель военных грузов. Им являлась военно-морская комендатура порта. Во главе ее стоял капитан-лейтенант П.П. Романов. Он из торговых моряков, служил на флоте. Мы с ним впервые встретились на крейсере «Коминтерн» в 1934 году, где он был помощником командира, а я в качестве слушателя Высших артиллерийских классов проходил артиллерийскую практику.

Павел Павлович деловит, организован. Знаток портового хозяйства, он сам много работал. Строг, мог спросить с помощников. Под бомбежкой и артобстрелом отважен, в щели и убежище не бегал. А это показатель выдержки. Дисциплинирован и пунктуален: дашь задание – можешь быть уверен, что все будет исполнено в лучшем виде и в срок. Романов по характеру отличался от Макаренко, и они друг друга дополняли.

Хорошие у него подобрались и помощники: С. Барский, Я. Белаковский, А. Иващенко, Н. Гальперин. Это был маленький коллектив старательных работников, ответственных за

планирование и организацию погрузки и посадки на суда. За всю оборону мы не имели ни одного эксцесса, связанного с их работой.

Погрузочно-разгрузочные работы в порту шли круглосуточно. Больше всего днем, в разгар бомбежек и артобстрелов, хотя противник обстреливал и ночью, а с 7 сентября повел и ночные бомбежки. Чтобы не подвергать суда опасности, держали их в Одессе накоротке. Был установлен строгий порядок: всем судам и кораблям приходить в Одессу до рассвета, за несколько минут высадить людей, в течение дня выгрузить боеприпасы и посадить женщин, детей и раненых. С темнотой уходить, чтобы расстояние между Одессой и серединой Каркинитского залива (это к югу от Тендры, ближе к Крыму) проходить только ночью. В светлое время суток старались быть подальше от вражеских аэродромов. Дважды – судно и корабль под флагом высокого начальника – нарушили этот порядок, пытаясь днем прорваться в осажденную Одессу, и были потоплены.

На два-три дня в порту задерживались только крупные сухогрузы, вывозившие сложное заводское оборудование. В эти периоды мы понадежнее прикрывали порт. Но самыми тревожными были дни и часы, когда шла разгрузка боеприпасов под ударами авиации и артиллерии противника. От взрывов бомб и снарядов дрожала земля, раскачивались краны. Осколки барабанили по корпусу судна, а крановщик с горьким юмором покрикивал сверху из кабины работающим внизу: «Братцы! Пошевеливайтесь, пока я цел!»

В Одесском порту слабым духом нечего было делать. Им противопоказано там находиться. И когда начинались очередная бомбежка или обстрел, из порта просто уезжали те, у кого не было здесь прямых обязанностей. А мы, в свою очередь, не рекомендовали приезжать к нам в порт, как и на передовую, без крайней необходимости.

Главным средством коммуникаций является судно. Но только в охранении боевых кораблей оно могло решить свою задачу. Штаб базы нес ответственность за морские коммуникации в полном объеме: погрузку, формирование конвоев, обучение и инструктаж командиров и капитанов и своевременный выход, за встречу судов и их разгрузку. Командир конвоя персонально отвечал за охранение транспортов в море. С гордостью за наших командиров и капитанов могу сказать: за все время обороны Одессы мы не потеряли ни одного судна, вышедшего из порта. И не только потому, что продуманно формировали и готовили конвои и соблюдали время их выхода, но и потому, что военные и торговые моряки в конвоях, прежде всего командиры конвоев,

действовали отважно и искусно.

Начальник конвойной службы капитан 3-го ранга А. А. Петров – из подводников. Раньше ему не приходилось заниматься надводными делами, но жизнь заставила, и он освоил это чрезвычайно сложное дело. А далось ему это нелегко. Петрову надо было знать возможности каждого торгового судна, боевые свойства всех классов кораблей, назначаемых в охранение, уметь подобрать удачное сочетание их, провести конференцию (инструктаж), своевременно вытолкнуть всю эту армаду. А еще он контролировал погрузку судов: чтобы не загрузили недозволенное.

Алексей Александрович позже погиб на Северном флоте, на подлодке. И я хочу, чтобы все его близкие знали: он хорошо исполнил свой долг.

Первый мой доклад как исполняющего обязанности командира базы – командующему ООР. У него находятся член Военного совета ООР Ф.Н. Воронин и командарм Г.П. Софронов. Из штаба флота вновь поступило сообщение о выходе из Сулины судов противника. Однако я ограничился информацией кораблей и батарей об этом и приказал усилить наблюдение за морем. Жуков утвердительно кивнул головой.

Во время доклада я высказал мнение о недопустимости использования новых эсминцев для стрельбы по площадям. Они выпустили около тысячи снарядов, а никто не был уверен в эффективности их огня. Новые эсминцы должны реально помогать нашей пехоте. И я приказал формировать базовые корпосты для обеспечения кораблей флота, придаваемых базе.

– Одобряю, – согласился Жуков.

Было получено оповещение, что утром 21 августа к нам приходит теплоход «Абхазия» с первыми двумя отрядами матросов-добровольцев из Севастополя. На нем партия винтовок – 400 штук, пять миллионов патронов, снаряды и гранаты. Конвой идет в надежном охранении – его прикрывают истребители авиаполка Малинова и Душина. Желательно сильнее прикрыть с воздуха порт с утра. Жуков поднял трубку и приказал командиру бригады ПВО с рассветом ввести повышенную готовность для артиллерии и патрулирование истребителей над портом. Обращаясь к Софронову, сказал:

– Это хорошее пополнение. Поможем 95-й и 25-й дивизиям. – И повернувшись ко мне, продолжал: – Положение на участке 25-й неустойчивое, ее теснит противник. Прикажите командиру 42-го артдивизиона майору Денненбургу изготовить батареи к открытию огня.

Мне бросилось в глаза взаимное доброжелательство между

Жуковым, Софроновым и Ворониным – как будто и не было недавних споров и размолвок. В этом я усматриваю политическую зрелость наших руководителей.

Еще ночью лидер «Ташкент» и эсминец «Бодрый» ушли в Севастополь. Эсминцы «Беспощадный» и «Безупречный» продолжали вести огонь по вражеским тыловым объектам. После обеда они зашли в гавань, и оба командира – ЕП. Негода и П.М. Буряк – звонят мне из комендатуры порта. Я подумал: а почему командиры ходят в поисках телефона? Они доложили о неполадках в технике: у одного – в штурманской и электромеханической боевых частях, а у другого – по артиллерии и связи. Это от напряженных стрельб в первых боях.

Их доклад застал меня и наши службы врасплох. Однако через полчаса все специалисты были на кораблях, а в рубках дежурных по кораблю стояли телефоны. Еще через два часа получаю доклады от начальников: тыла – И.Е. Оленева, связи – Б.А. Баратова и гидрографической службы – Б.Д. Слободника об устранении неисправностей. На кораблях оказалось мало некоторых ходких запасных частей. Их решено было пополнить немедленно. А начальник тыла Иван Ефимович Оленев распорядился даже подать на корабли овощи и фрукты (знай наших осадных!), тем более что недостатка в них в Одессе не было.

Командиры и комиссары удивились такому вниманию и высказали свое удовлетворение:

– Спасибо за внимание и оперативность!

Эта реплика натолкнула меня на мысль: мореплаватели должны чувствовать себя в осажденной Одессе как дома, они здесь желанные люди. Надо показать им нашу организованность и культуру, а это будет подтягивать и их. И я приказал создать постоянно действующие аварийно-ремонтные группы по всем специальностям, которые по звонку ОД базы встречают корабли и торговые суда: проверяют состояние, оказывают помощь и снабжают необходимым.

Я приехал проводить корабли и передал с Негодой письмо начальнику штаба флота. В нем просил не ставить нам задач по обстрелу тыловых объектов противника. Нам на месте виднее, как использовать корабли. Сообщил также, что для обеспечения кораблей флота создаются базовые корпосты, но необходимо создать корпосты и на всех кораблях флота, которые будут придаваться базе.

Отправив эсминцы, засел со своими помощниками за неотложные дела. Мы сформировали четыре базовых постоянно действующих поста для корректировки огня кораблей флота под

командованием классных артиллеристов старших лейтенантов Н.С. Старкова, Г, В. Терновского, В.А. Черепова и флагарта базы капитана 2-го ранга С.В. Филиппова. Каждый корпост в составе 12 человек был обеспечен оптикой, радио-и телефонной связью, личным оружием. Время покажет, что базовые корпосты сыграли важную роль в использовании корабельной артиллерии при обороне Одессы. Их создание – большая удача, заслуга штаба базы и лично флагарта С.В. Филиппова.

«Абхазия» чуть задержалась и подошла с восходом солнца. Только она обогнула рейдовый мол, на котором стоял Воронцовский маяк, грянули залпы зенитной артиллерии. А над портом разыгрался воздушный бой. Пришли немецкие бомбардировщики Ю-88. Обычно наши истребители И-16 хорошо управлялись с ними. Но в этот раз «юнкерсы» появились под прикрытием «мессеров». Наши истребители схватились с «мессерами». Во главе группы – сам командир полка майор Лев Шестаков. На подходе – его заместитель Юрий Рыкачев и комиссар полка Николай Верховен с ведомыми.

Артиллерия и истребители не допустили прицельного бомбометания. Но вражеские бомбы рвались рядом с «Абхазией», осколки прошлись по ее борту.

Первым сходит и представляется командир отряда матросов-добровольцев майор А.С. Потапов – преподаватель флотской школы рядовых. Его отряд для 95-й дивизии. Командир сразу отличится в боях и будет вскоре награжден орденом Ленина. А Севастополь Алексей Степанович будет защищать во главе 79-й морской бригады. Второй отряд – майора И.М. Деныщикова. Он – в 25-ю дивизию. Иван Михайлович храбро сражался и был отмечен генералом Петровым.

Под разрывы бомб второго налета вражеских самолетов началась разгрузка боеприпасов. Я поднялся на борт «Абхазии» (это наш базовый санитарный транспорт из пассажирских теплоходов-экспрессов) и дал указание ее командиру капитану 3-го ранга А.И. Ребрику после обеда принять 3 тысячи раненых, детей и женщин, а с наступлением темноты выйти в Новороссийск.

В тот день враг пять раз налетал на город и порт. Это была жестокая бомбежка. Возникли многочисленные пожары. Пришедшие в Одессу командиры сообщали, что зарево над городом было видно за 100 миль.

Положение на левом фланге обороны оставалось сложным. К исходу дня 21 августа Жуков, Воронин и Шишенин донесли Военному совету флота о подходе к фронту свежей – 21-й пехотной – дивизии противника. Теперь у него здесь восемь

дивизий. По всему фронту идут ожесточенные бои. Трем дивизиям противника нанесен большой урон. Но и наши понесли ощутимые потери, некомплект в дивизиях до 48 процентов. Бойцы тыловых частей брошены на фронт. Не хватает снарядов.

И Военный совет ЧФ уже второй раз просит наркома Кузнецова помочь Одессе хотя бы одной дивизией. Но Генштаб не имеет такой возможности. Октябрьский и Кулаков, извещая об этом, телеграфировали Жукову и Воронину: «Понимаем ваше положение, поможем кораблями, усилим авиацией, пришлем боезапас». И все выполнили. На другой день прибыли крейсер и два эсминца. Из Крыма ежедневно приходило 30–50 самолетов бомбить вражескую пехоту. В один из дней пришло пять транспортов с боеприпасами из Севастополя и Новороссийска.

А тем временем наши левофланговые дивизии упорно дрались за каждую пядь родной земли и 22 августа закрепились на новом рубеже: 95-я – на высотах в 4 километрах южнее Палиово, левее ее – 25-я и кавалерийская дивизии. В Восточном секторе полки стойко держатся. Неделю Осипов командует 1-м морским и прочно удерживает позиции, хотя атаки врага идут одна за другой.

По просьбе командарма Софронова велю Денненбургу открыть огонь по скоплению войск противника в районе Аккермана (Белгород– Днестровский). Это на западном берегу Днестровского лимана. Там противник изготовился к форсированию лимана, стремясь зайти в тыл нашим войскам. Одесские ополченцы вовремя обнаружили это, открыли огонь и доложили по команде. Артиллерия стреляет на пределе дальности. Но усиленным зарядом достает противника. Его переправа сорвана.

Звонит комдив 25-й генерал Петров:

– Противник выбил нас из Фрейденталя. Помогите огнем.

Далековато – 33 километра. Опять нужно стрелять на пределе возможного. Но надо помогать пехоте.

Выезжаю к Петрову в село Дальник. Надо уточнить вопросы артподдержки. Туда же отправились и Денненбург с начальником штаба и корпостами.

Это вроде бы тот же Петров, которого я встретил три недели назад в кабинете начальника штаба армии и накоротке беседовал. И не тот. В роли комдива легендарной Чапаевской он особый. Он только что с передовой и возбужден. Противник потеснил 25-ю и кавалерийскую, но они зацепились за рубеж. Комдив непоседлив. Он на КП дивизии не засиживается: заскочит, сделает неотложное и вновь на подножке пикапа вдоль линии окопов.

Денненбург изложил генералу организацию артподдержки:

в дивизии будет находиться начальник штаба 42-го артдивизиона капитан В.П. Терехов, а корпосты – в полках. Я проинформировал о порядке ведения огня кораблями. Мы распрощались, так как Петров торопился в полки.

И в это время вступила в бой с врагом 411-я полубашенная береговая батарея, которой командовал капитан И.Н. Никитенко. Образцовый офицер, Иван Николаевич содержал батарею в отличном состоянии. Много дней и ночей я провел на его батарее в мирное время, видел его подчиненных на учениях и стрельбах. Залюбуешься действиями заряжающих-снарядных, ловко попарно управляющихся со 100-килограммовыми боеприпасами.

Мне приказано вечером быть в порту: прибывают замнаркома Г.И. Левченко и начальник Политуправления флота дивизионный комиссар П.Т. Бондаренко. Когда очаковцам стало тяжело, Петр Тихонович направился к ним. В кризисный день обороны Очакова, когда его защитники переходили на острова, Бондаренко прибыл на остров Первомайский. Он помог командирам организовать оборону островов, а затем с Левченко отправился на Тендру. Начальник Политуправления флота помог кадрами политотделу базы, который понес потери за последние дни: убит помощник начальника политотдела по комсомолу А.З. Симонов, ранены инструкторы Н.П. Краев, М.Г. Лизунов, И.А. Пронин; два работника политотдела стали комиссарами полков. Дивизионный комиссар усилил наш политотдел работниками из Политуправления. Начальником политотдела базы был назначен бывший комиссар обороны Очакова батальонный комиссар Г.Н. Вишневский. И остались помогать флотские политработники П.В. Бурдаков, С.А. Гуткин и А.И. Полянин. Это тем более оказалось кстати, ибо в нашем политотделе для работы на кораблях остался только один корабельный политработник – А.Ф. Михайлов.

Левченко у нас уже третий раз за эти две недели. От забот заметно заострилось лицо Гордея Ивановича.

Утром 22 августа громом зенитно-артиллерийской канонады и разрывов бомб Одесса встретила первые корабли флота, приданные базе: крейсер «Красный Крым», эсминцы «Фрунзе» и «Дзержинский». Их командиры – мои прежние сослуживцы по эсминцам. Крейсером «Красный Крым» командовал капитан 2-го ранга А.И. Зубков. На флоте он слыл лучшим мореходом. Когда он командовал эсминцем «Дзержинский», я не пропускал ни одной его швартовки, чтобы учиться виртуозным маневрам с минимумом реверсов. Когда он стал командиром дивизиона эсминцев, а я – начальником штаба бригады эсминцев, мне легче всего было работать с ним и его кораблями. Зубков зарекомендовал себя хорошим кораблеводителем, наставником,

воспитателем. Он отлично знал морское оружие и Черноморский театр, мог войти в маленькую гавань ночью и без освещения причалов ошвартоваться на эсминце, а затем наловчился и на крейсере. И упаси вас предложить ему в помощь буксиры – обидится, но, как человек большого такта, он вежливо ответит семафором или сигнальным фонарем: «Благодарю, в буксирах не нуждаюсь». Это был его дежурный ответ, и старшина сигнальщиков крейсера посылал его по одному взгляду командира.

Вот так он и теперь ответил мне. И буксиры отскочили, чтобы не мешать маневру корабля.

Вход в Одесский порт усложнен двумя поворотами. Второй, в воротах боновых заграждений, совершается вдоль изогнутого Рейдового мола на циркуляции. Но как красиво, я бы сказал, грациозно, совершает этот маневр крейсер! А затем с ходу швартуется к Платоновскому молу левым бортом, без отдачи якоря, кормой на выход. При экстренной съемке со швартовов это самое выгодное положение: всего один реверс машин и всего пять минут по времени.

Поданы сходни на стенку. Входим на корабль. Дружеские рукопожатия. Наше предложение о технической и материальной помощи вежливо отклоняется, на корабле все в порядке и все есть. Но это внимание севастопольцев поразило. Оно их окончательно покорило, когда связисты внесли на палубу телефоны, включенные в базовые линии связи, – можно поговорить с сухопутным фронтом, с любой дивизией, связаться с корпостом.

По просьбе комиссара крейсера Ф.П. Вершинина я выступил перед личным составом и рассказал, как защитники отстаивают город, как сражаются их товарищи, ушедшие на фронт.

По боевой тревоге корабль проверен – он содержится в отличном состоянии и к бою готов. Командиру крейсера ставится задача – вступить в бой в поддержку полков Восточного сектора. Артиллеристу корабля капитан-лейтенанту П.А. Задорожному даны указания о наиболее эффективном использовании своих пятнадцати 130-миллиметровых пушек.

Командирам эсминцев капитан-лейтенантам П.А. Бобровникову и П.И. Шевченко и их артиллеристам М. Яценко и М. Лихолетову также ставится задача. Их корпосты пройдут практику у базовых корректировщиков. В полдень корабли вступили в бой с пехотой врага.

Прибыл новый командир базы контр-адмирал И.Д. Кулишов. Впервые вижу его, но наслышан о нем много. Толковый и отважный командир. Внешне Илья Данилович выглядел

оригинально: усы, борода клинышком, на голове черная пилотка подводника. Флотские брюки заправлены с напуском в сапоги с короткими голенищами, удлиненный флотский бушлат старого марсофала. Но главное при этом – через плечо ремень, на котором висел большой деревянный короб-кобура, а в нем огромный маузер – мечта каждого командира времен Гражданской войны. Это бывший командир Николаевской военно-морской базы, осухопученный адмирал, понюхавший пороха. Кулишов подвижен, порывист, говорит словно рубит. В суждениях резок и смел, слушает внимательно.

Как и положено в боевой обстановке, адмирал сразу вступил в командование базой, и с меня свалилась куча тыловых и административных дел. Кулишов представился Жукову. А я доложил итоги за минувшие сутки.

Противник наращивал удары с воздуха по порту. И нас постоянно преследовала мысль: чем еще помешать самолетам врага прицельно бомбить суда и корабли? Посоветовавшись с флагманским химиком базы капитаном Я.В. Букачем, я доложил Кулишову наше предложение задымлять порт. Он одобрил. В составе ОВРа был сформирован дивизион задымления порта. В него вошли береговое подразделение и группа катеров. При очередном налете авиации система дымового прикрытия сработала эффективно. Этот опыт командование флота распространило на все базы и доложило о нем в Главморштаб, а тот сделал его достоянием других флотов.

В полночь позвонил комиссар Морского полка Митраков:

– Отбиваем четвертую ночную атаку противника. Вот заскочил перевязаться, царапнуло. Осипов во 2-м батальоне, а я ухожу в 1-й.

Ну, думаю, если Митраков говорит: «царапнуло», то это в переводе с комиссарского означает, что его здорово задело, иначе не ушел бы с передовой к врачу. Так оно и оказалось: его сильно ранило в руку и надо было квалифицированно остановить кровотечение. Мне показалось, что он что-то недосказал. Говорю ему:

– Комиссары не часто звонят начальникам штабов. Видно, у вас есть что-то важное?

– Нам уже так много помогали, что порой неудобно просить о пополнении.

Вот, смотрите, с какой еще стороны открываются добродетели наших политработников: бьются, истекая кровью, и стесняются просить о помощи.

Полк пропустил через себя тройной состав, и опять его боевые порядки разрежены. Но надо принимать меры.

Под утро зуммер полевого телефона. Голос Осипова:

– Ночные атаки отбили. За подкрепление спасибо. А вот огня добавьте, Филиппов у меня.

Приказываю Филиппову вызвать по радио «Красный Крым» и «Дзержинский» и дать им целеуказание Осипова. А через час подключили и «Фрунзе». Отряд Зубкова обрушил такой огонь на вражескую пехоту, что она 23 августа не предпринимала атак.

Пришли два конвоя: шесть транспортов и восемь кораблей охранения. Доставлено много боеприпасов. Слаженно работала конвойная служба флота под руководством капитана 3-го ранга И.М. Нестерова и военно-транспортная служба флота во главе с капитаном 3-го ранга Б.В. Бартновским и майором И.И. Тарапунько. В числе кораблей охранения тральщики под командованием капитан-лейтенантов А.М. Ратнера, Д.Я. Баранова, В.Н. Михайлова, Г.С. Бартоша, Г.П. Кокка, а командирами конвоев были капитан-лейтенанты А.П. Иванов и В.А. Янчурин. В пути они искусно отбились от всех атак вражеской авиации и в сохранности доставили все суда в Одессу

Капитан порта В.И. Коваль, старший лоцман порта Н.Г. Пучков и командир Охраны рейдов (ОХР) капитан-лейтенант А.А. Керн рассредоточили все транспорты по гаваням порта. Все это сделали затемно. И, как оказалось, своевременно. Только рассвело – началась бомбежка порта. На этот раз «юнкерсы» пришли без прикрытия. Их встретили наши истребители под командованием капитана Ю. Рыкачева, патрулировавшие над портом. Наши летчики крепко их потрепали – ими и зенитной артиллерией были сбиты два Ю-88, остальные беспорядочно сбросили бомбы и ушли. Помогло и задымление. Попаданий в суда не было.

Среди пришедших транспортов – «Димитров» (капитан – Л.С. Борисенко), «Шахтер» (капитан – А.К. Святенко) и «Курск», крупное судно: водоизмещением 13 тысяч тонн. Я поднялся на борт и познакомился с его капитаном В.Я. Трушем.

Капитан дальнего плавания Владимир Яковлевич Труш – интереснейший человек. Говорил он тихо, медленно и сразу повел речь о морской тактике: как он маневром судна уклоняется от бомб и торпед, как используется судовая артиллерия. Он просто покорил меня знанием тактики. Не могу не рассказать, как он провел войну.

«Курск» – тихоходное судно, ход 9 узлов. Стало быть, малоповоротливое. И в то же время огромная мишень для самолета. На нем всего семь малокалиберных пушек и четыре пулемета.

Не раз «Курск» попадал в переделки. С помощью охранявших

кораблей отбился от врага и выжил. И не просто выжил. А провел за войну 48 боевых походов в самое пекло. Он доставлял войска и боеприпасы во все города-герои: Одессу Севастополь, Новороссийск, Керчь, высаживал десант в Феодосию, участвовал во всех совместных операциях Черноморского флота и Красной Армии. Нельзя не отметить беззаветную преданность Родине и мастерство экипажа судна и его капитана Владимира Яковлевича Труша, его ближайших помощников – старпома П.И. Юдицкого, помполита Н.Ф. Кочергина, коменданта судна лейтенанта В.И. Якуненко (он командовал зенитной артиллерией) и механика А.К. Следзюка.

23 августа уходили из Одессы теплоход-экспресс «Грузия» с тремя тысячами женщин, детей и раненых на борту и сухогрузы «Фабрициус», «Серов» (капитан – А.А. Орлов), «Десна» (капитан – Д.С. Сариев). Их сопровождали эсминец «Дзержинский», тральщики под командованием капитан-лейтенантов В. Паевского и А. Кроля и катера-«охотники» старших лейтенантов П. Воробьева, Г. Захарова, И. Плотникова, А. Разумного, В. Тимошенко во главе с комдивом П.И. Державиным.

«Фабрициус» от нас уходит уже четвертый раз, но только сегодня я близко познакомился с его капитаном М.И. Григором. Он мне запомнился как интереснейшая личность во всех отношениях.

В торговом флоте Советского Союза к началу войны сложилась замечательная плеяда отважных и образованных капитанов дальнего плавания. Они сочетали в себе ценнейшие качества: опыт старых мореходов, познавших Мировой океан, – с высоким уровнем теоретических знаний; некоторые черты характера просмоленных, храбрых и неразговорчивых шкиперов – с высокой идейной убежденностью и культурой советского интеллигента; хозяйственный опыт – со знанием военно-морского дела. Я уже называл некоторых капитанов. На них был похож и Михаил Иванович Григор.

На второй день нашей совместной службы И.Д. Кулишов зашел ко мне и завел разговор о том, что он подводник, командовал тыловой базой, вопросы артиллерийской поддержки войск и защиты морских коммуникаций, конвоирование транспортов ему нужно еще осваивать. И предложил мне подробно рассказать о методах решения задач, возложенных на базу Ну что ж, умный, неспесивый командир никогда не отказывался от возможности почерпнуть от подчиненных то, с чем недостаточно был знаком. И Кулишов в этом преуспел. Человек он железной хватки и быстро врастал в обстановку.

Но бывали и сбои, когда в нашу деятельность вторгались

волевые решения командира, «не стыкующиеся» с обстановкой. Начальник штаба наравне с командиром несет ответственность за оперативные вопросы и не имеет права покорно молчать. Иногда мне приходилось, прикрыв поплотнее двери кабинета командира, доказывать ему, что принятое им решение не согласуется с военным искусством, практикой и расчетами штаба, его проведение в жизнь может обернуться неудачей, а может, и бедой для нашего общего дела, которому мы вместе служим. И я не помню случая, чтобы Илья Данилович не прислушался к штабу.

Чего греха таить, в армейской и флотской практике бывали случаи, когда командиру и его начальнику штаба неуютно жилось под одной крышей. Не берусь анализировать причины, искать правых и виноватых. Одно скажу: от подобной несогласованности в работе страдают не только они сами, а и все те, на кого распространяются их власть и влияние. Забегая вперед, отмечу, что новый командир быстро врастал в одесскую обстановку. О таких людях говорили, что они имеют железную хватку.

И.Д. Кулишов происходил из херсонского рода столярных дел мастеров. В многодетной семье Данилы Григорьевича и Килины Поликарповны Кулишовых было четыре сына: Федор, Илья, Андрей и Григорий. Но уже в Гражданскую войну столярная династия начала перерождаться в военную. В Великую Отечественную войну все четыре брата Кулишовых стали военачальниками, командовали соединениями, были отмечены государственными наградами. Войскам и кораблям трех Кулишовых многократно салютовала Москва в 1944 и 1945 годах. Младший – Григорий – сложил голову под Сталинградом, командуя дивизией. Его имя увековечено на Мамаевом кургане.

Илья Данилович, в отличие от братьев, с юных лет связал себя с морем: юнга, курсант военно-морского училища, а в 37 лет – командир бригады подлодок и адмирал. Человек неуемной энергии и храбрец. Отличился в боях у Николаева и Херсона и уже в Одессе облазил все батареи, побывал на КП Морского полка, выходил на кораблях в море и никогда не покидал порта во время бомбежек. Одаренный, храбрый и боевой адмирал и командир. Кстати, сейчас продолжают дело отцов генерал Олег Федорович, капитан 1-го ранга Вадим Ильич, подполковник Сергей Григорьевич Кулишовы.

Кризис

Армии Южного фронта переправлялись через Днепр. Войска Юго-Западного фронта вели бои на Днепре, стойко держался Киев. В районе Смоленска продолжалось ожесточенное сражение. 7 августа началась оборона Таллина. После прорыва Лужского рубежа противник продолжал движение к Ленинграду с тяжелыми для него боями. Очаковцы удерживали вторую линию обороны, не позволяя врагу форсировать Днейро-Бугский лиман в самом узком месте, чтобы высадиться на Кинбурнской косе и ударить по нашим войскам с тыла.

А под Одессой противник наращивал силы – пришли еще две дивизии: 13-я и 14-я пехотные. А всего было уже десять дивизий и две бригады. 22 августа он атаковал наши позиции в Западном и Южном секторах. Весь день пришлось отбивать его атаки. Подошла ночь, а противник прямо осатанел – повел ночные атаки, а с рассветом – дневные свежими частями. Населенные пункты и высоты по нескольку раз переходили из рук в руки.

В Южном секторе 25-й дивизии помогали устоять 136-й запасной полк майора Н.М. Матусевича, в особенно тяжелые часы – 3-й кавполк (спешенный) полковника В.И. Пичугина из 1-й кавдивизии, находившейся в армейском резерве. Но боевые порядки сектора в ходе боев настолько были разрежены, что Жуков снял с ПВО города два зенитных артдивизиона и батальон ВНОС, а Софронов направил их на усиление дивизии. Сюда же пошел и севастопольский отряд добровольцев. Непрерывно ведет огонь 411-я батарея. Его корректируют старшие лейтенанты П.П. Ишков, Н.П. Рыбаков, Е.Т. Навроцкий, находящиеся в боевых порядках батальонов 25-й дивизии. Поддерживал войска сектора и 40-й морской подвижной артдивизион майора И.Б. Яблонского. Особенно отличились 724-я батарея капитана М.В. Спиридонова и 36-я батарея лейтенанта Д.П. Бойко. Эта 76-миллиметровая батарея с новыми пушками Грабина вообще из боев не выходила.

23 августа в Южном секторе на участке в пять километров противник нанес двумя дивизиями сильный удар и подошел к селу Петерсталь (Петродолинское). Левофланговому 31-му полку, левый фланг которого упирался в Днестровский лиман, угрожало отсечение от основных сил дивизии. Но командир полка Мухомедьяров умело организовал оборону и не позволил врагу осуществить коварный замысел.

В эти трудные дни комдив Иван Ефимович Петров открылся с такой стороны, что заставил о себе говорить. И тут не только отвага, но и самобытность его характера сыграли роль.

Сражаются рядом два генерала – Воробьев и Петров, а в руководстве подчиненными – значительное различие.

Иван Ефимович на месте организует бой, сам находится на острие атак противника, все видит и немедленно принимает необходимые меры. На КП – начальник штаба подполковник Н.П. Васильев. У Воробьева дело организовано несколько по-другому. Он считает, что комдив должен ездить в полки, но не часто, больше находиться на КП, чтобы знать общую обстановку и в зависимости от нее действовать. Два характера – два подхода к делу.

Одновременно с 25-й противник продолжал атаковать 95-ю дивизию. Командарм направил ей в помощь пулеметную роту. Критические моменты на участке обороны 95-й следовали один за другим. Все командиры полков водили свои батальоны в контратаки. Командир 90-го полка Соколов, прихватив две зенитные пулеметные установки, помог одному батальону выбить противника из захваченных им окопов. Начштаба дивизии майор И. И. Чиннов возглавил пулеметную роту, а его заместитель майор В.П. Сахаров – комендантский взвод, и они внезапным ударом во фланг отбросили прорвавшихся гитлеровцев. И снова отличились артиллеристы под командованием начарта дивизии полковника Пискунова, тяжелый артполк Богданова.

В разгар боев Воробьев бросил в контратаку севастопольский матросский отряд добровольцев майора А.С. Потапова. Моряки так увлеклись преследованием, что оказались далеко в тылу противника и только ночью прорвались к своим.

95-я отбила вторую попытку противника прорваться к городу по прямой с северо-запада вдоль шоссейной и железной дорог. Ему был нанесен тяжелый урон в живой силе. Но и наши понесли потери – в батальонах от 800 человек осталось 300–400. В том бою потеряли многих политработников подразделений. И не только их. Из шести командиров стрелковых полков в Южном и Западном секторах только одного не задела пуля в боях 22–23 августа. Оперсводка штаба ООР от 23 августа сообщала, что тяжело ранены командиры полков: 136-го – Н.М. Матусевич, 287-го – С.И. Султан-Галиев, 90-го – М.С. Соколов, 161-го – С.И. Серебров, 241-го – П.Г. Новиков. В 161-м полку были ранены все комбаты.

В те дни город подвергся сильной бомбежке. Враг неистовствовал. Начальник разведки армии майор В.С. Потапов все объяснил: на фронт прибыл румынский диктатор Антонеску и потребовал штурмовать Одессу круглосуточно.

Потеряв половину состава дивизий, наступление противника в Западном и Южном секторах захлебнулось. Но это не облегчило

нашего положения. Восточный сектор требовал повышенного внимания. Мы, моряки, особенно за него беспокоились. Ведь на самом правом фланге обороны города стояла полубашенная крупнокалиберная – в 180 миллиметров – 412-я береговая батарея с мощным подземным боевым и энергетическим хозяйством. Она и такая же южнее Одессы, 411-я, предназначались для боев с крейсерами в целях защиты города с моря. Их мощные пушки с дальностью стрельбы до 37 километров являлись мировым шедевром. 412-я поддерживала 1-й морской полк. А он прикрывал ее. Дрогни он – и прощай батарея.

Порт, через который шло питание армии (снабжение и пополнение), где базировались (пополнялись и ремонтировались) боевые и грузовые корабли и где размещались судоремонтные заводы, работавшие на армию и базу, находился в юго-западной части Одесского залива. Напротив него, на северо-восток, всего в 8 километрах, – гористый мыс Е (ныне – Северный Одесский). Бывало, глянешь с него даже без бинокля – и порт как на ладони, видны причалы и корабли. А еще ближе к мысу, на Пересыпи, у берега размещался завод сельхозмашин, работавший на армию. От мыса до передовой всего 12 километров. Прорвется противник к мысу, установит тяжелую артиллерию и начнет обстреливать порт, заводы, корабли.

Противнику нужен был не один город, а с портом – питать через него свою южную группировку войск. Прорвавшись к нему с востока и захватив его, враг отрезал наши войска в Западном и Южном секторах. Порт являлся центром нашей обороны. Сюда сходились радиусы всех секторов обороны.

В Южном он длиной 27 километров, в Западном – 25; но здесь на пути врага каменный город – каждый дом, да еще с баррикадами на улицах, надо брать штурмом. В Восточном секторе до городских окраин 14 километров, а далее по широким улицам одноэтажной Пересыпи 4 километра до порта. И вот здесь противник мог проскочить в порт и зайти в тыл нашей главной группировки войск.

Такой замысел противника представлялся реальностью. Когда я высказал эти опасения Крылову, он полностью согласился и добавил:

– Здесь надо ожидать удара. Наше положение усугубляется тем, что в Восточном секторе, в отличие от других, нет штатного соединения. И у нас плохо с резервами. Потеря мыса Е поставила бы Приморскую армию и город в тяжелейшее положение.

Вскоре противостоящий противник действиями обозначит свои намерения. А позже, на последней стадии обороны, гитлеровское командование также выскажется в пользу северо-

восточного направления. Гитлер в письме к Антонеску от 5 октября поучал, как быстрее взять Одессу. Главное он видел в том, чтобы приблизиться к самому побережью с северо-востока, взять под сильнейший сосредоточенный артиллерийский огонь портовые сооружения и тем лишить наши войска возможности получать подкрепление и снабжение морским путем. После прибытия немецкой артиллерии продолжать там наступление, пока не будет обеспечено артиллерийское подавление Одесского порта.

Вечером 23-го мне позвонил командир базы и приказал:

– Забирайте карты и артиллерийские расчеты на завтра, едем к командующему.

У Жукова – члены Военного совета, Софронов, Шишенин, Крылов, Хренов, начальник ВВС комбриг В.П. Катров.

Начальник разведки Потапов доложил, что в Восточном секторе, в районе села Кубанки, на участке 54-го полка на

рубеж выдвинулась свежая 13-я пехотная дивизия противника. Это между Куяльницким лиманом и железной дорогой. Части 15-й дивизии противника сдвинуты к востоку на участок Пограничного и Морского полков, там же отмечено наличие кавалерии, танков и тяжелой артиллерии. В Восточном секторе надо ожидать вражеского наступления. В районе станции Раздельная установлено появление подразделений 5, 6 и 8-й дивизий противника.

Хорошо поставлена разведка у армейцев. Молодец Потапов, толково организовал дело. Умело помогали ему Ковтун и Леонченко.

Крылов уточнил силы и состояние частей Восточного сектора. Командарм доложил Военному совету ООР, что считает наиболее уязвимым участок обороны 54-го полка, и просил Жукова поддержать Восточный сектор артиллерией и авиацией. Я доложил, что кроме трех подвижных батарей и двух береговых база с рассветом введет в бой три эсминца и три канонерские лодки. Это 21 ствол только корабельной артиллерии. Через день в базу начнут приходить эсминцы из Севастополя.

Командующий ООР, оценив обстановку, сказал, что нужно ждать главного удара в Восточном секторе. Но противник не может быть пропущен на мыс Е и на Пересыпь. Об этом должен знать каждый защитник позиций сектора.

Итак, Восточный сектор. Я изложу события последней недели августа в силу их особой важности для обороны Одессы в дневниковом порядке.

24 августа.

Рассвет. На боевые порядки 54-го полка противник обрушил

огонь артиллерии, а затем двинул танки и пехоту. Наши 134-й артполк майора И.Ф. Шмелькова, 21-я береговая батарея капитана А.И. Кузнецова, 726-я морская подвижная батарея капитана А.Е Кривошеева и два корабля – эсминец «Фрунзе» и канлодка «Красная Грузия» под командованием П.А. Бобровникова и Г.В. Катунцевского встретили их огнем. У противника большой перевес в людях, а у нас никаких резервов и нельзя рассчитывать на помощь соседнего Пограничного полка. Он тоже атакован врагом. Между Аджалыкскими лиманами на Морской полк наступают два пехотных полка, а в Межлиманье на батальон 136-го запасного полка навалились пехота и кавалерия. По всему фронту упорный бой. В него втянуты все части Восточного сектора.

Пришла из Крыма флотская авиация и нанесла удар по главной группировке врага. Это принесло некоторое облегчение. Но ненадолго. Наши части были потеснены повсеместно.

Морской полк отошел из Новых Беляр, а Пограничный оказался прижатым к Александровке. Им помогали огнем морские подвижные батареи Г.Н. Тарнопольского и А.В. Лизенко и четыре корабля – эсминцы «Незаможник» и «Шаумян», канлодки «Красный Аджаристан» и «Красная Армения». Хуже обстояло дело на левом фланге. 54-й полк, оборонявший рубеж на восточном побережье Куяльницкого лимана, после многочасового ожесточенного боя понес большие потери и отошел. Противник ворвался на северную окраину села Гильдендорф (ныне Красноселка), занял северную часть усадьбы совхоза Ильичевка и стал угрожать Корсунцам. А от них до Лузановки всего 4 километра. Но ведь тут рядом станция Сортировочная и Пересыпь, а это уже Одесса. В Межлиманье батальон 136-го запасного полка отброшен к Августовке. Противник нацелился через Прицеповку и Повары на Пересыпь.

Создалась угроза прорыва противника в город и порт. Жуков, Софронов, Воронин, Шишенин выехали в Восточный сектор. Теперь всех терзала одна дума: где изыскать хоть маленькие резервы? Жуков приказал Кулишову еще раз «прочесать» корабли и части и набрать хоть сотню бойцов для 54-го. В конце дня база направила комбригу Монахову 150 матросов с полсотней винтовок, взятых с эсминца «Фрунзе». Когда эсминец заскочил в гавань для устранения аварии, я сказал командиру П.А. Бобровникову и комиссару Д.С. Золкину о том, что набрали людей для фронта – и ни одной винтовки, хоть посылай их в бой только с гранатами. Они оба переглянулись – и наперебой: «Да разве ж можно в бой и без винтовок? Забирайте наши, а мы в Севастополе отчитаемся и пополнимся». Я загрузил свой лимузин

винтовками, укатил во 2-й полк и вручил их бойцам, шедшим на передовую.

Жуков приказал командиру бригады ПВО Шиленкову направить Монахову два зенартдивизиона. А тот взмолился: «Вы с меня строго спрашиваете за прикрытие города. Сегодня отбиваем уже четвертый налет, а вы оголяете меня». Жуков резонно отвечает вопросом: «А если враг прорвется через Пересыпь в город, кому тогда понадобится ПВО?» И потребовал исполнить приказ.

Однако этого было недостаточно. Восточный сектор имел фронт 30 километров и оборонялся жиденькой цепочкой войск. Надо было уплотнять боевые порядки, прежде всего 54-го полка, находившегося на наиболее важном направлении. А пополнения для него нет. Оставалось одно – сократить рубеж.

Я был на докладе у Шишенина и Крылова, когда к ним вошел Софронов и изложил свой замысел:

– Надо переводить Морской полк на усиление 54-го…

Легко сказать: перевести Морской полк. Но ведь у него в тылу 412-я батарея в бетоне. Ее не уведешь. Я не дослушал командарма и поспешил к командиру базы. Он с комиссаром – к Жукову.

На войне действует целый ряд жестоких, неумолимых факторов. Среди них – военная целесообразность. Она не признает сантиментов, психологических, престижных и иных соображений.

Два раза собирался Военный совет: отводить полк – не отводить, взрывать – не взрывать батарею. Рука не поднималась на такое сооружение. Опять же недавно бригада такелажников с морского завода во главе с А. Лимаковым, П. Трошиным и А. Калинычем заменила стволы пушек. Действующая батарея с огромным запасом снарядов…

Военный совет ООР донес руководству ЧФ: ввиду прорыва противника в направлении Гильдендорф – Повары и угрозы потери станции Сортировочная (у Пересыпи) участок между Аджалыкскими лиманами оставляется, 412-я батарея подрывается, Морской полк направляется на ликвидацию прорыва[27]. И сразу же приказание командиру Восточного сектора использовать Морской полк для восстановления положения на участке 54-го полка.

Когда начальник артиллерии базы полковник М.Н. Николаев и инженер-полковник А.С. Цигуров прибыли на батарею с письменными полномочиями руководить подрывом батареи, комбатр Зиновьев не поверил принятому решению и не мог смириться с мыслью о необходимости подрывать батарею. Он дозвонился до Жукова; не передумали ли? А тот не столько

приказывал, сколько убеждал комбатра в печальной необходимости.

Военный совет флота донес наркому ВМФ: войск в Одессе осталось 25 тысяч, ежедневные потери – 1200 человек, город может дать людей, но требуются винтовки и дополнительно свежая дивизия; из Одессы будем эвакуировать 150 тысяч населения.

День в Южном секторе завершился потерей села Петерсталь. Но на этом наши дневные беды не закончились. В 23.21 на Пересыпи разорвался первый вражеский снаряд. Это значило, что противник, потеснив 54-й и Пограничный полки, установил дальнобойную артиллерию и начал обстрел восточной окраины города.

25 августа.

В ходе ночных атак противник еще потеснил 54-й полк и к утру полностью занял Гильдендорф. К нему на выручку торопился Морской полк. Для прикрытия его отхода с занимаемого рубежа были назначены три корабля и две береговые батареи. Командир полка Осипов приказал командирам батальонов оставить на позициях по взводу с пулеметами для прикрытия отхода подразделений.

2-й батальон находился в середине участка. Ему до перемычки лимана у моря надо проползти, пройти, пробежать 7 километров – это часа полтора. Вот это время его участок и должен держать взвод. Кому поручить это ответственное дело? В батальоне служил сержант Д.С. Оболадзе. Воспитанник зенитного артполка базы, он потом учился в школе старшин, был оставлен в ней инструктором, а затем вместе со школой влился в 1-й морской полк. За две недели боев командир отделения показал себя храбрым и умелым, был выдвинут командиром взвода. Комбат остановил выбор на нем.

Комиссар полка Митраков рассказывал мне о том, как комбат ставил задачу Оболадзе:

– Стоять насмерть полтора часа. После отойти за Большой Аджалыкский лиман и присоединиться к батальону.

Ни один мускул не дрогнул на лице сержанта. Ответил:

– Есть прикрыть отход. Задачу понял. Только не надо рисковать всем взводом, он пригодится на новом участке. Разрешите оставить с собой отделение, которым командовал раньше, семь человек: Бойко, Емельянова, Иващенко, Малыша, Старчака, Сумлина, Фомича. Отход прикроем.

Отделение должно биться на участке полтора километра в течение полутора часов.

Батальон перед рассветом скрытно отошел. Оболадзе выбрал

участок обороны и расставил бойцов, установил пулемет. Только вражеские солдаты поднялись в атаку – по ним огонь. Защитники рубежа вошли в азарт и все-таки в паузах боя стали замечать: почему-то справа и слева не видно наших, не слышно их стрельбы. И время от времени спрашивали командира об этом. Он хитрил, отмалчивался и только подхлестывал: больше огня. Нельзя, чтобы эти семеро чувствовали одиночество.

Оболадзе все чаще поглядывает на часы: как медленно тянется время! Наконец истекли полтора часа. Противник не смог пробиться через заслон и начал обходить его. Пора. И только теперь Оболадзе объявил подчиненным, что они прикрывали отход батальона. Задачу выполнили и должны догонять своих.

Стали отходить. По ним огонь. Оболадзе ранен в голову, но не разрешает себя нести. К вечеру пришли в батальон.

Через три недели мы прочитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Дмитрия Сардионовича Оболадзе орденом Красного Знамени. А за оборону Севастополя он получил второй такой орден.

Сержант с двумя орденами Красного Знамени на первом году войны… Согласитесь, что это не каждому было дано. А затем ему присвоят звание лейтенанта, он вступит в командование ротой и будет участвовать в освобождении Европы от гитлеровских фашистов.

Всю ночь на 25-е гремели орудия 412-й до полного израсходования снарядов. Затем батарею подорвали. Личный состав влился в Морской полк. Комендоры стали пехотинцами, командиры орудий – командирами отделений и взводов. Старшина огневого подразделения батареи Н.Е. Проценко возглавил роту, но вскоре был убит, а его сын Женя оставался в морпехоте до эвакуации войск.

Н.В. Зиновьев стал командиром батальона, но был тяжело ранен, и мы его эвакуировали на Кавказ. Его заменил комбатр А.В. Мищенко, но вскоре погиб.

Морской полк, после усиления его батальоном Зиновьева, был поставлен между Пограничным полком (справа) и 54-м. Оборона стала устойчивее на этом участке. 21-я батарея Кузнецова начала поддерживать Морской полк, и туда был послан корпост во главе со старшиной батареи Р.Н. Кушлянским (в будущем Герой Советского Союза).

В связи с осложнением обстановки под Одессой Военный совет флота решил придать Одесской базе новые корабли для усиления ударов по врагу Первым сегодня пришел эсминец «Беспощадный». На нем новые 130-миллиметровые пушки с фугасно-осколочным снарядом, который при разрыве давал до

трехсот осколков с разлетом до 300 метров. Артиллерию эсминца возглавляли хорошо подготовленные артиллеристы В.В. Ярмак и В.И. Клименко.

Комиссар «Беспощадного» Т.Т. Бут рассказал мне, как сложно было отобрать добровольцев на Одесский фронт. Сперва решили по старому доброму правилу: «Кто желает сражаться за Одессу на суше – два шага вперед марш!» Шагнули все. Разъяснили, что нужны добровольцы, еще скомандовали. Результат тот же. Тогда перешли на индивидуальный отбор. Тоже беда – одних удовлетворили, другие пришли с обидой на недоверие. И так на каждом корабле.

Поддерживают войска Восточного сектора семь кораблей – четыре эсминца и три канлодки. По два корабля на полк и один для Межлиманья. Огонь ведется только с корректировкой.

Противник продвинулся в Межлиманье и начал обстреливать гидроаэродром на Хаджибейском лимане. Пришлось исправные гидросамолеты перебазировать в Крым.

К нам прибыли новые штурмовики Ил-2 и истребители Як-1. Я поехал посмотреть. Начальник штаба 69-го авиаполка капитан В.С. Никитин показал мне их. Одесские летчики с И-16 с завистью смотрели на новые самолеты с пушками.

Штурмовик Ильюшина – грозная машина: пушки, пулеметы, реактивные снаряды, бомбы. Противник сразу почувствовал, что на фронт пришло новое оружие. Сложнее стало и «мессершмитту» при встрече с Як-1, это подтвердил первый же бой между ними.

Задень – пять налетов вражеской авиации на Одессу. Город горит. Комиссар «Беспощадного» Бут сообщил, что Одессу они обнаружили по зареву на расстоянии 80 миль (145 км).

Флотская авиация наращивала усилия – до 80 самолетовылетов в день при одном вылете, а бывало и два. Командир 40-го авиаполка подполковник И.И. Морковкин привел 22 пикирующих бомбардировщика и ударил по вражеским войскам в Восточном секторе.

Одесские летчики 69-го авиаполка делали до 7 вылетов в день для воздушных боев и на штурмовку Легко сказать – самолето-вылет. А это значило осмотреть самолет, отремонтировать после предыдущего боя, заправить горючим и боеприпасами, уяснить задачу, подняться, найти цель, отбомбиться и отбиться от «мессеров», сесть, заправиться, перекусить и вновь в воздух. Адовы перегрузки, но другого выхода не было.

Жуков получил радиограмму наркома ВМФ Кузнецова, в которой сообщалось, что новая дивизия для Одессы не может быть выделена. Но оружием обещали помочь. А вслед пришло

сообщение Военного совета флота о высылке нам винтовок и отрядов добровольцев. Тем временем противник усиливал натиск не только в Восточном секторе, но и в Южном. К вечеру он выбил наш 31-й полк из Францфельда.

После четырехсуточных боев эсминец «Фрунзе» уходил в Севастополь. Я приехал в порт проводить большой конвой, передать свой отзыв о действиях севастопольских кораблей на имя начальников штабов флота и эскадры и вручил пакет Бобровникову для флагарта капитана 1-го ранга А.А. Рулля. Он прислал мне записку на «Беспощадном», в которой писал, что узнал от командира «Красного Крыма» Зубкова о создании базовых корпостов для кораблей эскадры. Он одобрял наш опыт и просил поделиться им. Я выполнил просьбу моего старого и доброго учителя. Он сразу распространил сообщение по кораблям, и уже эсминец «Смышленый» придет к нам с документацией и корпостом, созданным по образу и подобию наших корпостов.

Только «Фрунзе» начал сниматься со швартовов от Платоновского мола, как над нашими головами просвистел снаряд и разорвался в Карантинной гавани. Вот это гостинец! За первым разорвался второй. И пошло. Видимо, противник подтянул тяжелую артиллерию и начал обстрел порта. Морской фронт оказался под ударами вражеской артиллерии. Теперь в порту покоя не будет.

Где установлены вражеские батареи? Линия обороны в Восточном секторе проходила от Новой Дофиновки через Александровку, агрокомбинат Ильичевка, Корсунцы до Августовки в Межлиманье. Это от порта 15 километров. Вот чем обернулся отход наших войск под ударами противника в Восточном секторе. Вот откуда шла угроза всей обороне города.

26 августа.

С рассветом прибыл конвой. Суда и корабли входили в гавань под артиллерийским обстрелом. Только ошвартовались – началась бомбежка. На теплоходе «Армения» и сухогрузе «Красный Профинтерн» пришли боеприпасы, а на теплоходе «Крым» – два отряда матросов-добровольцев под командованием майоров П.Е. Тимошенко и А.И. Жука. Оба в Морской полк. С ходу прямо в бой.

Отлично воевали добровольцы, а их командиры были награждены орденами Красного Знамени. Позже Тимошенко был ранен и эвакуирован. А Жук стал командиром батальона Морского полка. При обороне Севастополя он командовал полком.

Сегодня мы получили целое богатство – 3250 винтовок. Их

выделили целевым назначением для Одессы и доставили на самолетах в Севастополь. В последующие две недели мы получили тысячи винтовок, сотни пулеметов, 800 автоматов и перестали испытывать острую нужду в стрелковом оружии.

Со всей силой подчеркиваю: мы воевали не голыми руками. С первого дня войны тыл страны наращивал усилия, рабочий класс давал фронту необходимое.

Конвой привел новый эсминец «Бодрый», которым командовал капитан 3-го ранга В.М. Митин (комиссар – В.В. Шумилов). Ему поставлена задача поддерживать Погранполк. Артиллерист старший лейтенант К.А. Бабанин выехал с корпостом на передовую.

В составе конвоя пришли тральщики под командованием капитан-лейтенантов И.И. Сенкевича, Л.Н. Аверкова и П.Н. Щербанюка. Им сразу же было дано задание произвести разведтраление на запасных фарватерах.

Только я вернулся в штаб, оперативный дежурный базы капитан-лейтенант Н.Д. Квасов докладывает, что батареи противника, установленные на побережье, открыли огонь по нашим кораблям. Обстрел порта, кораблей и города сильно встревожил командование ООР и базы. Надо было во что бы то ни стало обнаружить вражеские батареи. Послали самолеты. Они вернулись ни с чем. Кулишов приказал командирам кораблей своими средствами подавлять батареи. И результат получился обнадеживающий – на некоторое время батареи замолкли.

В порту идет разгрузка боеприпасов с «Армении». Вот уже началась посадка раненых, женщин и детей. Я приехал в порт и поднялся на борт теплохода. Корабль – что бочка с порохом, и рядом рвутся снаряды. Попросил начальника артиллерии армии Н.К. Рыжи приказать звукометрическому дивизиону попытаться засечь батареи. Ничего не вышло – по всему фронту канонада, стреляют сотни орудий.

Поехал на крейсер «Коминтерн», стоявший в порту. Начался очередной артобстрел. Очередная порция разрывов настолько близка, что по корпусу корабля прошлись осколки. Поднимаюсь на ходовой мостик, а там сигнальщик-наблюдатель встречает докладом: «Вижу несколько выделяющихся орудийных вспышек». Нависшие облака усиливают вспышки отблеском. Взятые по компасу пеленги на вспышки не менялись. Запустил секундомер своей «Омеги». От момента вспышки до разрыва 24 секунды. Очень похоже, это стреляет тяжелая батарея. Приказываю брать пеленги на батарею с крейсера и Жеваховой горы, где наш центральный корпост Филиппова. Они сходились к высоте 65,9. Это в 17 километрах от порта.

Командир базы принял решение подавить орудия противника батареей Никитенко. И Денненбургу пошло приказание.

После третьего залпа нашей батареи в порту перестали рваться вражеские снаряды.

Начальник гидрографической службы капитан 3-го ранга Б.Д. Слободник получил распоряжение инструментально засекать стреляющие батареи. Борис Давыдович – умнейшая голова. У него уже готово решение: на трех высоких зданиях города установить теодолитные посты, снабдить их связью. Уже после второго залпа место вражеской батареи будет определено с высокой точностью.

Идут жаркие бои во всех секторах. Оперсводка армии гласила: 54-й полк отбил все атаки; Морской полк отбросил противника; 287-й полк штыками выбил из своих окопов пехоту противника…

Сегодня наши потери только ранеными 1200 человек. А всего в госпиталях пять тысяч. Но на «Армении» отправляем на Кавказ тысячу человек. Даем ей сильное охранение – эсминец «Беспощадный».

Пришла радиограмма Военному совету ООР из Севастополя: «Ваш медицинский аппарат работает безграмотно, легкораненых направляет на Кавказ. Нужно их лечить на месте и возвращать на фронт». Конечно, это серьезное упущение. И сегодня около «Армении» при посадке раненых находились член Военного совета ООР И.И. Азаров и начальник медицинской службы базы М.З. Зеликов, только что возглавивший мед службу ООР.

С наступлением темноты противник снова повел атаки в Восточном секторе. По просьбе Крылова корабли начали обстреливать вражеские войска по площадям. Но стрельба малоэффективна. Созваниваюсь с Филипповым, и решаем применить ночную корректировку огня. Опыта никакого, но надо испытать. Корпостам приказано пробраться в первые линии окопов и оттуда наблюдать разрывы своих снарядов. Результаты превзошли все ожидания – разрывы наблюдались хорошо, и на корабли пошли поправки. Натиск противника несколько ослабел. Я доложил командиру базы Кулишову и комиссару Дитятковскому о корректировке стрельбы ночью. Они утвердили этот метод для постоянного применения и доложили Жукову. Он тоже одобрил инициативу. Но особенно были довольны командарм Софронов и наштарм Крылов – ведь какая поддержка войскам! Филиппов, Старков, Терновский, Черепов продолжали совершенствовать способ ночной корректировки, обучали приемам работы корабельные корпосты.

Из кавдивизии, находившейся в армейском резерве в Южном и Западном секторах, один кавполк помогал 25-й дивизии.

Другой кавполк командарм направил в Восточный сектор. Кавдивизию разрывали на части. Шутили: она превратилась в «пожарную команду».

27 августа.

Пришел эсминец «Смышленый». Он доставил боеприпасы. Командир базы приказал проверить корабль на допуск к стрельбам.

Командир эсминца «Смышленый» капитан 3-го ранга В.М. Шегула – мой старый сослуживец. Он старше меня возрастом, с большим служебным опытом, хороший мореход. Его корабль недавно вступил в строй. Ему положено полгода на организационный период и сдачу зачетов по первым трем задачам «Курса боевой подготовки». Но идет война, и сроки прессуются до предела. Мне бросилось в глаза досадное искажение наименования корабля в бортовой надписи: «Смышленный». Вроде мелочь. Но почему на нее никто не обратил внимания? Вместе с работниками штаба, политотдела, тыла и служб базы мы прошли по кораблю. Затем по тревоге проверили технику и действия боевых расчетов, побеседовали с людьми, проверили их знания, подправили, разъяснили, подучили, а кое-кому и внушили строго. И люди выложились полностью. Комендоры стали действовать у пушек уверенно, корпост подобран из умельцев, артиллерист старший лейтенант Н.Т. Афанасьев хорошо понимал требования стрельбы по берегу.

Адмирал утвердил предложение штаба о допуске «Смышленого» к стрельбам. А тем временем начтехотделения базы И.И. Филатычев автогеном убрал лишнюю букву «н» из наименования корабля. Корабль вышел на смену «Беспощадному», ушедшему в конвое, и вступил в бой.

Обстановка в Восточном секторе продолжала осложняться, и комбриг Монахов ввел в бой присланный ему на помощь 7-й кавполк. Во второй половине дня мне позвонил командир Морского полка:

– Пришел ко мне новый сосед слева, пешая конница. Сперва выпытал у меня, кто поддерживает огнем, а сейчас хочет что-то доложить вам.

Это был командир 7-го кавполка майор В.В. Лебедев.

– Я вижу в море много кораблей. Осипова поддерживают три корабля. Может, уважите один? Ведь у меня только полковая батарея.

Я подумал: как только они держатся? И какое надо иметь сердце, чтобы отмахнуться, не изыскать хоть какую-то возможность помочь. Ответил:

– Поможем. Дадим корабль. Встречайте корпост.

С разрешения командира базы был прерван ремонт канлодки «Красная Грузия». На борт она приняла заводскую бригаду ремонтников для продолжения работ и вышла на боевую позицию. А вскоре мы подключили в помощь конникам и канлодку «Красная Армения», которой теперь командовал Н.А. Кадыгробов.

4-я румынская армия пополнилась еще тремя дивизиями – 5,6 и 8-й. Теперь в ее составе тринадцать дивизий. В Восточном секторе к двум прежним дивизиям противника в первую линию выдвигались части 5-й дивизии. Погранполк был атакован 15-й дивизией. И хотя она прорвалась в село Александровку, выбить из нее пограничников не смогла. Им помогали устоять корабли и морские батареи. Морской полк был прижат к агрокомбинату Ильичевка, но выстоял. У него большие потери. Мы прошлись по тылам и набрали 200 человек. Отправили их в полк. Еще левее 54-й полк отбил с помощью кавполка атаки целой дивизии противника.

Воины 7-го кавполка сражались особенно отчаянно. Майор Лебедев сам водил спешенных конников в контратаки, чем и помог слева разницам, а справа морякам. Доблестный воин Виктор Васильевич Лебедев в боях у стен Одессы сложил свою голову.

Едва сгустились сумерки, загрохотала вражеская артиллерия и противник по всей линии начал атаки. К его ночным вылазкам мы уже привыкли, а тут общее наступление. Такого еще не бывало.

Однако рассуждать о том, что бывало, а чего не было, не позволяло время. Противник наседал – требовалось отбиваться. Наши напрягли все силы.

Ночное наступление противника тоже захлебнулось.

День еще не закончился, а Слободник уже доложил о готовности теодолитных постов к работе. Вот это темпы! Гидрографы базы – люди высокого долга и большого усердия. Среди них выделялся старательностью и исполнительностью лейтенант Володя Моспан.

Гидрографическая служба ведает безопасностью плавания кораблей. В ее распоряжении все маяки, береговые знаки-ориентиры, плавучие средства – буи и вехи на якорях. Она снабжает картами и лоциями, ремонтирует навигационные приборы. В военное время, когда многие средства убраны и свет маяков изменен, чтобы не воспользовался противник, в гидрографии были созданы манипуляторная служба, регулирующая свет маяков, и служба военных лоцманов для проводки торговых судов. В условиях осады на гидрографов

свалилась куча всяких дел по обеспечению безопасности плавания стреляющих кораблей.

А вот теперь – по засечке вражеских батарей. Лейтенант Моспан и тут отличился быстротой и качеством работы. Этим он мне очень понравился. Но сегодня Слободник сообщил мне неприятную новость. Оказывается, Моспан страшно меня боится и постоянно уклоняется от встречи со мной. Я был сражен таким сообщением. Как же так: уважаемый мною человек боится появляться у меня? Крайне неприятный факт заставил меня задуматься над своим характером. Может, я лишен способности выражать добрые чувства к людям, прячу их под суровым обличьем? Может, не он один меня боится? Значит, надо ломать свой характер. Конечно, не в том смысле, чтобы подстраиваться, попустительствовать, – люди сразу увидят эту фальшь. Строгость нужна всегда и во всем, особенно на войне, где попустительство непременно ведет к пролитию лишней крови. Я дорожил добрым отношением младших ко мне, особенно тех, кто беззаветно боролся с врагом, и не мог оставить без внимания этот случай. Попросил Слободника прислать с очередным докладом вместо себя Моспана. И наши отношения вошли в нужное русло.

Володя Моспан хорошо воевал в Одессе. В январе 1942 года я получил скорбное сообщение о том, что он погиб в Феодосийской десантной операции.

Стемнело. Теодолитные посты начали давать пеленги на вспышки выстрелов вражеских батарей. На планшете, который мы специально вычертили для штаба (а позже и для батарей), они четко сходились в одном месте, образуя маленький треугольник с трехмиллиметровыми сторонами. На местности это равно тремстам метрам. Командир базы приказал Денненбургу взять треугольник под обстрел. И после третьего залпа 411-й батареи вражеские пушки замолчали. Но часа через два обстрел порта возобновился. Пеленги с теодолитов сошлись в другом месте. Значит, батарея или переместилась, или появилась другая. И эту наши артиллеристы заставили замолчать. Ночью в порту стало легче. А мы отметили успешное начало контрбатарейной борьбы, к которой была подключена и 39-я 130-миллиметровая батарея капитана Е.Н. Шкирмана.

Контрбатарейная борьба известна давно. Наверно, с тех пор, как появилась артиллерия. Но для нас это было впервые. Полученный опыт этой борьбы, как и создания базовых корпостов, и задымления порта, и ночной корректировки, был использован при обороне Севастополя, на других флотах.

Военный совет флота сообщил, что Ставка Верховного Главнокомандования решила направить в Одессу десять

маршевых батальонов – десять тысяч вооруженных бойцов и командиров.

28 августа.

Только во второй половине ночи стихли бои, и наши бойцы получили возможность немного отдохнуть.

Рассвело. Снова начался обстрел порта. Днем засекать вражеские батареи по вспышкам выстрелов труднее. Тут же Слободник, начальник артиллерии базы полковник М.Н. Николаев вместе со мной выехали на посты, изучили обстановку, присмотрелись и взяли несколько пеленгов. По ним наши батареи открыли огонь и заставили их замолчать. Значит, можно и днем кое-чего добиться, надо только набраться опыта. Николаев остался на двое суток на постах и научил людей различать залпы тяжелых батарей. Борьба с ними стала налаживаться. Чтобы ускорить передачу данных, начальник связи базы капитан 3-го ранга Б.А. Баратов связал теодолитные посты напрямую с батареями. Мы предоставили комбатрам право самостоятельно открывать огонь по вражеским стреляющим батареям.

С началом контрбатарейной борьбы закончился для вражеской артиллерии безнаказанный обстрел города и порта. И все-таки полностью исключить его было невозможно.

Взошло солнце. В Восточном секторе противник повел наступление тремя дивизиями, поддержанными артиллерией, танками и авиацией. Особенно сильный нажим на Пограничный, Морской и кавалерийский полки. Ценой огромных потерь противник выбил Погранполк из Александровки, и к вечеру он был прижат к селу Вопнярка, а она в трех километрах от уреза воды. Левее противник ворвался на северную окраину агрокомбината Ильичевка. Моряки закрепились в южной.

Командарм Софронов и командующий ООР Жуков держались одного мнения: не передвигать свои слабенькие резервы к пограничникам в ущерб разницам, ибо они стоят на самом важном для нас направлении, непосредственно прикрывают Пересыпь. Прорвется тут противник – отсечет и пограничников, и моряков, и конников и проскочит к Пересыпи, значит, и к порту.

Коль скоро мы свои тылы прочесали, из 2-го морского полка людей забрали в 1-й, а жить без резервов опасно, штаб базы предложил, а командир базы утвердил решение создать в 73-м морском зенитном полку резервный отряд в составе шести зенитных 85-миллиметровых пушек, трех счетверенных пулеметов и 120 бойцов. В кризисной ситуации можно будет машинами доставить его в Восточный сектор за короткое время.

Похоже по наущению Осипова, с его КП мне позвонил и представился майор Блинов Федор Сергеевич. Это командир 5-го

спешенного кавполка, только что введенного в бой вместо 7-го. Я сразу догадался, что ему надо:

– Вы, вероятно, хотите заполучить корабли для артподдержки?

– Да.

– Получите корабли. Встречайте корректировщиков.

Повадились кавалеристы звонить в морской штаб.

И отказать было бы бессердечно. Получив «добро» от адмирала, договорившись с начартом сектора майором А.В. Болотовым, за полком закрепили два корабля. Полюбились мне конники в пешем бою за отвагу и находчивость. И я следил, чтобы их не обделили морской артиллерией.

В Межлиманье тоже неблагополучно – батальон 136-го запасного полка с пулеметной ротой, оборонявшие участок шириной в пять километров, были выбиты из Августовки. Да и 54-й полк к вечеру был прижат к Корсунцам.

Пятый день жестоких боев в Восточном секторе неудачен для нас. Части повсеместно отошли.

Отошли? Нет, не то слово. Не отходили наши воины. Они были выбиты. Их вытолкнула пятикратно превосходившая вражеская сила.

В разгар боев, когда в стрелковых подразделениях на исходе были боеприпасы, их доставил нам военный транспорт «Делегат» под командованием капитан-лейтенанта В.Н. Ушакова.

Сегодня мы едва не потеряли начальника штаба обороны Одессы. Адъютант предотвратил беду. Когда в Восточном секторе начало обозначаться критическое положение, туда выехал генерал Г.Д. Шишенин с адъютантом старшим лейтенантом Г.А. Колесниковым. Морской полк только что закрепился в южной части агрокомбината Ильичевка. Прибыли на КП полка. Командира полка Осипова тут не оказалось. Он находился в батальоне, на острие атак противника. Не дело генерала в батальон ходить, а Гавриил Данилович решил повидаться с Осиповым и лично ознакомиться с обстановкой. Пошли в батальон. Только пересекли железную дорогу, сразу напоролись на вражеских солдат, просочившихся через поредевшие ряды моряков. Они стоят и не стреляют. Видно, не разобрались еще, где свои, а где чужие. Бывает такое на войне.

Адъютант быстро среагировал – и к генералу: немедленно отходить за железную дорогу к машине, а он его прикроет. Когда генерал скрылся, адъютант тоже начал отходить. Только взобрался на насыпь – по нему огонь. Чиркнула пуля по ноге. Отвез Гавриил Данилович своего верного помощника Георгия Антоновича Колесникова в госпиталь. Легко отделались.

Как бы ни было тяжело Морскому и Кавалерийскому полкам, все-таки наибольший нажим сегодня на пограничников. Похоже, что здесь противник начал наносить главный удар.

26-й пограничный полк стойко сражается. Им командует бывший начальник штаба 26-го погранотряда майор А.А. Маловский. Эрудированный, энергичный и строгий командир. После двухнедельных круглосуточных атак 15-я дивизия противника овладела Александровкой. При отходе был убит комбат погранполка А.Г. Фурсов. Его сменил ГГ Корейченко. В батальоне замешательство. Но соседний батальон капитана К.С. Шейкина ударом во фланг противника помог ему закрепиться у села Вопнярка. До моря рукой подать. Противник рвется к морю и вклинился в боевые порядки пограничников. Маловский с пулеметной и стрелковой ротами восстанавливают положение.

В боях за Вопнярку Маловский все время в батальонах. Вот противник ворвался в село, и Маловский опять, уже в который раз, ведет роты в контратаку и выбивает противника. И тут его тяжело ранило, сразу в обе ноги. Но только когда закрепились бойцы, он отполз из-под огня и разрешил медикам заняться собой.

Вот таким был майор Алексей Александрович Маловский. В боях за Одессу он заслужил орден Красного Знамени. А в 1942 году погиб, защищая Севастополь.

Все эти дни 21-я батарея поддерживала Пограничный и Морской полки. От беспрерывной стрельбы пушки раскалялись, стволы поливали водой. Стерлась нарезка в каналах стволов – точность стрельбы ухудшилась. Запасных стволов нет, и часы батареи сочтены. К концу дня, израсходовав боезапас, бойцы батареи были сведены в батальон и под командованием комбатра А.И. Кузнецова влились в 1-й морской полк. На батарее осталось 20 человек для охраны пушек.

Вражеские батареи, стрелявшие по порту, находились глубоко в тылу и с теодолитных постов не были видны. Их залпы могли наблюдаться только с кораблей. И вот тут нас порадовал командир эсминца «Фрунзе» П.А. Бобровников. Он сегодня возвратился к нам из Севастополя – и сразу в бой. В полдень командир прислал радиограмму: «Привел к молчанию батарею противника, которая вела огонь по мне. Готов к выполнению следующей задачи». Кулишов написал на радиограмме: «Молодец Бобровников. Пошлите ему благодарность».

Бобровников заслужил похвалу. Ведь иные командиры кораблей просили подавить вражеские батареи береговыми средствами, а Бобровников нашел правильное решение.

У нас было две категории командиров по складу характера.

Все они воевали хорошо. Но одного бомбят, обстреливают, атакуют, теснят, а он молча, отбиваясь, упорно выполняет задачу, не требуя подкреплений. Другой тоже воюет неплохо, но при первом серьезном натиске противника взывает о помощи. Слов нет, командир обязан информировать об обстановке, чтобы старший делал выводы. Но почему при первом же появлении самолетов противника требовать истребительное прикрытие? Не далее как сегодня один командир донес: «Попал под обстрел батареи противника. С первого залпа накрытие. Вышлите катера-дымзавесчики». А на корабле своя дымаппаратура. Адмирал резонно приказывает: «Маневрировать, прикрываться своей дымзавесой и стрелять». А когда корабль под обстрелом отошел далеко от своей боевой позиции, он послал командиру напоминание: «Активнее поддерживайте берег, атакуйте стреляющую батарею по примеру Бобровникова».

Павел Андреевич Бобровников – смелый, инициативный, упорный в достижении цели командир. Он скорее погибнет, но помощи без крайней необходимости не запросит, зная наши ограниченные возможности. В отчете о действиях под Одессой Бобровников писал: «При своевременном обнаружении самолетов противника и открытии огня с применением грамотного маневра самолеты или отказываются от атак, или они безрезультатны». Этим он дал понять, что в прикрытии истребителями не нуждается.

Своим становлением Бобровников во многом обязан и комиссару эсминца Д.С. Золкину. В ряду политработников

Дмитрий Степанович занимал особое положение. Я егр помню по совместной службе в бригаде эсминцев. Кристально чистая, партийная душа в личной жизни и служебной деятельности. Постоянно среди подчиненных – нес им правдивое слово нашей партии. Дружно работал с командиром корабля, не мельчил во взаимоотношениях, но и не замалчивал промашки. Одним словом, любил я Золкина за все, чем он был похож на политработника фурмановского типа. Потеряли мы его скоро.

Эсминец «Фрунзе» первым из кораблей вслед за береговыми батареями начал контрбатарейную борьбу.

Положение в Восточном секторе осложнялось с каждым часом. Угроза выхода противника к берегу, к Пересыпи, настолько велика, что Военный совет ООР мобилизовал в Одессе все силы и средства для усиления обороны. Теперь вся надежда – на моральную стойкость воинов и умение командиров. Члены Военного совета выехали в полки. А в конце дня в штаб базы приехал Жуков. Он оценил обстановку в Восточном секторе как весьма тяжелую и сказал, что для базы сейчас нет ничего более

важного, чем это направление. Он распорядился повернуть батареи артдивизиона Денненбурга на поддержку Монахова, отобрав их у Петрова. Но не только нам тяжело. Противнику тоже несладко. Пленные показали, что в их частях половина людей выбита.

Позвонил Осипов и спросил, нельзя ли еще наскрести хоть сотню бойцов. Были у нас подразделения охраны береговых объектов. Командир базы утвердил предложение штаба повесить на объектах замки, оставить по два человека с одной винтовкой, а остальных – на фронт. Две команды обслуживания – гидроаэродрома и базы железнодорожной батареи – сто человек с винтовками и под командованием майора М.А. Похилько прибыли в полк. Макарий Авдеевич, человек в годах – ему шел пятый десяток, – знающий сухопутное дело, был назначен помощником Осипова. Он помогал ему организовать оборону, водил резервные подразделения в контратаки. В бою был ранен, от эвакуации на Кавказ отказался, остался защищать Одессу

Надо особо подчеркнуть нежелание раненых покидать Одессу Они оставались в строю и продолжали бороться за город.

Поздно вечером, когда уже ушли конвои, у генерала Шишенина подводились итоги дневных боев кораблей и батарей. Заслушивались доклады Крылова и мой, распределялись корабли и батареи между секторами. Доклад Крылова по сухопутной обстановке в Восточном секторе мрачный.

29 августа.

Ждем крейсер и конвой с подкреплением.

Рассветает. Два судна в охранении лидера «Ташкент» и двух тральщиков под командованием капитан-лейтенантов В. Трясдина и Б. Фаворского и трех «охотников», которыми командовали старшие лейтенанты Г. Акимов, В. Варлей и В. Горяшко, вошли в гавань и сразу попали под артобстрел вражеских батарей. А чуть позже началась бомбежка. Танкер «Москва», которым командовал капитан дальнего плавания Г.Д. Стуруа, доставил горючее. А с «Абхазии» сошли два отряда матросов-добровольцев во главе с майорами В.В. Сопильня-ком и А.И. Щапиным. Их сразу на машины – и в Восточный сектор, в 54-й полк. И с ходу в бой. Теперь на суше воюют уже шесть севастопольских морских отрядов. Командир «Ташкента» капитан 3-го ранга В.И. Ерошенко красиво, с шиком, по-зубковски за пять минут ошвартовал корабль.

А вот и крейсер «Червона Украина». Он недавно из капитального ремонта. Командир капитан 2-го ранга Н.Е. Басистый не так давно начал осваивать его в походах. Ему не довелось командовать малыми кораблями, а они являются

хорошей школой для перехода на крейсерский командирский мостик. Он был назначен сразу командиром крейсера, минуя должность старпома, а это тоже школа для будущего командира – все ее проходили, прежде чем взяться за ручки машинного телеграфа. И вот первый боевой поход в сражающуюся Одессу, в кризисный период ее обороны.

На флоте не принято подавать советы командиру с берега, как швартоваться. Ему виднее, на то он и командир. Но в данной ситуации, понимая затруднения командира, я порывался послать ему светограмму, сообщить опыт швартовки Зубкова без отдачи якоря. Однако адмирал отговорил меня. И напрасно.

Крейсер, войдя в порт, развернулся вправо, чтобы ошвартоваться у холодильника, где мы отвели ему место для укрытия от вражеских снарядов. Но он не пошел туда прямо, а продолжал разворачиваться вправо, видимо решив подойти к причалу задним ходом. И вдруг мы услышали лязг якорной цепи – командир отдал якорь. Случилось то, чего я опасался. Среди разрывов снарядов крейсер на месте разворачивался вправо машинами «враздрай»: правой – назад, а левой – вперед. Потом – задний ход. Вытравили всю якорь-цепь, в к причалу не дотянуться – далеко отдали якорь. Командира подвел глазомер. Начали выбирать якорь-цепь и поднимать якорь. Задний ход. Снова отдали якорь. И все это под разрывами снарядов. А каково турбинистам на маневровых клапанах при таких частых реверсах? Чудом корабль избежал прямых попаданий, но осколки погуляли по корпусу. У Зубкова на швартовку и съемку 5–7 минут, а тут «рекорд» – 40 минут.

Конечно, нельзя во всех случаях рекомендовать швартовку к молу бортом без отдачи якоря, кормой на выход, как это делал Зубков. Но уж сколько раз мы наблюдали, как командир под ударами авиации и артиллерии клял себя, выхаживая якорь. А если лапы якоря еще поднимут со дна брошенный неряхой моряком трос и от этого троса надо освобождаться, на что уходят десятки минут, тогда съемка, как и наблюдавшаяся нами швартовка, все равно что «восхождение на Голгофу»: корабль без движения под ударами, а командир прощается с якорем, расклепывая цепь.

С «Червоной Украины» сошел отряд матросов с автоматами. Ну, думаю, повезет какому-то командиру полка. И хотел уже направить их в штаб Восточного сектора, где как раз идут кровопролитные бои и каждый боец на счету, а об автоматах и не мечтают. Но ко мне подошел командир отряда и показал документ, в котором обозначено, что это отряд разведчиков. Я позвонил Крылову и спросил его о предназначении разведчиков.

– Наши полки истекают кровью. Мы просили пехоту. Мне непонятна затея флотского разведотдела вести разведку в нашей полосе. Это дело нашей компетенции. У нас достаточно своих квалифицированных разведчиков, обеспечивающих нам полную ясность, что делается у противника на передовой и в тылу. Посылайте отряд к Монахову. Кстати, они там и подучатся у наших разведчиков, – ответил он.

– Да, но документ адресован Военному совету ООР.

И Николай Иванович сник. Пришлось отряд направить в штаб ООР. Чудно получается. Неужели в разведотделе флота не понимают, что происходит в Одессе? Мы по человеку собираем для фронта, а этот морской отряд в разгар критических боев у самого берега моря отправился на городские квартиры. Мы оголили все пирамиды, собираем винтовки на поле боя, а у отряда – автоматы. Разведбатальоны сегодня задействованы как последний резерв дивизий – все разведчики в окопах рядом с пехотой, а тут такой отряд автоматчиков прохлаждается в городе. Непонятно.

Угрюмый по природе капитан 2-го ранга Н.Е. Басистый прибыл в штаб базы мрачнее тучи. Да, такая мученическая швартовка не могла не удручать. А тут к обстрелу прибавилась бомбежка, и в порту стало совсем неуютно.

– У вас тут жарко, – пожаловался Басистый.

Командир базы поставил ему задачу поддерживать 5-й кавполк. Но корпост сперва будет обучаться у Филиппова.

В штаб базы зашел командир бригады крейсеров капитан l-ro ранга С.Г. Горшков. Сергей Георгиевич не остался в тыловой базе на других крейсерах, а, подавая пример другим флагманам флота, прибыл помогать Одессе в самый критический момент ее обороны. Я познакомил его с обстановкой.

Через час «Червона Украина» восьмиорудийными залпами громила врага. Ее стрельбу обеспечивала штурманская служба, которую на бригаде возглавлял капитан-лейтенант В.Ф. Яросевич. Корпост крейсера со старшим лейтенантом П.С. Рабиновичем во главе находился в окопах кавполка Блинова. И уже звонил Блинов, благодарил, что на него свалилось такое внезапное счастье: в дополнение к эсминцу заполучил крейсер.

Лидеру «Ташкент» поставлена задача поддерживать Погранполк. Именно его с мощной артиллерией и современными приборами автоматического управления и централизованной наводки пушек мы послали на направление основного удара противника.

«Ташкент» – новый корабль водоизмещением 3 тысячи тонн на испытаниях развивал скорость 44 узла. На нем три

двухорудийные башни – шесть 130-миллиметровых пушек. С командиром лидера «Ташкент» В.Н. Ерошенко я знаком давно. Мы земляки, оба с Кубани. Оба немного железнодорожники. Вместе учились в морском училище, но он годом раньше окончил его. Вместе командовали сторожевыми кораблями. Он не подходил к штабной службе, его стихия – море и мостик. За свою долгую службу он командовал почти всеми классами и типами надводных кораблей: тральщиком, СКР, эсминцем, лидером, крейсером. Он был классическим кораблеводителем.

Когда Ерошенко командовал лидером «Москва», а затем «Ташкентом», оба лидера были флагманскими кораблями. На них держал свой флаг комбриг эсминцев С.Г. Горшков. Я тогда хорошо узнал Ерошенко.

Василий Николаевич – личность колоритная. У него уймища человеческих и командирских добродетелей. Это был настоящий русский молодец. Внешне выглядел броско – красив, коренаст, ладно скроен, крепко сшит, исполинской силы. Порывист, с сильно развитым профессиональным самолюбием. Но когда с ним ласково, ровно, вдумчиво, – он покладист и уступчив. А вообще любил властных начальников, таких, как Горшков, Октябрьский, Левченко. Приказы выполнял беспрекословно и сам любил подать властную команду, ибо сознавал: как она подана, так и исполнена.

Ерошенко – добрейший, компанейский человек. Он тянулся к людям, дорожил дружбой, был хорошим товарищем, доброжелательным к окружающим. И бесхитростным. Другой свой ум во зло обращает, интригует, сталкивает людей лбами. А у этого душа нараспашку – честен, искренен и прямолинеен. О чем думал, о том и говорил. Его называли великим моряком за то, что имел великолепный морской глазомер, швартовался быстро и впритирку, в море в любой ситуации ориентировался молниеносно, маневры совершал виртуозно, торпедные атаки проводил бесподобно. Это был корабельный суперас! По боевитости, отваге, знаниям, умению управлять кораблем и использовать оружие он шел вплотную за Зубковым. Ну а тот считался на флоте патриархом в этих делах.

Ерошенко – на мостике лидера «Ташкент», идущего полным ходом. Нос корабля высоко поднялся над водой, на столько же корма осела в воду. И кажется, вот-вот корабль взлетит в воздух. А из-под кормы каскадный фонтанище воды. Смотрел я с другого корабля на эту феерическую картину и вспоминал восточную поговорку: быстроногому скакуну нужен только лихой наездник.

Василий Николаевич воевал лихо. Комиссар эскадры В.И. Семин доносил начальнику Главполитуправления ВМФ И.В.

Рогову: «Ерошенко – стойкий большевик и командир».

Восторгаюсь им, а подразумеваю и других наших командиров и комиссаров. И не только флотских. Все они воспитаны одной матерью – Коммунистической партией.

Но дружба дружбой, а сейчас, Василий Николаевич, как бы я ни знал хорошо тебя и твой корабль, подавай действия по боевой тревоге.

«Ташкент» проверен всем штабом, политотделом и тылом базы и допущен к стрельбе. Командиру и артиллеристу старшему лейтенанту Н.С. Новику сказано: снарядов в поддержку Погранполка не жалеть.

На «Ташкенте» прибыл помощник флагарта эскадры капитан-лейтенант Н.Я. Сидельников, артиллерист с высшим образованием. Вместе с Филипповым он будет обучать корпосты кораблей эскадры. А пока с командиром корпоста «Ташкента» лейтенантом Г.А. Борисенко он присматривается к работе нашего базового корректировщика Старкова.

Полкам помогают огнем восемь кораблей: крейсер, лидер, четыре эсминца и две канлодки. Тесно в прибрежной полосе маневрировать, да еще в дыму. Но высока квалификация наших командиров и штурманов, хорошо поставлена служба наблюдения, и не произошло ни одного столкновения кораблей.

После ночных атак противник с утра повел наступление во всех секторах. Этим он лишил наше командование возможности маневрировать резервами и огнем. К полудню разгорелось ожесточенное сражение на суше, на море и в воздухе: 1 сентября истекал срок взятия Одессы, назначенный Антонеску.

Начальник штаба Восточного сектора А.С. Захарченко сообщил, что наступление ведут 5, 13 и 15-я пехотные дивизии противника, но главный удар – по Пограничному и Морскому полкам. Противник ведет сильный артогонь и непрерывно наносит удары с воздуха.

Флотская авиация сегодня уже второй раз пришла из Крыма и бомбит вражескую пехоту. Одесские истребители почти непрерывно в воздухе. Наши орудия поддерживают стрелков и продолжают контрбатарейную борьбу. Над портом и кораблями идет воздушный бой.

Два командира кораблей прислали просьбу о помощи катерами-дымзавесчиками и истребительным прикрытием. Кулишов послал спокойный, но жесткий ответ: бой, взаимные удары, обстрелы, бомбежки – это нормальные явления войны.

Отбивайтесь, ставьте дымзавесы и продолжайте громить вражескую пехоту.

Жуков, узнав об этом, поехал на рейдовый пост, посмотрел

обстановку в заливе. Затем прибыл к нам, заслушал Кулишова и высказал беспокойство, как бы в таких сложных условиях у кого-нибудь не сдали нервы.

– Для всех черноморцев, – говорил он, – Одесса является героическим местом борьбы. И хотя сюда страшновато ходить, моряки рвутся к нам. Но после спокойной стоянки в Севастополе здесь их враг встретил огнем. Наша задача – помочь всем обрести себя, перестроиться в течение первых часов. Других сроков враг нам не отпускает. Надо воевать тем, что есть, и без ссылок на трудности.

Я понимал Жукова и Кулишова. Их указания вызывались суровой обстановкой, нашим отчаянным положением и строгими требованиями Ставки об удержании рубежей. Понимали это и командиры. Прошло всего четыре часа дневного боя, и старший на рейде – контр-адмирал Д.Д. Вдовиченко – поднял сигнал для всех стреляющих кораблей: «Учитесь стрелять и вести себя под огнем противника у лидера “Ташкент”».

Эсминцу «Фрунзе» приказано разведать позиции батарей противника, стреляющих по кораблям. Когда одна из батарей открыла огонь, эсминец лег на сближение. Завязался огневой бой. Батарея замолкла, но место ее засечено. Вторая батарея, открыв огонь, попала снарядом в борт эсминца. Были жертвы. Один осколок залетел на мостик и угодил Бобровникову в спину. Командир донес о местах батарей, о попадании снаряда, о потерях. А о себе ни слова.

Вечером «Фрунзе» зашел в гавань на ремонт. Бобровникова пришлось отправить в госпиталь.

В полночь звонит начальник госпиталя С.Н. Харитонов:

– Беда, сбежал раненый командир эсминца Бобровников.

Советую ему в следующий раз таких отчаянных помещать на втором этаже и с зарешеченными окнами.

Оказывается, сплутовал и комиссар Д.С. Золкин. Он же ему принес одежду, и оба «вышли» в окно.

За ночь заделали пробоину в борту «Фрунзе». И только я собрался поставить ему задачу, звонит Бобровников и как ни в чем не бывало докладывает о готовности к выходу в бой. Да, перед таким снимешь шапку.

В Восточном секторе становилось все труднее. Погранполку разрешено ночью отойти от Вопнярки и, завернув правый фланг вправо, стать ближе к Одессе, к селу Макогонка. Это было тяжелое решение. Но важно не потерять полк. В Межлиманье, в дополнение к батальону Запасного полка, направлен батальон капитана Волошко из 54-го Разинского.

В Южном секторе выявлена новая дивизия противника – 35-я

пехотная. Это четырнадцатая по счету в составе 4-й румынской армии.

Жуков получил радиограмму Октябрьского с замечаниями по использованию корабельной артиллерии и решил встретиться с командирами корпостов. Для этого прибыл на Жевахову гору, где в домике правления колхоза с наступлением сумерек были собраны командиры корпостов во главе с Филипповым. Жуков высказал замечания по их работе. Командиры доложили, что противник перешел к активным радиопомехам и на русском языке микрофоном передает ложные цифровые данные по корректировке. Это новая для нас сложность. Начальник связи Баратов тут же дал запасные волны и позывные, а радистам было указано предварять разговор именем или отчеством командира или артиллериста корабля или корпоста.

Ночью на заседании Военного совета ООР присутствовало командование армии и базы – принимались экстренные меры по спасению положения в Восточном секторе. Вошли Левченко и Кулаков. Они, как узнали о наших осложнениях, поторопились к нам, прибыли на «Червоной Украине». И теперь будут у нас до конца кризиса.

Гордей Иванович Левченко по опыту работы – командир корабля, а по образованию – корабельный артиллерист с высшей подготовкой. Знает толк в артиллерии. Он еще раз подтвердил: основной вид содействия флота армии – артподдержка пехоты. Снарядов не жалеть, «Червону Украину» использовать на полную мощь.

30 августа.

Под утро с КП Морского полка позвонил Филиппов и доложил, что все корпосты в батальонах, а он уезжает в Погранполк. Затем позвонил Осипов и сообщил, что Филиппов серьезно ранен. Его перевязали и хотели уложить, но куда там – отказался.

На Филиппова это похоже. Храбрый воин, лезет в самые опасные места. Но так нужно.

Перед рассветом прибыл конвой: «Украина», «Белосток», «Чапаев» (капитаны – П.А. Половков, К.Е. Крамаренко, А.И. Чирков) в охранении эсминца «Дзержинский», двух тральщиков (командиры – П. Щербанюк и А. Кроль) и четырех «охотников» под командованием комдива Г.И. Гнатенко. Доставили пять маршевых батальонов – пять тысяч вооруженных бойцов и командиров. Считай, целая дивизия, только без артиллерии. Все радовались пополнению. Встретить его приехали член Военного совета ООР Ф.Н. Воронин и член Военного совета Приморской армии М.Г. Кузнецов.

Только рассвело – начался артобстрел. Потом бомбежка. И сразу посерьезнели лица новобранцев. Заторопились – скорее из порта, здесь неуютно. Когда вокруг на бетоне и камне рвутся снаряды и бомбы, тошно не только им, но и бывалым.

Сегодня впервые база выставила в Восточном секторе девять кораблей для боя с вражеской пехотой. Из них три для Погранполка и два для Межлиманья. Артиллерист крейсера «Червона Украина» капитан-лейтенант В.А. Федюшко искусно управляет огнем и помогает кавполку надежно удерживать свой рубеж. Четвертые сутки «Смышленый» в боях под Одессой. Пришел с неважной аттестацией комфлота, а сейчас выправился, идут благодарственные телеграммы от армейских командиров в его адрес.

А знаете, как это воодушевляло матросов на новые свершения! Ведь многие из них рвались воевать на сушу. А тут в телеграмме сообщают: в результате вашей стрельбы перед позициями более ста трупов вражеских солдат, подбит танк, разбита батарея, противник рассеян, его атака сорвана. Иная такая телеграмма, вовремя обнародованная, делала для мобилизации сил не меньше, чем добрая лекция.

Вот и на «Смышленый» пришла благодарность от Погранполка. Отличились расчеты орудий, которыми командовали старшины Калашников и Носов. Эсминец уходил от нас обстрелянным. Нужно отдать должное командиру и экипажу, они сделали правильные выводы из рекомендаций Военного совета флота – четыре дня и ночи боев провели без замечаний и выполнили все поставленные задачи.

Сегодня командир базы подписал приказ, в котором благодарил командиров, комиссаров и экипажи эсминцев «Бодрый», «Беспощадный», «Смышленый», «Фрунзе», а также направил на эскадру предложение о представлении отличившихся к наградам.

Выше всякой похвалы вел бой «Ташкент». Он помог Погранполку организованно отойти и закрепиться на новом рубеже. В числе корректировщиков отличился старшина радистов Фишич. Он огнем пулемета прижал вражескую пехоту к земле и помог товарищам сменить позицию без потерь.

Во второй половине дня авиация противника наносила удары по кораблям. Рейдовый пост доложил: самолеты бомбят «Ташкент». А вскоре Ерошенко сообщил: «Имею повреждение». И тотчас к кораблю направилось спасательное судно «Шахтер» (командир – П.И. Крысюк).

Лидер вошел в гавань. Пробоина в правом борту, ближе к корме. Затоплены два кубрика. Самоотверженными действиями

аварийных подразделений под руководством старпома И.И. Орловского, инженера-механика П.П. Сурина и главного боцмана С.Ф. Тараненко было прекращено распространение воды по кораблю. А это главное в борьбе за его непотопляемость.

В происшествии с «Ташкентом» Ерошенко показал себя умелым командиром с молниеносной реакцией. Как только сигнальщики доложили о подходе самолетов противника, он, мгновенно оценив обстановку, дал самый полный ход и скомандовал: «Право на борт». Корма покатилась влево, а бомба разорвалась у кормы справа. Не сделай этого командир – и корму с винтами оторвало бы.

Аварийная служба и техотделение базы под руководством их начальников А.И. Смирнова и И.И. Филатычева и флаг-меха базы М.Г. Александрова надежно подготовили лидер к переходу: был заведен пластырь на пробоину, установлены подкрепления на переборки, даны дополнительные насосы и аварийные устройства. В общем, сделали все по-фронтовому, с любовью и заботой о корабле и людях. И вечером «Ташкент» в охранении «Смышленого» ушел в Севастополь.

Комфлота прислал Жукову и Кулишову внушение за слабое прикрытие истребителями стреляющих кораблей. А я принял это на свой счет. Кому же, как не штабу, ставить и решать такие вопросы? И хотя истребители были заняты штурмовкой войск противника, штаб базы должен был изыскать возможности для усиления авиаприкрытия хотя бы больших кораблей.

После обеда в Восточном секторе начали наступление все три дивизии противника, поддержанные танками, артиллерией и авиацией. Атакованы все наши полки. В Межлиманье 3-й батальон 54-го полка и батальон Запасного полка, усиленные пулеметной ротой, поддержанные кораблями, отстояли село Прицеповку. Правее, на восточном берегу Куяльницкого лимана, 54-й полк надежно удерживает рубеж Корсунцы – Соляные Мельницы. Тут сильный народ. Это отлично подготовленный

полк из 25-й Чапаевской дивизии. И этим все сказано. Он, как и вся дивизия, не был застигнут врасплох внезапным нападением врага 22 июня. В составе дивизии полк проводил ночное учение и по условиям задачи занял рубеж обороны на границе по рекам Дунай и Прут. В то время полком командовал майор А.Н. Сысоев, перед войной окончивший академию. 22 июня враг попытался захватить мост через Прут. Сысоев не побоялся «вызвать провокации» – выбил противника и удержал мост. До 18 июля полк вел бои на границе. А затем по приказу отошел и закрепился на Днестре у Дубоссарского плацдарма. Здесь отличился и комиссар полка Ф.И. Мальцев. Он лично водил батальоны в

контратаки.

Сысоева назначили начальником оперативного отделения штаба Восточного сектора. В командование полком вступил подполковник Н.М. Матусевич и теперь всеми наличными силами прикрывал Пересыпь. И хотя был потеснен, но сейчас хорошо закрепился, и вот уже несколько дней два полка противника бессильны сбить его с занятых позиций. В повышении стойкости бойцов в обороне решающую роль сыграл комиссар полка Федор Иванович Мальцев, человек большой отваги и воинского мастерства. Он воспитывал личный состав, вдохновлял, а случалось – командовал: «За мной!» – и грамотно вел бой. Под Одессой комиссар Мальцев был награжден орденом Красного Знамени.

В эти кризисные для 54-го полка дни в боях отличилась пулеметчица полка Нина Онилова. Она в части недавно. Когда Чапаевская дивизия приблизилась к Одессе, совсем юная работница Одесской фабрики Онилова попросилась на фронт. Она настояла в военкомате, чтобы ее призвали добровольцем, и именно в Чапаевскую дивизию. Попала в 54-й. Освоила пулемет и вступила в бой. Нина метко косила вражеские цепи. Много раз огнем прижимала к земле вражескую пехоту. Своим поведением в бою она благотворно влияла на воинов полка. Ее прозвали новой Анкой-пулеметчицей, в честь знаменитой чапаевской Анки-пулеметчицы, героини Гражданской войны Марии Андреевны Поповой, образ которой запечатлен в кинокартине «Чапаев».

Нина Онилова в Одессе была ранена. Затем она вернулась в полк. Сражалась за Севастополь. Погибла в бою. Ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Чтобы 54-й полк увереннее держал рубеж у Пересыпи, его подкрепили матросскими отрядами добровольцев из Севастополя. Матросы сражались мужественно, но на первых порах чувствовался недостаток знаний и навыков общевойскового боя: не всегда могли искусно окапываться, маскироваться, вести разведку. Боевое мастерство приходило быстро, и вот уже матросы во главе со старшиной 2-й статьи Поповым отправились за «языком». И привели на КП полка вражеского офицера.

Рядом с 54-м, справа, оборонял участок 5-й кавполк Блинова, а еще правее – Морской. За три дня боев они отразили все вражеские атаки, и только в связи с отходом Пограничного полка правый фланг Морского завернулся вправо назад. Теперь этот полк воюет фронтом на север и на восток.

Пограничный полк противник вытеснил из Макогонки и прижал к селу Фонтанка. Это у моря, от нее до мыса Е рукой подать.

Звонит начальник штаба Морского полка Сталюков:

– Пограничный опять отошел. Правый фланг оголен. В разрыв просочились подразделения противника и заняли высоту 53,0.

Это рядом с нашей 21-й батареей. От нее до мыса несколько сот метров, до Крыжановки, за которой Лузановка и Пересыпь, – два километра. На 21-й батарее 20 человек охраны, она законсервирована.

Приказал связистам поставить мне полевой телефон и соединить его напрямую с позицией 21-й батареи. И вовремя. Звонит телефонист и докладывает:

– Слева и справа отходят подразделения Морского и Пограничного полков. Пехота противника наступает густыми цепями. Наши двенадцать человек с пулеметами у проволочного заграждения в окопах. Нас семь человек на позиции у орудий. Какие будут указания по орудиям?

А какие могут быть указания, если остался единственный выход. Передаю на батарею приказание немедленно заложить подрывные заряды в стволы пушек. Слышу, как телефонист передает его исполнителям. Трубка доносит пулеметные очереди. Похоже, бой идет уже на позиции батареи.

Вновь зазвонил полевой телефон. В трубку ворвался треск выстрелов и взрывов. Телефонист докладывает:

– Заряды заложены. На батарею движется много солдат противника. Многие подорвались на наших минах и запутались в проволочных заграждениях. Ползут к орудиям…

Я перебиваю его доклад и передаю приказание Кулишова подорвать пушки. Телефонист что-то кричит, но из-за шума разобрать невозможно. Только хотел потребовать от него повторения приказания, как в трубке все стихло.

Я настолько опешил, что даже посмотрел на трубку, продул ее и начал крутить ручку. Тишина. Показалось, что все кончено. Но я не выпускаю трубку и инстинктивно, пуще прежнего, жму на клапан до боли в пальцах.

Командир базы рядом. Он звонит в Морской полк:

– Товарищ Осипов, доложите обстановку. Что с батареей? – Противник прорвался между Морским и Пограничным, атаковал батарею, продвигается к мысу Е и в направлении Крыжановки, отсекая пограничников. Комиссар полка Митраков с двумя ротами и взводом пулеметов бросились на ликвидацию прорыва. Обстановка неясна.

И потянулось время ожидания. Прошло, возможно, 20, а может, и 30 минут. И вдруг трубка ожила. Я слышу тяжелое дыхание человека и хриплое, но чистое русское произношение: – Алло, у телефона!

«Все в порядке», – проносится в голове. И я уже обрадованно кричу:

– Докладывайте! Куда вы запропастились?

– Виноват! Отлучался в рукопашную!

Люди добрые! Вы слышите: он отлучался в рукопашную! И он еще считает себя виноватым, что вроде бесцеремонно бросил трубку…

– Молодчина! – вырвалось у меня.

Я тогда долго размышлял и о наших победах, и о наших неудачах. И приходил к твердому убеждению: нет, никогда Гитлеру и его войску не победить наш народ! Вот таких, как этот, что «отлучался в рукопашную».

И как бывало в то суровое, безжалостное время, когда вот такое героическое было повседневным и массовым, считалось обязанностью, мы даже не зафиксировали имя того воина, а перешли к очередным горячим делам, которые навалились на нас.

А на батарее происходило следующее: противник напоролся на колючую проволоку и мины и начал обходить позицию с обеих сторон. Наши двенадцать бойцов во главе с сержантом, охранявшие законсервированные пушки, открыли из пулеметов и винтовок огонь. Вражеские солдаты залегли. А следовавшие за ними атаковали батарею. Подразделение противника прорвалось через заграждения и начало подходить к пушкам. Вот в это время телефонист, крикнув товарищам: «Приказано подорвать пушки!» – бросился с винтовкой на врага. Все защитники батареи устремились в штыковую. В это время подоспела матросская рота, другие подразделения. Противник был отброшен. Фланги полков сомкнулись.

Звонит Осипов:

– Убит командир батальона Кузнецов.

Это бывший командир батареи, которую только что подорвали. В один день и батарея, и командир закончили свою жизнь.

Александр Иванович Кузнецов – один из замечательных командиров. Орден Красного Знамени был ему посмертной наградой Родины. В память о нем в аллее Славы Одесского парка имени Шевченко установлена символическая плита с его именем.

Славную страницу в боевую историю 21-й батареи вписал старшина Ростислав Николаевич Кушлянский. Будучи командиром взвода Морского полка, он получил ранение. Потом сражался за Сталинград и на Курской дуге. Отличился при форсировании Днепра и был удостоен звания Героя Советского Союза.

Прорыв противника на позиции 21-й батареи взволновал все руководство ООР. Собрался Военный совет оборонительного района. На нем командарм Софронов оценивал положение в Восточном секторе как кризисное.

Позвонил Крылов:

– Ввиду чрезвычайных обстоятельств прошу вас срочно приехать ко мне.

Никогда не видел Николая Ивановича таким озабоченным и, несмотря на дьявольскую усталость от бессонных суток, возбужденным. У него находился начальник артиллерии полковник Н.К. Рыжи.

Только Крылов хотел заговорить, вошел оператор штаба армии, направленец по Восточному сектору, капитан К.И. Харлашкин и доложил:

– Командир Погранполка Кудряшов сообщает, что лично видит со своего наблюдательного пункта движение колонны противника по Приморскому шоссе в сторону фронта. Просит ударить артиллерией.

Рыжи прокомментировал:

– Надо ударить морской артиллерией, медлить нельзя.

Зная, что на «Червоной Украине» есть шрапнель и с ее формарса (верхняя площадка на фок-мачте) можно наблюдать войска, звоню на Жевахову гору Филиппову и прошу поставить задачу крейсеру по радио через его корпост. Через несколько минут целеуказание было получено на корабле.

Командир бригады крейсеров С.Г. Горшков приказал командиру крейсера обстрелять вражеские войска шрапнелью восьмиорудийными залпами. Кудряшов доложил, что уже первым залпом цель была накрыта. Крейсер перешел на двухорудийные залпы, и вражеская пехота до вечера была прижата к земле.

Крылов и Рыжи просили расстроить предстоящее наступление врага ночными массированными ударами артиллерии по его позициям. Для этого были выделены три подвижные и две дальнобойные батареи и девять кораблей – 67 стволов.

Уже много суток корабли непрерывно на боевых позициях и в гавань не заходят. Продовольствие и топливо на рейд им подаются баржами. Все эти дни командиры с мостика не сходят, расчеты у орудий, тут же в паузах и отдыхают. Удары по пехоте и вражеским батареям следуют один за другим. Командиры полков и дивизий требуют больше огня, и Кулишов, выполняя указания Левченко и Жукова, еще раз напомнил, что не следует экономить боезапас.

Корабельная артиллерия работала с перенапряжением. Но

создалась такая обстановка, что не приходилось считаться и с усталостью людей, и с состоянием техники. И борьба с врагом шла на пределе сил.

Позвонил Жуков. Ему срочно нужен Кулишов. Тот возвратился от командующего взволнованным – и ко мне:

– Запирайтесь с комендантом порта Романовым и к утру приготовить расчеты на экстренную эвакуацию Приморской армии. Вот вам боевой состав армии. Ни с кем ни слова. Обстановка кризисная.

Я подумал, что Жуков действует предусмотрительно. После того что случилось сегодня, ни за что нельзя поручиться. Огромной массой войск противник может отбросить наши части Восточного сектора на Пересыпь к порту, отрезать войска

Западного и Южного секторов от порта, от моря и начать их окружение. И если моряки не будут готовы принять войска на суда для эвакуации, этого никто не простит.

Мы обосновали, что армию и базу без тылового имущества и громоздкой техники можно эвакуировать имеющимися средствами за три ночи с высадкой на Гендре (это рядом) и в Ак-Мечети (ближайшая бухта в Крыму). Старшим по приему войск в Ак-Мечети (ныне Черноморское) предлагалось назначить контр-адмирала Вдовиченко. (Я тогда не знал, что Вдовиченко отзывается в Москву, и 11 сентября он туда убудет.) Во второй половине ночи расчеты были готовы и сданы командиру базы, и мы прилегли отдохнуть. Я проснулся от грохота и содрогания здания – стреляла зенитная артиллерия, рвались бомбы. Уходить в подземелье не хотелось, и я посоветовал:

– Пал Палыч, натяните подушку на голову и давайте попытаемся еще вздремнуть.

А спали мы головами к окнам. Только задремали – свист бомбы и разрыв во дворе. Стекла вынесены из рам начисто. Осколки, пролетев по кабинету, впились в дубовые двери. Мы отделались легкими царапинами. А шофер Романова, укрывшийся в щели, вырытой во дворе, был убит наповал.

31 августа.

Задолго до рассвета Кулишов отправился с нашими расчетами к Жукову, а я с Романовым – в порт встречать конвой.

Прибыл «Днепр». На нем 3000 солдат с оружием. Его сопровождали эсминец «Сообразительный», тральщик под командованием А.М. Ратнера и три «охотника», во главе которых – старшие лейтенанты В. Бондарь, А. Какабадзе, С. Хаджи. Пополнение направляется в Восточный сектор.

Эсминец «Сообразительный» недавно вступил в строй, и я не знаю его экипаж. Но даже беглое знакомство (обстановка не

позволяла подробно изучать) давало основание сделать вывод, что корабль готов к бою. Командир – капитан-лейтенант

С.С. Ворков – молод, энергичен и производит впечатление грамотного специалиста. Обстановку и задачу командир, артиллерист Г.К. Кириченко и командир корпоста Э.И. Толейкис уяснили, и эсминец вышел на позицию.

В первый же день Ворков огнем орудий корабля подавил батарею, стрелявшую по нему, поддерживал батальоны в Межлиманье, где противник повел наступление, и отбивался от самолетов.

Идут тяжелые бомбежки города и порта – до ста самолетов одновременно.

Позвонил замначштаба ООР капитан 1-го ранга Иванов и пригласил к себе. Ему поручено составить план эвакуации на базе моих расчетов. Он предупредил меня:

– Это личное задание Жукова, о котором ни слова никому. В том числе и командованию армии, – пусть воюют. Понадобится – вручим готовый план.

Жуков, зная нетерпимое отношение Октябрьского к самому слову «эвакуация», зашел к нам и продиктовал название документа: «План выхода из окружения частей Приморской армии и Одесской военно-морской базы после боя на последнем рубеже Оборонительного района». Все выдержано в духе требований Ставки и наркома: Одессу оборонять до последней возможности.

В Восточном секторе дела плохи. Скоро и в Южном положение осложнится настолько, что возможность эвакуации не будет исключать и Генштаб. 7 сентября от Шапошникова придет радиограмма: «Если Одесса будет эвакуироваться, необходимо взять с собой крупных ученых-медиков»[28].

Когда план был закончен, схема расстановки судов по гаваням составлена, мы спокойно вздохнули: никакие внезапно возникшие ситуации не застигнут нас врасплох. Войска не будут сброшены в воду из-за неорганизованности моряков: у нас все подготовлено, расставлено и расписано для их экстренной посадки и вывоза. Мне приказано ежедневно приезжать на совмещенный КП к Иванову и корректировать план и схему, внося новые наименования судов, идущих в Одессу До сих пор добрым словом поминаю Жукова за его дальновидное решение иметь в готовности документы по экстренной эвакуации.

С улучшением нашего положения этот план себя изжил – он был упрятан в сейф, а теперь хранится в архиве.

К Жукову стремительно вошел начальник штаба ООР генерал Шишенин и доложил:

– Противник ворвался в село Фонтанку и теснит Погранполк к высоте 47,4, что у мыса Е. В Межлиманье он захватил Прицеповку и оттеснил батальоны Запасного и 54-го полков к Протопоповке. На участки прорыва направлено подкрепление. Командарм намеревается перевести штаб Восточного сектора из Лузановки на Пересыпь.

Жуков и Шишенин ушли к командарму обсудить сложившееся положение. Оперсводка штаба ООР на 12.00 31 августа гласила: «Части ООР занимали рубеж высота 47,4 – агрокомбинат Ильичевка – Корсунцы – Протопоповка… Части Восточного сектора отражали атаки 13-й и 15-й дивизий противника… Штаб сектора перешел на завод имени Красина, на восточной окраине Одессы»[29]. Нерадостная ситуация. Но это было не последнее для всех нас испытание.

По докладу Коркунова, после того как Погранполк был выбит из Фонтанки, бой продолжался у высоты 47,4. Она находится между Фонтанкой и мысом Е. От высоты до мыса полтора километра. Бегом за десять минут преодолеть можно. Погранполк оказался в опаснейшем положении: справа его фланг упирался в море, в тылу – берег залива, отходить некуда. В Межлиманье бой идет за Протопоповку. Это предпоследнее село, за ним Повары и далее через Жевахову гору спуск к Пересыпи, к порту. Вот почему Софронов предусмотрительно перевел штаб сектора на завод Красина – это как раз напротив Межлиманья. Такого, чтобы штабы находились в городе, в других секторах не было.

Вернулся командир базы. Пока я ему докладывал по карте содержание оперсводки, позвонил Коркунов из штаба сектора и доложил, что в Межлиманье противник выбил наши подразделения из Протопоповки и Поваров и прижал их к высоте 52,5 и «Развалинам». Это рядом с Жеваховой горой, в трех километрах от Пересыпи. Отсюда виден порт.

Мы молча изучали ситуацию. Первым нарушил тягостное раздумье Кулишов:

– Я считал критическим днем нашей обороны вчерашний – 30 августа, когда враг рвался через позиции 21-й батареи к мысу и Крыжановке, а сегодня – пострашнее. Теперь вражеские артиллеристы с крыш домов Фонтанки видят весь порт.

После обеда противник подтянул тяжелые батареи и пристрелял вход в порт, чтобы поражать входящие корабли, даже прикрытые дымзавесой. А затем стал обстреливать не просто акваторию порта, а выбирать цели. Мы срочно занялись перестановкой кораблей, придвигая их к высоким сооружениям – холодильнику, складам.

Уже на следующий день вражеский снаряд угодил в мостик

эсминца «Шаумян», вошедшего в порт для ремонта. Всего за время обороны от вражеских снарядов получили повреждения более полутора десятков кораблей и судов, стоявших в порту. Безопасность порта и стоянка в нем были поставлены под угрозу. Замнаркома ВМФ адмирал Л.М. Галлер и Военный совет флота прислали радиограммы с рекомендациями создать причалы южнее порта. Под руководством инженера базы А.Т. Павлова, А.С. Цигурова и Р.Б. Каменецкого они были построены в районе Аркадии.

Звонил Софронов Кулишову – обсуждали вопрос об усилении артподдержки Погранполка и частей в Межлиманье.

Решили добавить каждому по одному кораблю и береговой батарее. Погранполку перенацелили «Червону Украину». Денненбургу и Филиппову пошли соответствующие приказания.

Раньше, приезжая в Лузановку, в штаб сектора, мы слушали артиллерийскую канонаду с суши. Сегодня канонада с моря заглушала всё – стреляли, как и вчера, девять кораблей, сосредоточившись недалеко от Пересыпи, в Одесском заливе. Восточнее мыса побережье в руках противника, и на нем установлены вражеские батареи. Туда подходить кораблям опасно. Погранполк поддерживают три корабля: крейсер «Червона Украина», эсминцы «Незаможник» и «Фрунзе». Они помогают пограничникам закрепиться у высоты 47,4. И полк держится, да и отходить уже некуда – до воды 1500 метров. Батальонам в Межлиманье в поддержку даны эсминцы «Дзержинский» и «Сообразительный». Последний во главе со своим командиром Сергеем Борковым – самый нужный здесь корабль. Он показал себя с лучшей стороны. Моряков, конников и 54-й поддерживали две канлодки, эсминец и крейсер «Коминтерн», которым командовал И.А. Заруба.

Думая о суше, мы не должны были забывать и о море. Если до этого времени наши конвои имели дело с вражескими самолетами-бомбардировщиками, то сегодня мы получили радиограмму Военного совета флота о том, что на Черном море появилась у врага торпедоносная авиация. В районе Новороссийск – Феодосия ею утоплен транспорт «Каменец-Подольск» и атакован военный транспорт «Днепр».

Почему противник избрал северо-восточную часть моря? Из Новороссийска идет основное снабжение войск в Одессе и Крыму, и враг это вскрыл. Придется серьезно поразмыслить над составом эскорта, временем выхода и прихода конвоев, над тем, как научить командиров и капитанов отбиваться от торпедоносцев. Комфлота потребовал усилить охранение транспортов с эвакуируемыми. И сегодня санитарный транспорт «Белосток»

ушел в охранении эсминца «Фрунзе», хотя корабль позарез был нужен нам для боя с вражеской пехотой.

Шишенин отменил на сегодня встречу у него и направил меня в штаб Восточного сектора для организации артиллерийского огня ночью. С темнотой я уже был на новом КП сектора. У начальника штаба Захарченко собрались начальник оперативного отделения Сысоев, начарт Золотов и наш флагарт Филиппов. По оценке Захарченко, наиболее опасными направлениями по-прежнему оставались: прибрежное, к мысу Е, на участке Погранполка, и в Межлиманье – на Пересыпь. Согласовали, что Погранполк будут по-прежнему поддерживать «Червона Украина», «Незаможник» и новый эсминец «Беспощадный». В Межлиманье остаются «Сообразительный» и «Дзержинский». На обоих направлениях действуют южные батареи майора Денненбурга. Другие полки поддерживают три корабля.

На сухопутном фронте вдруг наступила непривычная тишина. Она поражала. Что бы это значило? У командира сектора комбрига Монахова собрались комиссар сектора бригадный комиссар ЕМ. Аксельрод, командиры и комиссары всех пяти полков: Морского – Осипов и Митраков, 54-го – Матусевич и Мальцев, Пограничного – Кудряшов и Гаврилов, кавполка – Блинов, артиллерийского – Шмельков. Они использовали затишье, чтобы обменяться мнениями по обстановке, согласовать действия на следующий день. Положение серьезное, отступать некуда – за спиной слышны всплески черноморских волн. На совещание прибыли Жуков, Воронин и Софронов, а вслед – Левченко и Кулаков.

Командиры и комиссары полков доложили, что во второй половине дня противник несколько ослабил нажим и впервые за две недели с вечера не атаковал, похоже, что выдыхается. Приятно было слышать положительные отзывы об отрядах севастопольских добровольцев, корпостах, поддержке морской артиллерии и авиации. Флагарт Филиппов доложил о распределении кораблей по полкам. Жуков приказал кораблям всю ночь вести огонь по позициям противника, сорвать его подготовку к завтрашнему наступлению. Командарм сообщил, что утром, с приходом маршевых батальонов, выделит сектору тысячу штыков. Комбриг Монахов поставил задачи полкам. Затем командование разъехалось по полкам. Предстояло встретиться с командирами и комиссарами батальонов – завтра решающий день.

Кулишов и Дитятковский день провели на батареях, засветло ушли катером на рейд. Разъясняли сложность сухопутной

обстановки, поставили кораблям задачи на завтра.

Всю ночь восемь кораблей, артдивизион Денненбурга, полевая артиллерия вели огонь. Целеуказания давали командиры полков через корпосты. С рейда доносился грохот корабельных залпов, через город проносились снаряды батарей Никитенко и Шкирмана.

1 сентября.

Фарватер от Одессы к Тендре идет вдоль побережья, начиная от мыса Е и Фонтанки, на котором стоят батареи противника. Теперь он под вражеским огнем.

Сегодня конвой задержался в пути и с рассветом попал под сосредоточенный огонь батарей противника. Пришлось его прикрывать дымзавесой, а батареи подавлять. Разгорелся жаркий бой. Артиллеристы противника еще накануне пристрелялись по воротам порта и теперь довольно метко посылали свои снаряды.

На «Березине» (капитан А.К. Кравченко) и «Василии Чапаеве» (капитан В.В. Анистратенко) доставлены боеприпасы. Пока их разгружали, командир ОВРа Давыдов и флагхим Букач задымляли порт. «Сообразительный» и «Червона Украина» вели огонь на подавление вражеских батарей.

«Армения», сопровождаемая «охотниками» старших лейтенантов П. Дорожена и В. Бондарева, доставила 2 тысячи бойцов на пополнение. Противник обстрелял их еще в море, затем при входе в порт и у причала. А из порта они уходили уже под ударами авиации.

За три дня флот и пароходство доставили на шести быстроходных транспортах 10 тысяч человек с оружием. Это огромная помощь осажденной Одессе.

В связи с занятием противником побережья почти до мыса Е район маневрирования кораблей резко сократился. Они сгрудились на пятачке Одесского залива и внешнего рейда. От вражеской артиллерии не стало покоя и на рейде, и на фарватере. Сообщение порт – город совсем стало опасным. И тем, у кого не было крайней нужды, мы настойчиво рекомендовали туда не ездить.

В охранении транспортов пришли эсминец и два тральщика. Корабли эскадры мы снабдили единой документацией связи с корпостами. Поэтому «Беспощадный» с ходу без инструктажа отправился на позицию. И сейчас в Восточном секторе ведут бой 7 кораблей. А тральщики В. Паевского и В. Гернгросса ушли на разведтраление запасного фарватера.

Сегодня на тральщике прибыл новый начальник оперативного отделения штаба базы капитан 3-го ранга ГС. Бабурин. Ранее Георгий Степанович был начальником штаба

Николаевской ВМБ. Он обстрелянный воин, можно полагаться на него.

Противник в Восточном секторе с утра начал наступление всеми наличными силами. Но что-то не тот нажим. Что-то надломилось во вражеской военной машине. Звоню Осипову и Кудряшову. Оба подтверждают: «Сегодня противник не тот и атаки его не те, что накануне. Рубежи держим надежно».

Наши полки, получив подкрепление, отбили все атаки противника и отстояли занимаемые рубежи. А в Межлиманье уже совсем хорошо. Звонит командир базового корпоста Н. Страков с Жеваховой горы:

– На наш КП прибыли Жуков и Воронин, поднялись на стог сена, осматривают передовую. Разговаривали с командиром батальона 54-го полка старшим лейтенантом Волошко. Он заверил адмирала, что не будет больше отходов, некуда отступать. Обещал вернуть потерянное вчера, для чего переходит в контратаку Адмирал приказал перенацелить ему в поддержку третий эсминец – «Беспощадный».

В ночной оперсводке штаба ООР прочтем: «3-й батальон 54-го полка к 16.00 овладел рубежом отметка 66,3 – Протопоповка».

В последующие два дня Протопоповка будет переходить из рук в руки. В конце концов Волошко с приданными подразделениями и при поддержке кораблей закрепится там, а через неделю прихватит еще и Прицеповку. Комбат Волошко доказал, что можно не только удерживать рубежи, но и гнать врага. За героизм и мастерство, проявленные в этих боях, Павел Карпович Волошко Указом Президиума Верховного Совета СССР был удостоен ордена Красного Знамени.

К исходу дня в Восточном секторе наступило затишье. Командиры полков доложили, что противник окапывается, а в районе Фонтанки сооружает проволочные заграждения. Видимо, выдохся. Через день начальник разведотдела армии Потапов прояснит, что в дивизиях противника, находящихся в Восточном секторе, некомплект в людях 50 процентов.

Под напором превосходящих сил противника наши части в Восточном секторе долго отходили – больше недели, потеряли большую территорию – от Григорьевки и Александровки до Фонтанки на правом фланге, а на левом, в Межлиманье, – от Ильинки до Поваров. На протяжении восьми суток Пограничный полк пятился 13 километров. Но не дрогнул, не побежал. Потеряв 31 августа Фонтанку и будучи прижат к мысу Е, ухватился за высоту 47,4 и закрепился. Устоял. В Межлиманье батальон Запасного полка, пулеметная рота и подоспевший им на выручку батальон Волошко из 54-го полка отшагали в тыл свои горестные

14 километров, политых кровью, но на подступах к Пересыпи того же 31 августа остановили врага.

А затем погнали его вспять. И теснили десять дней, пока не закрепились на рубеже, затруднявшем врагу обстрел порта. Кризис в обороне Одессы был преодолен.

А кризисными (в той или иной степени) были все восемь дней с 24 августа, когда 54-й полк оставил Гильдендорф, и до 31 августа, когда опасность прорыва врага к Пересыпи стала реальной по всему фронту. Своего апогея кризис достиг 30 и 31 августа, когда противник едва не смял части Восточного сектора и чуть не дотянулся до мыса Е и Пересыпи.

Бытует мнение, что этот кризис касался только Восточного сектора и якобы не мог отразиться на всей обороне. Это, мягко говоря, непонимание оперативной значимости восточного направления, как наиболее опасного для Одессы, и незнание топографии местности. И это мнение не согласуется с оценками штабов Приморской армии и базы, оборонявших Одессу. Последние два дня августа в Восточном секторе были самыми трудными для наших частей. Дальнейшее продвижение противника означало бы конец обороны, так как захват мыса Е вел к разрушению и блокаде порта артиллерией, прекращению питания армии. При захвате порта от него отсекались и окружались все войска армии и части базы. Ни до, ни после подобной угрозы обороне города не было, хотя опасных ситуаций случалось немало. И Ставка Верховного Главнокомандования в скором времени даст свежую дивизию целевым назначением выправить положение прежде всего на восточном направлении, откуда постоянно шла и оставалась наибольшей угроза городу. Н.И. Крылов в последующем напишет в воспоминаниях, что потеря мыса Е поставила бы армию в тяжелейшее положение, дав врагу позицию для прицельного обстрела причалов; восточное направление могло стать направлением главного удара на Одессу между Куяльницким лиманом и морем; при всей напряженности обстановки в Западном и Южном секторах у штаба армии крепла уверенность, что войска удержат там новые рубежи; хуже было в Восточном секторе, где не хватало сил. Назвав 28 и 29 августа критическими днями, – когда за нами еще была Вопнярка на берегу Большого Аджалыкского лимана, Н.И. Крылов напишет, что дальнейшее продвижение противника в Восточном секторе грозило непоправимыми последствиями для всей одесской обороны.

Попытка противника прорваться в Одессу через Пересыпь была отбита. Дорого стоило остановить врага, но он был остановлен. И эти чувства Николай Иванович высказал мне, когда

я вечером 1 сентября прибыл к нему согласовать наши действия на завтра:

– Кажется мы пережили самое страшное, что могло произойти вчера и позавчера. Создавалась угроза всей обороне Одессы, если бы враг прорвался на Пересыпь и к мысу Е.

Школа мужества

Осажденная Одесса в лето сорок первого стала большой школой мужества для всех сражавшихся за нее и, как писала «Правда», «изумительным по силе проявлением массового бесстрашия»[30]. В последних боях враг понес большие потери. Но и нашим частям было трудно. Ежедневно выбывало из строя до 1300 раненых. В госпиталях тяжелораненых, подлежащих эвакуации на Кавказ, насчитывалось четыре тысячи человек. Хотя мы и потеряли большую территорию, но не бежали, а отходили с контратаками и закреплялись на рубежах.

В Восточном секторе полегчало, и было решено крейсер «Червона Украина» отпустить в Севастополь. На нем уходил член Военного совета флота Кулаков. Заместитель наркома ВМФ Левченко оставался с нами в ожидании прихода комфлота. В штаб базы прибыл попрощаться комбриг крейсеров Горшков.

Видно по всему, он доволен, что оказался в Одессе в самый трудный период ее обороны. Вчера он сам видел с мостика крейсера, как противник захватил Фонтанку, и на себе испытал обстрелы неприятельских батарей. Глянув на мою карту, сокрушался: враг близко придвинулся к городу Корабли приходят и уходят, а воины армии и базы постоянно в боях. С них брали пример экипажи кораблей, приходивших из Севастополя. Для них Одесса – хорошая школа мужества.

Мы распрощались с Сергеем Георгиевичем. Он еще будет под Одессой, у Григорьевки, с десантом, но встретимся мы только в 1943 году.

Конечно, четыре дня – срок небольшой, но «Червона Украина» сильно подтянулась. Это видно было по результатам стрельб, отзывам командиров полков, докладам корпостов и по неуловимым для корабельных командиров признакам поведения и состояния войск, которых они поддерживали. Крейсер всего четыре месяца плавает после двухлетнего ремонта. Поэтому вначале были и неточная стрельба, и задержка с открытием огня. На корабле даже составлялась радиограмма командиру базы о невозможности вести огонь по войскам противника – мешают его батареи. Но комиссар бригады С.С. Прокофьев и комиссар крейсера В. А. Мартынов провели большую работу по сплочению экипажа, повышению его боевого мастерства. И добились успеха. Комбриг Горшков донес Кулишову о том, что командир крейсера освоился в сложной обстановке в Одессе, повысились мастерство и боевитость людей. И комиссары на высоте: они не отвлеченно занимаются политработой, а конкретно – требуют строжайшего

выполнения приказов начальника. Экипаж крейсера научился искусно отбиваться от авиации и батарей и поражать пехоту противника. Это с его помощью выстоял 5-й кавполк, а сегодня Погранполк окончательно закрепился на последнем, прямо у воды, рубеже. В этом большая заслуга корабля.

На крейсере многое держалось на старпоме капитане 3-го ранга В.А. Пархоменко. Он артиллерист. В его руках боевая организация и боевая подготовка. Удачно подобрались и ведущие командиры. В их числе были В. Федюшко, А. Трифонов, И. Воловик, А. Давидюк, Н. Сергиевский. На стрельбах отличились орудийные расчеты старшин Деревенца и Бурдаки. На передовой отважно вели себя матросы корпоста во главе со старшим лейтенантом Рабиновичем и лейтенантом Синицыным. Когда корпост вернулся на корабль, экипаж их встретил как героев: видели врага своими глазами, вели огонь по нему из личного оружия.

Артиллерист крейсера В.А. Федюшко оказался творчески мыслящим человеком. Он разделил корабельную артиллерию, чтобы вести огонь по двум целям одновременно, и штаб базы выделил ему второй корпост.

Благотворное влияние на боевое становление крейсера оказало личное присутствие на корабле комбрига крейсеров С.Г. Горшкова. Он помог командиру корабля Н.Е. Басистому и всему экипажу быстрее освоиться с одесской обстановкой, повысить мастерство, укрепить стойкость.

На «Червону Украину» погрузили тысячу раненых, ценности Госбанка и проводили крейсер вечером 1 сентября.

Эсминец «Сообразительный» сражается на ответственном направлении – он поддерживает батальоны в Межлиманье. Его командир Сергей Борков молодой, а уже выработал свой почерк. Он не нагнетает обстановку, не просит о помощи, понимая, что всем тяжело и нет резервов. Корпост эсминца в Межлиманье все время под минометным и ружейно-пулеметным огнем. Лейтенант Э. Толейкис, чтобы не терять контакт с противником и видеть разрывы снарядов своего корабля, все время в первой линии, вместе с пехотными командирами. Командир 3-го батальона 54-го полка П.К. Волошко, посылая отзыв командиру эсминца С.С. Воркову и артиллеристу корабля Г. К. Кириченко, отметил мастерство и отвагу корпоста.

Рядом с «Сообразительным» огонь ведет эсминец «Беспощадный». На нем выделяются орудийные расчеты старшин Рыбакова и Сехниашвили. Хорошо справляются со своими обязанностями главный старшина Рудич и радист А. Соловьев, артиллеристы В. Ярмак и В. Клименко.

Одесская обстановка воспитывала не только рядовых. Она помогала формировать стойких и находчивых командиров и комиссаров, вырабатывала у них качества, необходимые на войне. Этими качествами в полной мере обладали командиры кораблей Одесской базы, с которыми мы вступили в бой с первых дней обороны: К.П. Валюх, Г.В. Катунцевский, П.М. Покровский, Н.А. Кадыгробов, П.И. Державин, Г.И. Гнатенко; комиссары М.А. Серов, П.Н. Денисенко, Н.И. Епопешников. У нас тогда превыше всего ценилось мужество. Вот они его и утверждали среди подчиненных.

Ворков и Негода писали в воспоминаниях и отчетах: когда корабль эскадры возвращался из Одессы, корабли в севастопольских бухтах поднимали флажные сигналы: «Поздравляем с благополучным возвращением». Значит, было за что поздравлять. Одесские корабли не имели удовольствия читать такие приветствия, так как постоянно находились на боевых позициях, а сама Одесская гавань была настолько неуютной, что тех, кто находился в ней, самих можно было поздравлять за удачи каждого дня.

Восторгаясь героизмом летчиков, пограничников, воинов стрелковых полков, батарей и кораблей, я все же чаще обращаюсь за примерами в Морской полк. Его бойцы отличались стойкостью в обороне, решительностью в контратаках. Да и знал я его больше других.

В полку воевал интересный человек – капитан Алексей Степанович Ламзин. Скромный и тихий в повседневной жизни, он был яростным воином в бою. Когда-то он служил в береговой артиллерии, но потом уволился в запас по болезни и обосновался на хуторе Садки, что у станицы Михайловской на Хопре, с женой Анной Сергеевной и приемной дочерью. Перед войной его призвали на сборы в Одесскую базу. Там Ламзина и застала война. Начали формировать 1-й морской полк. Его назначили командиром роты. Приехал я в полк, а комроты без оружия. Снял я свой пистолет ТТ и вручил ему. Тогда всех штабистов обезоружили.

Вскоре раскрылся талант Ламзина как инициативного пехотного командира. Его имя часто упоминалось в боевых донесениях. К этому даже привыкли. Но один бой его роты поразил нас всех. На позицию роты двигались пехота и танки. Бойцы смело вступили с ними в бой и бутылками с горючей смесью подожгли два танка. Остальные стали обходить роту. Наше подразделение оказалось в окружении. Ламзин не стал отходить и пробиваться к своим. Он организовал круговую оборону. Огнем и гранатами рота истребила более двухсот

вражеских солдат. Противник залег в нескошенной пшенице. Тогда командир бросился с ротой в атаку и прорвал кольцо окружения. Казалось бы, чего еще? Двигаться к своим. Но не таков коммунист Ламзин: врагов надо убивать, и как можно больше. Он, захватив инициативу, решил окружить подразделение противника и поджечь пшеницу. Когда вражеские солдаты от огня и дыма побежали, по ним открыли огонь. Вражеское подразделение было уничтожено. После этого Ламзин без существенных потерь вывел роту к своему батальону.

Командующий ООР Жуков и член Военного совета Воронин представили героя к награде. В сентябре 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Алексей Степанович Ламзин был награжден орденом Ленина.

Ламзин закончил войну в Венгрии, имея на груди два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны и орден Красной Звезды. Военные перегрузки отразились на его здоровье. У Алексея Степановича Ламзина не выдержало сердце, хотя ему еще жить бы и жить.

Морской полк часто дрался в окружении и с открытыми флангами. Сказывались и местные условия: большие площади неубранной пшеницы, кукуруза, лесополосы. Особенно кукуруза – вымахала до 3 метров, всадник въедет в нее, и не видно.

Тысячи гектаров кукурузы. Попробуй в таком лесу воспрепятствовать проникновению врага в тыл.

Окружение – мерзкая штука. Но если командиры и бойцы не растеряются, из любого положения можно выйти, нанеся урон противнику. Так произошло с батальоном старшего лейтенанта С.В. Миронюка – он вышел победителем в бою с целым полком, за что был удостоен ордена Красного Знамени.

За Одессу сражались представители многих народов нашей страны. В составе базы воевало немало славных сынов Грузии. Мне запомнился Дмитрий Оболадзе, родом из Ткибули. В боях за Одессу и Севастополь он был ранен пять раз. У него на груди два ордена Красного Знамени. Добрую память о себе оставил Шота Абашидзе, командир орудия 21-й батареи. Потом он командовал отделением морской пехоты, взводом. В сражении за Одессу и Севастополь был дважды ранен, награжден орденом. Уже офицером сражался за Крым, ходил в освободительный поход на Балканы, воевал на Тихоокеанском флоте. Ныне работает в Грузинской академии наук. Матрос Константин Мелаурадзе за храбрость в боях под Одессой был награжден орденом Красного Знамени. Смертью храбрых пали в те жаркие военные дни разведчик Константин Майсурадзе и зенитчик Сограт Кокиладзе.

Одессу защищали грузины Герантий Лаферандзе, Юсуп

Бабалашвили, Тарас Бахуташвили, Минаго Кублашвили, Лавроси Бочоришвили, Давид Шанидзе, Григорий Рижамадзе, Геннадий Бочоришвили, Новел Георгадзе, Михаил Джишкариани, Давид Бочоришвили, Бидзина Сирадзе, Георгий Лебанидзе, Варлам Патаридзе, Михаил Бакрадзе. В основном это воины, призванные из Ткибульского района. Многие из них и сейчас там живут. Отважно действовали бойцы и других национальностей. О многих уже рассказано выше.

Доброе слово хочется сказать о связистах военно-морской базы. Мощные приемные и передающие радиоцентры, радиостанции штабов соединений, кораблей, батарей, береговых постов наблюдения, маяков, корректировочных постов, подземные и подводные кабели, наземные линии, воздушные летучки, времянки… На все это падали бомбы, снаряды, мины. Что-то обязательно рушилось, ломалось, рвалось. Надо было быстро восстанавливать повреждения.

Хорошо вели свое сложное хозяйство начальник связи базы Б.А. Баратов и его ближайшие помощники – майор П.А. Затонский, старший лейтенант П.И. Деев, старший политрук Н.Ф. Костюченко, старший лейтенант А.К. Слепченко. Сколько раз задень они получали лаконичное: «Повреждение на такой-то линии. Восстановить связь». И очередное подразделение выезжало на участок, где как раз шел жаркий бой, и устраняло повреждение. Мне запомнились несколько эпизодов из боевой жизни связистов.

На устранение обрыва линии связи выехал командир роты Слепченко с группой матросов. Повреждение оказалось в районе дислокации морской зенитной батареи. Только подъехали – новый налет авиации, попадание в батарею. Замолкли пушки. Связист Николай Войтенко, а за ним Мириан Порчхидзе и другие бросились к пушкам, оказали помощь наводчикам, и те заняли свои места у орудий. И батарея возобновила огонь. Был сбит самолет противника. За смелость и находчивость Николай Петрович Войтенко был удостоен ордена Красной Звезды, а Мириан Порчхидзе – медали «За боевые заслуги».

В составе корпоста находилась группа связистов под командованием главстаршины Прони. Огонь по вражеским позициям вела канлодка «Красный Аджаристан», находясь близко у берега. Надо было передать приказание: «Прекратить огонь». Но рация вышла из строя. Звонить в штаб, а оттуда по радио на корабль – займет много времени. Наступала темнота. И вот матрос Нечаев вызвался вплавь доставить приказание на корабль. Бросился в воду. Ориентируясь по вспышкам выстрелов, он доплыл до корабля и передал распоряжение. Алексей Федорович

Нечаев за свой подвиг был награжден орденом Красной Звезды. В боях за Одессу хорошо проявили себя связисты Бетюцкий, Катульский, Мерликов, Протасов, Романцов, Чариков, Чухлебов.

В боевых порядках пехоты постоянно находились начальники связи морских артдивизионов старшие лейтенанты И. Адамов и Г. Шевчук. Они обеспечивали устойчивую связь корпостов и батарей.

И по сей день ветераны теплыми словами вспоминают наших добрых медиков. Сколько они спасли воинов – вынесли с поля боя, выходили, вернули жизнь, восстановили здоровье, ввели в строй! И в этом их большая заслуга.

Особое место в этом ряду занимает медицинская сестра, сестра милосердия, помощник раненых воинов. На поле боя она – главный медик. Рядом врачей нет, при сложном ранении высококвалифицированного совета не получишь. Сама должна многое знать и уметь, хорошо ориентироваться и действовать быстро. Отважно, умело орудует сестра в бою, безошибочно решает, когда, кому и как помочь. Она не побежит к тому, кто кричит, зовет на помощь, – значит, силы у него еще есть, он потерпит. К нему – потом, а сначала – к тому, кто еле дышит, молчит, в шоке. Вот она, практика полевой хирургии!

Помнят те, кого зацепила пуля или осколок, имена одесских сестер: Е.С. Онищук, Т.А. Юхневич, Н.Б. Ройт, О.К. Малец, Н.В. Матвеева, Т.Г. Царева, М.Т. Ерохина, Л.Л. Запорожец, А.А. Чурикова. Да разве всех перечислишь, их сотни были у нас. И все отважные продолжательницы славных традиций первой в мире сестры милосердия Даши Севастопольской. А Даша Александрова навсегда вошла в историю нашей страны своим ратным подвигом[31].

Медсестра Вера Ефимовна Козаченко заканчивала очередную перевязку раненых, когда вражеское подразделение наскочило на них с криками: «Русс, сдавайс!» Раненые матросы не растерялись, забросали вражеских солдат гранатами. Подошла машина, увезла раненых, а Вера поползла к окопам.

Военврач Нина Петровна Кострубей оказывала помощь раненым прямо на передовой. При той подвижности фронта, какая была у нас, она оказалась с ранеными в окружении. Не растерялась эта храбрая женщина. Она организовала круговую оборону. И отбивались они до тех пор, пока на помощь не подошли матросы. Они и вынесли раненых из окружения.

Очень трудно приходилось и работавшим в госпитале. Сложнейшие хирургические операции шли часто при безводье, под разрывами бомб и снарядов. Именно в таких условиях работал наш знатный хирург Вениамин Иванович Иванов. Многих

вернули в строй, на фронт наши добрые медики, и среди них П.И. Соколов, В.В. Шарутина, которыми искусно управляли военврачи 1-го ранга С.И. Доброхотов и С.Н. Харитонов (а до них и после – В.М. Матвеев и А.П. Бажинов).

На Одесском фронте лихо воевали и наши шоферы, выполняя боевые задания. Под неприятельским огнем они доставляли на передовую боеприпасы. В числе отличившихся были водители Рымарев, Ефремов, Шалимов.

На фронте все военные профессии нужны. Но основная – стрелок, пехотинец. А легенд больше всего вокруг разведчиков.

Многие рвались в разведку. Отчаянными разведчиками у нас были матросы Злобин, Коваль, Мошков, Романенко, Тарасов, Усинов. Не раз они приводили «языка». Но особой сноровкой отличались матросы А.К. Егорков и В.Г. Просвиркин. Бывало, что «язык» сопротивлялся, и с ним кончали на месте. Забрав документы, прокладывали обратный путь огнем и гранатами. За подвиги в тылу врага оба разведчика были награждены орденами Красного Знамени.

Славой непревзойденного разведчика в Одессе пользовался сержант А.А. Нечипоренко, коммунист, секретарь комсомольской организации подвижного морского артдивизиона. Он родом из села Терехи на Киевщине, из учителей. Боец высокой идейной убежденности. Депутат Одесского областного Совета депутатов трудящихся. Началась война, и он сам попросился в разведку. Его назначили командиром отделения, в котором состояли разведчики М. Колодин, А. Подковка, Л. Коваленко, В. Сытник, В. Зенин.

Начали с того, что проникали во вражеский тыл и оттуда корректировали огонь своих батарей. Потом вошли во вкус и начали совершать дерзкие вылазки. Однажды уничтожили пулеметную точку и захватили оружие. В другой раз забросали гранатами минометную батарею. А однажды А. Подковка убил вражеского офицера и забрал его документы.

Узнав о действиях морских разведчиков, генерал Петров одобрил инициативу и распорядился давать им задания на серьезные вылазки, прежде всего на охоту за вражескими офицерами. И теперь Нечипоренко, Колодин, Подковка, Коваленко приступили к этой ответственной работе. Не детализируя их действий, скажу, что комдив-25 наградил Нечипоренко часами за личную отвагу и находчивость.

В один из последних дней августа утром звонит начштаба дивизиона И.Я. Солуянов и докладывает:

– У нас ЧП. Из-за линии фронта на лошадях прискакал Нечипоренко и притащил вражескую малокалиберную пушку,

отбитую у гитлеровцев. На полном скаку под сильным огнем прорвался через вражеские позиции.

Бывают такие сообщения, от которых перехватывает дыхание. Мы не сразу поняли, а потом какое-то время осмысливали сообщение, настолько оно ошеломило нас. Кулишов доложил Жукову, а тот приказал:

– Представить Нечипоренко к высшей награде.

Яблонский и Солуянов прислали донесение о подвиге Нечипоренко. Но лучше – словами М.И. Колодина. Он писал мне: «Мы начали постоянно выполнять задания командира Чапаевской дивизии по разведке. “Языков” и планшеты, снятые с убитых нами вражеских офицеров, сдавали в штаб дивизии, а трофейное оружие – в тыл базы. А в ту памятную вылазку произошло такое, что людям трудно поверить. Мы уже возвращались с задания и наткнулись на вражеских солдат. В завязавшейся схватке с ними Нечипоренко задержался, а я с Подковкой долго искали его. Но к рассвету вынуждены были перейти линию фронта, посчитали, что Саша погиб. И вдруг видим – он скачет на лошадях, запряженных в пушку. По его рассказу, после того как он оторвался от нас, он часто натыкался на вражеских солдат и удачно уклонялся от них, прячась в кукурузе и лесопосадках. Под утро увидел, что гитлеровцы устанавливают небольшие пушки. Значит, линия фронта близко, и направление к ней обозначено стволами пушек. Рядом оказалась упряжка с пушкой. Мгновенно созрело решение угнать ее. Нечипоренко забросал позицию гранатами, а сам вскочил на коня и на полном карьере через фронт пригнал пушку с боеприпасами».

«Правда», публикуя 17 сентября 1941 года Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении А. А. Нечипоренко орденом Ленина, описала его подвиги и особо отметила: «Александр Нечипоренко – храбрейший разведчик, не теряющийся в самой сложной обстановке». Он отличался редкостной удалью, неподражаемой изворотливостью и мгновенной изобретательностью.

В одной из вылазок погиб его друг Александр Подковка, и награда ему была посмертной. Умер от ран другой соратник разведчика – Леонид Коваленко. Михаил Иванович Колодин за героизм в тылу врага был награжден орденом Красного Знамени. Потом он воевал на Азовской флотилии, был ранен, снова награжден. Сейчас живет в Донбассе.

Александр Нечипоренко стал политработником и продолжал ходить в разведку. В разведке он и погиб в 1942 году под Таганрогом. В Одессе, в аллее Славы парка имени Шевченко, память героя войны Александра Алексеевича Нечипоренко

увековечена мемориальной доской.

Не знаю, может, я сверх меры пристрастен к своему народу, но каждый раз, узнавая о подвиге наших воинов или сам наблюдая их героические поступки, задавал себе вонросы: какая волшебная сила питает их чудотворным эликсиром? Откуда берется у них такая стойкая живучесть? И отвечал себе: конечно, все это идет от нашего образа жизни, от нашей идейной убежденности. Гитлер и германский фашизм, нападая на Советский Союз, рассчитывали на непрочность нашего государства. Но вот они, первые осечки врага, в том числе и под Одессой.

Еще полным ходом шла разгрузка боеприпасов, а у судов – очереди отъезжающих. По трапам понесли раненых, двинулись женщины с детьми и узлами домашних вещей. С заходом солнца суда уйдут. Но начинаются очередная бомбежка, артобстрел. При каждом взрыве дети жмутся к матерям. Раненые беспокоятся, это видно по их напряженным лицам. Их тяготит беспомощность, но они не подают вида. Но самый стоический народ здесь – сестры милосердия. Вот уж подвижницы! Им самим тошно, но не думают о себе, некогда – на попечении сотни раненых.

В горле стоял комок, когда нам приходилось проявлять твердость и душевную гибкость, чтобы не дать обезумевшей от горя матери забрать с собой мертвого или тяжело раненного ребенка, которому требовалась экстренная операция. А у нее на руках оказывались еще дети и престарелые родители. Не всякому под силу было смотреть на это безысходное горе. Опаленные войной фронтовики из команд выздоравливающих, сопровождавшие до судна отъезжавших раненых, поспешно покидали порт, едва закончив поручение. Слабонервным присутствие в этой ситуации было противопоказано.

В те дни штаб флота прислал нам отряд шхун под командованием капитан-лейтенанта В.И. Корнеева для эвакуации населения в ближайшие от нас порты. Вернувшись, Корнеев доложил о бедственном положении женщин и детей, попавших в эти не приспособленные для приема эвакуируемых пункты. С ведома Кулишова я отменил эти направления, с чем согласилась и городская комиссия по эвакуации. Мы продолжили эвакуацию на Кавказ.

За кризисную неделю боев мы отправили на Кавказ на 14 судах и 8 боевых кораблях 35 тысяч раненых, женщин и детей. За два дня на трех теплоходах отправили 8 тысяч. Через день «Днепр» и «Чапаев» увезут еще 6 тысяч. И каждому судну надо дать сильное охранение.

Сегодня, 2 сентября, на «Крыме», «Армении» и «Василии

Чапаеве» уходят 7 тысяч человек[32]. Кого назначить в охранение? Все корабли втянулись в бои и ведут непрерывный огонь. Только вчера, памятуя предупреждение Октябрьского об усилении охранения судов с пассажирами в связи с появлением вражеских самолетов-торпедоносцев, Жуков вел разговор с Кулишовым и мной. Говорил: головой отвечаете за отправляемые конвои. Да я и сам понимал ответственность. И чтобы беды не случилось, несмотря на потребность пехоты в огне, снимал с артподдержки эсминцы «Сообразительный» и «Беспощадный» для конвоирования судов, – у них сильная зенитная артиллерия.

Вы думаете, на это было легко решиться? Вчера отпустили крейсер, отправили в Севастополь на ремонт корабли «Шаумян» и «Красный Аджаристан», а теперь еще два корабля надо снимать. А если противник возобновит штурм и прорвется к порту? Чем будем отбиваться? А что скажет армейское командование о намерении оголить правый фланг? Ведь только вчера Крылов говорил, что замысел противника насчет восточного направления теперь слишком очевиден и враг может в любой день возобновить попытку прорваться к порту

К тому же никогда со дня сотворения первой морской посудины палуба не была безопаснее земли, даже если земля горела. Палуба в войну – самое зыбкое устройство. Удар по ней уносит сразу много жизней.

Многие читали, видели на экранах, как фашистские самолеты бомбили пассажирские и санитарные поезда. Тяжко. Но это на земле. Остановился поезд – отполз в сторону, припал к земле, и она тебя защитит. В море в таких случаях совсем иначе.

В июле ушел из Одессы транспорт с женщинами и детьми. В районе Севастополя он затонул. Спаслись немногие, сильные.

Вызываю флагарта Филиппова и объявляю ему о своем намерении усилить охранение отправляемых транспортов.

– Пощадите, с чем вы оставляете меня? – взмолился он.

Да, он отвечает только за огневую поддержку пехоты. Пытаюсь его успокоить:

– У вас две канлодки, эсминец, и дадим еще крейсер «Коминтерн» и сторожевой корабль «Кубань». Но надо в целости доставить на Кавказ тысячи беспомощных.

Филиппов согласился. Начштарм Крылов и командующий артиллерией Рыжи были сражены моим намерением. Николай Иванович вообще сдержан и тактичен, а сейчас налился кровью и заговорил резко:

– Вы, товарищ Деревянно, за эти полдня оторвались от сухопутного фронта. Три часа назад противник крупными силами ударил в стык Морского и Пограничного полков и вклинился в

нашу оборону, продвинулся на километр. Это в районе злополучной высоты 53,0, с которой 30-го враг проскочил на 21 – ю батарею. Может все повториться. Фланги полков открыты, и их нечем сомкнуть. Резервов нет. А вы своим предложением вроде второго удара по командованию армии. – Сказал и осекся, чувствуя, что переборщил сгоряча.

Я молчал: хотел дать Крылову время свыкнуться с мыслью, что эсминцы все-таки уйдут. Взорвался Филиппов. С ним бывало такое. Путиловский рабочий, матрос, участник Февральской и Октябрьской революций, охранявший Ленина в Смольном, участник Гражданской войны, он заговорил возбужденно:

– Но это вы неудачно, товарищ Крылов, выразились. Вы просто не представляете, какая угроза появилась на море – торпедоносная авиация. А на судах тысячи беспомощных…

Не ожидал от Филиппова такого хода. Ведь только полчаса назад я его самого уговаривал.

– Идемте к командарму, – предложил Крылов.

Выслушав нас, Софронов ушел к Жукову.

Тревога за людей на море подавила мои сухопутные страхи, и я внес предложение командиру базы о формировании конвоев и плана огня на завтра. Он в раздумье ответил:

– Мы очень рискуем, снимая с фронта сразу два новых эсминца.

Кулишов позвонил Жукову. А тот в ответе и за сушу, и за море. Решение сразу не принял – ждать. Собрался Военный совет. Воронин был за то, чтобы задержать оба эсминца на сутки. Колыбанов, как узнал, какой «груз» на судах, заявил, что полагается на решение Жукова. А тот, заслушав Иванова, резюмировал: командиру базы действовать самостоятельно, обеспечив поддержку пехоты.

Хотя это и соломоново решение, мне только это и требовалось. И я настойчиво повторил: только новые эсминцы в конвои.

Честно признаюсь, не только расчетами подкрепил эту необходимость, но и психологически повлиял на командира, прямо заявив ему: если будет торпедировано судно с такими пассажирами, нам обоим не сносить головы.

Кулишову потребовалось мобилизовать все свое мужество, чтобы согласиться с моим предложением назначить командирами конвоев Боркова, Негоду и нашего комдива Гнатенко с четырьмя «охотниками». Эсминцы были немедленно отозваны с позиций. На конференции командиров и капитанов, которую я проводил, был дан подробный инструктаж по вопросу уклонения от торпедоносцев и торпед, отражения атак огнем.

С наступлением темноты конвои вышли. Отразив атаки самолетов, они благополучно прибыли в кавказские порты.

Вместо эсминцев на позиции были высланы «Коминтерн» и сторожевой корабль «Кубань», которым командовал старший лейтенант И.А. Кожухарь, а артиллеристом был лейтенант Л.И. Сыркин. Оба они уже повоевали под Очаковом и Одессой. Пять кораблей поддерживали части в Восточном секторе и помогали в Межлиманье держать Протопоповку. Несколько позже они содействовали в освобождении Прицеповки.

Пока мы на Одесском фронте предпринимали отчаянные усилия по удержанию и закреплению новых рубежей, на других фронтах произошли существенные изменения, резко ухудшившие положение Красной Армии, а с ней и Военно-Морского Флота. Из информации, полученной адмиралом Левченко из Главморштаба, стало известно, что 28 августа закончилась трехнедельная оборона Таллина. Части 10-го корпуса и Балтийского флота, оборонявшие город, эвакуированы в Кронштадт и Ленинград. На переходе от ударов авиации и на минах погибло много кораблей и транспортов, большие потери в людях. Корабли Балтфлота сосредоточены в районе Кронштадта – Ленинграда. Только подлодки и самолеты прорываются в Балтику. Прибалтика в руках гитлеровцев. Но огненными бастионами стоят и сражаются Моонзундские острова и военно-морская база Ханко. Вражеская группа армий «Север» рвется к Ленинграду.

В центре советско-германского фронта противник продвинулся в направлении Чернигов – Конотоп. Над правым флангом Юго-Западного фронта и защитниками Киева с северо-востока нависла угроза выхода противника в тыл. Болью в сердце отозвалось только что полученное сообщение о форсировании гитлеровскими войсками Днепра в полосе Южного фронта, о захвате ими плацдармов на левом берегу. Это ничего хорошего нам не сулило.

Мы в Одессе надеялись на днепровский рубеж. Это широкая водная преграда, которую преодолеть непросто. И с высоты своего понимания прикидывали: на Днепре – конец отступлению. Здесь создается надежный рубеж обороны, к нему стягиваются необходимые резервы. С него начнется всеобщее наступление, а мы из Одессы, получив усиление, ударим в тыл врагу.

Рухнули наши надежды. Видно, наивности в них было много, и мы мыслили нереальными категориями, не зная возможностей Красной Армии. Ну да что там говорить, многие еще учились воевать, осваивая свои новые посты и обязанности. В этой трудной обстановке Центральный Комитет партии и Ставка Верховного Главнокомандования принимали все меры для

защиты советской земли.

Уроки

Кульминация кризиса в обороне Одессы, вызванного отходом наших войск в Восточном секторе, позади, и мы все осмысливали происшедшее. За восемь суток боев противник оттеснил наши восточные полки на 13 километров и приблизился к порту – до него 10 километров. Досталось это ему дорогой ценой. Начальник разведки армии Потапов оценивал потери противника в 12 тысяч человек.

И снова, как в кинематографе, перед глазами пробегают события. Пограничный полк прижат к мысу Е. Но он при поддержке кораблей и береговых батарей не пустил врага к мысу, с которого порт как на ладони. Под натиском численно превосходившего врага полк отступал полтора десятка километров. Но как? Вражеские танки атаковали пограничников. Офицер, высунувшись из люка, крикнул: «Рус, сдавайс!» Лейтенант И.Ф. Вохмянин ответил: «Большевики не сдаются» – и метнул бутылку с зажигательной смесью в танк. Поджег его, но и сам погиб под гусеницами. Такой же подвиг совершили рядовые пограничники А.Д. Талибов, А.В. Илларионов, Г.М. Ходукин. Ни разу ни одно подразделение Погранполка не побежало – отходили на новые рубежи, бросаясь в контратаки. Иначе и не могло быть – ведь это пограничники. Вся предвоенная суровость их службы ковала стойкие характеры и волю бойцов. Поэтому били они врага зло и беспощадно.

Части Восточного сектора, проявив массовый героизм, остановили впятеро превосходящего противника. Конечно, много воинов полегло, оставили большую территорию. Город оказался под обстрелом. Но войны без жертв не бывает.

Враг далеко не разбит. Надо готовиться к новым, не менее суровым боям. Приказом командующего ООР восточные полки сведены в Одесскую дивизию. Ей через три дня Генштаб присвоит номер 42 Е Морской полк станет 1330-м стрелковым, а Пограничный – 1331-м. Командиром дивизии назначен полковник Коченов Григорий Матвеевич, бывший командир укрепрайона. Генштаб присвоил кавдивизии номер 2,3-му кавполку – номер 20, 5-му – номер 15, а 7-й остался без изменений.

Военный совет ООР дал высокую оценку действиям полков, батарей, кораблей, авиации, сражавшихся в Восточном секторе. Однако сквозь героическое нельзя не видеть излишних потерь, которых можно было избежать, воюя по-современному. Это касалось всех войск, но прежде всего Морского полка и морских добровольческих отрядов. Недостатки в их действиях были

слишком очевидны. И прежде всего, это демаскирующая флотская форма одежды. Уже кое-какие флотские подразделения переоделись в армейскую форму. Первым Осипов подал пример. Он приехал как-то в штаб базы в армейской полевой форме, с портупеей, при оружии, в пилотке, из-под которой выбивался курчавый чуб. И хоть рука на перевязи после ранения – орел, красавец, глаза блестят. А рядом комиссар Митраков. Он не успел переодеться – морская форма в пыли имела жалкий вид.

Флотская форма одежды в полевом бою неудобна. В ней жарко. Она сильно демаскирует. Но попробуй доказать матросу, что ее необходимо сменить на армейскую, защитного цвета. Куда там! Не хотели с ней расставаться.

Бытовало легкое, если не сказать сильнее, отношение к элементарным требованиям общевойскового боя. Маскироваться, применяться к местности, перебегать пригибаясь, да еще ползти, рыть ячейки полного профиля и траншеи – что вы! Это же удел слабых. Матросы в Гражданскую так не воевали и пулям не кланялись. Их неустрашимость известна всему миру и стала легендой. И мы хотим подражать прошлому во всем.

Штаб базы с командирами частей и врачами анализировал потери в полку и отрядах, характер ранений, причины гибели людей. И пришел к выводу: высок процент неоправданных потерь. Напрашивалось необходимое: решительно и немедленно покончить с флотским шиком, навеянным легендами времен Гражданской войны, и учиться воевать по-современному, по всем правилам военного искусства.

Выехали в Морской полк и отряды. Разъясняли, доказывали, наконец потребовали и форму сменить, и маскироваться, и ползать, и окапываться. По форме одежды пошли на компромисс: надеваем защитную, черную сдаем, но полосатую тельняшку – ни за что. Благо, она в обороне не выдает, а в атаке устрашает врага. И все-таки матросы нас перехитрили.

Пилотки получили, а бескозырки на склад не поступили. Когда бойцы поднимались в атаку, гимнастерку и пилотку долой, а бескозырку из-за пояса на голову. Получалась экзотическая форма одежды, но видно было, что это матрос.

Да что говорить, сам Иван Кожанов, наш командующий флотом в 1931–1937 годах, в Гражданскую командовавший знаменитыми кожановскими десантными отрядами Волжско-Каспийской флотилии, плавая у нас на эсминце «Петровский», рассказывал, что никаким приказом он не мог заставить матросов снять демаскирующий черный бушлат. Я, правда, очень подозревал, что сам Кожанов не слишком нажимал на это.

Хуже обстояло дело с маскировкой, перебежками и вообще

сухопутной тактикой. Психологический барьер преодолели быстро. В конце концов, каждому хочется жить, и люди поняли, что нельзя подниматься в атаку за полкилометра и идти в полный рост, что надо умело перебегать, пригибаться, использовать оружие и местность. Но кто научит? И этот вопрос решили. Из первого выпуска армейских курсов командиров взводов направили пятнадцать человек в Морской полк.

Сложнее всего оказалось приучить окапываться. Нельзя сказать, что матросы вообще не окапывались. Морской полк с первого дня обороны занимался инженерными работами. Но дальше окопов дело не пошло. При недостатке сил и средств таким образом оборудованные рубежи удерживать трудно. Требовалась развитая система траншей. А ее не создавали даже кадровые армейские полки. Когда мы в августе 1941 года хлебнули горя с ячейками, сразу вспомнили траншею времен первой мировой, более пригодную в обороне. Начальник инженерной службы армии полковник Г.П. Кедринский вместе с инженерами базы Павловым, Цигуровым и Каменецким под руководством генерала Хренова повели работы по созданию траншей в Восточном секторе, как наиболее важном направлении. Начали с моряков и пограничников. Затем стали отрывать траншеи и в других секторах. Осенью приказом Ставки

Верховного Главнокомандования, а в следующем году уставом траншея была узаконена. Севастополь, к примеру, встречал врага достаточно развитой системой инженерных сооружений полевого типа.

Были у нас случаи малодушия. Из этих фактов делали выводы, совершенствовали методы воспитания мужества у подчиненных. Бой был экзаменатором и по этой части. Большую роль в воспитании стойкости и мужества у бойцов играл личный пример командиров, комиссаров, коммунистов и комсомольцев. Уже тогда мы считали, что психологическая закалка личного состава состоит в том, чтобы, опираясь на боевое мастерство и идеологическую подготовку, привить воину способность преодолевать в бою минутную слабость, вызванную страхом, и с верой в боевое оружие и свое дело идти на подвиг во имя Родины. Основной смысл военно-психологической подготовки сводился к лаконичному практическому требованию войны: научить и научиться подавлять страх.

1 и 2 сентября противник вел непрерывный артогонь по порту. В нем стало еще тяжелее работать. На вечерней встрече с Шишениным и Крыловым я доложил обстановку в порту. Обсудив положение, пришли к выводу; чтобы воспретить обстрел порта и города, нужно пехоту противника отбросить от мыса Е хотя бы

километров на восемь. Доложили об этом Софронову. Он ответил, что и сам думает об этом. Шишенин доложил общее мнение Жукову. А тот считал, что надо обращаться в Москву за подкреплением для. решения этой задачи.

3 сентября Военный совет ООР послал радиограмму Сталину и Кузнецову. В ней говорилось: батареи противника обстреливают порт и город; маршевыми батальонами пополнили только убыль. За 10 дней имеем 12 тысяч раненых. Местные ресурсы исчерпаны. Чтобы отбросить противника и держать город вне обстрела, нужна дивизия[33].

В тот же день нас уведомили, что в Одессу доставят еще 15 тысяч бойцов с оружием. Первые батальоны уже следуют из Новороссийска.

4 сентября к нам впервые пришел эсминец «Бойкий». Видно, командира не проинструктировали, и корабль подошел к Одессе после восхода солнца. Он попал под обстрел и бомбежку еще на фарватере. Эсминец доставил целое богатство – 50 пулеметов, 500 автоматов и отряд матросов-добровольцев.

Командовал кораблем капитан-лейтенант Г.Ф. Годлевский. В ходе боевой тревоги было установлено, что он неплохо содержит корабль, хотя замечания есть. Артиллеристы А.П. Макаров и Д.И. Щербань и командир корпоста Г.Е. Беленький знают свое дело. Личный состав рвется в бой. Чувствовалось, что политработники М.А. Тарасенко и И.И. Байдак хорошо потрудились.

Когда я вернулся с «Бойкого» в штаб базы, адмирал Кулишов был в полном фронтовом облачении, с неизменным маузером в деревянной кобуре. Он размашисто вымерял свой кабинет вдоль и поперек, проявляя нетерпение. Под окном стоял его ярко-красный лимузин ЗИС-101, готовый отправиться на КП Морского полка. На ходу приняв доклад и стоя подписав приказы и планы, Кулишов устремился к двери. Но его остановило начальство – прибыли адмиралы Левченко и Жуков.

– Давно собираюсь познакомиться с вашими корректировщиками, поблагодарить их за хорошую работу. Что говорить, они помогли пехоте выстоять. Где можно с ними встретиться? – спросил Левченко.

– На Жеваховой горе, там сейчас затишье.

– Вот туда и поехали. На КП Филиппова.

Огненный ЗИС выкатил со двора.

В Восточном секторе командир 421-й стрелковой дивизии Коченов решил улучшить положение своих подразделений. В Межлиманье батальон Волошко повел наступление, а Морской и Пограничный полки завязали бой, чтобы сомкнуть фланги.

Звонит командир «Бойкого»:

– Мой корпост с фронта вызывает меня на позицию для ведения огня в поддержку Осипова.

– Ждите приказаний, – ответил я. И подумал: «Это же очень хорошо, что пехотный командир может вызывать через корпост по радио свой корабль даже из гавани. И радиовахту несут хорошо. Нет, что ни говорите, а Филиппов и Баратов поработали на славу».

Но командующий флотом имел на сей счет свое мнение. Он своеобразно оценил нашу боевую работу в кризисные для Одессы дни. Редко, но бывало такое с Филиппом Сергеевичем Октябрьским. Опытный военачальник, обладавший острым природным умом, сделавший много больших и добрых дел, внимательный к людям, он мог иногда ну не то чтобы капнуть деготь в мед, а сгоряча, без зла бросить человеку незаслуженный упрек. Хотя потом начнет искать пути к сердцу этого человека, чтобы исправить свою промашку. Он на редкость был искренен с подчиненными и доверял людям. И вот тут недобросовестный докладчик, глубоко не разбирающийся, к примеру, в артиллерийских тонкостях, да еще с намерением оговорить людей, мог ему доложить свою ошибочную оценку событий, сбить его с толку, вызвать бурную реакцию и тем сослужить ему и общему делу плохую службу.

Я собрался уточнить задачу «Бойкому», когда мне вручили радиограмму Октябрьского, адресованную Кулишову и в копии Жукову. В ней говорилось, что нельзя корабельную артиллерию превращать в полковую и ставить ей задачи по поддержке пехоты. Надо стрелять мало и по специальным объектам. Рекомендовалось почитать азбуку морской артиллерии.

Вот это да! Такое могло поставить в тупик. Сразу было видно, что Октябрьский писал радиограмму сам, без консультации с флагартом флота, по докладу человека, мало сведущего в артиллерийских делах, побывавшего у нас, но не вникшего глубоко в сухопутную обстановку Радиограмма не подписана членом Военного совета Кулаковым. Он, безусловно, воспротивился бы посылать ее защитникам Одессы, так как был у нас в кризисный период, видел обстановку и мог оценить роль морской артиллерии в тот период. Он, конечно, сказал бы командующему, что в Восточном секторе сражается дивизия со сборными полками, без штатной дивизионной и полковой артиллерии и что корабли восполняют этот некомплект. И корпосты посланы в батальоны, чтобы корректировать огонь по вражеской пехоте, а не по каким-то «определенным объектам», которые где-то в тылу врага и с передовой их не видно.

Октябрьский, видимо, не принял во внимание, что в Одессе

находился заместитель наркома ВМФ Левченко, видевший обстановку своими глазами и понимавший, как лучше распорядиться корабельной артиллерией. Получалось, что все установки Левченко отменяются. Радиограмма противоречила решению Военного совета флота, требовавшему биться за Одессу до последнего снаряда. К тому же в отчете командования эскадры о стрельбах кораблей под Одессой отмечалось «хорошо поставленное дело использования кораблей, придаваемых Одесской базе, с применением базовых корпостов».

Запрещая нам поддерживать пехоту, командующий флотом порицал то, чем мы прилежно занимались уже три недели и о чем он был уведомлен Жуковым и Кулишовым. Сухопутные командиры дали высокую оценку действиям морской артиллерии, определили их как вклад моряков в оборону города.

Что же побудило командующего флотом прислать запрет на самый главный вид нашей боевой деятельности? Ясно, что какой-то советчик, ссылаясь на историческую литературу, внушил ему эту мысль. Ведь с давних времен традиционно считалось, что флот, поддерживая сухопутные войска, обстреливает недосягаемые или не пробиваемые армейской артиллерией цели. Это было записано в истории военно-морского искусства и учебниках. Когда-то прочитанное, видимо, послужило поводом придерживаться этого и теперь. Ну а если этих целей для флотской артиллерии нет, а у армии мало войск, артиллерии и боеприпасов? Созерцать, как бьют нашу пехоту, и выискивать мифические дальние цели? А кораблям отстаиваться в базах в ожидании появления таких целей?

В армии и на флоте принято делить артиллерию на две группы: АДД – артиллерия дальнего действия (от 6 дюймов и выше) и АПП – артиллерия поддержки пехоты (менее 6 дюймов). То есть все наши 130-миллиметровые пушки эсминцев и старых крейсеров числились в группе поддержки пехоты. Для них были предназначены осколочно-фугасный снаряд (граната) и шрапнель – как раз для уничтожения живой силы. Если и существовали дальние цели, скажем, скопление резервов, то они в новых условиях стали более подвижны. Для их обстрела нужна корректировка с воздуха. Но кто потерпит, чтобы над целью висел вражеский самолет? Его собьют или прогонят. При первом же падении снаряда эти скопления рассредоточиваются. Бытующие утверждения о нанесении ощутимых ударов артиллерией по войскам в глубине, без корректировки, да еще с перечислением уничтоженных живой силы и техники в штуках, – это, мягко говоря, натяжка. Мы отказались от бесцельной траты снарядов, кроме случаев, когда в тыл врага засылались разведчики-

корректировщики группы Нечипоренко.

Штабы базы и армии внесли предложение, а командующие утвердили, что основной задачей корабельной артиллерии в условиях обороны Одессы является поддержка пехоты. Разрешалась предусмотренная уставом стрельба по площадям в виде беспокоящего огня ночью. Затем прибавилась контрбатарейная борьба. Наша морская артиллерия возместила нехватку полевой артиллерии у пехоты, в ее интересах вела огонь всеми калибрами – от 76 до 203 миллиметров.

Пройдет всего два месяца, и, когда беда навалится на Севастополь, не кто-нибудь, а сам Октябрьский прикажет 305-миллиметровой батарее и крейсеру открыть огонь в поддержку пехоты, отбивавшейся от противника. Надо было спасать положение, не заглядывая в классические флотские догматы. Чуть позже командующий флотом многократно будет вызывать из Поти в Севастополь даже линейный корабль и новые крейсера, и они своими 305– и 180-миллиметровыми пушками станут громить вражескую пехоту. Октябрьский, назначенный Ставкой командующим обороной Севастополя, полностью взял на вооружение одесский опыт, начал активно поддерживать Приморскую армию корабельной артиллерией, вести по ночам стрельбу по площадям. А за ним и все флагманы и комиссары, усвоив опыт обороны Одессы, другими глазами смотрели на происходящее в Севастополе и Новороссийске. Пройдут годы, и бывший нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов напишет в книге «На флотах боевая тревога»: «Корабли строят для боя, а не для парадов. Забота о сохранении кораблей никогда не должна превращаться в самоцель».

А пока, перечитывая радиограмму Октябрьского, я думал: «Что ответить Годлевскому? Он опять звонил и докладывал, что корпост вызывает огонь. “Ждать”, – в сердцах ответил я. Хотя командир тут ни при чем, чтобы на нем срывать зло. Но разве сдержишься? Ведь в Восточном секторе опять разгорелся бой. Там истекают кровью, требуется огневая помощь, а тут в бездействии новый корабль с новой артиллерией, с центральной наводкой, который, по смыслу этой радиограммы, нельзя бросить для выполнения неотложной задачи».

Рассуждая формально, радиограмма пришла не в мой адрес. Я же имел давнишнее приказание Левченко, Жукова и Кулишова корабли использовать для поддержки пехоты. Пока не поступит другого приказания, могу выслать эсминец в бой. Но указания командующего флотом… Исполнительность в военное время… Позвонил на Жевахову – адмиралы убыли. Жукова нет на месте. И вдруг он сам звонит из порта:

– Почему «Бойкий» отстаивается в гавани?

– У меня на руках только что полученная радиограмма комфлота на ваше имя, содержание которой полностью исключает разговор на эту тему.

– Немедленно с ней ко мне в штаб.

У Жукова – Левченко, Кулишов, Воронин, Софронов.

– Это невероятно! – воскликнул Жуков, передавая радиограмму Левченко.

Читая ее, Гордей Иванович кривил губы, но отреагировал в своем духе и спокойно. Сказал:

– Как использовать корабли эскадры, придаваемые базе, – это компетенция Кулишова и Деревянко. Распоряжение о поддержке пехоты остается в силе. Недоразумение с радиограммой беру на себя. Деревянко, прочитав радиограмму, приступил к ее исполнению. Но она адресована не ему, его дело выполнять приказы непосредственного начальника. Наша пехота обливается кровью, а новый эсминец отстаивается в гавани в ожидании дальних целей. За превышение власти накажите начштаба базы. Хватит ему и выговора, а эсминец – в бой.

С чувством облегчения я рванулся исполнять приказание. Жуков показал мне на телефон. Звоню своему заместителю Бабурину:

– Прикажите Годлевскому выйти и вступить в бой.

Когда я прибыл на ФКП, оперативный дежурный базы Букач доложил о том, как Годлевский лихо исполнил приказ. Он рвался в бой. За пять минут снялся со швартовов и в воротах порта дал первый залп по врагу, вызвав у всех портовиков удивление, – это впервые такое. Узнаю Годлевского. Оказывается, он по телефону заблаговременно связался со своим корпостом, получил координаты цели и приготовил исходные данные для залпа от Воронцовского маяка. Умный командир.

«Бойкий» помог полкам сомкнуть фланги. Четыре дня эсминец вел бой. В последний день сам командующий флотом наблюдал его стрельбу и похвалил «за поддержку пехоты».

«Бойкий» в боях получил 18 пробоин. Были и раненые, но все отказались от лазарета и госпиталя и перевязанными стояли у орудий. Особенно отличились расчеты старшин Бордюга, Васильчишина и Кудрявцева.

В базу пришел совершенно новый, только что вступивший в строй эсминец «Способный» под командованием опытного и энергичного капитан-лейтенанта Е.А. Козлова. Евгений Андрианович уже прошел хорошую школу – был помощником командира эсминца и зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. У него грамотные артиллеристы – старший лейтенант

В.А. Баусов и лейтенант А.С. Погудзь (последний возглавит корпост). Проверка по тревоге показала хорошую выучку экипажа корабля, и его сразу направили в бой. «Способный» поддерживал полки 421-й дивизии. 7 сентября под залпы эсминца Морской полк перешел в наступление, занял высоту 53,6 и выровнял свою линию обороны. А затем Козлов помогал батальону Волошко освобождать от врага Прицеповку.

Шесть суток «Способный» день и ночь наносил удары по вражеским войскам, подавлял батареи, стрелявшие по нему, и отбивался от самолетов.

– Как воюют Козлов и Годлевский? – спросил командующий флотом по прибытии в Одессу.

– Отлично. Отважные командиры и их экипажи, – ответил Кулишов.

С 5 по 11 сентября на десяти теплоходах-экспрессах и сухогрузах в Одессу было доставлено еще 15 тысяч вооруженных воинов на пополнение соединений и частей. Хорошо поработали флот, пароходство и Новороссийская база под командованием контр-адмирала Г.Н. Холостякова. Наши дивизии были доведены до полного штата.

Пришли транспорты «Калинин», «Ураллес» и «Жан Жорес». Доставили пополнение и боеприпасы. Я познакомился с их капитанами И.Ф. Ивановым, И.Ф. Коротким и Г.Н. Лебедевым. Опытнейшие и храбрые капитаны дальнего плавания.

Мне пришлось вместе с ними пройти всю войну. Это были в высокой степени дисциплинированные люди. Приказ командования был для них законом.

На «Жане Жоресе» в 1933 году из Италии в СССР возвратился Максим Горький с семьей.

Пришло извещение: на лидере «Харьков» в Одессу следует адмирал Октябрьский. На корабле выходил из строя один котел, уменьшали ход и потому задержались с прибытием. С рассветом по нему открыли огонь батареи противника. Пришлось ставить дымзавесу с катеров, а батареи подавлять орудиями кораблей.

Ворота порта противник давно пристрелял, и «Харьков» прорывался между водяными столбами от разрывов. Появились пробоины и раненые. Командующий флотом, стоя на верхнем открытом мостике, все происходящее наблюдал. Это было его первое фронтовое крещение. С «Харьковом» пришел эсминец «Дзержинский». Он доставил 4500 винтовок, 350 пулеметов, 300 автоматов (в начале обороны в Приморской армии было всего 600 автоматов).

Октябрьский убыл на КП Жукова. Пришедшие корабли были отправлены на боевые позиции для поддержки пехоты.

«Дзержинский» у нас третий раз. Командир П.И. Шевченко и комиссар И.С. Осадчий, артиллеристы Яценко, Багреев и Гаркуша уже обстрелянные люди, им никаких проверок и инструктажей не требуется. «Харьков» же впервые в Одессе. Но это блестяще подготовленный корабль. Когда-то им командовал передовой на флоте офицер – Ф.С. Марков, теперь командир крейсера «Ворошилов». Он сделал корабль образцовым. Нынешний командир капитан 3-го ранга П.А. Мельников продолжал славную традицию. Комиссаром на лидере – Г.И. Фомин. Артиллерист – старший лейтенант И.К. Навроцкий, командир корпоста – лейтенант В.С. Сысоев (ныне адмирал) задачу понимают. Через час лидер уже громил вражескую пехоту.

Позвонил Кулишов:

– Комфлота выезжает на КП 421-й. Вам и флагарту быть там.

Это на Пересыпи.

Видно, Левченко говорил Октябрьскому о стрельбах, ибо командующий, заслушав обстановку в Восточном секторе, задал один и тот же вопрос Осипову, Коченову и Филиппову: как используются корабли? Ответ последовал один: для поддержки пехоты. А Филиппов по прямоте своей так и отрезал:

– Кроме как для поддержки, корабли здесь и не нужны.

Адмирал двинул бровями, но сдержался, промолчал. На лице читалось: «Все дуют в одну дуду».

С НП дивизии командующий флотом посмотрел на стрелявшие корабли в Одесском заливе и поразился близости передовой, прямо у Пересыпи. Он не мог не понимать, что мы избежали катастрофы, остановили врага, не пустили его к порту общими усилиями армии и флота.

Все увиденное, вероятно, подействовало на Октябрьского. Приехав в штаб базы, он уже не скрывал своей досады: «По вашим артиллерийским делам мне докладывал невежда. Он, правда, тут вам помог огнем, но, уходя из дому, вроде бы наследил. За несколько часов пребывания у вас я убедился, что основная форма содействия флота армии – это артподдержка пехоты с корректировкой огня. Действуйте как и раньше».

Вот в этом был весь Октябрьский: резкий, прямой, честный, благородный.

Филипп Сергеевич похвально отозвался о системе базовых корпостов, их роли в обучении корабельных корпостов. Понравилась ему организация задымления порта и кораблей. Он одобрил взыскательное отношение командования базы к кораблям флота и одновременное проявление заботы о них.

Зная, что я был в составе рекогносцировочной группы округа и базы по определению десантоопасных участков побережья,

командующий спросил у меня о том, как я оцениваю участок

Новая Дофиновка – Григорьевка (это за левым флангом противника, в его тылу). Его интересовала возможность высадки тактического десанта для содействия армии. Я доложил, что этот 10-километровый участок удобен для высадки десанта с малых судов, так как вблизи берега есть отмели-загребы. Дивизия может быть высажена в трех пунктах, а если один полк, – то только в районе села Новая Дофиновка – это в 6 километрах от фронта. Обеспечивается тактическое и огневое взаимодействие десанта с войсками, наступающими с фронта.

– А почему не Григорьевка? – спросил командующий.

Я ответил, что это далеко от фронта – 16 километров. Люди выдохнутся, пока дойдут до рубежа. Их противник измотает даже мелкими стычками. Десант просто не успеет к удару. Не знал я тогда, что у Октябрьского на руках была директива наркома ВМФ Кузнецова о высадке десанта под Одессой.

В конце беседы командующий флотом информировал нас о положении дел на Днепре. Противник форсировал Днепр 26 августа у Днепропетровска на участке Резервной армии и 29-го у Каховки на участке 9-й армии. Отсюда он продвинулся к Перекопу. Этим отсекалась западная Таврия с Тендрой. А там никаких наших армейских частей. Только морская пехота, обороняющая Очаковские острова, Кинбурнскую косу и Тендру. Создавалась угроза Тендровской базе и фарватеру, связывающему Одессу с Большой землей, – он проходил вдоль Тендровской косы. Коль скоро армия отошла на восток, Военный совет флота и Левченко решили оборонять косу силами флота. Для этого создали Тендровский боевой участок (ТБУ) с рубежом обороны от Скадовска на север к Днейро-Бугскому лиману. Сюда были направлены батальоны морской пехоты и артиллерия. Во главе ТБУ стал генерал Кузьмичев, возглавлявший недавно оборону Очакова.

Стемнело. Памятуя ночную бомбежку порта накануне, мы с наступлением темноты отправили конвой: теплоход «Абхазия» – на нем три тысячи раненых, женщин и детей – в охранении эсминца «Бойкий». Только они вышли за боновые ворота порта, начался массированный налет самолетов, и порт запылал. Вот что значит выйти минута в минуту по плану. Конечно, тут был и кусочек военного счастья, ведь самолеты могли прийти на полчаса раньше.

У нас мало истребителей. Вся надежда на зенитную артиллерию, с прожекторами она и ночью уверенно отражает налеты. Хорошо ведут свое дело руководители бригады ПВО Шиленков, Подколзин, Ростунов, Хоровец, командиры зенитных

полков Свет и Гассель.

Наши зенитные батареи были хорошо сколочены еще до войны, и в этом большая заслуга командиров артдивизионов. Среди них выделялись майор П.М. Сологуб и капитан И.С. Каплунов. Я близко знал их обоих – строгие командиры, опытные наставники. Они постоянно бывали на батареях, настойчиво учили подчиненных искусству ведения меткого огня. Началась война. Их батареи оказались надежными защитниками неба Одессы. На счету батарей старших лейтенантов М.Ф. Логинова, П.А. Кушнира, Л.Н. Малашевского, Р.И. Потехина, Н.Ф. Кравченко, Г.А. Давидовского было по два – четыре сбитых вражеских самолета.

Крепко потрепали «юнкерсов» наши зенитчики и истребители днем. Поэтому противник с 7 сентября перешел и на ночные бомбежки, сократив число дневных. Нам это на руку: суда приходят к утру, за день разгружаются и грузятся, а вечером уходят. А те, что остаются для длительной погрузки, успевают рассредоточиться по всему порту. К тому же ночная бомбежка менее эффективна, ибо она ведется по площадям. От нее у нас нет серьезных потерь, потому что многие бомбы рвутся за пределами порта, – вражеские летчики под воздействием огня стараются скорее освободиться от груза, да и плохо они видят порт. И все-таки боевые корабли на ночь мы высылали на внешний рейд – там люди могли отдохнуть перед дневной боевой работой.

Над портом идет ночной бой артиллерии с вражескими самолетами. Заход лидера «Харьков» в порт за командующим флотом и заместителем наркома нежелателен. Предлагаю доставить их катером с причалов Аркадии на рейд к борту корабля. Предложение утверждается.

Строители под руководством инженеров Цигурова, Павлова, Еремина и Каменецкого только что закончили первые причалы Аркадийского порта. Комендантом его назначен капитан-лейтенант В.А. Клычников. В ночь на 8 сентября Левченко и Октябрьский убыли с этих причалов на «Харьков».

Дела в Таврии осложнились. Вражеские войска уже на подходе к Перекопу. Черноморские матросы под командованием флотского генерала Кузьмичева уже схватились с противником в таврических степях на рубеже Скадовск – Днейро-Бугский лиман, прикрывающем Тендру с востока. Туда и устремились наши адмиралы. На «Харькове» – в Тендровский залив, на катере – к берегу, на машине – к Скадовску. А к нему уже подходили гитлеровцы. Моряки дали им бой.

Флот совместно с сухопутчиками удерживал плацдарм и

побережье в северо-западном Причерноморье – у Одессы и Очакова. За нами – очаковские острова Березань и Первомайский, Западная Таврия с Кинбурнской косой и Тендрой. В устье Днепра, отрезанная от моря, продолжала сражаться наша флотилия. А в боевых порядках 51-й армии на Перекопе по плану, разработанному комендантом береговой обороны главной базы флота генерал-майором П.А. Моргуновым и начальником инженерного отдела флота военинженером 1-го ранга В.Г. Парамоновым, военинженер 3-го ранга П.А. Лебедь руководил установкой морских батарей.

Спустя некоторое время мы получили ошеломляющее известие: гитлеровские войска прорвались через Мгу и захватили Шлиссельбург. Ленинград оказался блокированным с суши. С 8 сентября сообщение с ним поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху, что серьезно осложняло оборону города.

Но уже через четыре дня Ладожская флотилия, речное пароходство и Балттехфлот проложили через озеро знаменитую Дорогу жизни, по которой пошло снабжение Ленинграда. Ледовая военно-автомобильная дорога начала действовать 22 ноября, приняв эстафету от флота. А до этого по воде были доставлены десятки тысяч тонн продовольствия, боеприпасов и горючего. Весной 1942 года флот возобновил перевозки и до конца навигации перевез грузов в три раза больше, чем зимой по льду. Однако ледовая дорога была решающей, ибо она действовала в кризисные месяцы. Начальником ледовой дороги был моряк – капитан 2-го ранга М.А. Нефедов. Дорога жизни через Ладогу действовала до прорыва блокады в январе 1943 года.

Меня постоянно волновал вопрос: неужели город, открывший в мировой истории победное шествие советской власти, осквернит нога вражеского солдата? Нет! Этого никогда не случится. И только сейчас до моего сознания дошло: ведь там у меня сестра Антонина и брат Борис. Что они там делают? Какова их судьба?

Только через полтора года сестра, студентка, подала весточку из Алма-Аты. Она рассказала, что в начале войны вместе с товарищами находилась на оборонительных работах под Выборгом. А потом… Потом блокада, голод. Пережила самые тяжелые месяцы – ноябрь – январь, когда норма хлеба сократилась до 125 граммов. Чтобы не тратить силы на ходьбу, сестра поселилась в общежитии. В марте 1942 года вместе с другими студентами в состоянии тяжелой дистрофии она была эвакуирована.

От брата получил письмо через два года. Он еще до войны по

состоянию здоровья был снят с военного учета. Но началась война, и он настоял на зачислении его в армию. Все 900 дней блокады сражался рядовым за Ленинград. Его часть держала оборону в районе знаменитой Невской Дубровки. В боях за Ленинград был тяжело ранен. Закончил войну в Германии, у Дрездена. А встретились мы с ним в 1946 году, через 6 лет.

На Одесский плацдарм почта приходила. Ее доставляли корабли и суда, приходившие из Севастополя и Новороссийска. Однажды я получил пересланные мне из Севастополя сестрой жены Надеждой Ивановной Дубовской (Масленниковой), служившей в то время в Политуправлении флота, сразу два письма. Жена Евгения Ивановна сообщала, что с детьми – Игорем и Наташей и племянницей Аленой находится в селе Петровское Ставропольского края у ее дяди. А мать – Анна Федотьевна с детьми сестры оказалась в Алма-Ате.

Обычное явление в то время.

Ставка обращается с просьбой

В Восточном секторе 421-я дивизия продолжала удерживать рубеж. В Западном – на левом фланге 95-й дивизии противник захватил хутор Вакаржаны. Осложнились дела и в Южном секторе. Заняв Ленинталь, противник продолжал атаки на участке 25-й дивизии – расширял и углублял ленинтальский клин, а затем ударом в стык 287-го и 31-го полков захватил высоту 63,9. Нацелился между южной окраиной села Дальник и северной частью Сухого лимана на хутора Болгарские и село Татарку (ныне Прилиманное), за которой начиналась южная окраина Одессы. Фланги наших полков оказались разомкнутыми. Генерал Петров, человек железной воли, его трудно смутить неудачами, и то 6 сентября счел необходимым пожаловаться командованию армии, что восемь полков противника ведут наступление, фронт дивизии 30 километров, не прикрыты промежутки между полками 6 километров. За 5 дней боев потери дивизии 1600 человек.

К району прорыва противника были подтянуты 15-й и 20-й кавполки Блинова и Пичугина. В разрыв между 25-й и 95-й дивизиями бросили 7-й кавполк Лебедева. Теперь 2-я кавдивизия в полном составе «прикипела» к Южному сектору до конца обороны, а конники уже давно воюют в пешем строю.

В бою у высоты 63,9 отличился 1-й батальон 31-го полка и его командир капитан В.И. Петраш. Когда противник захватил высоту и казалось, что вот-вот его войска хлынут к Татарке, Петраш поднял свои роты и подоспевших на выручку конников и при поддержке морских батарей Денненбурга ударил во фланг наступавшей вражеской пехоте. Заставил ее залечь. А тем временем наши закрепились. Этому помогла выдвинутая сюда батарея лейтенанта Долотова и политрука В.Я. Папенькина. За этот бой Василий Иванович Петраш был удостоен ордена Красного Знамени. А вскоре он был произведен в майоры и в Севастополе уже командовал полком.

Обстановка в Южном секторе обеспокоила Софронова и Жукова. Генерал Шишенин выехал на КП 25-й дивизии в Дальник для экстренной помощи оборонявшимся частям. Комдив не сидел на КП. Он постоянно мотался по передовой, «штопал и латал» расползавшийся фронт, перебрасывая с участка на участок наспех сколоченные отряды, оголяя более спокойные рубежи, воодушевлял бойцов, подбадривал командиров. Находясь под пулями, Петров подавал пример отважного поведения в бою. Несмотря на пятикратное превосходство в живой силе, враг не смог развить наступление на Татарку и был остановлен.

Ну да что говорить: где генерал Петров, там можно было иметь чуточку меньше войск и сдержать противника. Это показал опыт обороны Одессы, а позже – Севастополя и Кавказа, где Петров находился в горячих точках.

Как днями раньше Восточным сектором занимались все, так сейчас все занимались Южным. Вслед за кавдивизией туда пошли артдивизионы ПВО, отряд пограничников, затем моряков. Артполк Богданова работал на него. В те дни в Одессу поступали морем маршевые батальоны. Командарм посылал их в 25-ю и 2-ю дивизии на пополнение. Жуков приказал Кулишову повернуть в Южный сектор морскую артиллерию.

На КП генерала Петрова постоянно находился флотский представитель – начальник штаба морского 42-го артдивизиона капитан В.П. Терехов. В его распоряжении находились корректировочные посты. Василий Павлович Терехов – опытный артиллерист. Он образцово вел свое дело. Генерал Петров был доволен им. 411-я дальнобойная батарея Никитенко уже много дней успешно решала поставленные перед ней задачи. Народ в ней подобрался хороший: старший лейтенант П.П. Ишков, лейтенанты Е.Т. Навроцкий и Н.П. Рыбаков, старшина батареи Мацко, старшина комендоров В.П. Корчаченко, командиры орудий Злочевский, Зотов, Мовчан, Пустовойтенко. Многие из них будут удостоены наград, а комбатр Никитенко отмечен орденом Красного Знамени.

Генерал Петров любил эту батарею. Когда становилось тяжело, он всегда обращался к Терехову, а тот через Ишкова вызывал огонь 411-й.

На войска Южного сектора работала и 39-я батарея, что стояла у Среднего Фонтана. У нее были 130-миллиметровые пушки с осколочно-фугасным снарядом. Командовал этой батареей капитан Е.Н. Шкирман, образованный и весьма энергичный. Учитывая высокую точность огня батареи и ее скорострельность, большой запас снарядов на ней, генерал Петров стал чаще обращаться за ее помощью. Ее корпост во главе с лейтенантом А.М. Задорожным старался изо всех сил.

По распоряжению Жукова я прибыл на КП 25-й дивизии. Там генералы Шишенин и Петров решали головоломку: как семью тысячами активных штыков сдержать 30-тысячное вражеское войско. Я доложил, что ожидается приход крейсера. Приказано часть кораблей переключить на Южный сектор. Корректировка их огня возлагается на корпосты береговой артиллерии. Ответственным за организацию их работы назначается капитан Терехов. С начартом дивизии подполковником Ф.Ф. Гроссманом уточнены все детали.

Отныне на нас, моряков, возлагалась особая ответственность не только за правый фланг – Восточный сектор, но и за левый – Южный. Завтра мы введем в бой еще одну береговую шестидюймовую батарею. Таким образом, весь артдивизион Денненбурга обрушит на врага всю свою огневую мощь. Но с него не снимается и контрбатарейная борьба в Восточном секторе.

Из штадива-25 я поехал в штаб 40-го морского подвижного артдивизиона майора Яблонского, который поддерживает части генерала Петрова. Там познакомился с нашим «матросом Кошкой» – Александром Нечипоренко. Он имеет новые обязанности, но по-прежнему ходит в разведку. Был ранен. На меня Нечипоренко произвел сильное впечатление. Судит о боевых действиях глубоко и обоснованно. Приятный собеседник. Одним словом, самородок.

Яблонский, комиссар Марков, начальник штаба Солуянов рассказали о действиях батарей. Выделили 36-ю трехдюймовую. Это она помогла батальону Петраша удержать позиции у высоты 63,9. Орудия стреляли так много, что горела краска на стволах. Расчеты смачивали водой одежду и бросали на стволы, чтобы охладить их. На батарее все храбрецы. Примером для них – комбатр лейтенант Дионисий Парамонович Бойко. Воюет всего месяц, а как раскрылись его военные способности! Пушки перекатывают больше на руках, чем тягачами, в упор расстреливают вражескую пехоту. За эти бои комбатр Бойко удостоен ордена Ленина. В боях отличились лейтенанты К.О. Светашев, Г.Л. Щербель, В.М. Левин, старшина батареи сержант Фадеев, разведчик Берест, наводчики Лукашевич, Фроймович, Абрамов, Бережной. Командир орудия сержант А.М. Терещенко за исключительную храбрость награжден орденом Красного Знамени.

На войне происходит много удивительных явлений. Вот и на этой батарее вражеский снаряд попал в ствол орудия. Разорвался, брызнул сотнями осколков, но никого даже не царапнуло.

Но расчет остался без пушки.

Когда у нас был командующий флотом, он удивился нашей беспечности и сказал:

– Смотрите, как хорошо устроен КП армии и ООР, в глубоком подземелье. Они спокойно управляют войсками, а вы обосновались в кабинетах и занимаетесь непрерывным остеклением. Несерьезно это, рискуете потерять управление, погубить людей и сами можете погибнуть.

Только проводили Октябрьского, командир уехал искать новый КП. А вечером объявил:

– Переезжаем в Аркадию, ближе к новым причалам.

Начсвязи Баратов прямо застонал – четвертый КП за полтора месяца. Опять тянуть кабели, рыть, подвешивать.

На новом КП разместились и все службы базы. Но я не скажу, что Аркадия – удачный выбор. Она далеко от порта (на южной окраине Одессы). Мы наказаны за то, что не создали защищенного ФКП в районе порта. Но теперь мы близко от Южного сектора и рядом с береговыми батареями.

В Межлиманье полегчало. 3-й батальон 54-го полка с батальоном 136-го запасного полка и пульротой при поддержке эсминцев «Способный», «Бодрый», «Дзержинский», канлодки «Красная Грузия», СКР «Кубань» и 726-й морской батареи ворвались в Прицеповку 9 сентября и ночью закрепились в ней. Теперь уже до конца обороны она будет у нас в руках. Наша пехота учится наступать в тесном взаимодействии с морской артиллерией. В этом десятидневном продвижении в Межлиманье показали свое уменье командиры кораблей Козлов, Митин, Шевченко, Катунцевский, Кожухарь, их артиллеристы Баусов, Бабанин, Яценко, Кравченко, Сыркин, корпосты Погудзя, Багреева, Гаркуши, Надточиева, Черепова, Старкова.

Приходилось слышать аргументацию заслуг кораблей, батарей флота на сухопутном фронте, исходящую из числа стрельб и выпущенных снарядов. Я этого не делаю. Не хочу забивать читателю голову цифрами. Да и не показательно это. У нас корабль мог выйти из гавани и пробыть на боевых позициях много суток. За сутки провести 4—10 стрельб. В кризисные дни и больше: 26 августа «Беспощадный» провел 11 стрельб, а 30 августа «Червона Украина» – 12 стрельб. Рекорд побили одесские батареи – до 20 стрельб в сутки. Но это не критерий. Здесь главное – результат деятельности. Что скажет о стрельбе моряков командир стрелкового полка? Удержал рубеж полк, остановил прорвавшегося противника, не пустил врага к желанной для него цели с помощью морской артиллерии – значит, это заслуга и кораблей, и батарей, и корпостов, и базы в целом. Если полк неоправданно отошел, значит, и мы, моряки, в чем-то повинны: плохо стреляли, плохо корректировали.

Всегда и все надо оценивать по конечным результатам. Если Приморская армия и база устояли под Одессой, значит, это совместная заслуга армии и флота.

С 7 сентября, когда начались ночные бомбежки порта, корабли вообще не заходили в гавань – днем стреляют, а ночью на рейде. На рейд им подавалось топливо и продовольствие. Корабль, идя из Севастополя, иногда получал по радио координаты района стрельб, номер и радиопозывные корпоста, связывался с ним и открывал огонь, а по окончании срока

пребывания в Одессе получал по радио приказ на конвоирование судов.

В порту, при входе и выходе из него – в воротах пробоины от снарядов получили многие корабли. Однажды рискнули днем впустить «Дзержинский» подремонтировать пушки. И были наказаны. Эсминец тут же получил осколочные пробоины. Его срочно вернули и послали на рейд ремонтную бригаду.

Никакой передышки от вражеских бомб и снарядов не получали портовые работники, труженики судоремонтных заводов, личный состав ОВРа и команды судов, производивших многодневную погрузку. Тут только счастье: попадет – не попадет.

10—11 сентября теплоходы «Крым» и «Белосток» доставили очередное маршевое пополнение. За счет его хорошо пополнили дивизии.

Санитарный транспорт «Белосток» – небольшой, но быстроходный и самый маневренный. Он сделал 11 рейсов из

Одессы на Кавказ, больше любого корабля. Командовал им капитан-лейтенант К.Е. Крамаренко, капитан дальнего плавания. Он умело управлял кораблем, а его команда мастерски отбивалась от вражеских самолетов. Поэтому и военное счастье было на стороне транспорта – его не задел ни один осколок.

Вслед за «Бойким», который повел «Абхазию» с ранеными, мы направили в Севастополь и эсминец «Способный». Он хорошо повоевал в Одессе шесть дней и помог 421-й дивизии окончательно закрепиться на занятых позициях. Его огнем управляли артиллеристы старший лейтенант В.А. Баусов и лейтенант Н.Ф. Никулин, а на берегу отважно действовал командир корпоста лейтенант А.С. Погудзь. «Способный» повел транспорт с ранеными.

В Одессе остался «Бодрый». Пришел крейсер «Красный Кавказ» со 180-миллиметровой артиллерией. Командующий флотом запретил вводить его в гавань во избежание попадания снарядов. Чтобы его не разбомбили, пришлось отвлечь с фронта часть истребителей для его прикрытия. В общем, мы тряслись за него два дня. И, как на грех, для него не оказалось подходящих целей – полдня он маневрировал, пока Крылов и Рыжи подыскивали ему работу.

Командира крейсера капитана 2-го ранга А.М. Гущина я не знал. Для него, как и для всех, впервые приходивших в Одессу, это было начало войны. Он впервые увидел ее. Но вот крейсер отбомбили первые самолеты противника. С корабля пошла взволнованная радиограмма: «Почему держите на внешнем рейде и не даете целей?» Пришлось объяснить и попросить ждать.

Артиллериста капитан-лейтенанта В. А. Коровкина я хорошо знал. Он бывший мой подчиненный. Знает дело и спокоен при стрельбе. Тут нужна мгновенная, но спокойная реакция. Коровкин отвечал всем требованиям флотского артиллериста. Но в решении огневых задач не все от него зависело.

На берег сошел корпост во главе с командиром главного калибра старшим лейтенантом М.И. Мартыновым. Он будет корректировать огонь. И хотя корпост был неплохо подготовлен, ему пришлось поучиться у наших корректировщиков Филиппова и Старкова, приспособиться к боевой обстановке, преодолеть психологический барьер – побороть инстинкт самосохранения. Крейсерский пост был громоздким. С ним в первой линии трудно было устраиваться. Поэтому огонь корректировали и базовые корпосты, они ближе к противнику.

На крейсере впервые пришел к нам флагманский артиллерист флота капитан 1-го ранга А. А. Рулль. Это старый воин. Эстонец, член партии с 1918 года, он воевал в Первую мировую на линкоре «Гангут», участвовал в Гражданской войне. Классный артиллерист, теоретик и практик. Август Андреевич сказал:

– Пришел организовать стрельбу «Красного Кавказа». Но сперва хочу поучиться. Расскажите о ваших сложностях.

В конце беседы я спросил его:

– Кто вдохновил командующего флотом на ту странную радиограмму недельной давности?

– Филипп Сергеевич только вчера посвятил меня в эту историю. А кто его вдохновлял, командующий флотом не сказал.

Август Андреевич убыл на Жевахову гору к нашему фла-гарту Филиппову. Он ко всему присматривался, полезное перенимал. Когда началась осада Севастополя, уже не был новичком, применял одесский опыт. Но ему было легче – в Севастополе корабли стреляли не на ходу, а на стоянке в бухтах. Это совсем не то, что у нас под огнем батарей, ударами авиации, в дыму, хотя там свои сложности.

После стрельб в Восточном секторе штаб базы переключил «Красный Кавказ» на Южный сектор. Его огонь корректировали начштаба артдивизиона Терехов и его корректировщик Ишков. Здесь положение крайне осложнилось. Противник, несмотря на наше сопротивление, продолжал вклиниваться в оборону. До южной окраины Дальника осталось три километра.

Вот сюда крейсер и обрушил свои стокилограммовые снаряды. Это была существенная помощь оборонявшимся. Генерал Петров попросил командира артдивизиона Денненбурга передать Гущину и Коровкину благодарность за поддержку.

На второй день крейсер ушел, и мы облегченно вздохнули. Много с ним беспокойства: истребители для прикрытия дай, катера-дымзавесчики непрерывно меняй. Я выслушал от командира истребительного авиаполка Шестакова и начштаба Никитина много горьких сетований на то, как измотана авиация в барражах над крейсером. Об этом доложил Кулишову, а он – командующему флотом.

Придавая большое значение удержанию Одессы, Ставка Верховного Главнокомандования и Генштаб бдительно следили за ходом ее обороны, оказывали ей огромную помощь живой силой и оружием, но одновременно и напоминали руководителям обороны о недостатках и неудачах. По поручению Ставки начальник Генштаба Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников дважды присылал радиограммы по этому поводу.

В радиограмме от 26 августа говорилось, что за период 16–25 августа в западных секторах ООР войска отошли на 15–20 километров к востоку от линии, указанной в директиве Ставки от 19 августа. 24–25 августа в Восточном секторе отошли на 4–8 километров. Сужение пространства чревато тяжелыми последствиями для обороны Одессы. Генштаб требовал повысить устойчивость войск в обороне, лучше использовать местные ресурсы, не терять оружие на поле боя, совершенствовать оборонительные сооружения.

После потери 1 сентября в Южном секторе Ленинталя и дальнейшего продвижения противника в направлении Татарки, когда стала нарастать угроза его прорыва к южной окраине Одессы, 10 сентября пришла вторая радиограмма Шапошникова. В ней отмечалось, что части ООР свыше трех недель успешно сковывают 12 дивизий противника, нанося им значительные потери. Однако оборонительные рубежи Одессы с северо-востока и юго-запада уязвимы. В результате противник овладел районами Гильдендорфа и Ленинталя и держит Одессу под артогнем, что значительно ухудшило условия обороны. Далее шли указания, в числе которых было: войскам возвратить утерянные позиции в районе хутора Вакаржаны, Фрейденталя, Ленинталя, уничтожить противника, просочившегося в направлении Дальника. От них требовалось предельное упорство в обороне.

10 сентября Военный совет ООР доложил в Ставку, что под Одессу прибыла свежая, 10-я пехотная дивизия противника, что пятидневные бои по восстановлению положения в районе Ленинталя успеха не дали, что для этого срочно требуется дивизия. Но ведь и на других участках советско-германского фронта положение сложное. Наверно, и там требуются дивизии и даже полки.

В Одессу доставлена «Правда» за 11 сентября. В передовой «Защитники родных городов» много теплых слов сказано о тех, кто обороняет их: «Среди бесчисленных подвигов, совершаемых советскими патриотами в Отечественной войне против фашистских полчищ, героическая оборона Ленинграда, Киева и Одессы выделяется как волнующий пример беззаветной любви к Родине, как изумительное по силе проявление массового героизма. По всей нашей Родине миллионы людей ежедневно просыпаются с мыслью о Ленинграде, Киеве и Одессе. О них первые наши заботы. Мы живем вместе с ними, их чувствами, их мыслями. До нас доносится ежедневно их голос, полный энергии, бодрости, уверенности в победе. Они знают, что с ними вся страна. Героическая оборона Ленинграда, Киева, Одессы разбила вдребезги наглые гитлеровские планы легких захватов важнейших городов Советского Союза…

Наши доблестные защитники родных городов герои Ленинграда, Киева, Одессы показывают, как защищать каждую пядь советской земли».

Газета «Правда» ставила нас в пример, и это обязывало защитников к еще большим усилиям в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Бойцы, читая «Правду», давали клятву беспощадно громить врага.

По приказанию командующего флотом в ночь на 14 сентября мы десятью кораблями обстреляли занятое противником побережье к востоку от Одессы. Этим пытались выявить вражеские огневые средства в пунктах предполагаемой высадки нашего десанта. Образцово выполнил задачу сторожевой корабль «Петраш» под командованием капитан-лейтенанта Ф.С. Бурова. Федот Степанович – старый воин, сражался еще в Гражданскую. Он давно хотел пострелять по сухопутным целям. И теперь, получив задачу, первым вышел в море. Противник не удержался и ответил огнем, что нам и требовалось. Были выявлены огневые позиции трех его батарей.

В связи с осложнившимся положением в Южном секторе Военный совет ООР направил третью радиограмму в Ставку Верховного Главнокомандования, в которой доложил, что противник продолжает подбрасывать крупные подкрепления, создается угроза отхода нашего левого фланга к Сухому лиману. Для воспрепятствования прорыву противника к городу и пресечения артобстрела порта немедленно требовалась хотя бы одна свежая дивизия.

Я поехал в штаб армии уточнить обстановку.

– Плохи наши дела в Южном, – сказал Крылов и показал на карту.

Николай Иванович сообщил, что противник ведет огонь уже по аэродрому 69-го авиаполка. Принято решение перебазировать самолеты в Чубаевку, а это окраина города. 31-й полк Чапаевской дивизии отводился от Днестровского лимана, и теперь левый фланг армии будет у Сухого лимана (там теперь Ильичевский порт).

– Чем еще моряки могли бы помочь Петрову? – спросил Крылов.

Я сообщил, что пришел вспомогательный крейсер «Микоян» со 130-миллиметровой артиллерией и заканчивается оборудование бронепоезда «За Родину», укомплектованного моряками. Станет хуже – подкрепим кораблями из ремонта.

«Микоян» вступил в бой. Им командовал мой старый сослуживец по эсминцам капитан 2-го ранга С.М. Сергеев – закаленный в боях воин. Он сражался волонтером за республиканскую Испанию. У него грамотный артиллерист – старший лейтенант В.И. Сидоров. Да еще пришел помфлагарта эскадры Н.Я. Сидельников – помочь крейсеру в стрельбах.

В ночь на 15 сентября Мухомедьяров скрытно и искусно отвел свой 31-й полк от Днестровского лимана. Наш левый фланг резко загнулся влево назад и теперь фронтом стал не на север, а на запад. Сухопутный фронт проходил от моря по восточному берегу Сухого лимана до села Дальник – на этом участке оборонялась 2-я кавдивизия, правее ее шел рубеж 25-й дивизии, а далее – до Хаджибейского лимана – оборону держала 95-я дивизия. Правее начинался Восточный сектор, где оборонялась 421 – я дивизия. Линия фронта подошла вплотную к селу Дальник, и КП командира 25-й Петрова (он же командир Южного сектора, ему подчинялась и 2-я кавдивизия) был переведен ближе к городу, в поселок Застава.

Протяженность сухопутного фронта сократилась с 80 до 60 километров. За счет этого были уплотнены боевые порядки войск. Сильно уменьшился плацдарм, и Одесса оказалась зажатой маленькой подковкой, между концами которой – от высоты 47,4 (у Фонтанки) и до Сухого лимана – всего 30 километров. Таким узким стал морской фронт. Он просматривался противником, простреливался с двух направлений. Наши стрелявшие корабли для противника были как на ладони.

ФКП базы находился недалеко от Южного сектора. Рядом наши береговые батареи, вблизи – батареи полевой артиллерии. Канонада стала слышна и в помещении. Ночью над горизонтом сплошное, даже не мерцающее ввиду частых орудийных вспышек, огненное ожерелье. Зрелище потрясающее.

15 сентября противник вышел к Сухому лиману и сразу

открыл артогонь по городу порту и пристаням Аркадии. Кораблям стало совсем худо, особенно крупным, таким, как «Микоян». Их обстреливали с обоих флангов. Тяжелые испытания выпали на долю Сергеева. А тут еще и питьевая вода кончалась, и он запросил ее у нас. Нас это здорово развеселило. Наверняка Сергей Михайлович не знал, что город без воды, на голодном пайке артезианских колодцев. И хотя это был горький юмор, но мы меж собой обменялись несколькими шутками по поводу ванны довоенного образца с мыльной пеной.

Чтобы хоть как-то скрасить бедственное положение микояновцев, я и начальник тыла базы Й.Е. Оленев послали им две огромные бочки вина многолетней выдержки, полученного прямо с винодельческой станции Тимирязева как подарок одесситов. Сопровождая подарок запиской, я посоветовал Сергею Михайловичу установить средневековый водный режим парусников в океанском плавании. А для котлов у него были испарители. Вода в Одессе ценилась тогда дороже вина.

Для укрепления Южного сектора были направлены батальоны моряков и пограничников. В поддержку 25-й дивизии беспрестанно вела огонь 39-я береговая батарея. Комбатр Шкирман искусно управлял огнем, и это способствовало повышению стойкости оборонявшихся. Корректировал огонь лейтенант А.М. Задорожный. Он с пехотой в окопах, а на батарее – лейтенант Г.И. Дардик, старшины С.Р. Литвинов и Хорсун, командиры орудий сержанты Денисов, Прохоренко, Руденко, Сажнев. Комиссар батареи политрук А.П. Бурунов сильно подкрепляет и дополняет командира, на нем многое держится.

На полную мощь заработала береговая шестидюймовая батарея номер один. Ею командует старший лейтенант М.К. Куколев. Комсомолец. Большой мастер огня.

А вот из ворот завода выкатился наш флотский бронепоезд «За Родину». В расчетах у пушек и пулеметов – матросы.

Во главе их флотский капитан М.Р. Чечельницкий. Он береговой артиллерист и знает толк в стрельбе с ходу и по движущейся цели. Бронепоезд направляется по Овидиопольской ветке к Сухому лиману помогать 2-й кавдивизии. Через день он лихо прорвется через фронт.

Тем временем обстановка на морских коммуникациях становилась все более напряженной. В сентябре потоком шли в Одессу суда с пополнением и боеприпасами. Усилился вывоз промышленного оборудования, населения и раненых. В непрерывном движении между Одессой и Кавказом семь быстроходных крупных экспрессов и 24 грузовых судна. А всего на Одессу работали 60 торговых и военно-вспомогательных судов.

Были дни, когда в порту одновременно стояли под загрузкой до 9 судов. Морской фронт защищался, снабжал сухопутный фронт и вместе с ним наносил удары по врагу.

Командование обороной Одессы не запрашивало согласия Ставки на отвод войск на правом фланге 25 августа и левого фланга 14 сентября. Но на этот раз Военный совет ООР донес в Ставку, что враг проник к Дальнику, территория к западу от Сухого лимана оставлена. Донесение полностью отражало сложившееся тяжелое положение в Южном секторе, зафиксированное в приказе командарма Софронова № 23 от 14 сентября: «Противник продолжает вводить в бой новые части, силами до трех дивизий пытается развить прорыв на фронте 25-й сд и выйти в район хутора Болгарские с целью разобщить фронт и отрезать 31-й полк. Попытки 25-й и 2-й дивизий ликвидировать ленинтальскую группировку противника успеха не имели».

Был полдень 15 сентября, когда ко мне вошел капитан Г.Б. Миньков и доложил:

– Через наш штаб идет проходящая радиограмма из Москвы, отрепетованная комфлотом Жукову, – и показал ее мне.

«Командующему Черноморским флотом. Передайте просьбу Ставки бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6–7 дней, в течение которых они получат помощь авиацией и вооруженным пополнением. Получение подтвердите. Сталин»[34].

Вот это да! Ставка просит. Такого еще не бывало. Мы привыкли получать только приказы, да еще безапелляционные. В обстановке постоянных строгих предупреждений: «стоять насмерть», «победить или умереть», «вам отход запрещается, пока не будут разбиты ваши пушки» – эта просьба прозвучала как призыв: «Товарищи! Мы понимаем, что вам тяжело, но надо, обязательно надо продержаться немного и помощь будет». Наверно, в Ставке полагали, что защитники Одессы отдали все и приказ тут не поможет. Только теплое отеческое слово. В моей памяти эта телеграмма беспрецедентна. И что важно – она обращена не только к командованию, но и к рядовым.

Когда в частях объявили эту просьбу, люди поклялись: враг не пройдет! И Военный совет ООР доложил Ставке: рубежи будут удержаны.

В тот же день Генштаб и Главморштаб уведомили Жукова, что для Одессы выделена 157-я стрелковая дивизия. Через сутки нам сообщили о выходе из Новороссийска конвоя с первым эшелоном дивизии. Вот это темпы! Здорово поработали и штаб флота – И.М. Нестеров и Н.И. Литвиненко, и пароходство с военно-транспортной службой – Г. А. Мезенцев, Б.В. Бартновский и Н.И.

Тарапунько, и командование Новороссийской базы – Г.Н. Холостяков, И.Г. Бороденко и В.С. Буслаев, и порт во главе с А.И. Петренко.

Мудрым решением Ставки об удержании Одессы к ней уже приковано 15 вражеских дивизий и 4 бригады. Оперативная задача начала перерастать в стратегическую. В связи с этим я хочу еще раз отметить цель Одесской оборонительной операции.

Приходилось встречать утверждения, что якобы тогда была поставлена цель оборонять Одессу как промышленный и культурный центр и военно-морскую базу, как исходный пункт для действий кораблей флота против вражеского флота. Это, мне кажется, сказано не совсем точно. Одесская промышленность не могла работать на страну с изолированного плацдарма, да она на две трети была эвакуирована. А удержание базы для базирования кораблей флота не имело смысла, так как корабли противника здесь не действовали. Нельзя рассматривать вопрос об удержании Одесской базы вне связи с борьбой Красной Армии. Только потребность армии в огневой поддержке и питании ее морем отвела соответствующую роль Одесской военно-морской базе, без которой немыслима была оборона Одессы.

В этом вопросе целесообразно руководствоваться мотивировкой официального документа. Покровский по указанию Буденного докладывал Василевскому: удержанием Одессы противник будет постоянно связан на фланге. Одессе была предопределена оперативная роль: в условиях господства нашего флота на море приковать к ней как можно больше вражеских войск.

У командования Юго-Западного направления была основная забота: после окружения наших 6-й и 12-й армий под Уманью не допустить окружения 9-й и 18-й армий, которых с фронта теснили 11-я немецкая и 3-я румынская армии, а с севера им в тыл заходили 17-я армия и 1-я танковая группа противника. Надо было ослабить удары врага, сбить темп его наступления. А этого можно было достигнуть только путем отвлечения значительной группировки противника с главного направления на другое и задержания ее надолго у хорошо защищенного объекта с тыла, обеспечив войскам, обороняющим этот объект, поддержку такой мощной силы, как флот.

Таким объектом, отвечающим условиям ведения вооруженной борьбы в далеком тылу врага, являлась только Одесса.

Здесь имелся мощный морской укрепленный район с береговой, корабельной и зенитной артиллерией. На его базе даже небольшая армия могла длительно и стойко обороняться и

оттягивать на себя вражеские силы. Здесь хорошо оборудованный порт, через который можно было питать армию. Сюда могла прилетать из Крыма флотская авиация и громить врага. Сюда могли приходить корабли флота для поддержки армии. Да и большой, каменный город с оборонительными сооружениями и баррикадами одним штурмом, с ходу, не взять. Одесская промышленность – большая помощь армии. В то же время Одесса – огромная притягательная сила для противника: порт для питания южной вражеской группировки и будущий административный центр края, на который зарилась монархо-фашистская Румыния. Безусловно, противник стремился скорее захватить Одессу и наращивал усилия.

Все это учел Генштаб, обосновал и предложил Ставке: Одессу не сдавать. Она должна сыграть важную оперативную цель на юге.

Румынская армия с главного направления повернула на юг и устремилась к Одессе. Немецкая группа армий «Юг» этим была серьезно ослаблена.

К началу сентября по указанию Генштаба в Одессу было подано 11 000 винтовок, 400 пулеметов, 800 автоматов. И это в то время, когда автоматическое оружие считали по штукам.

И все-таки самой острой проблемой для Одессы была живая сила. Мы получили несколько маршевых батальонов – 33 тысячи солдат с оружием. Это почти шесть дивизий. Правда, без артиллерии и управлений. Теперь поступала полнокровная дивизия, с артиллерией и танками.

Сражавшиеся на Одесском плацдарме воины никогда не забудут внимания и заботы о них, проявленных Генеральным штабом и его руководителями Б.М. Шапошниковым и А.М. Василевским, направленцами генералами П.П. Вечным и А.И. Шимонаевым. Постановка ясных задач, строгая взыскательность, полезные советы, теплое слово и материальная помощь Ставки и Генерального штаба помогли защитникам Одессы выстоять.

Контрудар. Морской десант

Идея контрудара по врагу с фронта с одновременной высадкой десанта в его тылу с целью отбросить его левый фланг в Восточном секторе и тем пресечь артобстрел города, порта и кораблей зародилась в штабах армии и базы сразу, как только противник захватил Фонтанку. К середине сентября вопрос о контрударе был решен командованием армии и ООР, а о десанте решался в Севастополе.

15 сентября начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2-го ранга О.С. Жуковский доставил в Одессу директивы командующего флотом на контрудар и высадку десанта силой до морского полка. Десант предполагалось высаживать с крейсеров и эсминцев в тылу противника за его левым флангом в районе прибрежного села Григорьевка, в 16 километрах от фронта. Далековато. И это расходилось с директивой наркома, в которой указывалась Новая Дофиновка, в 6 километрах от фронта, – она более приемлема для малого десанта.

Противник прямо осатанел – круглосуточно атакует в Южном секторе. Тяжело 25-й дивизии. Но еще хуже 2-й кавдивизии – ее рубеж проходит от Дальника через хутора Болгарские к Сухому лиману. Хутора на острие вражеских атак. За ними Татарка и южная окраина Одессы. В жаркой схватке погиб командир 7-го кавполка В.В. Лебедев. Виктор Васильевич сражался за Одессу во всех секторах. В кризисные дни он был в Восточном. Несколько раньше погиб полковник П.А. Рябченко, командовавший кавдивизией.

Для уточнения планов контрудара и высадки десанта Жуков направил замначштаба ООР капитана l-ro ранга С.Н. Иванова в Севастополь.

Прибытие полнокровной дивизии на фронт – событие для любого командующего. 18 сентября ждали первый конвой с частями 157-й дивизии. За внешней кромкой минного заграждения – это в 25–35 милях от Одессы – всегда находились четыре катера-охотника в подвижном корабельном дозоре по дуге от Днестровского лимана до Тендры. В их задачу входило своевременно обнаруживать возможный подход кораблей и самолетов противника и сообщать об этом, чтобы изготовить силы и средства для отражения удара. На время перевозки дивизии мы выставили шесть катеров. Были уверены, что кораблям противника, в особенности его торпедным катерам, не удастся незамеченными прорваться внутрь минного заграждения.

Но еще предстояло принять первый эшелон дивизии и быстро

вывести войска из порта, уберечь их от ударов авиации и артиллерии противника. В 2.30 мы встретились с Н.И. Крыловым в порту. Базовый кадровик В.Л. Ильич вместе с комендантом порта П.П. Романовым тут же провели инструктаж армейских и флотских командиров. Им рассказали, как организовать быстрый вывод войск. В 3.00 ПВО города и береговая артиллерия были переведены в боевую готовность номер один. Капитан порта В.И. Коваль, старший лоцман порта И.Г. Пучков и командир Охраны рейдов (ОХР) капитан-лейтенант А. А. Керн на катерах вышли на рейд встретить суда и провести их к своим причалам.

Вот и конвой. Следует организованно, в полном соответствии с нашими требованиями. В 3.20 вошел «Днепр». За ним – «Абхазия» и «Грузия». На них 384-й стрелковый полк, большая часть 85-го артполка и боеприпасы.

В море конвой прикрывали крейсера, а на подходе к Одессе – эсминцы, малые охотники П.И. Державина и Т.И. Гнатенко и тральщики Л.Н. Аверкова и Н.Ф. Ярмака.

Прибыли командир дивизии полковник Д.И. Томилов, комиссар дивизии полковой комиссар А.В. Романов, начальник штаба дивизии полковник А.Г. Гусаров, начарт майор А.В. Васильев, другие должностные лица. Своим боевым настроением они производили сильное впечатление. Но меня поразил строевой выправкой стрелковый полк. Его командир полковник С.И. Аксенов – орел! Он и его начштаба А.Т. Кияшко рассказали, что их полк, как и вся дивизия, укомплектован жителями городов, станиц и сел Кубани. Высок процент рабочих, коммунистов и комсомольцев. Высадка полка с судна и выход из порта бегом заняли всего один час.

На разборе действий конвоя на переходе командиры и капитаны доложили, что на новороссийских фарватерах, особенно на северном, действуют немецкие самолеты-торпедоносцы Хе-111. Самое опасное время – вечерние и утренние сумерки. В этот период самолеты на высоте около 100 метров заходят с темной стороны. Им хорошо видны силуэты судов на фоне вечерней и утренней зари. Торпеды сбрасывают с расстояния 1000 метров. От них трудно увернуться тихоходному судну. Спасение от них – своевременное обнаружение и открытие огня, грамотное маневрирование. Командиры просили подсказать командованию Новороссийской базы усилить борьбу с торпедоносцами на фарватерах, особенно перед выходом конвоев из Новороссийска. И мы доложили об этом в штаб флота.

Позже выяснилось, что торпедоносцы летали к Новороссийску из Николаева. Далеко. В ожидании объектов атаки они в тихую погоду садились на воду. Имелась возможность

преследовать их катерами и истребителями. Характерно, что в открытом море конвои успешно отражали атаки торпедоносцев. Научились своевременно их обнаруживать. Для этого укладывали матросов с винтовками на палубу: чем ниже наблюдатель, тем виднее ночью низколетящий самолет. Как только матросы обнаруживали самолет, тотчас открывали по нему огонь трассирующими нулями для целеуказания. В том направлении поворачивались пушки и пулеметы. Это спасало судно и корабль.

19 сентября «Армения» и «Украина» в охранении эсминца и «охотников» старших лейтенантов С. Гладышева, Б. Поддубного, П. Вербы, И. Гусева доставили 716-й стрелковый полк полковника Д.Я. Соцкова и остатки 85-го артполка, которым командовал майор В.И. Муканин. Только вошли в гавань, сразу попали под бомбежку и артобстрел. 20 сентября с транспортов «Ташкент», «Восток», «Чехов» сошел последний стрелковый полк – 633-й, которым командовал майор Г. Гамилагдишвили, а «Крым» и «Белосток» доставили остальные подразделения дивизии.

Заместитель начальника Генштаба Василевский затребовал от Жукова: «Для доклада Верховному Главнокомандующему представьте план действий в связи с прибытием 157-й сд». А через день уже сам начальник Генштаба Шапошников писал Жукову: «157-ю сд использовать на направлении главного удара, не распыляя ее усилий на решение второстепенных задач»[35].

20 сентября в Москву был отправлен план контрудара, в котором сообщалось, что 22 сентября войска Восточного сектора, в том числе и 157-я дивизия, совместно с Одесской базой и морским десантом наносят удар по противнику с задачей овладеть рубежом Свердлово, Кубанка (исключительно), имея целью пресечь артобстрел города противником. В дальнейшем активные действия в Южном секторе.

В Восточном секторе нам противостояли 13-я и 15-я пехотные дивизии и кавбригада. Удар по вражеским войскам должны были наносить 421-я и 157-я дивизии. Их поддерживали артдивизионы 265-го и 266-го тяжелых артполков, береговая и корабельная артиллерия базы, авиация флота и ООР.

Конечно, как и во всякой операции, командующим всегда чего-нибудь не хватало: то ли войск, то ли боеприпасов, то ли времени. Так и теперь случилось. Чтобы обеспечить необходимые плотности войск в ходе наступления, да еще по расходящимся направлениям, не мешало бы иметь дополнительно пару полков. Но приходилось считаться с реальными возможностями.

21 сентября.

У начальника штаба ООР генерала Шишенина людно. В контрударе участвуют части армии и флота. Требовалось

организовать их взаимодействие. Присутствуют начштарм Крылов с артиллеристами, я с флагартом Филипповым, начальником береговой артиллерии базы полковником М.Н. Николаевым и командиром артдивизиона Денненбургом. Тут же связисты: от армии – Богомолов, от базы – Баратов и от флота – капитан 3-го ранга В.С. Гусев. У всех приподнятое настроение: впервые собираемся наступать. Совместная плановая таблица огня полевой, береговой и корабельной артиллерии отработана и одобрена Шишениным. Ему я доложил о действиях кораблей базы при десантировании и артподдержке войск.

К вечеру был готов отряд высадочных кораблей под командованием капитана 2-го ранга Чижевского. В составе его – канлодка «Красная Грузия» и катера-охотники Державина, который должен принять с крейсеров десант и высадить на берег. Ждем из Севастополя капитана l-ro ранга Иванова с директивой флота, чтобы поставить отряду боевую задачу. Он следует на эсминце «Фрунзе».

Эсминец вышел утром, чтобы в полдень прибыть в Одессу. На нем шел командующий эскадрой Черноморского флота контр-адмирал Л.А. Владимирский, назначенный командиром высадки десанта. Он должен согласовать с командованием базы действия отряда десантных кораблей с нашим отрядом высадочных кораблей, после чего выйти в море и в полночь перейти на крейсер на подходе к Одессе. Всех нас удивило, что эсминец совершает к нам дневной переход в зоне активного действия вражеской авиации, этого никогда не делали.

В полдень мы получили донесение с Тендры, что вражеские пикировщики Ю-87 утопили монитор «Ударный», атаковали другие корабли Дунайской флотилии и базы, выполнявшие там боевые задачи. Отважно и благородно вели себя экипажи наших «охотников». Командир МО-121 старший лейтенант П.Д. Харламов бросился на выручку МО-120 старшего лейтенанта И.Н. Павленко, атакованного пикировщиками, и открыл по ним огонь. Один из самолетов задымил. Тогда восемь Ю-87 навалились на МО-121. Харламов отбивался, искусно маневрировал и ушел от прямого попадания. Но осколками бомб катер был изрешечен и начал тонуть. В это время погибли командир и его помощник лейтенант Г.М. Морозов. Раненый боцман, став за штурвал, направил катер к берегу.

Другая эскадрилья Ю-87 атаковала канлодку «Красная Армения». Экипаж отбивался, пока корабль не затонул. Погибли командир корабля Н.А. Кадыгробов и комиссар дивизиона Ф.П. Славинский. Увидев бедственное положение канлодки, командир дозорного МО-22 старший лейтенант И.А. Тулупов устремился к

ней, но его самого атаковали и подбили пикировщики.

Как раз в это время к Тендре подошел «Фрунзе». Он тут же был атакован вражескими самолетами.

Вечером мы узнали, что вместо находившегося на излечении Бобровникова (помните, который «ушел» через окно из одесского госпиталя, а его в Севастополе крепче заперли) корабль вел Ерошенко (его корабль – лидер «Ташкент» – находился на ремонте в Севастополе после одесской бомбежки). Ерошенко – опытный командир. С ним рядом – адмирал Владимирский. Они грамотно действуют. Корабль на полном ходу уклонялся от самолетов и бомб. Но у него слаба зенитная артиллерия, нет автоматических пушек. И это сказалось. Во время очередного налета «юнкерсов» погибли комиссар Д.С. Золкин, механик В.Д. Зызак и наш капитан 1-го ранга С.Н. Иванов. А при нем боевые документы для постановки задачи отряду высадочных кораблей.

От сильных повреждений эсминец стал тонуть. По приказанию Владимирского Ерошенко, став за штурвал вместо раненого рулевого, направил корабль к Тендровской косе, чтобы спасти людей. Буксир, которым командовал С.И. Яник, поспешил на помощь эсминцу Исполняя долг, Владимирский и Ерошенко последними сошли с корабля на буксир. Ерошенко уже был тяжело ранен. Новый налет пикировщиков – и погибает буксир. Люди вплавь добираются к берегу, а подошедший катер снимает раненых.

На косе, в землянке, хирург Н. Загуменный спас жизнь Ерошенко. И Василий Николаевич еще много раз покажет себя героем в боях за Севастополь.

Поздно вечером на торпедном катере с Тендры в Одесский порт прибыл Владимирский и сообщил Кулишову план действий отряда высадочных кораблей согласно директиве комфлота, которая погибла на «Фрунзе». Кулишов звонит мне из порта:

– Владимирский ранен, выезжает на наш ФКП, вызовите врачей. Ставлю задачу командиру отряда Чижевскому.

Вскоре отряд вышел, но с опозданием – настолько, насколько задержался с прибытием Владимирский.

Тем временем, выполняя правила плавания в зоне Одесской базы – входить в нее только с темнотой, к нам следовал из Севастополя отряд десантных кораблей в составе крейсеров «Красный Крым» и «Красный Кавказ» и эсминцев «Бойкий» и «Безупречный» под командованием контр-адмирала С.Г. Горшкова. На кораблях – морской десант в составе 3-го морского полка. Отряд с большим искусством прошел минный фарватер, обогнул Одесскую банку (отмель) и в назначенное время подошел к району высадки. Наши корабли были оснащены современной

техникой кораблевождения, которая обеспечивала плавание в любой обстановке с гарантией полной безопасности при одном условии – образцовой работе штурманов. В то время не было радиолокаторов, и штурманы компенсировали теперешние технические преимущества огромным трудолюбием, большой мыслительной работой и высокой бдительностью. И я вспомнил наших флотских штурманов-асов В.Г. Паршина,

Ю.П. Ковеля, А.Н. Калитенко, Б.Ф. Петрова, В.Н. Дукальского, Н.Г. Загольского, К.И. Бармотина, Н.И. Боярского, З.Д. Кротова, Д.В. Амбокадзе.

Отряд десантных кораблей с ювелирной точностью был выведен штурманами В.Ф. Яросевичем, Н.П. Елисеенко, К.П. Калитиевским прямо к нашему бую, который выставил лейтенант В.Е. Моспан, и в начале второго часа корабли стали на якорь по диспозиции.

Так как одесский отряд высадочных кораблей запаздывал с подходом к крейсерам, Горшков, получивший приказание комфлота возглавить высадку десанта, принял решение начать высадку корабельными плавсредствами. На эсминцах есть катера и шлюпки. Высадить сто человек – не проблема. А на крейсерах помимо своих баркасов были еще дополнительные средства. Оказывается, еще в Севастополе у С.Г. Горшкова и начштаба эскадры В. А. Андреева возникла мысль иметь больше своих средств. И погрузили на борт крейсеров баркасы с других крейсеров и бригады подлодок. Всего оказалось одиннадцать баркасов – сразу треть полка можно поднять.

Командиры крейсеров А.И. Зубков и А.М. Гущин и их старпомы Н.И. Масленников и К.И. Агарков обеспечили образцовую организацию посадки десантников на баркасы. Понадобилось 10 минут на их спуск, а еще через 10 минут они с десантниками направились к берегу. По просьбе личного состава рота лейтенанта И.Д. Чарупы первой пошла на высадку.

В 2 часа первый бросок на берегу. Через полчаса канлодка «Красная Грузия» подошла к «Красному Крыму» и приняла последних 450 десантников. Как раз в это время прибыл Владимирский, и крейсера ушли в Севастополь.

Эсминцы «Бойкий» и «Безупречный» и их командиры Г.Ф. Годлевский и П.М. Буряк не уступали крейсерам в сноровке и быстроте. Закончив высадку десанта, они открыли огонь в его поддержку, для чего с полком высадились корректировочные посты.

Геройски вели себя экипажи баркасов – командиры, старшины, мотористы, крючковые. На них лежала ответственность за доставку на берег десантников. Противник

встретил их огнем. Как на грех, баркасы сели на мель (у Григорьевки много загреб). И тут отличились моряки баркасов. Они спрыгнули в воду и проталкивали баркасы вперед, а подойдя к берегу, выскакивали впереди десантников и под огнем выгружали оружие, боеприпасы и продовольствие. Многие из них были ранены. Но вот они вновь у крейсеров, а затем у берега с очередными подразделениями десанта. И так по 3–4 рейса каждый. Крейсера ушли, а они остались.

К 5 часам у Григорьевки был высажен десант. Первый морской десант в Великой Отечественной войне. Он удался и стал примером для последующих десантов. Огромная заслуга в успешном его осуществлении принадлежит командирам и старпомам кораблей, командованию эскадры, а также флотским политработникам – комиссару эскадры В.И. Семину, комиссарам крейсеров Ф.П. Вершинину и Н.В. Петрову, заместителю начальника Политуправления флота М.П. Ткаченко, – они обеспечили высокий боевой порыв десантников и всех моряков, который сломил сопротивление врага в первой же схватке на берегу.

Корабли базы – канлодка «Красная Грузия» и катера Державина – всего в количестве двадцати единиц – после высадки десанта открыли огонь по берегу. К ним присоединился СКР «Кубань».

3-й морской полк на берегу. Преодолев сопротивление противника, он начал продвижение в сторону фронта. Батальон капитана Б.П. Михайлова (комиссар – К.М. Галушко) наступал вдоль побережья, а батальон старшего лейтенанта И.Ф. Матвиенко (комиссар – П.Г. Прохоров) – севернее. Между ними действовал третий батальон. Еще на переходе тяжело заболел командир полка, и вся ответственность за выполнение задачи легла на комиссара И.А. Слесарева и начальника штаба П.В. Харичева. Полк разгромил вражеский штаб и захватил батареи, стрелявшие по кораблям на рейде. Севернее полка были сброшены флотские парашютисты.

В 3.00 морская авиация нанесла удар по резервам противника.

Ночью 421-я дивизия была сдвинута вправо к морю. Ей предстояло наступать на восток и брать укрепленную Фонтанку. Ее КП в Крыжановке. Левее выдвинулась 157-я дивизия. Она будет наступать на север. Ее КП в Лузановке. Погранполк переводился в Межлиманье.

Перед рассветом Кулишов приказал мне выехать на КП 421-й и морского полка и еще раз уточнить детали по действиям артиллерии. Когда все было закончено, мы с начштадивом

Захарченко прошли на КП. Светало. С волнением ожидаем первый наступательный бой. Скоро он грянет.

По-разному воспринимают томительно медленное течение времени перед атакой. Каждый по-своему. Я прильнул к стереотрубе. В лучах восходящего солнца сквозь туманную дымку проглядывались позиции новой дивизии. Справа – траншеи 1-го морского полка. Ближе – морские подвижные батареи Александра Кривошеева, Григория Тарнопольского, Андрея Лизенко. Прямо перед нами – рубеж 54-го полка. Видно передвижение людей – полк после передачи прежних позиций осваивал новые траншеи. Вдали ухали разрывы. Это эсминцы поддерживали десант – 3-й морской полк от Григорьевки двигался нам навстречу. А у нас удивительная тишина. Что это значит? Противник ничего не подозревает или притаился и ждет, чтобы встретить нас огнем? Что там у него делается? Скрывают дымка да неубранное поле: высокая кукуруза и нескошенный хлеб.

Это поле должно стать полем трудного боя. Он пока в умах командующих и командиров, в планах штабов, в расстановке дивизий, полков, батарей, кораблей, в дремлющей огневой мощи артиллерии и авиации, в душах солдатских. Все готово к бою. Будет дан сигнал – и все придет в движение. И в который раз судьба приказа, а с ним и судьба города будет вручена рядовому бойцу. И на него ляжет самое тяжелое – исполнение командирского замысла.

Командарм Софронов и начштарм Крылов на своем КП, в городе. А сюда, на КП 421-й, прибыл Военный совет ООР.

Я убыл на КП 1-го морского полка. Там в сборе все командование – полковник Осипов, новый комиссар старший политрук И.М. Демьянов (он сменил раненого Митракова), новый начштаба майор Г.В. Перерва – он из операторов штаба армии, знаток общевойскового боя.

Здесь находятся и все наши корректировщики – Старков, Черепов, Терновский во главе со своим шефом Филипповым. Уточнил их задачи, сообщил о приходе «Беспощадного» и подключении его к Морскому полку – он должен громить укрепления врага в Фонтанке. Корректировщики выехали в батальоны.

7.00. Точно по плану в небе флотская авиация. Морские летчики на СБ и самолетах-торпедоносцах ДБ-3 с бомбами лихо снизились, и не как-нибудь, а развернулись вдоль позиций противника и засыпали их бомбами. Хорошо поработал штаб ВВС и его оперативный отдел во главе с полковниками С.С. Агафоновым и В.Н. Калмыковым, – четко действуют флотские бомбардиры, ни одного «заезда» на своих. Только ушли

торпедоносцы и СБ – привел своих пикировщиков майор И.И. Морковкин.

В 7.30 ударила армейская и морская артиллерия – началась артподготовка. Впервые я наблюдал такую мощную и красивую канонаду. Через полчаса артиллерия перенесла огонь в глубину вражеской обороны. И поднялась наша пехота. Скажу прямо: авиация и артиллерия проложили ей хорошую дорогу. В едином порыве наши воины бросились на врага. Уже в первые минуты вражеская пехота, оглушенная нашими бомбами и снарядами, не выдержала натиска наступавших, которые действовали яростно и зло.

Зазвонил телефон. Командир базы приказал мне вернуться на ФКП. Пришел конвой с войсками. Их сразу направили в Восточный сектор. Суда привели эсминец «Беспощадный» и два тральщика.

157-я дивизия Томилова, удивившая нас в порту своей собранностью, теперь показывала боевитость. Поддержанная танками и артогнем, она выбила противника с первой позиции и начала теснить его на север вдоль восточного берега Куяльницкого лимана. К полудню передовые части заняли Гильдендорф (Красноселку), совхоз Ильичевка (ныне село Ильичевка) и агрокомбинат Ильичевка (ныне поселок Мирный). Отличились стрелковые полки Д. Соцкова и Г. Гамилагдишвили.

Левее 157-й дивизии, в Межлиманье, Пограничный полк нанес по врагу сильный удар и начал теснить его на север, к селу Ильинке. Труднее развивалась атака 421-й дивизии. Фонтанка оказалась сильно укрепленной. 1-й морской полк встретил серьезное сопротивление противника и понес большие потери. 54-й полк несколько задержался с началом удара. А это дало возможность врагу маневрировать силами. Да и задача перед дивизией стояла трудная. Вначале она должна была наступать вдоль моря к Новой Дофиновке, затем развернуть фронт на 90 градусов и продолжать движение в северном направлении.

К полудню обозначились разрывы между дивизиями и полками. И не только потому, что части наступали веером. 421-я дивизия, увязнув в укрепленной Фонтанке, отстала. Вот когда Жуков и Софронов пожалели, что дали согласие на высадку десанта у Григорьевки и не настояли на его высадке у Новой Дофиновки, как предлагало командование базы (что, как потом оказалось, совпадало с указанием наркома ВМФ). Тогда бы десантный полк ударил в тыл противнику у Фонтанки, навстречу 421-й дивизии. И это могло произойти часов в девять. А сейчас двенадцать, и полк, вероятно втянувшись в бои с резервами противника, находится где-нибудь на полпути от Григорьевки к

Новой Дофиновке.

Обстановка вынуждала командующих в самый разгар наступления приостановить продвижение 157-й дивизии, подтянуть 421-ю и сомкнуть фланги. А чтобы ускорить это, надо было поторопить десантный полк с ударом в тыл противника.

С КП 421-й, где находился и Кулишов, звонит Жуков:

– Деревянко, где, по-вашему, может быть сейчас штаб 3-го полка?

Отвечаю, что наша контрольная радиостанция прослушивает радиопереговоры корпостов с эсминцами «Бойкий» и «Безупречный», поддерживающими десант. Попытаемся установить местонахождение радиостанции штаба полка. Десантом, как и эсминцами, его поддерживающими, руководит Жуков. Радиосвязь с полком обеспечивает заместитель начальника связи флота Гусев. Но наш Баратов кое-что уловил.

Звоню, докладываю, что предположительно штаб полка находится в Чебанке. В телефонную трубку слышу распоряжение: «Приготовить катер для доставки туда приказания». Сколько хлопот создали себе из-за недооценки места высадки десанта!

В 13.30 катер с оператором штаба армии на борту вышел с приказанием 3-му морскому полку ускорить движение на Новую Дофиновку, откуда наступать через перешеек, занять совхоз имени Ворошилова и, соединившись с 421 – й дивизией, уничтожить противника в районе Фонтанка – Вопнярка.

Противник, опасаясь удара десанта с тыла, начал поспешно отводить войска на север. Наши дивизии устремились за ними. В ходе преследования стали отсекать и окружать вражеские арьергарды. В этом отличился и десантный полк.

Моряки настолько увлеклись артподдержкой пехоты, ее успешным продвижением, что ослабили внимание к безопасности стрелявших кораблей, преувеличили возможности наших истребителей, их прикрывавших. И были наказаны за недооценку воздушного противника. Еще с вечера был утвержден план: зону над кораблями патрулируют два истребителя

И -16, а четыре новых пушечных истребителя Як-1 дежурят на аэродроме. Большего, к сожалению, выставить не могли. 69-й авиаполк Шестакова имел 30 истребителей И-16, да флотская эскадрилья капитана Ф.И. Демченко 13 машин. И пришли десять новых самолетов Як-1. Полк только числился истребительным, в ПВО, а фактически он ежедневно ходил на штурмовку вражеской пехоты. А в этот день штурмовал аэродромы противника.

И по-прежнему над кораблями пара истребителей. Нашим ротозейством воспользовался противник. Как током меня пронзило, когда в 13.00 с рейдового поста доложили:

«Пикировщики противника бомбят эсминец “Безупречный”, корабль остановился». А вслед донесение командира: «Нуждаюсь в помощи». Коль скоро Петр Максимович Буряк запросил о помощи, значит, корабль в ней очень нуждается. Высылаю к нему спасательные суда, а в порт – санитарные машины. Но в море действовало морское братство – взаимовыручка. Подскочил эсминец «Бойкий», снял тяжелораненых, доставил их в порт. А «Беспощадный» взял на буксир подбитый корабль и вместе со спасательным судном «Юпитер» (командир – В.А. Романов) направились к порту.

П.М. Буряк доложил: налетели «мессера», за ними пикировщики Ю-87. Хотя наши летчики мужественно дрались, у противника большой перевес в силах. Появились с различных направлений и с высоты 2000 метров начали пикировать на корабль.

Обнаружив вражеские самолеты, командир дал самый полный ход и начал маневром уклоняться от бомб. Артиллерист корабля старший лейтенант Т.А. Стебловский открыл зенитный огонь. В результате искусного маневра и огня корабль избежал прямого попадания, но несколько бомб разорвалось у борта и осколками изрешетило корпус – до 300 малых пробоин. В котельные и машинные отделения поступила вода. Остановились турбины. Крен достиг 17 градусов. Старпом

А. В. Кисель и инженер-механик В.И. Михайлов, возглавив аварийные подразделения, которыми командовали главстаршины

В. Н. Егорушин и И.И. Рязанов (секретарь парторганизации корабля), остановили распространение воды по кораблю. Но продолжать бой эсминец уже не мог. Корабль ввели в гавань и приступили к откачке воды и ремонту под руководством начальника ЭПРОНа ЧФ С.Я. Шаха и флагмеха базы М.Г. Александрова.

В момент налета пикировщиков оба адмирала находились на КП 421-й дивизии: в Восточном секторе решалась судьба обороны города. С КП были хорошо видны и поле боя, и корабли в море.

Я позвонил на КП дивизии, чтобы доложить о подбитом эсминце. Попал на Жукова. Он ответил:

– Мы все видели сами. Шестакову указано на слабое противодействие пикировщикам. Отдано распоряжение смену истребителей производить обязательно в зоне патрулирования над кораблями.

Кулишов сообщил, что выезжает в авиаполк, а оттуда на «Безупречный», а Жуков – накоротке на КП 157-й дивизии, затем снова в 421-ю. Я так понял начальство: кораблям продолжать огонь. «Бойкий» и «Беспощадный», оказав помощь

«Безупречному», снова в бою.

Дивизии, сомкнув фланги, стремительно продвигались к намеченным рубежам. Десантный полк в районе Новой Дофиновки. Корабли стреляли все реже. Видимо, от частей не было заявок. Я уже подумывал, а не отвести ли корабли в порт? Все же там спокойнее. В это время поступил доклад: пикировщики бомбят эсминцы.

Это был массированный налет, до тонкостей продуманный удар. «Мессера» навалились на четверку наших И-16. Подоспели Як-1, но их было мало. И хотя наши летчики сбили два вражеских истребителя, противник не отказался от замысла. Его истребители, численно преобладавшие в воздухе, проложили пикировщикам дорогу к цели. И те устремились к эсминцам.

Меня бросило в холодный пот, когда с берегового наблюдательного поста доложили, что в «Беспощадный» попали бомбы, он окутан дымом, погрузился носом в воду, задним ходом движется к порту. И как раз в это время жестокий налет противника на порт. Вот тебе и гавань, о которой я думал и куда собирался упрятать корабли. Там тоже несладко. А вот и донесение командира: «Имею сильное повреждение». Ну раз Негода пишет: «сильное» – значит, считай, опасное.

Выслал на помощь спасательные буксиры. И получаю от Негоды семафор: «В помощи и буксирах не нуждаюсь». Вот это да! Вот это командир! Объятый пламенем, окутанный дымом и паром, почти с оторванным носом, принявший в себя много воды, корабль, продолжая отбиваться от самолетов, шел задним ходом и на сложной циркуляции в воротах Одесского порта норовил войти в гавань с поднятым флажным сигналом на мачте: «Благодарю за внимание, в помощи спасательных буксиров не нуждаюсь».

Правой рукой командира во всех делах был комиссар корабля старший политрук Т.Т. Бут. Вместе с командиром они сколотили сильный экипаж, который прославил флот в войне с гитлеровцами под Одессой, Севастополем, в Крыму и на Кавказе.

Негода доложил, что он подготовил корабль к встрече с пикировщиками, учтя опыт «Безупречного». На мостике были расставлены командиры В.В. Ярмак, В.И. Клименко, В.В. Лушин, которые докладывали о появлении самолетов в своих секторах и их последующих действиях. В зависимости от этого производился маневр на самом полном ходу, который машинная команда довела до 35 узлов. А в это время командир зенитной батареи лейтенант Ф.А. Алешин из трехдюймовок и пушек-автоматов отражал налет. Был сбит один самолет. В этом бою отличился матрос Колесниченко – он вел огонь, будучи тяжело раненным, и

умер на боевом посту от потери крови.

Корабль увернулся и отбился от 20 самолетов, уклонился от 80 бомб. А вот еще один вражеский ас попал бомбой в форпик – самый первый носовой отсек. Но так как ход был очень большой, то под напором воды нос корабля был смят до 44-го шпангоута и держался «на честном слове» – килевой коробке. И по всему корпусу пошли трещины. Вода начала поступать в корабль и распространяться по отсекам. Возник пожар. И вот тут мастерство и отвагу проявили матросы и старшины аварийных подразделений Н.А. Землянухин, П.М. Вакуленко, Н.И. Агапов, М.Г. Костенко, П.И. Коншин. Под руководством инженер-механика Я.С. Козинца пожар был потушен и прекращено распространение воды по кораблю. Отличившиеся в спасении корабля были награждены орденами.

Мы часто говорим о героизме тех, кто непосредственно огнем уничтожает врага, и редко упоминаем о людях, дающих движение кораблю и энергию для использования оружия. А между тем без усердия личного состава электромеханической боевой части корабля, или, как раньше называли их, нижней команды, не сработает никакое корабельное оружие. А когда корабль подбит, то часть из этих людей бросается спасать его, а с ним и тех, кто стоит у оружия. В грозный час, часто в кромешной тьме, под кинжальными ударами водяной струи, бьющей из пробоины и создающей грохот, в котором ничего не слышно, люди из «нижней команды», забывая о смерти, заделывали пробоины и ставили подпорки на перегородки до самого страшного мгновения, которое называется мгновенным опрокидыванием корабля. И команда: «Все наверх, покинуть корабль!» – уже не касалась их, и они разделяли участь командира корабля, которому предписано уходить последним.

К исходу дня наши части отбросили противника на 9 километров и начали закрепляться на высотах к северу от Александровки, Гильдендорфа, Ильинки. 3-й морской полк захватил

Новую Дофиновку и вошел в контакт с 1-м морским полком. В бою хорошо показали себя начштаба полка П.В. Харичев и комбаты. Как всегда, на высоте были коммунисты, и прежде всего политработники. Два комиссара батальонов – В.Н. Прокофьев и П.Г. Прохоров – в том бою погибли.

Батальонный комиссар И.А. Слесарев был начальником отдела Политуправления флота. Узнав, что предстоит высадка морского десанта, попросил назначить его комиссаром десантного полка. В ходе боя ему пришлось командовать полком. Десант образцово выполнил задачу. В этом большая заслуга И.А.

Слесарева.

Комиссар 411-й батареи П.Т. Катков добился разрешения сформировать подразделение пулеметчиков и выехал во главе его в 1-й морской полк. И сразу в бой. Он сражался с врагом отважно и погиб по-комиссарски.

Заместитель начальника политотдела армии Г.А. Бойко, узнав, что до крайности осложнилось положение в Южном и Западном секторах, выехал на передовую, чтобы вдохновить бойцов. А когда потребовалось показать личный пример, он во главе пулеметной роты отбил две атаки противника. Был тяжело ранен в обе ноги и руку, но разрешил вынести себя с поля боя лишь тогда, когда убедился, что наши закрепились. Г.А. Бойко был награжден орденом Красного Знамени.

Моряки проявляют характер

3-й морской полк влился в 421-ю дивизию. Командиром полка назначили подполковника В.Н. Затылкина, уже хорошо повоевавшего под Одессой. И это пошло на пользу полку, недавно собранному со всех частей флота. Повысились организованность и мастерство воинов.

Нашим соединениям не удалось окружить вражеские дивизии. Видимо, не хватило сил и мастерства. Но потрепали противника крепко. Только убитыми враг потерял около двух тысяч человек. Было захвачено много пленных. Наши трофеи – 35 орудий и 110 пулеметов, много другого стрелкового оружия.

Удалось пресечь артиллерийский обстрел города, порта и кораблей. Уже в полдень 22 сентября смолкли вражеские батареи, ранее стрелявшие по Одессе. Теперь в порту рвутся снаряды, посылаемые противником из-за Сухого лимана. Но это обстрел по площадям, он не так опасен.

А мы, одесские моряки, на исходе победного дня, радуясь нашим успехам на суше, забыли, что в море без дела ходит эсминец «Бойкий». Еще светло. Не ровен час – налетят пикировщики. На нас прямо-таки какое-то затмение нашло.

В те времена командиры остерегались напоминать о себе. О безопасности кораблей должны заботиться старшие начальники. И вдруг в наше благостное настроение по поводу сухопутного благополучия с моря вторгается вроде бы безобидная, выдержанная по уставу, но довольно-таки язвительная радиограмма: «Начальнику штаба базы. Прошу разрешения идти в Главную базу. Или дожидаться такой же участи? Командир эсминца “Бойкий” Годлевский». И хотя в строчке вроде одни точки, догадываться не надо: это была звонкая пощечина тем (я принял ее на себя), кто не подумал о корабле. Радиограмма Годлевского – не в бровь, а в глаз. Узнаю своего бывшего подчиненного Жору Годлевского. Помню его по эсминцу «Петровский». Я был на нем помощником командира, а он, лейтенант, – командиром батареи. Горе тому, кто в кают-компании во время дружеской беседы заденет его за живое, – язык что бритва. Его юмор был едким и мрачноватым. Но Годлевский отлично служил и быстро продвигался по службе. Прошло пять лет – и он уже командир нового эсминца (мечта моряка!). В Одессе он отличился мастерством и отвагой.

Годлевский дисциплинирован и в меру осторожен. Не послал эту радиограмму Жукову, который руководил кораблями, поддерживавшими десант, или Кулишову, а направил ее мне.

Конечно, штаб первым должен был подумать о безопасности кораблей. Полагаясь на доверительность старого сослуживца, он ожидал безболезненную и быструю мою реакцию, не зная, что командир базы читает все радиограммы.

Я доложил по телефону командиру базы, что «Бойкому» нечего делать в море, что необходимо получить разрешение Жукова на его вход в гавань, где его ждет новая задача. Жуков сообщил, что «Бойкий» переходит в подчинение базы. Ему дано «добро» на вход. Я спокойно вздохнул, что все обошлось благополучно, и уже стал забывать о злосчастной радиограмме – мало ли за день приходится разрешать острых вопросов. Вдруг звонок командира: «Зайдите». У него комиссар базы Дитятковский.

– Почему вы немедленно не доложили эту радиограмму Годлевского? – спросил меня командир.

Я ответил, что она адресована мне и я по-своему распорядился – действовал, не имея времени на поиски скрытого смысла. К тому же согласен с ее содержанием. Представляю ситуацию, в которой она писалась, тут не до изящной словесности. Корабль вышел из дневных боев невредимым, но мог быть подбит, как и «Беспощадный», если не убрать его вовремя в гавань.

– На войне могут и убить, – резонно заметил Кулишов.

Комиссар оставил радиограмму у себя.

Я убыл в порт отправить конвой, командиром которого назначили Годлевского.

После инструктажа командиров кораблей и капитанов судов работник политотдела эскадры Л.В. Малышко, находившийся на «Бойком», рассказал мне о действиях экипажа в бою и похвально отозвался о командире. Да я в Годлевском и не сомневался. И не только в нем. В ходе боя командиры и экипажи кораблей блестяще справились с поставленными задачами. Они сдали серьезный экзамен на боевую зрелость. Эсминцы вместе с береговыми батареями и флотской авиацией помогли 3-му морскому полку и 421-й дивизии сломить сопротивление противника и выйти на заданные рубежи. Не пришлось сегодня на эсминцах пообедать – коки согласно боевому расписанию действовали заряжающими. Обед совместили с ужином, тогда и по чарке выпили. Кроме «Бойкого», ему в поход и пить нельзя.

В боевых порядках десантного полка отважно и мастерски действовали корпосты эсминцев. «Бойкий» без малого сутки вел огонь, который корректировал лейтенант Г.Е. Беленький. А когда «Безупречный» был подбит и его корпост осиротел, а полку надо помогать, командир корпоста лейтенант В.С. Сысоев по радио

попросил «Бойкий» вести огонь и по его целеуказанию. Годлевский отзывчив, и с артиллеристом А.П. Макаровым они решили разделить артиллерию. Лейтенанту Д.И. Щербаню поручили вести огонь кормовой батареей за «Безупречного».

Если говорить откровенно, не часто встречаются такие рыцарские решения. Сколько здесь гражданственности и человеческой порядочности! Ведь Годлевский усложнял свою задачу. Чтобы не ослабить поддержку своего батальона, он до предела увеличил скорострельность носовой батареи. Принимая решение, командир руководствовался благими намерениями: если он немедленно не поможет огнем соседнему батальону, за который не несет ответственности, тот расплатится за это большой кровью. Значит, надо выручать его.

«Бойкий» в течение дня воевал за двоих – за себя и, как принято сейчас говорить, «за того парня». Он один с помощью двух корпостов поддерживал десантный полк. Кроме морально-этической стороны дела здесь налицо новый тактический прием, впервые примененный по инициативе командира эсминца. И конечно же, Годлевский заслуживает высокой похвалы. А то, что он допустил невинную дерзость, – это второстепенное. Надо видеть в человеке главное, определяющее – его дела – и уметь подавлять минутную вспышку гнева к человеку, возникшую только потому, что черты его характера не вписываются в круг классических догм твоего понимания кодекса поведения.

В заключение Годлевский доложил:

– Когда кончился зенитный боезапас, я послал вам радиограмму и подвел корабль к порту под прикрытие береговой зенитной артиллерии.

У меня даже дух перехватило от этой новости.

– Да как же вы смели не показать этого, самого главного, в той вашей радиограмме?

– Не хотел этим прикрываться. Командованию, вероятно, было видно, что кораблю нечего делать в море. Из полка уже не вызывали огонь.

Так вот истинная причина, заставившая командира послать такую радиограмму. Пожалуй, каждый из нас поступил бы точно так же, а может, и резче. Я проникся еще большим уважением к Годлевскому.

По заведенному порядку, каждый раз, провожая корабль в Севастополь, я посылал отзыв о его действиях под Одессой. Адресовал его начальникам штабов флота и эскадры. Я дал высокий отзыв о «Бойком» и Годлевском, с которым потом согласились и Кулишов, и Жуков.

По возвращении в штаб Дитятковский вручил мне

радиограмму Годлевского:

– На исполнение.

Глянул я – и ахнул. На ней резолюция: «Комдиву эсминцев Пермскому. Наказать Годлевского и доложить Военсовету флота. Азаров».

Я упрятал эту злосчастную радиограмму в свой сейф – пусть поулягутся страсти, а тем временем уйдет Пермский. Тут я здорово слукавил, надеясь на скорую встречу с Жуковым, чтобы между делом показать ее. Я знал отношение Жукова к кадрам и его дисциплинарную практику, считал, что он по-человечески разберется.

Как часто бывало, Жуков и на этот раз показал свою партийную зрелость. На другой день он посетил наш штаб и в ожидании Кулишова заслушал мой доклад о подготовке аварийных эсминцев к буксировке в Севастополь. А затем, видно прослышав об истории с Годлевским, опередив меня, потребовал радиограмму. Я доложил. Он от души рассмеялся:

– Ловко Годлевский отделал тебя, а заодно и нас. И поделом. Тут налицо наш недосмотр. А по резолюции я беру на себя уладить это недоразумение.

В этом весь Жуков – революционный матрос Гражданской войны. Он бережно относился к людям, особенно с передовой, и вдвойне осторожно – к корабельным кадрам. Он никогда не разбрасывал взыскания и зорко следил за нами, чтобы мы не усердствовали в этом. И еще одно: он мужественно признавал свою вину, чем подавал хороший пример подчиненным. Искреннее поведение с людьми, задушевные беседы, прямота, откровенность, доверительность, справедливость, а когда нужно, и строгость были сильной стороной его служебной и партийной деятельности.

Жуков уехал, и я приказал эту радиограмму подшить в дело.

Видимо, в верхах состоялся невеселый разговор в Жуковском матросском стиле. Через день Кулишов, вернувшись с заседания Военного совета ООР, пригласил меня и откровенно заговорил:

– Дался нам этот Годлевский! Столько неприятных, но вполне заслуженных упреков пришлось выслушивать от командующего. Действительно, с ним погорячились и переборщили. Адмирал Жуков приказал отныне к командирам кораблей, придаваемых базе, без его ведома дисциплинарных мер не применять и представлений на сей счет в Севастополь не давать.

Вот это здорово! Опять же в этом весь Жуков. Да и Кулишов оказался на высоте.

Пройдет немного времени, и Георгий Федорович Годлевский за подвиги под Одессой Указом Президиума Верховного Совета

СССР будет удостоен высокой награды.

Прошли годы. Работая в архиве, я обнаружил донесение политотдела эскадры в Москву о действиях кораблей в десантной операции у Григорьевки 22 сентября 1941 года: «Особо отмечается умелое управление маневрами корабля и артиллерией командира эсминца “Бойкий” капитан-лейтенанта Годлевского. Его мужественным поведением и умелыми действиями, большой находчивостью и сноровкой восхищается буквально весь личный состав корабля»[36]. Вот так-то. А мы чуть не наказали его в Одессе.

Какова бы ни была вина Кулишова и тем более Жукова за недосмотр в обеспечении безопасности эсминцев, с начальника штаба базы спрос не снимался в силу его персональной ответственности за высококачественную подготовку оперативных решений командира и претворение их в жизнь. Бывало такое, когда за боевые неудачи начальника штаба освобождали от обязанностей, а командир оставался. Мотивировали просто: первый не обеспечил плодотворной деятельности последнего. Потому начштаба и наделен особыми уставными правами единоличного доклада командиру своих и штаба предложений для принятия решения на бой, операцию. И хорошо, когда эти предложения совпадают с мнением командира. А если расходятся? Начальник штаба, опираясь на расчеты, обязан отстаивать мнение штаба, крепко стоять на своем, не печься о престиже и карьере во имя поддержания добрых отношений с командиром, не страшиться гнева командира, недовольного предложением штаба. Начальник штаба обязан, гласит устав, настойчиво добиваться принятия командиром решения, в правильность которого уверовал штаб. Если твое предложение отвергнуто, то в ходе боя ты можешь вновь выйти с ним, если дела идут неладно. Надо уметь отстаивать свою позицию.

Адмиралы были в частях, а я на ФКП. Ко мне стекались данные по обстановке. К 15.00 заявки на огонь кораблей резко сократились, а воздушная опасность возросла. Начальство о кораблях ни слова. Я должен был разыскать командира базы и внести предложение убрать корабли в гавань, где держать их в готовности к выходу в море. Но не проявил инициативы. Ждал указаний свыше, а они не поступили. Вот почему считаю себя виновным в непринятии решения по эсминцам.

Сегодня командующий ООР проводил совещание с командованием соединений. Подводились итоги контрудара. Жуков высоко оценил действия истребительного авиаполка при штурмовке вражеских аэродромов и пехоты, но покритиковал за неудачное прикрытие кораблей, особенно при повторных налетах

авиации противника.

Что ж, авиаторы, как и все остальные, тоже учились воевать. Ведь командиру Шестакову всего 26 лет от роду и он недавно принял полк.

О кораблях Гавриил Васильевич сказал:

– Это счастье, что мы отделались повреждениями кораблей. Могло быть хуже. Задача состоит в том, чтобы скорее делать выводы из происшедшего и не повторять ошибок.

Жуков сказал: счастье. А какое оно? И есть ли оно на войне? Я верил в него. Мне казалось, что чем реже каждый из нас будет нарушать законы войны, отраженные в уставах, тем чаще счастье будет улыбаться нам. Если мы хорошо готовим корабль, полк, соединение в техническом, боевом, морально-политическом и психологическом отношении, глубоко раздумываем над целесообразностью их использования, трезво учитываем обстановку, то можем рассчитывать на закономерное военное счастье. При этом я оставляю место и для случайностей. Несколько примеров, характеризующих эту мысль.

Большой конвой вышел сразу с наступлением темноты. На борту тысячи раненых, женщин и детей. А после этого на Одесский порт обрушилась вражеская авиация. Задержись конвой по недисциплинированности на полчаса – и неизбежны жертвы. Солдаты, прибывшие на рассвете на судах, только покинули порт, как начались бомбежка и обстрел. Были осколочные пробоины в судах. Промедли конвой с приходом – и войска могли понести потери еще до вступления в бой. Все это мы называли закономерным счастливым исходом. Он объясним: командиры и капитаны стали собраннее, точно выдерживали установленное время ухода и прихода кораблей и судов в порт.

Самолеты-торпедоносцы противника нагнали при эвакуации из Одессы наши концевые конвои и выбрали себе в жертву небольшое судно, шедшее в самом конце порожняком. И разрядились по нему. А чуть впереди шли переполненные людьми крупные суда. Прямо скажем, чистейшая и необъяснимая случайность. На вражеских летчиков нашло какое-то наваждение. Ну а следовавшим на судах людям улыбнулось счастье случайного характера.

«Бойкий» остался невредимым во время одного из налетов пикировщиков, потому что вражеский авиационный командир избрал для удара эсминец справа – «Беспощадный», а не слева – «Бойкий». Это, конечно, случайность. Когда же «Бойкий» пять раз бомбили и он увернулся и отбился, или когда «Безупречный» избежал прямых попаданий, или когда «Беспощадный» вышел из-под массированного удара с минимальными повреждениями – это

результат выучки, искусного маневра и меткого огня. Тут, как говорят, все закономерно. И счастье закономерно.

В 1942 году лидер «Ташкент», прорываясь из Севастополя в Новороссийск, подвергся длительным атакам самолетов. От осколков бомб он получил только повреждения, ни одна бомба не попала в корабль, так как он искусно отбивался и маневрировал. Тут счастье закономерно – результат выучки и отваги, но, конечно, кусочек и случайности (скорее причинной), – почему командир скомандовал: лево руля, а не право? Но вот все-таки одна из последних, по счету 336-я, бомба попала в корабль. Должна же была хоть одна попасть, повинуясь закону рассеивания, который дает причинную случайность. Но как она попала? Скользнула по якорю (на этом корабле он почти полностью втягивался на палубу) и, не взорвавшись, ушла в воду. Все ахнули. Необъяснимая, непричинная счастливая случайность, каких на войне много.

Вот оно какое, военное счастье! Фатальное ли оно? Нет. Тут в основе – мастерство и отвага, а потом уже счастливый случай, как нежданная награда за тяжкий ратный труд.

Как куется счастье – понятно. Но откуда свалилось на нас это несчастье – морские пикировщики с опытными асами, – мы дознались позже.

К середине сентября гитлеровское командование, оценив роль огня советской корабельной артиллерии, решило применить против нашего флота пикировщики. Но действовавшие на Восточном фронте их летчики не были обучены атакам по кораблям. И вот тогда гитлеровцы пошли на крайнюю меру. В разгар сражений между итало-германскими и английскими вооруженными силами за Северную Африку (там действовал немецкий корпус Роммеля) и на коммуникациях Средиземного моря из Сицилии были переброшены в Прибалтику и Причерноморье эскадрильи 10-го авиакорпуса пикирующих бомбардировщиков Ю-87, получивших большой опыт борьбы с английским флотом (они находились на Сицилии с декабря 1940 года). В одни и те же дни – 21 и 22 сентября – в результате ударов пикирующих бомбардировщиков в Кронштадте были повреждены два наших линкора, а под Одессой три корабля потоплены и два повреждены.

Мне позвонил комиссар соединения эсминцев старший политрук Г.И. Фомин и попросил выступить перед личным составом «Безупречного» и «Беспощадного» с рассказом о ходе обороны Одессы. До того мне уже не раз приходилось выступать на севастопольских кораблях, и потому карта-схема обороны плацдарма была готова. Я сразу согласился выполнить

ответственное партийное поручение. А еще мне было приятно встретиться и побеседовать с комиссаром Фоминым. Это интереснейший человек. Когда в 1936 году я был старпомом на «Петровском», он был рядовым мотористом. Но среди сверстников выделялся начитанностью, глубокими политическими знаниями и дисциплинированностью. Его, коммуниста, назначили помощником руководителя группы политических занятий. После учебы Фомин стал комиссаром лидера. А теперь вот комиссар дивизиона кораблей.

Он собрал личный состав. Я рассказал матросам, старшинам и командирам о боевых действиях под Одессой, о роли Одессы в общей борьбе советского народа с гитлеровскими захватчиками. Показалось, что слушатели остались довольны рассказанным и вдохновлены тем, что являются участниками больших исторических событий. Но и вопросов задали немало. И среди них самые трудные: «Почему отступаем?», «Когда остановим фашистов и погоним назад?» Отвечал, как мог. В душе радовался: у бойцов твердая вера в победу.

Сегодня буксир СП-14, которым командовал Т.Е Сапега, повел за корму «Беспощадный» в охранении тральщика и «охотников» в Севастополь.

В разгоревшихся сентябрьских боях с противником в Южном секторе вновь, как и в Восточном, отважно действовали моряки Одесской базы. При попытке врага прорваться в Дальник и к Татарке его отбивали вместе с пехотой подвижной артдивизион Яблонского и береговой артдивизион Денненбурга, морские отряды.

Самая южнофланговая береговая батарея № 1 калибром шесть дюймов (152 мм) стояла у села Люстдорф (Черноморка) на берегу Сухого лимана. С противоположного берега она просматривалась противником. Видимо, он решил покончить с ней и стал наносить по ней артиллерийские удары и особенно донимал минами. Ни одна общевойсковая батарея не находилась так близко к переднему краю противника, как эта. У армейцев даже минометы стояли дальше от передовой. Вся позиция батареи в воронках от снарядов и мин. Однако артиллеристы не унывали. Запомнился такой эпизод.

Сухой лиман отделялся от моря песчаной перемычкой. В одну из ночей разведчики доложили, что противник накапливает силы для удара по нашим войскам во фланг через эту перемычку. Комдив Денненбург, получив приказание от генерала Петрова, поставил батарее № 1 задачу: не допустить форсирования противником перемычки. Когда было обнаружено движение противника, комбатр М.К. Куколев осветил мощным прожектором

перемычку и увидел бежавшие в нашу сторону вражеские подразделения. Несколько залпов – и на перемычке груда трупов, а оставшиеся в живых вражеские солдаты повернули назад.

Противник открыл огонь по нашей батарее. Тогда по приказанию Денненбурга Никитенко и Шкирман огнем своих батарей подавили вражеские орудия. Этот ночной бой показал противнику, что перемычка хорошо прикрыта. Тогда враг попытался форсировать Сухой лиман. Вовремя предупрежденные, наши батареи разгромили противника на воде и у берега. Генерал Петров в очередной раз отблагодарил их за бдительность и сноровку.

В этих боях блеснул талантом М.К. Куколев. Но ему было на кого опереться. На батарее № 1 подобрался боевитый народ. Помощник командира старший лейтенант Н.В. Гайдученко и лейтенант А.Н. Вертюлин возглавляли корпосты и находились на передовой с пехотой. На батарее умело действовали командир огневого взвода лейтенант И.Н. Кандрин, старшина батареи Моисеенко и старшина комендоров Бодрый, командиры орудий Кесельман, Рязанцев, Синицын, Хорошилов. Особенно отважно сражался командир 2-го орудия К.П. Синицын. Он был удостоен ордена Красного Знамени.

Вдохновлял артиллеристов на решительные действия старший политрук В.Е. Иванов. Как и полагается комиссару он всегда находился с личным составом на боевой позиции, показывая пример мужества.

Отважно сражался с врагом бронепоезд базы «За Родину». Внезапно появляясь у передовой, он артиллерийским и пулеметным огнем помогал кавдивизии в решении поставленных задач. Командир бронепоезда капитан М.Р. Чечельницкий зарекомендовал себя смелым воином. Он не раз прорывался в тыл врага, где подавлял батареи, громил резервы. В этих дерзких налетах отличились лейтенанты Г.З. Волков и В.А. Синенков, а среди рядовых матрос В.И. Мишкин. Большую выдержку в боях проявила фельдшер бронепоезда М.Б. Штейн. Многим раненым бойцам она своевременно оказала первую помощь.

В сентябре в Одессу прибыл корреспондент «Красного флота» писатель-маринист Леонид Соболев. Он побывал в 1-м морском полку и на малых охотниках. Я помню, как он, устроившись на солнцепеке, стучал на пишущей машинке – рождалась его «Морская душа».

А еще раньше в Одессе были военные корреспонденты «Красной звезды» Константин Симонов и Яков Халип. Они уже побывали на других фронтах и устремились в самую тогда горячую точку, в осажденную Одессу. А из нее прямо в 25-ю

Чапаевскую к храброму комдиву генералу Ивану Петрову, потом к Денненбургу и Никитенко. Тогда в «Красной звезде» об Одессе много было опубликовано материалов.

Не знаю, может быть, я и не прав, но в симоновском Серпилине немало от генерала Ивана Петрова. Ныне образ талантливого военачальника Великой Отечественной войны Ивана Ефимовича Петрова ярко дан известным писателем Владимиром Карповым в повести «Полководец».

После поражения в Восточном секторе противник усилил нажим в Южном. У него там в первом и втором эшелонах было пять дивизий. С новой силой он повел наступление между селом Дальник и Сухим лиманом в направлении хуторов Болгарских и села Татарка, нацелившись на южную окраину Одессы.

Командарм переводит в Южный сектор 157-ю дивизию. Вскоре и 54-й полк последует за ней в свою 25-ю Чапаевскую. Одесская база перенацеливала огонь батарей и кораблей тоже в Южный сектор.

23 сентября на транспорте «Василий Чапаев» в охранении эсминца «Сообразительный» (командир эсминца и конвоя – С.С. Ворков), тральщика и двух «охотников» прибыл к нам дивизион «катюш» под командованием капитана П.С. Небоженко. Видел я залп этого дивизиона – феерическая картина. Не знаю, какой нанес он урон, но моральное воздействие на врага ошеломляющее.

«Днепр» в охранении «охотников», которыми командовал старший лейтенант С.В. Милюков, доставил в Одессу 422-й тяжелый артполк полковника А.В. Кирсанова и танковый батальон 157-й дивизии. Они, как и дивизион РС, ушли в Южный сектор. Восемь транспортов за шесть суток доставили нам еще восемь с половиной тысяч бойцов. Дивизии хорошо пополнились. К концу сентября Приморская армия имела четыре укомплектованные стрелковые и одну кавалерийскую (спешенную) дивизии. Плотность войск увеличилась. Оборона плацдарма стала более устойчивой. Однако обстановка требовала улучшить наши позиции в Южном секторе. К этому и готовились армия и база.

О защитниках Одессы: «Храбро и честно»

Истекал второй месяц обороны Одессы. Занятые боями, мы не всегда остро оценивали обстановку на дальних фронтах. Улеглась тревога за Ленинград – там враг остановлен и за нами Ладога. Не очень тревожились и за Москву – противник сильно увяз у Смоленска. Больше беспокоило то, что рядом. Враг начал штурм Крыма, вторгся в Донбасс. Флотские части, оборонявшие Западную Таврию, отошли на Тендру. Было принято решение туда же эвакуировать гарнизоны Очаковских островов через Покровку. Для встречи частей направлен энергичный командир капитан В.А. Руссов.

Теперь все внимание Тендре. Необходимо укрепить ее оборону, ибо она прикрывает наш главный фарватер, связывающий Одессу с Севастополем. На Тендре установлена береговая и зенитная артиллерия, построена взлетно-посадочная полоса. Тендровскому боевому участку приданы корабли, а ТБУ после генерала И.Н. Кузьмичева возглавил полковник И.Р. Хвескевич, человек толковый и отважный. Мы были спокойны за свои коммуникации.

И вдруг ошеломляющее известие: пал Киев. Раньше нас ободряло, что рядом сражается Киев. А теперь Одесса одна в далеком тылу. Но на этом не кончились наши горести. Только мы пришли в себя от одного сообщения, получаем новое: после пятидневного штурма гитлеровские войска 28 сентября захватили на Перекопском перешейке Крыма наш главный оборонительный рубеж – Перекопский (по-старому – Турецкий) вал. Врагом заняты населенные пункты Перекоп и Армянск. Наши войска отходят на юг ко второму оборонительному рубежу, к Пятиозерью, на Ишуньские позиции.

Рухнули наши «планы» о совместном контрударе с Днепра и от Одессы на запад. Когда началась оборона Крыма, мы, уже не думая о наступлении, рады были, что морские коммуникации Одессы, проходящие вдоль Крыма, в безопасности. Значит, теперь с новой дивизией будем надежно оборонять Одессу сколько потребуется, пока Красная Армия не повернет на запад. И никто не помышлял об эвакуации. А что теперь? Ведь кто не удержался на Перекопском вале, того Ишунь не спасет. А если противник захватит Крым, то сразу же перережет наши морские пути авиацией, и тогда… Защитники Одессы продержатся максимум две недели – боеприпасов мало. 21 и 24 сентября интенданты армии доложили, что на исходе мясо, фураж, топливо. Все надо морем доставлять. Морем же подается пополнение и вывозятся

раненые. Да что говорить, сухопутный фронт рухнет, как только морской не сможет действовать.

В очередной мой приезд Н.И. Крылов высказал недоумение: как можно было, имея два с половиной месяца спокойного времени для создания на Перекопе многополосной глубоко-эшелонированной обороны, позволить врагу в пять дней пробить рубеж, надежно прикрытый справа и слева морем? Ведь в 51-й армии, обороняющей Крым, десять дивизий, своя авиация. Флот поставил артиллерию на Перекопе. Наконец, уже пять дней черноморская авиация не летает в Одессу, вся повернута на Перекоп. Не верилось, что в происшедшем повинен боец, как не верилось и в то, что там были правильно решены вопросы инженерного обеспечения обороны и оперативного построения войск. Наверно, общая беда – мы только учимся воевать. Но оправдывает ли это? Когда-то крымчане были недовольны, что 9-я армия пропустила гитлеровцев через Днепр к Крыму. Теперь Одесса вправе предъявить такую же претензию 51-й армии.

– Ты понимаешь, к чему это ведет? – угрюмо спросил меня Николай Иванович. – Продолжение обороны Одессы ставится под вопрос.

В порядке подготовки к активным действиям в Южном секторе Военный совет ООР запросил боеприпасы, на что командование Черноморского флота ответило, чтобы снаряды экономили, ибо усложнилась их доставка в связи с тяжелым положением на Перекопе. На второй запрос от 30 сентября пришла радиограмма Жукову. В ней говорилось, что к нам прибудет Левченко и вручит важное решение, которое совершенно исключает наши запросы.

Когда Шишенин зачитал мне и Крылову это, Николай Иванович не сдержался:

– Это эвакуация, как последствие потери Перекопа.

После встречи Левченко в порту состоялось заседание Военного совета ООР. Кулишов не скоро вернулся с него. Возвратившись, сказал:

– Получена директива Ставки эвакуировать одесские войска в Крым на помощь 51-й армии. Но я не вижу, чтобы Военный совет торопился. На заседании много дискутировали, прерывались. Заслушали Софронова. Установили сроки эвакуации, на мой взгляд, сильно растянутые. Но отправку 157-й дивизии решено начать сегодня. Поезжайте к Шишенину и Крылову, согласуйте, затем в порт. Спланируйте – и ко мне с планом.

Генерал Шишенин ознакомил Крылова и меня, как основных исполнителей, с директивой Ставки. В ней о защитниках Одессы говорилось, что храбро и честно выполнившим свою задачу

бойцам и командирам Одесского оборонительного района необходимо в кратчайший срок эвакуироваться из Одессы в Крым. Командующему 51-й армией предлагалось бросить все силы для удержания Крымского перешейка до прибытия войск из Одессы.

Мне, как участнику обороны Одессы, и сейчас приятно перечитывать высокую оценку нашего ратного труда, данную Ставкой: «Храбро и честно выполнившим задачу…» Это относилось к личному составу Приморской армии, Одесской военно-морской базы, кораблям и авиации флота. Редко давались такие лестные оценки.

Флот и пароходство проявили оперативность и начали стягивать в Одессу транспорты. Уже 1–3 октября под погрузкой будет стоять девять судов, а в последующие четыре дня прибудет еще семнадцать.

Крылов уведомил меня, что командиру 157-й дивизии отдано приказание немедленно начать отправку полков в Севастополь. Через час стрелковый и артиллерийский полки уже были в движении к порту. В 22.50 теплоход «Украина» с 633-м стрелковым полком Гамилагдишвили на борту в охранении тральщиков и трех малых охотников во главе с командиром конвоя Гнатенко вышел в Севастополь. Этим конвоем 1 октября начиналась заключительная фаза одесской эпопеи. Началась эвакуация Приморской армии.

В ночь на 2 октября в порту грузили технику 157-й дивизии на два судна, и на подходе находились еще два судна. База поджимала армию: быстрее на погрузку. В ту же ночь мы перевели ФКП базы из Аркадии к порту, в Барятинский переулок.

Приближался час нашего контрудара в Южном секторе. Раньше его целью было улучшение позиций, теперь – маскировка: оборона продолжается, никакой эвакуации. Имелось в виду внезапным ударом нанести противнику урон в живой силе, но в дальнейшем занимаемый рубеж оставить, ибо с уходом 157-й дивизии его нечем держать.

Утром 2 октября по приказу командарма 25-я дивизия, 2-я кавдивизия и 384-й стрелковый полк Аксенова нанесли по противнику удар от села Дальник в направлении Ленинталя. Стрелков поддерживали 422-й артполк Кирсанова, артдивизионы Денненбурга и Яблонского, дивизион реактивных минометов Небоженко, танковый батальон старшего лейтенанта Юдина, бронепоезд старшего лейтенанта Чечельницкого.

Танковый батальон был сформирован в Одессе и укомплектован одесскими танками. Да, был такой тип танка – трактор, покрытый броней, с пушкой и пулеметом. В разработке его проекта участвовали майор Г.И. Пенежко и наш оператор

штаба базы капитан У.Г. Коган, а сделали машину на одесских заводах, в основном на заводе им. Январского восстания.

В результате удара наших войск противник был отброшен на 6 километров. Танки Юдина прорвались к Ленинталю. Потери противника оказались большими, нежели 22 сентября в Восточном секторе. А вот завоеванный рубеж через два дня наши войска оставили и по приказу командования отошли на прежние позиции.

На суше день заканчивался для нас большой удачей, а в порту уже готовились очередные конвои к выходу Опустилась темнота, и на «Грузии», «Жане Жоресе» и «Большевике» ушли в Севастополь 716-й полк Соцкова, 85-й артполк Мукинина и некоторые подразделения 157-й дивизии. Значительная часть этой дивизии уже на пути к Перекопу, а два полка пока еще не выведены из боя.

Отправив конвои, я прошел на ФКП. Теперь он рядом с портом. Из управления порта через пролом в ограде, сделанный вражеским снарядом, по тропинке поднялся в гору и через 3 минуты уже находился в подземелье. Этот ФКП оказался удобным. Не скажу, что он отвечал требованиям войны, – тонковато перекрытие от бомб. Зато какое удобство: выйдешь из подземелья – и гавани порта как на ладони, видны все корабли и что на них делается.

Поздно вечером я зашел в штабы ООР и армии для определения очередности отправки частей. Оператор штаба ООР флотский полковник А.М. Аганичев, исполнявший обязанности заместителя начальника штаба ООР вместо погибшего Иванова, рассказал мне, что накануне Военный совет прошел в дебатах: как эвакуироваться? Штабу ООР не давалось заданий на разработку плана эвакуации, его предложения не заслушивались.

Прискорбно было слушать такое. Уставы, войсковая и флотская практика требовали оперативные решения предварять творческой работой штаба по выработке решения. Согласно уставу, директиву Ставки надо было передать штабу ООР, чтобы он с командованием армии и базы подготовил предложения Военному совету. После их обсуждения должно было состояться принятие решения командующим ООР. Чуть позже, когда жизнь научит, оно так и будет делаться. Но вчера было принято волевое решение. Заслушали только командарма Софронова, хотя эвакуация войск морем – это больше флотское дело.

Н.И. Крылов вспоминает: «Немедленно по прибытии Левченко собрался Военсовет ООР. <…> Присутствовали Шишенин и Софронов, и был приглашен Кулишов. <…> Заседание Военсовета, прерванное, чтобы проанализировать

создавшуюся обстановку, возобновилось через несколько часов. <…> План, который наметили 1 октября, не мог быть подкреплен точными расчетами. <…> На последнем этапе – с 16 по 20 октября – оставалось самое сложное: вывод из боя и отправка на Большую землю основных сил армии и частей прикрытия»[37].

С самого начала было очевидным, что принято не лучшее решение. Оно не учитывало опыта эвакуации войск из Таллина 28 августа.

Кулишов, вернувшись с Военного совета, высказал недоумение, что с ним не обсуждались возможности базы. Заслушали только командарма, который обосновал трудности одновременного отрыва войск от противника. Потому и появилась идея поэшелонной эвакуации главных сил, которую в спешке и одобрили на Военном совете 1 октября.

3 октября на трех судах и двух эсминцах ушли подразделения 157-й дивизии и тылы армии. 4 октября на пяти судах отправили раненых и тылы армии и 157-й дивизии. На военном транспорте «Волга» (командир – капитан 3-го ранга С.И. Борисов) ушел дивизионный артполк. А вот на крейсер «Красный Кавказ» вместо последнего стрелкового полка 157-й дивизии погрузили имущество, и Октябрьский мгновенно отреагировал суровым внушением одесскому командованию: «Не для этого я посылал вам крупный боевой корабль».

Вечером 4 октября заседал Военный совет ООР. Рассматривался план эвакуации армии, составленный командармом. Присутствовало на заседании 16 человек – очень много: помеха деловой работе и разглашение важной тайны широкому кругу

людей на начальном, предварительном этапе операции. Вместо заболевшего командарма докладывал начальник штаба. План был разработан штабом армии под руководством Софронова и содержал в себе только сухопутную часть: отвод армии на новые рубежи и в порт. Со штабом базы он не согласовывался. Его можно было считать частью общего плана эвакуации армии морем, который предстояло разрабатывать. Крылов повторил идею замысла Софронова поэшелонной эвакуации дивизий, выдвинутую 1 октября на Военном совете. И хотя некоторые присутствовавшие на совете высказали опасения, связанные с оставлением рубежей двумя последними дивизиями, тем не менее план был одобрен. Самое непонятное в плане – двум нашим дивизиям поручалось двое суток сдерживать натиск девяти вражеских дивизий, находившихся в первом эшелоне. Мучимые сомнениями, члены Военного совета утвердили план,

потому что три дня назад одобрили идею поэшелонной эвакуации дивизий.

Военный совет ООР донес план отвода войск Военному совету флота, а тот – в Москву. Ставка, Генштаб, нарком ВМФ получили этот план.

Хорошо, что тот план просуществовал всего три дня и только на бумаге – его отменила жизнь до начала ввода в силу. Нас проучил противник. Все сразу прозрели, и все стало на свои места. А началось в ту же ночь.

В 3 часа мне позвонил Кулишов по прямому проводу от Жукова и сообщил, что на участке обороны 2-й кавдивизии противник форсировал Сухой лиман и наступает в направлении южной окраины Одессы. Занял винодельческую станцию. Комдив Новиков лично возглавил свой резерв и повел его в бой. Просил помощи артиллерией.

Все понятно. Противник оправился от нашего удара 2 октября, а наши войска отошли на прежние рубежи. И он решил перейти к активным действиям, тем более что к Одессе подошли две свежие вражеские дивизии. А может, противник обнаружил отвод наших частей и решил проверить прочность обороны? Вот он, первый сигнал к размышлению: если при четырех дивизиях такой дерзкий нажим, то каково будет, когда останутся две?

Приказываю Денненбургу: его начальнику штаба капитану Терехову с корпостами 1-й и 39-й батареи к пяти часам быть у полковника Новикова и по его целеуказанию открыть огонь, а корпост 411-й батареи держать для него же в резерве. Канлодка и СКР получают распоряжение приготовиться к выходу на боевые позиции. Флагарт Филиппов с двумя корпостами отправился к командиру кавдивизии.

Связаться с комдивом кавалерийской не удается, и я посылаю на машинах своего заместителя Бабурина с командирами связи, радиостанцией и телефонистами к Новикову. Его дивизия левофланговая, упирается левым флангом в море у Сухого лимана. А занятая противником винодельческая станция – это недалеко от Аркадии, от нашего штаба, политотдела и тыла. Да и батареи все в этом углу. Прорыв противника вдоль побережья – это серьезная угроза базе. Начальник штаба 2-го морского полка майор Северин получает указание приготовить резервные подразделения к выступлению с рассветом на помощь Новикову. Мелькнула мысль: а где и сколько еще можно набрать людей для пополнения 2-го полка? И майор Ильич получает приказание взять личный состав с ремонтирующихся кораблей.

Я доложил о мероприятиях базы Шишенину и Крылову. Они одобрили. Прибыл командир базы и утвердил предварительные

распоряжения штаба. Потекли томительные минуты ожидания: что там делается у наших славных конников?

Звонок Бабурина с КП кавдивизии. Докладывает:

– Противник остановлен. Состав его сил уточняется. С рассветом наши переходят в наступление. Все корабельные и батарейные корпосты получили задание.

Как-то сразу отлегло. Видно, полковник П.Г. Новиков – сильный командир. Недавно он командовал 241-м стрелковым полком в 95-й дивизии, а в конце сентября назначен командиром кавдивизии. Он еще не освоился с соединением, но для начала хорошо управился с противником – остановил его ночью. В будущем Петр Георгиевич проявит себя отважным и искусным командиром стрелковой дивизии в обороне Севастополя и до конца исполнит свой долг, когда окажется в чрезвычайных обстоятельствах.

С рассветом общими усилиями конников, пограничников, моряков, батальона 54-го полка прорвавшийся к нам в тыл противник, к которому уже подходили подкрепления, был разгромлен. Остатки его бежали через лиман.

Но только управились с одним, Бабурин докладывает, что чуть севернее противник прорвался к селу Татарка. 15-й и 20-й кавполки атаковали его. Адмирал Кулишов приказал подключить на помощь конникам 411-ю батарею Никитенко, а за ней и другие батареи переключились туда. Через два часа и здесь положение было восстановлено.

Противник не оставлял нас в покое. Оно и понятно, в связи с подходом свежих дивизий его активность возросла. И этого нельзя было не учитывать.

Вечером 5 октября на трех судах ушли тылы армии и 384-й полк Аксенова. Этим мы закончили эвакуацию 157-й дивизии на два дня раньше срока. Ушел и адмирал Левченко. Он торопился на Азовскую флотилию, чтобы помочь ей. Она поддерживала 9-ю армию, отходившую к Таганрогу.

Серьезно заболел командарм Софронов. Его направляют на катере в Севастополь. Мне приказано проводить его в порту. Следующая наша встреча – через 30 лет. После войны я обнаружил в архиве телеграмму Левченко и Октябрьского наркому ВМФ, в которой они просили представить Г.П. Софронова к награде.

Штабы предлагают дерзкий план

По предложению Жукова Военный совет ООР 5 октября назначил командующим Приморской армией генерал-майора И.Е. Петрова. Вместо него командиром 25-й дивизии пошел начальник тыла ООР генерал-майор Т.К. Коломиец. Начальником тыла стал интендант 1-го ранга А.П. Ермилов.

Генерал Петров по характеру и методам боевого управления отличался от своего предшественника настолько, что штабу армии пришлось серьезно перестраиваться, приноравливаясь к новым требованиям. За два месяца командования дивизией, в непрерывных изнурительных боях Иван Ефимович получил богатый опыт. А так как его излюбленным местом пребывания были боевые порядки полков и даже батальонов и он там не раз смотрел смерти в глаза, у него на все происходившее имелось собственное мнение. Штабу армии следовало быть всегда начеку – командарму трудно докладывать, особенно недоработанное, недостаточно обоснованное.

Иван Ефимович Петров непоседлив, энергичен. Человек-порох. И сам весь пропах порохом. Он принес с собой в штаб армии новый аромат – аромат боевых схваток. Это я почувствовал сразу, как только, проводив конвои, прибыл в штаб армии для планирования. У Крылова встретил командующего. Доложил, что проводил Софронова и что эвакуация 157-й дивизии завершена.

Петров только что вступил в командование армией, а кажется, он в этом качестве уже давно. Он недоволен, что 2-я кавдивизия пропустила противника, и приказал Крылову написать приказ по этому поводу, отметить вину командиров частей кавдивизии в недостаточной бдительности, слабом наблюдении за противником.

После рассмотрения перечня частей и грузов, отправляемых завтра, я высказал Крылову опасение по реализации их рискованного плана поэшелонной эвакуации дивизий, сказал, что вижу в этом плане неверие в возможности флота и своих войск. Николай Иванович согласился.

– Сегодня, – сказал он, – после прорыва противника в двух местах я уже начал переосмысливать многое в нашем очень уязвимом плане. Но что вы можете предложить?

Я сказал, что поднять в одну ночь 40 тысяч человек для базы не проблема. В порту причальный фронт 5 километров. Пароходство из тридцати своих судов всегда может подать на последнюю ночь одну треть. Флот пришлет военные транспорты и боевые корабли. База, кроме санитарных транспортов, может

собрать до полусотни мелких судов. Мы имеем надежные кадры, способные управиться с организацией посадки большой массы войск. Высказал уверенность, что и пехота способна оторваться от противника. Для посадки всей армии нам потребуется часов пять ночного времени, а артиллерию дивизий и полков погрузим до того, днем. Утром будем далеко от Одессы.

Николай Иванович задумался. Он просто не похож на себя. Противник сильно озадачил его прорывом. В связи с этим он не мог не терзаться по поводу неудачного замысла эвакуации дивизий и, сокрушаясь, высказал сожаление по поводу поспешно принятого решения на эвакуацию войск.

Зашел одетый по-походному Иван Ефимович Петров. Его тревожило положение в Южном секторе, и он собрался к генералу Коломийцу помочь ему на новом посту. Крылов и я доложили командарму взгляды на эвакуацию дивизий и возможности базы и флота. Сказали, что есть лучший вариант ухода – внезапно и одновременно в одну ночь вывезти войска. Судов для этого хватит, и база и порт справятся с посадкой одновременно всех дивизий.

Петров – натура эмоциональная. Он мгновенно преобразился. По лицу было видно, что он загорелся новой идеей и внимательно слушал нас, не перебивая. Закончив доклад, я с интересом разглядывал этого незаурядного человека. Что он ответит нам? Поддержит ли план своего предшественника или одобрит наш?

Давно известно, что одаренные люди отличаются от других тем, что мгновенно схватывают дельное, даже исходящее от других, и без чванства, не гоняясь за приоритетами, не присваивая себе идею, присоединяются к толковым предложениям, подхватывают их, поддерживают и реализуют. Вот и сейчас я услышал одного из таких. Почти дословно помню сказанное новым командармом:

– Дельное говорите, согласен с вами. То, что спланировано, – неприемлемо. Нельзя оставлять две дивизии на съедение врагу. Товарищ Крылов, надо прислушаться к морякам. Эвакуация армии морем – это прежде всего морское дело. Хотя операция совместная, но первое и главное слово за моряками. Если флот поднимет за ночь нашу армию, она обязана суметь скрытно оторваться от противника и прибыть в порт к назначенному времени. Мы завтра вернемся к этому вопросу.

Новый командарм отклонил ошибочный план своего предшественника. А у меня появилось твердое убеждение выходить с нашим предложением. С тем я и убыл в порт. С начальником и комендантом порта мы произвели

ориентировочные расчеты посадки четырех дивизий. Получалось, что нам потребуется 5–6 часов. Доложил командиру базы эти расчеты, а также мой разговор с Крыловым и мнение Петрова.

– Представьте эти расчеты Шишенину и оставьте мне один экземпляр для доклада Жукову.

Пришло печальное сообщение: погиб военный транспорт «Днепр», самое быстроходное и крупное грузопассажирское судно на Черном море водоизмещением 18 тысяч тонн, ход 18 узлов. Большой труженик. 28 сентября он увез из Одессы 5200 человек. А всего он перевез более 55 тысяч человек. И где погиб? В далеком тылу – в районе Новороссийской базы. Как оказалось, по недосмотру моряков. Продолжали по шаблону пользоваться северным фарватером в направлении Керченского пролива, где активно действовали самолеты-торпедоносцы противника. Конвои выпускались во второй половине дня, попадая в опасный район к сумеркам, в самое выгодное время для атак торпедоносцев.

Прибыл тральщик «Якорь», сопровождавший «Днепр», и его командир Щербанюк доложил обстоятельства гибели корабля. На инструктаже в штабе Новороссийской базы командиры кораблей конвоя просили разрешения выходить не северным фарватером, а южным – подальше от зоны действия торпедоносцев, и не во второй половине дня, а с заходом солнца, чтобы к рассвету быть вне опасного района. Командир «Днепра» Моргунов просил не включать его в общий конвой вместе с тихоходами, а, используя свою большую скорость, выйти с эсминцем «Смышленый» с наступлением темноты южным или даже северным фарватером и на полном ходу проскочить подальше от опасной зоны. К просьбам не прислушались. Огромнейший корабль – хорошая цель для торпедоносцев. Он шел в общем конвое малым ходом. Это была грубейшая ошибка, послужившая одной из главных причин гибели корабля, так нужного для эвакуации армии из Одессы. И нам пришлось срочно корректировать расчеты и планы.

Помощник командира «Днепра» Г.К. Никипорец, спасенный в числе других, рассказывал мне, что в 14.00 3 октября вышли северным фарватером, который закончили проходить к заходу солнца. В сумерках с малой высоты торпедоносцы с расстояния 1000 метров выпустили шесть торпед. Командир корабля капитан 3-го ранга А.Н. Моргунов на полном ходу произвел уклонение от торпед, но одна все же попала в корабль и он начал тонуть. С кораблем погибли часть экипажа, командир и комиссар корабля П.Г. Бубличенко.

6 октября противник атаками прижал 25-ю и 2-ю дивизии к Дальнику и Татарке. Вечером после отправки шести транспортов,

на которых ушла часть полевой и зенитной артиллерии, отчего наша огневая мощь поубавилась, я прибыл к Крылову и показал ему свои расчеты о возможности поднять и вывезти всю армию за одну ночь. Он позвал меня к Шишенину и доложил ему что надо отказываться от поэшелонной вывозки дивизий. Шишенин оставил расчеты у себя.

7 октября нажим противника в Южном секторе оказался настолько сильным, что Петров оттуда позвонил Крылову и распорядился взять в Восточном секторе один батальон и направить как резерв комдиву-2 Новикову. Через два часа батальон 3-го морского полка был уже на центральной усадьбе совхоза «Ульяновка».

А вечером, когда готовились уходить в Севастополь одиннадцать торговых судов и боевых кораблей, имея на борту не только раненых и тылы, но и батареи армейского зенитного полка ПВО и тыловые подразделения, Жуков не выдержал: он опасался, что на фронте может случиться непредвиденное. Командующий обороной отдал приказание Шишенину: штабу ООР совместно со штабами армии и базы сегодня же коренным образом пересмотреть план эвакуации и представить к утру на заседание Военного совета свои предложения по сокращению сроков и изменению способа эвакуации войск.

Давно бы так. С этого надо было начинать еще 1 октября. Дать штабам задание на подготовку предложений для принятия решения.

В штабе ООР вечером началось обсуждение новых предложений по эвакуации главных сил армии. Штабы армии и базы прибыли с подробными, обоснованными и согласованными предложениями. Присутствовали командир базы Кулишов и генерал Хренов.

Крылов доложил Шишенину мнение командарма и свое. Я показал на планшете порта расстановку судов (пока без названий) по гаваням для каждой дивизии, порядок встречи войск и организацию посадки на суда одновременно всех дивизий в течение 5–6 часов. Командир базы пояснил, что с учетом плана подачи и оборачиваемости судов и их фактического наличия вывоз тылов можно закончить через неделю, а дивизии вывезти все сразу в одну ночь 15–16 октября.

Начштаба ООР Шишенин подвел итог: новые предложения командования армии и базы выносятся на рассмотрение Военного совета ООР завтра утром.

8 октября Военный совет ООР, заслушав доклады Шишенина, Петрова и Кулишова, единодушно одобрил их. Жуков дал указание на разработку планов эвакуации дивизий к 12 октября,

строго разграничив ответственность: командование армии планирует отвод войск, а командование базы – посадку их, выход конвоев и переход морем.

Военный совет ООР доложил Военному совету флота об изменении плана и сокращении сроков и способов эвакуации. Эта новая постановка вопроса вызвала переписку и заставила командование флота в спешном порядке направлять суда со всех портов моря в Одессу, перебазировать истребительную авиацию в Западный Крым, ближе к коммуникациям для прикрытия конвоев.

База в эти дни

8 октября были отправлены пять транспортов с тылами и техникой. В том числе и танкер «Москва». Накануне ушли танкеры «Сталин», «Серго» и «Вайян-Кутюрье». Их капитаны Н.И. Плявин, С.Н. Доценко, М.А. Ригерман проявили изобретательность: на просторных палубах танкеров разместили большое число автомашин, орудий и самолетов.

Противник продолжал неистовствовать. 9 октября он прорвал оборону 2-й кавдивизии, ворвался в Татарку и захватил село Сухой Лиман. На помощь подоспели батальоны, взятые из других частей. Их поддержали морские батареи дивизионов Денненбурга и Яблонского. По противнику был нанесен сильный удар. Он потерял убитыми до 500 человек и пленными 200 человек, остатки его частей были отброшены на исходные позиции.

Пленные показали, что под Одессу прибыла новая дивизия противника, восемнадцатая по счету. Так что к началу октября осаду Одессы вели посменно восемнадцать выявленных вражеских дивизий. К этому числу нужно добавить две дивизии – 4-ю и 9-ю пехотные, которые были очень быстро разгромлены защитниками города и в начале сентября отведены в тыл, откуда больше не возвращались.

10 и 11 октября мы отправили семь транспортов в охранении эсминцев, «охотников» и тральщиков. Ждали эвакуации много женщин и детей. Пришлось посадить на «Грузию» пять тысяч человек, а на «Волгу» – семь с половиной тысяч. Танкер «Серго» увез 16 истребителей. Если учесть, что ранее был отправлен зенитный артполк, то можно представить оставшиеся силы ПВО: 10 истребителей и два морских зенартдивизиона майоров И.С. Каплунова и П.М. Сологуба для прикрытия порта.

Порт – что муравейник: одновременно грузится до семи транспортов. Огромное скопление грузов и людей. Попадались среди эвакуируемых такие, которым еще рано было покидать город. Понятно, не у всех выдерживали нервы. Кое-кто, особенно из не занятых в боях, торопился убыть с осажденного плацдарма раньше срока. Мы не исключали и вражеской вылазки, и паники. А паника в порту под бомбежкой и обстрелом может закончиться несчастьем. Ее можно было избежать, повысив организованность и строгость.

По предложению штаба командир базы утвердил новую организацию в порту, полностью исключавшую нарушение наших планов. Комендатура порта была освобождена от ответственности за порядок в порту и его охрану. За ней осталась посадка людей и

погрузка техники и их размещение на судах. Оборону порта и поддержание в нем порядка возложили на отряд пограничников во главе с капитаном К.С. Шейкиным. Во главе контрольно-пропускных пунктов был поставлен майор Волошин. Теперь пройти и провезти груз в порт можно было только согласно посадочной ведомости коменданта порта.

Романова, Шейкина и Волошина подчинили капитану 2-го ранга А. А. Барбарину, человеку храброму, властному и строгому Он был старшим в порту и подчинялся командиру базы. Его распоряжения являлись обязательными для всех, невзирая на звания и служебное положение. Барбарину и его подчиненным вменялось в обязанность неорганизованным помочь обрести форму, нарушителей призывать к порядку.

7 октября начала действовать эта новая организация. На душе стало спокойно за порт. Через день в порт приехал Жуков. И уже не было неприятных разговоров о беспорядках в порту.

Можно было садиться за составление плана эвакуации дивизий. Но прежде мы с Крыловым определили этапы предстоящей операции по эвакуации главных сил Приморской армии, чтобы четко разграничить нашу работу и ответственность, памятуя, что каждый планирует только то, за что несет ответственность. Предстояло проводить новую операцию, отличающуюся от оборонительной. Она последует после завершения обороны, тут многое впервые для нас, и требовались четкость, обстоятельность. Мы считали, что на предварительном этапе операции командование флотом сосредоточит в Одессе крупные суда и боевые корабли и передислоцирует истребительную авиацию к мысу Тарханкут, ближе к коммуникациям. Командование базы готовит участки посадки, расставляет суда, формирует конвои. Командование армии готовит маршруты отхода войск. На первом этапе командование армии отводит войска в порт, а база прикрывает их артиллерией. На втором этапе командование базы руководит посадкой войск на суда и корабли. На третьем – база организует выход конвоев и отдельных судов. На четвертом этапе конвои на переходе морем прикрывают эскадра и флотские истребители.

Основная тяжесть при планировании посадки войск, выхода конвоев и отдельных судов легла на базу. Вместе с тем я со всей ответственностью подчеркиваю, что весь план операции, состоявший из нескольких документов, объединенных единым замыслом, выработанным штабами базы и армии 5–7 октября и одобренным командованием ООР, а затем утвержденным Военным советом флота, явился результатом согласованной работы морских и сухопутных штабов: флота, ООР, армии, базы.

При разработке плана были изучены материалы по эвакуации войск Балтийским флотом из Таллина в Кронштадт в конце августа. В Таллинском переходе ночью на минах и от авиационных ударов врага 29 августа погибло 16 боевых кораблей, 34 транспорта. Это было серьезным поражением. Тогда особо отличился отряд кораблей капитана 2-го ранга И.Г. Святова – он спас 12 тысяч человек.

Анализ Таллинской операции по эвакуации показывал, что посадку трех дивизий балтийцы провели образцово. Мы этим опытом воспользуемся. Как и они, основную массу войск мы посадим на транспорты. Но ни в коем случае не будем связывать в плавании крупные транспорты с мелкими судами, как это сделали на Балтике. Последние должны идти самостоятельно и отбиваться от врага своим оружием. Да они и не будут представлять заманчивой цели для авиации. Мы не будем формировать крупные конвои, как в Таллине, – это выгодный объект для массированных ударов вражеской авиации. Для нас, как и для балтийцев, главная угроза – авиация. Поэтому опасный отрезок пути от Одессы до середины Каркинитского залива обязаны пройти до восхода солнца. Чтобы противник не заминировал фарватер у Тендры, мы установили там усиленный корабельный дозор, а для уничтожения минных заградителей противника держим на Тендре в готовности торпедные катера.

Для составления морской части плана мною были привлечены комендант порта, кадровик, начальники служб конвойной, гидрографической связи. Много раз заходил Кулишов – поделиться своими соображениями и сомнениями. На второй день приехал Жуков. Его волновало, как база за пять часов управится посадить 35 тысяч человек.

– Я жду план двенадцатого, – сказал Жуков. – На основании его командарм издаст приказ войскам на отход, а я запрошу у комфлота завершающую подачу судов.

Штабу базы предстояло грамотно решить уйму эвакуационных дел: избрать участки посадки, подобрать для каждой дивизии и полка суда и так расставить их, чтобы одной бомбой не поражались два судна, определить способы прикрытия дивизий береговой артиллерией при их движении в порт, создать четкую организацию посадки войск, сформировать конвои, создать особое гидрографическое обеспечение ночного плавания большого числа судов по акватории порта и на рейде, оборудовать порт радиотелефонной связью, установить жесткий порядок выхода конвоев с войсками, исключающий столкновения. Надо также учесть, что в Аркадии из-за мелководья к причалам суда не подходят. Значит, людей надо доставлять на рейд

плавсредствами. А если заштормит? В Нефтяную гавань тоже нужно ставить только средние транспорты, а крупное судно ночью при выходе может сесть на мель.

25-я и 95-я дивизии находятся в середине обороны. Им и середина порта – Платоновский и Военный молы. И входные ворота напротив, а к ним подходят удобные улицы. Для 2-й дивизии – Карантинная гавань, для 421-й – Нефтяная. Для каждой дивизии три судна, а для кавдивизии – два. Два транспорта в резерв. Каждому судну два смежных причала. Предложим армии днем 15 октября погрузить дивизионные тылы и артиллерию, оставив на ночь только людей с носимым оружием. Для арьергардных батальонов прикрытия сформируем отряды судов и используем боевые корабли.

Приходилось думать и думать. Для посадки войск лучше создать особую организацию. Причалы, с которых грузится дивизия, целесообразно объединить в участок во главе с комендантом от штаба базы. Видимо, нет необходимости создавать конвои из нескольких транспортов. Это хороший объект для вражеского удара. Одновременного окончания погрузки даже двух судов не будет. Значит, придется ожидать друг друга, а это потеря времени. Сбор транспортов в конвой на внешнем рейде в темноте опасен. И снова потеря времени. Суда имеют разную скорость. Равнение по тихоходу – новая потеря времени. Торговые суда не обучены совместному плаванию. Всего этого нельзя не учитывать. Главная наша цель – к утру транспортам быть подальше от аэродромов противника. Значит, каждое судно, приняв воинов, немедленно и полным ходом со своим охранением уходит. Вот идеальное решение. Одно судно и три «охотника» – это и будет конвой. Получается двенадцать конвоев. Колонну конвоев, которая растянется, возможно, миль на сорок, прикроют эскадра и истребители. Это предложение штаба базы Кулишов, а затем и Жуков одобрили.

Решено установить затемненные огни на оконечностях молов в воротах порта и на побережье для ориентировки капитанов. На каждое судно назначается военный лоцман. Все участки посадки оборудуются телефонами и радиостанциями УКФ.

Элемент времени имеет колоссальное значение, и мы с Крыловым решили разработать нормативы на все действия армии и базы. Исходя из них, определялись сроки действий войск и кораблей. Отсчетным рубежом была взята середина Каркинитского залива, где конвои надежно прикроют истребители флота. Там надо быть нашим транспортам к 9 часам утра, когда могут появиться вражеские бомбардировщики, вызванные утренней авиаразведкой. Вот от этого рубежа мы и

повели расчеты.

Последнее судно (ход 10–11 узлов) должно покинуть Одессу до 3–4 часов ночи. Норматив на съемку со швартовов и выход судна из порта – полчаса. Для выхода двенадцати судов потребуется 6 часов. Чтобы последнее судно ушло до 4.00, первое должно выйти в 22.00. Значит, посадка на него должна быть закончена к 21.30. Проверили две роты. Хронометраж показал, что пройти и пробежать от передовой до причалов можно за два – два с половиной часа. Это будут головные, и их суда уйдут первыми.

Но кто-то должен быть и концевым. С учетом всех помех и задержек, внезапно возникающих ситуаций, которые не сможет предвидеть даже военный гений, мы решили удвоить норматив для концевых подразделений – 5 часов. С посадкой роты уложились за 6 минут. Стрелковый полк по двум трапам можно посадить за полчаса. Удвоили и этот норматив. А с учетом помех вражеской авиации и что полки могут прихватить с собой тылы, мы еще раз удвоили время посадки – 2 часа хватит на все.

Исходя из этого, посадка должна начаться в 21.00. Это будет головное судно. Для концевого судна она закончится в четвертом часу. На посадку потребуется 6 часов. С учетом всех нормативов и сроков отход войск с передовой должен начаться не позже 19.00. Это время командарм и указал в своем приказе.

После ликвидации прорыва противника к Татарке на этом участке установилось относительное спокойствие. Но уже 11 октября противник начал непрерывные атаки против 95-й дивизии. А против полков 2-й дивизии он применил своеобразную психическую атаку – впереди наступавших цепей полковой «отец святой» с «крестным знамением». Наши бойцы наизусть знали содержание кинофильма «Чапаев» и хорошо запомнили белогвардейскую психическую атаку. Подпустили противника поближе, а потом ружейно-пулеметным и минометно-артиллерийским огнем накрыли его. Передние ряды смешались, хлынули назад. Хорошо тогда поработали артдивизионы Денненбурга и Яблонского в поддержку нашей пешей конницы.

Еще 8 октября командарм в целях улучшения позиций приказал правый фланг 95-й дивизии отвести к Грязелечебнице, ближе к городу. 12 октября противник повел здесь наступление двумя дивизиями на узком участке и потеснил наши части. Дивизия закрепилась на рубеже Холодная балка – Дальник.

11 октября Кулишов доложил наш план Жукову. И на другой день Петров издал приказ на эвакуацию армии.

Противник в те дни усилил артобстрел порта из-за Сухого лимана. На транспорте «Восток» оказались убитые и раненые. Под

разрывами снарядов и бомб я проводил 9—12 октября четыре конвоя, в составе которых были «Райкомвод», «Земляк», «Чехов», «Березина». Их повели Л.Ф. Школенко, Н.В. Хухаев, З.В. Соболев, А.К. Кравченко.

В связи с нажимом противника Военный совет ООР просил руководство Черноморского флота ускорить присылку транспортов и кораблей. Напряжение нарастало, и счет времени пошел не на сутки, а на часы.

В ночь на 13 октября на «охотнике» в Одессу прибыл член Военного совета флота Н.М. Кулаков. Он разобрался в обстановке, изучил наши планы и послал Октябрьскому радиограмму, в которой писал, что усилилась активность противника, что план поэшелонного вывоза войск Военный совет ООР признал ошибочным. Он считал возможным разрешить эвакуироваться в ночь на 16 октября.

Октябрьский, человек с крутым характером, трудно сходился с людьми. Кулакову он во всем верил. Это был политработник редчайших партийных качеств, весьма принципиальный, кристально чистый, искренний, никогда не мельчивший в работе. Одним словом, фурмановского типа партийный кадр. Зная деловые качества Кулакова, его ум и проницательность, Октябрьский был уверен: если что предлагает Кулаков, так и должно быть. И от него сразу пришел ответ: «Полностью согласен; высылаю транспорты “Украина”, “Чапаев”, “Большевик”».

Эти транспорты прибудут к нам в последний день – 15 октября. А часом раньше пришло оповещение, что на переходе к нам отряд боевых кораблей и семь транспортов, они будут завтра.

Жуков принял короткие предварительные доклады Петрова и Кулишова по планам. Начштаба ООР Шишенин составил свой сводный план для контроля. Командующий ООР приказал командиру базы 14 октября отправить последние транспорты с тылами, все приходящие с сегодняшней ночи ставить для дивизий. Утром слушаем полные доклады командующего армией и командира базы по окончательно уточненным планам. В ночь на 16 октября назначается эвакуация дивизий.

Завтра командир базы докладывает Жукову окончательно отработанный план посадки войск, схему расстановки судов, организацию встречи и посадки частей, формирование конвоев, порядок их выхода, план прикрытия базовой артиллерией отвода и посадки войск и выхода конвоев, гидрографическое обеспечение безопасности выхода судов, обеспечение связью эвакуации. Теперь, когда известны названия всех судов и кораблей, идущих к нам и находящихся у нас, зная вместимость каждого из них и состав дивизий, можно провести подробное и точное

планирование погрузки и посадки. И центр работы окончательно переместился в порт.

В нашем распоряжении ночь. Уединяемся в кабинете начальника порта Макаренко. Здесь его помощники и комендант порта Романов со своими подчиненными. У них на руках все справочные материалы о вместимости судов. Здесь же представители штаба армии и дивизий. У них на руках данные о составе частей. С нами начальник военно-транспортной службы флота при пароходстве капитан 3-го ранга Б.В. Бартновский, прибывший для оказания помощи коменданту порта.

Помню ту печально-торжественную ночь, когда мы верстали план. Для каждой дивизии были подобраны транспорты и назначены гавани, причалы и пути подхода войск к ним, произведен расчет погрузки, утверждены начальники районов порта, расставлены помощники коменданта порта по транспортам.

Каждая дивизия знала, где и какие транспорты стоят для нее. В плане и на схеме поставлены названия судов. Каждый полк знал, на какое судно он грузится.

Накануне на транспорте «Ураллес», которым командовал И.Ф. Короткий, мы отправили дивизион РС. Дали ему сильное охранение – эсминец, тральщик и «охотники» под командованием капитан-лейтенанта Н.Ф. Масалкина. Поступило сообщение, что он благополучно следует у берегов Крыма под прикрытием истребителей.

14 октября до рассвета пришло много транспортов: пассажирские теплоходы «Грузия», «Абхазия», «Армения» (ожидали и «Украину»), сухогрузы «Жан Жорес», «Курск», «Калинин», «Котовский». Ранее пришли «Восток», «Сызрань». Прибыли малые суда, шхуны, малые охотники и дивизион тральщиков под командованием капитан-лейтенанта Л.Г. Леута. Спустя некоторое время пришел отряд кораблей эскадры – два крейсера и четыре эсминца для прикрытия конвоев на переходе. На ФКП прибыло командование эскадры – адмирал Владимирский и комиссар Семин. С ними начштаба эскадры капитан 1-го ранга В.А. Андреев. Впервые встречаюсь с Владимиром Александровичем. Он недавно на флоте, в Одессе первый раз. Мне понравился этот энергичный человек. Предлагаю ему арьергардные батальоны прикрытия 25-й дивизии и некоторые части 2-й кавалерийской посадить на крейсера с часу до четырех. Предложение принимается.

Заседание Военного совета ООР 14 октября. Доклады двух начальников основных сил, защищающих Одессу, – командующего армией генерала Петрова и командира базы

адмирала Кулишова. Присутствует член Военного совета флота дивизионный комиссар Н.М. Кулаков. Он прибыл к нам накануне утром. К вечеру сделал все, что касалось его. Однако он хотел побыть с руководителями обороны Одессы еще сутки, увидеть, как придут корабли и транспорты. Пройдут годы, и вице-адмирал Н.М. Кулаков в своих воспоминаниях объективно расскажет об организации эвакуации главных сил армии из Одессы.

По плану армии предстоящие действия дивизий выглядели так: с ноля часов 15 октября дивизии отправляют и грузят на суда свои тылы, артиллерию и технику В 19.00 с позиций скрытно снимаются основные силы и уходят в порт: 2-я кавдивизия подходит к Таможенным воротам по спуску Вакуленчука и далее на Карантинный мол. 25-я дивизия по улице Кангуна через Таможенные ворота – к Платоновскому и Новому молам. 95-я дивизия по Военному спуску и улице Старостина через Крымские ворота – на Военный мол, 421-я дивизия – в Нефтяную гавань. Погранполк – в порт, на Военный мол. К 21.00 войска начнут подходить к судам. Для прикрытия отхода каждая дивизия оставляет на позициях арьергардные батальоны прикрытия. Они начнут отходить в 22.00 к пунктам посадки, указанным командованием базы. От каждой дивизии к флотскому коменданту участка посадки выделен армейский представитель для поддержания порядка. На каждое судно назначен начальник эшелона. Разработаны схемы движения подразделений от позиций до порта и вручены командирам. На подходе к порту на мостовой улиц будут начертаны белой краской стрелы, показывающие направление к порту. Назначены «маяки» и проводники, знающие маршрут. Они изучат порт и познакомятся со своими судами. Издана инструкция по посадке войск.

План базы в окончательном виде доложил адмирал Кулишов и показал на схеме расстановку судов.

Для 2-й дивизии назначены «Чапаев» и «Большевик» в Карантинной гавани, комендант посадки – майор Ф.Ф. Северин и на рейде Аркадия – СКР «Кубань» с баржей, комендант посадки – капитан 3-го ранга М.Ф. Шилин. Для 25-й дивизии – «Курск», «Жан Жорес», «Украина» в Новой гавани, комендант посадки – майор В.Л. Ильич. Для 95-й дивизии – «Армения», «Калинин», «Восток» в Каботажной гавани, комендант – майор Г.М. Булахович. Для 421-й дивизии – «Котовский» и «Сызрань» в Нефтяной гавани, комендант – майор И.А. Морозов. Для Погранполка – «Абхазия» в Каботажной гавани. Для арьергардов 95-й дивизии – отряд кораблей Державина в Практической гавани, а для 421-й – отряд Гинзбурга в Нефтяной гавани. Для

доставки арьергардов 2-й и 25-й дивизий на рейд, на крейсера, в Карантинной и Новой гаванях стоят тральщики и буксиры.

Командование армии и базы выработало наилучшие способы эвакуации армии и так тщательно разработало свои планы, что они без возражений были одобрены Военными советами ООР и флота.

Ехал я в порт, довольный одобрением нашего плана. А на душе все-таки тревожно: а как все получится? А если противник начнет бомбить и обстреливать порт и повредит два-три судна? Что ж, будем сажать на другие с перегрузкой и грузить на боевые корабли, на мелкие суда. Вся беда в слабости ПВО порта: уже почти нечем отбиваться. Остался один трехбатарейный зенартдив майора П.М. Сологуба, остальное отправлено.

Посадка войск на суда

По прибытии в порт я вручил командиру О В Ра Давыдову схему расстановки судов, на которые будет грузиться армия. Он со своим начштаба Лепакиным, командиром ОХРа Керном, капитаном и лоцманом порта Ковалем и Пучковым приступил к расстановке судов, а я провел конференцию с капитанами судов «Ногин», «Василий Чапаев», «Красный Профинтерн», «Белосток», «Судком» – Е.М. Михальским, В.В. Анистратенко, А.С. Полковским, К.Е. Крамаренко, А.П. Долголенко. Они увозят сегодня вечером последние тылы армии, раненых, женщин и детей и часть боевой техники. Им даны в охранение тральщики и пять «охотников» старших лейтенантов И. Лапшина, А. Скляра, Л. Еременко, Н. Аскерова, В. Квардакова, а командиром конвоя назначен командир БТЩ капитан-лейтенант А.М. Ратнер.

Хотя на последнюю ночь небезопасно оставаться, мне показалось, что капитаны судов сожалеют, а некоторые прямо высказались, что им не повезло, потому что не попали в число тех, кто будет вывозить главные силы армии. Они расценивали эту возможность как почетное боевое задание командования. Я успокоил их и заверил, что впереди у них будет немало боевых дел и им представится возможность показать себя не раз. И пожелал им счастливого плавания.

Через час командир базы назначил постановку боевых задач на операцию по эвакуации войск. В управлении порта собраны те, от кого зависит успех эвакуации. Здесь опытные мореходы капитаны дальнего плавания В.Я. Плаушевский, ЕН. Лебедев, А.И. Ребрик, В.И. Бацаценко, В.Я. Труш, И.Ф. Иванов, А.Я. Божченко, М.И. Безродкин, В.А. Габуния. Рядом с ними военные лоцманы М.И. Белуха, А.И. Штепенко, В.П. Панфилов, И.М. Письменный,

А. А. Зеневич, З.В. Вейц – те, кто проведет суда по фарватерам минных заграждений у Одессы и Севастополя. Тут же постоянные спутники судов – командиры боевых кораблей. Среди них командиры эсминцев «Шаумян» и «Незаможник» К.П. Валюх и П.А. Бобровников – тот, что ушел через окно из госпиталя и славно сражался за Одессу. Он уже и сегодня отличился. Час назад бомба угодила в корму «Грузии». Начался пожар. Никто его не звал на помощь, но он снялся со швартовов, подошел к судну и мощными струями воды потушил огонь. Рядом – комдив «охотников» Г.И. Гнатенко, командир отряда А.М. Кузнецов с командирами катеров – их человек двадцать. Капитан-лейтенант Л.Г. Леут с командирами тральщиков, командиры отрядов кораблей, поднимающих арьергарды дивизий П.И. Державин и

Г.И. Гинзбург с командирами кораблей старшими лейтенантами Н.П. Говоренко, Д.Л. Шквырей, Н.А. Рыбинским, Г.И. Росликом, В. В. Александренко, В.И. Василенко. Тут же командир СКР «Кубань» И.А. Кожухарь и комдив тральщиков капитан-лейтенант В. А. Иосса, капитаны севастопольских буксиров СП-13, СП-15 и СП-18 С. А. Найден, В.М. Адамов и С.Е. Покрышев. Поодаль вижу начальника аварийно-спасательной службы базы А.И. Смирнова с командиром спасательного судна «Меркурий» И.Д. Кравцовым – он с буксирами будет страховать конвои на переходе. Рядом с ними капитан-лейтенанты Некрасов и Корнеев. Они командуют отрядами мелких судов. Каждое поднимет сотню людей. Их около сорока. Большие суда, где идет основная масса людей, с ними не связаны. Им приказано следовать самостоятельно и не рассчитывать на персональное прикрытие – отбиваться от врага самим.

Присутствуют руководители порта и комендатуры во главе с Макаренко и Романовым. Они в ответе за рациональное размещение войск и грузов на судах. Но прежде чем попасть на суда, войска пройдут через руки присутствующих здесь комендантов посадки Северина, Ильича, Булаховича, Морозова, Похилько, Михайлова, Бондаренко, Клычникова, Шилина – главных наших распорядителей на посадке. Их работу обеспечивают блюстители порядка в порту – Барбарин, Шейнин, Волошин. С них спрос за встречу войск и соблюдение дисциплины движения по территории порта. Они подводят войска к комендантам посадки и отвечают за охрану и оборону порта.

Тут же командиры артдивизионов Денненбург и Сологуб – они прикрывают отход войск и порт с суши и воздуха.

Командование ОВРа – Давыдов, Ефимов, Лепакин отвечают за порядок на водной акватории порта, своевременный выход конвоев и подрыв военных объектов в порту. Им уходить последними. Присутствуют работники штаба, политотдела и тыла во главе со своими руководителями Вишневским, Оленевым и Федяевым. Здесь же представители дивизий. Они получат указания и доложат их комдивам.

Людей в зале много, а тихо. Если кто и говорит, то шепотом. У каждого на душе камень – оставляем город, а в нем триста тысяч советских людей. Конечно, на фоне того, что уже оставлено на оккупированной врагом территории, это не масштабно. Но то – где-то, а это нам ближе. Мы за этот город, за этих людей бились много дней. И хотя уходим из Одессы по приказу Ставки, нам от этого не легче. Утешает одно – идем на помощь крымским войскам.

С минуты на минуту должно подойти командование. Чтобы

скоротать время и отвлечь людей от мрачных дум, предлагаю зарисовать вывешенную схему расстановки судов.

Прибыли Кулаков, Жуков, Петров, Кулишов, Владимирский, Воронин. Подаю команду «смирно» и направляюсь к Кулакову с рапортом. А он показывает на Жукова – дескать, командует он. Подражая ему, Жуков кивнул на Кулишова – здесь его подчиненные, он здесь главное лицо, ему предстоит принимать решения, ставить задачи, а мы послушаем.

Я изложил командиру план посадки и выхода конвоев. Кулишов был знаком с ним, но хотел довести его содержание до исполнителей. Кулаков и Жуков задали Макаренко, Романову, Барбарину, капитанам судов и командирам конвоев уточняющие вопросы.

Адмирал Кулишов при постановке задач был предельно краток:

– В связи с осложнившимся положением наших войск на Перекопе Ставка Верховного Главнокомандования приказала эвакуировать войска из Одессы на помощь Крыму. В соответствии с решением Военного совета Черноморского флота командующий Одесским оборонительным районом назначил эвакуацию на 15–16 октября. Порту и комендатуре приступить с ноля часов 15 октября к погрузке тылов и техники дивизий, а с 21.00 начать посадку войск. Транспортам, комендатуре порта и комендантам участков закончить посадку войск к 2.00 ночи 16 октября. Конвоям начать выход с главными силами из Одессы в Севастополь с 22.00 15 октября и закончить до 3.00 16 октября. Отрядам кораблей с арьергардами выйти не позже 5.00, а судам, следующим одиночным порядком, – до 6.00. Действовать согласно плану штаба базы, утвержденному мной. 42-му дивизиону береговой артиллерии прикрыть отход войск с рубежей в порт; 16-му зенитному артдивизиону прикрыть порт с воздуха. ОВРу обеспечить выход конвоев по плану и после подрыва портовых объектов командованию ОВРа начать отход не позже 7.00. С 3.00 командир ОВРа старший в порту. На переходе морем транспорты следуют каждый в отдельности в охранении малых охотников под командованием своего командира конвоя. Вражескую авиацию отражать зенитной артиллерией транспортов и «охотников»; с рассветом конвои будут прикрыты истребителями с аэродромов Тендры и Крыма и зенитной артиллерией кораблей эскадры: крейсера прикроют головные конвои, а эсминцы – концевые. Капитану 2-го ранга Барбарину своими подразделениями прикрыть порт с нагорья и обеспечить жесткий режим в порту. Мой ФКП на Барятинском переулке действует до 3.00 16 октября, но посещение его после 00 часов

запрещается. С 3.00 радио– и телефонную связь поддерживать со штабом ОВРа.

Затем было проведено инструктивное занятие. Оно имело целью уяснить, как наилучшим образом выполнить задачи, поставленные командиром базы, по эвакуации Приморской армии морем. В соответствии с решением командира базы я сообщил, какой транспорт какой дивизии и какому полку предназначен и на каком причале он будет стоять. Представители дивизий были предупреждены о том, чтобы последние подразделения подошли к своим судам не позже 24.00, а арьергардные – до часу ночи. А.А. Барбарину вменялось в обязанность встречать полки на подходе к порту и коротким путем приводить их к судам, где передавать комендантам посадки. На транспортах ответственность за размещение войск возлагалась на капитанов судов, помощника коменданта порта и начальника эшелона, которым надлежало пройти на суда и вместе спланировать размещение подразделений по палубам.

По окончании посадки личного состава на судно комендант посадки обязан был доложить коменданту участка посадки дивизии, а последний – оперативному дежурному базы, который с разрешения начальника штаба базы отдавал приказание оперативному дежурному ОВРа на выход данному конвою. Одновременная съемка двух транспортов воспрещалась. Для обеспечения четкости в действиях конвоя катера охранения засветло швартовались к борту своего транспорта, командир конвоя находился с капитаном и постоянно поддерживал связь с оперативным дежурным ОВРа по телефону и радио.

С командирами кораблей и капитанами судов уточнили на картах порядок выхода конвоев из порта и правила уклонения от самолетов-торпедоносцев и сброшенных ими торпед. Начальник связи базы Баратов сообщил организацию связи на берегу и в море на период операции по эвакуации. Гидрографическая служба базы позаботилась о безопасности плавания на акватории порта и на рейде. Капитан-лейтенант Слободник показал на схеме и сообщил, что в воротах порта на месте Воронцовского маяка и на оконечностях молов будут гореть белые огни и что капитанам разрешается в случае угрозы столкновения судов включать бортовые отличительные (красный и зеленый) огни. Для ориентировки на рейде – на Большом Фонтане установлен зеленый огонь, на мысе Е – синий. Командирам и капитанам вручены описание огней и письменное разрешение на включение бортовых огней. Начальник порта Макаренко и комендант порта Романов разъяснили капитанам и армейским товарищам порядок погрузки техники и размещения людей на судах.

Пожелав друг другу успехов, мы направились по своим местам. С Макаренко и Романовым я прошел на теплоход «Грузия». На него предполагалось погрузить 4000 человек, в том числе и раненых. Но при очередной бомбежке порта была повреждена корма судна. На «Грузии» вышел из строя руль. Капитан заявил, что судно нуждается в буксировке. Решено пересадить часть людей на другие суда, а теплоход буксировать эсминцем «Шаумян», он же его и прикроет.

Ну а если будут еще попадания? На тот случай предусмотрен резерв – боевые корабли. Они примут тысяч семь личного состава.

Отдаваясь делу, люди размышляли над тем, что их ждет. Положение было сложным. Достаточно почитать переписку между Одессой и Севастополем, чтобы убедиться в этом. Шло обсуждение сроков и способов эвакуации, ее прикрытия, ускорения подачи судов, увеличения их числа… И шли жаркие споры. Это были творческие поиски лучшего варианта осуществления принятого решения.

Основная масса воинов соблюдала боевое спокойствие. Но не буду приукрашивать. С каждым днем и часом приближения срока ухода главных сил напряжение в душах человеческих нарастало. Кое-кто приуныл, а то и запаниковал. Я уже говорил, что паника появлялась не в наступлении, редко в обороне, чаще – при отходах под вражескими ударами. Ведь отходят не от хорошей жизни.

В оборону мы втянулись и уверовали, что можем стоять длительное время. Теперь все обжитое, насиженное надо было покидать и идти в порт. Противник при преследовании мог смять, сбросить в море. И достаточно ли моряки организованы, чтобы в кромешной тьме посадить за несколько часов такое большое войско? А впереди переход морем. Надежно ли моряки доставят по назначению? Иным отход сушей с прорывом через вражеский заслон казался предпочтительнее. Много неясностей и сомнений. Неспособным подавить страх становилось дурно от одной мысли, что они должны отходить последними. И они рвались скорее, вне очереди покинуть осажденный плацдарм.

По-человечески можно было понять таких людей. Враг рвется в Крым. Морские коммуникации становятся все более уязвимыми. Под Одессой с каждым днем усиливается нажим противника, а наши силы убывают, уходят в Севастополь. Оставаться в числе последних и, чего доброго, оказаться нос к носу с наседавшим врагом не каждому под силу Это большое испытание на мужество. Но оставаться надо. Кому-то надо. Обязательно. Неприятно уходить замыкающим. А надо. Не все осознавали эту жестокую необходимость. Мне приходилось не раз круто поступать с теми,

кто пытался вне очереди включить себя и своих близких в план посадки именно сегодня, а не завтра.

Когда я объявил одному капитану судна, что он уйдет не сегодня, а завтра, в последнюю ночь, тот даже в лице изменился и лепетал бог весть что. Он струсил. И его пришлось отстранить от командования судном.

Да что там у других, у меня самого неприятности. В сутолоке дел, в работе с перегрузками не всегда есть время заглянуть в душу каждому рядом стоящему. На днях, ближе присмотревшись к одному штабному работнику, я заметил, что другим был человек до объявления об эвакуации. А теперь сник. В обороне он побывал во многих переплетах – ездил в Морской полк, ходил на рейд на корабли, работал в порту под вражескими ударами. И все как нужно. А теперь произошел у человека психологический срыв: руки дрожат и неуправляем. Сутки я терзался – мер не принимал и адмиралу не докладывал. Выручил он сам – слег в постель: нарушился пищеварительный режим. Перевоспитывать его некогда, крутые меры не помогут, а он – помеха, дурно действует на других. Пригласил невропатолога и терапевта. Они поставили диагноз, связанный с «острым нарушением мозговой и желудочно-кишечной деятельности». Требовалась госпитализация. Сегодня на санитарном транспорте «Белосток» отправил его в Севастополь, поручив ему с двумя матросами доставить штабной архив. Но подобные «болезни» не поощряются в трудной обстановке. Он был наказан по службе.

Вечером, когда ушли конвои с последними тылами, мы с Крыловым решили осмотреть порт. Обошли все причалы, посетили транспорты, побеседовали с комендантами посадки. Как раз при нас начала поступать артиллерия дивизий, ее начали грузить. Николая Ивановича несколько смутила сложность работы в темноте с таким грузом. Но когда он увидел сноровку крановщиков и грузчиков, успокоился: в порту большие умельцы.

– И все-таки в ночь посадки войск возможны серьезные трудности. Представляете, придет более тридцати тысяч человек на не такую уж и большую площадь в темноте? А если бомбежка и артналет? Тут за дисциплиной войск решающее слово. Надо поговорить с командирами дивизий об организации посадки, – и Крылов при свете фонарика сделал какие-то заметки в блокноте.

Приехали на наш ФКП, где я показал Крылову помещения для опергруппы штаба армии. Осмотрели их. Затем я предложил Николаю Ивановичу доложить командарму Петрову, что было бы целесообразно днем 15 октября командованию армии переехать на наш ФКП и с него управлять войсками, совместно руководить операцией по эвакуации армии. Крылов согласился. Кулишов

одобрил наше предложение. Надо было утвердить его у Петрова, а затем и у Жукова. С этой целью мы и уехали на их КП.

15 октября командарм вернулся с передовой за полночь. Я доложил ему о результате проигрыша посадки войск с моряками и представителями дивизий. Но когда сказал ему, что обещанные командующим флотом три судна еще не пришли – «Украина» на подходе, «Чапаев» на переходе, а «Большевик» потерпел аварию и устраняет ее у Ак-Мечети, Петров взорвался:

– Если моряки не способны поднять все войска и есть угроза хоть одному полку, вы, моряки, можете уходить, а я останусь с армией.

Он так разволновался, что у него с переносицы свалилось пенсне. Он ловко поймал очки на лету и водворил их на место, но голова его продолжала болезненно подергиваться – результат контузии в прошлой войне. Я счел себя виновником его переживаний и начал, как мог, успокаивать Ивана Ефимовича. Петров быстро успокоился и заговорил обычным деловым тоном, как будто минуту назад ничего и не было.

Надо же такому случиться: звонит оперативный дежурный базы Квасов и докладывает, что в гавань вошла «Украина». Это было в 2.30 ночи. Я тут же Петрову. Он совсем повеселел. Спросил:

– А какие сведения о приходе «Чапаева»?

Я ответил уклончиво. Сказал о том, что последний раз его наблюдали в районе маяка Тарханкут, это у Крыма. Если он не придет, то кавдивизию посадим на крейсера.

– Это надежное дело?

– Десант у Григорьевки показал.

– Я и раньше слыхал, что моряки – обязательный народ. Положимся на них, товарищ Крылов. И давайте отужинаем, а то я еще и не обедал.

Иван Ефимович вспыльчив, но отходчив. А в беседах он просто милый человек. Прощаясь, он все-таки ввернул:

– А может, вы «Чапаева» по радио поторопите?

Я уехал на «Украину» проинструктировать капитана П.А. Половкова. Пока объезжал порт, проверял, как грузится дивизионная артиллерия, наступил рассвет. Позади уже вторая ночь без сна.

Приехал на ФКП, а там ждет Леонид Григорьевич Леут, мой бывший помощник в бытность мою командиром корабля. Он привел тральщики для эвакуации. Для воспоминаний времени не было. Я уточнил задачу его кораблей. На прощание вручил ему ящик коллекционного вина многолетней выдержки – подарок одесских виноделов. Оно для меня сейчас обуза.

В эти последние дни мы в штабе особенно строго относились к себе: никаких излишеств, максимум времени работе, подкреплялись на ходу. Себя я взбадривал курением – три пачки в сутки, папироса за папиросой.

Взошло солнце, а «Чапаева» и «Большевика» нет. Маловероятен их приход днем – вражеская авиация постоянно висит в воздухе на подходах к Одессе, и капитаны не рискнут идти почти на верную гибель. Но они наверняка знают, что наступает последняя ночь.

И вдруг в 10.00 с Тендры доносят, что наблюдают транспорт, идущий в Одессу. По расчетам, это может быть только «Чапаев». Уж не знаю, радоваться или печалиться по этому поводу. Ведь он вошел в зону действия вражеских бомбардировщиков, которую следует проходить только ночью. Его могли утопить в любую минуту. Так было уже с боевыми кораблями и грузовыми судами, пытавшимися днем прорваться в осажденную Одессу. Доложил эту ситуацию Кулишову. Он не сразу нашелся, что ответить, и спросил:

– Что будем делать с кавдивизией, если «Большевик» не придет, а «Чапаева» утопят?

– Часть дивизии отправим через Аркадию на вспомогательных судах, другую – на крейсерах.

– Поезжайте и информируйте командование армии. Успокойте их.

Как я хотел, чтобы Кулишов сам поехал «успокаивать» взрывоопасного командарма. Крылов даже не захотел принять от меня этот доклад и с ходу потащил меня к Петрову. А Ивана Ефимовича словно подменили. Он спокойно выслушал доводы и варианты отправки дивизии. А когда я добавил, что мы выслали «Чапаеву» навстречу корабли и истребители с Тендры для прикрытия и что не будем забывать и о военном счастье, Петров сказал, как отрубил:

– Давайте «Большевик» забудем. На транспорт «Чапаев» вести расчеты. Но и запасные варианты иметь в виду. А вообще-то, Николай Иванович, морякам поставлена задача доставить армию в Севастополь. А как они это сделают, им думать. Принимаю предложения и варианты командования базы, они реальные. И пусть все идет по планам базы.

Петров очаровал меня своей рассудительностью. Я возвращался на ФКП и думал о «Чапаеве». Меня волновала его судьба. Что побудило к столь дерзким действиям капитана «Чапаева» Андрея Ивановича Чиркова? Коль скоро, вопреки нашим запретам, он пошел днем в Одессу, значит, знает, что наступает последняя ночь эвакуации. Каждое судно у нас на

счету, и гражданский долг подсказал ему, как действовать. Этим он подтвердил свое политическое и философское кредо советского человека: биться с гитлеровскими захватчиками не щадя жизни.

Конечно, тут было и нарушение приказов, и необоснованный риск, но было и военное счастье. Бомбардировщики рыскали вокруг, но обошли его, не заметили. Он удачно проскочил.

Я находился с работниками порта на Платоновском молу, когда люди увидели входившее с моря судно средь бела дня. Все ахнули. А капитан порта, наш милый и добрый Василий Иванович Коваль, был настолько потрясен, что громко воскликнул:

– Да после всего этого будет жестоко, несправедливо не дожить до победы!

Я радовался счастливому переходу «Чапаева» и поспешил к Чиркову. Он сильно нас выручил – можно не беспокоиться за кавдивизию. А что касается риска, то ведь война – сплошная опасность, а риск – ее постоянный спутник. Все мы до единого – от рядового до командующего – постоянно рисковали, часто сознательно принимали рискованные решения. Военная наука не исключает обоснованного риска. Но наступали моменты, когда для спасения положения приходилось не считаться с научными выкладками. Вот это и относится к нашему случаю, когда риск необоснован, но оправдан великой целью.

В нравственном отношении поступок Андрея Чиркова воспринимался как рыцарский: благородный порыв торжествует над холодным расчетом, подавляет благоразумие, и человек становится на грань допустимого в интересах общества, когда «безумству храбрых поем мы песню». Не берусь быть судьей Чиркова. Трудный в науке и практике случай. На стороне капитана закон: не ходить днем. А он во имя высокой цели нарушает его, используя малый шанс на выживание. Капитан и экипаж исполнили свой долг до конца.

Тогда не принято было изливать восторги. Поблагодарив Чиркова за отважный прорыв, я поставил ему задачу. И мы распрощались. Распрощались навсегда. Пройдет немного времени, и отважный капитан погибнет вместе с судном при прорыве в осажденный Севастополь.

На ФКП прибыл в полном составе Военный совет ООР во главе с Жуковым. Командующий был восхищен героическим прорывом «Чапаева» и высоко оценил мужество его капитана. Обращаясь к Кулишову, приказал:

– Не забудьте представить его к высокой награде. А знает Петров о «Чапаеве»?

– Начштаба ездил с последней информацией о прибывающих

судах.

Я доложил.

– Наверно, чертыхался, что не все суда в сборе, – отшутился Жуков.

Заслушав доклад командира базы о ходе погрузки техники, Военный совет ООР убыл на внешний рейд, на крейсер «Червона Украина», куда с 12.00 15 октября был перемещен КП ООР.

Сегодня я часто в порту – веду контроль за погрузкой. Завернул к своему давнишнему другу капитану теплохода «Армения» Владимиру Яковлевичу Плаушевскому:

– Э, Константин Илларионович, не годится, надо побриться.

Усадил в кресло и вызвал мастера. Только парикмахер намылил бороду, я начал тут же клевать носом. Пришлось будить меня толчками, чтобы не порезать. Но вскоре этого не понадобилось. Началась жестокая и длительная бомбежка порта, от которой дрожала земля, и это передавалось на корабль. Противное состояние, когда у тебя половина бороды сбрита, а ты должен ожидать под бомбежкой конца процедуры. Владимир Яковлевич стоял у дверей и, чтобы скрасить мое бедственное положение, докладывал об очередном разрыве бомбы в порту и его результатах. Когда закончилось бритье и я вышел на палубу, взорвалась бомба в складе угля. В небо поднялось огромное облако угольной пыли. Оно заволокло весь порт. Когда пыль осела, она покрыла толстым слоем все рядом стоявшие транспорты.

Но ни одного попадания в корабли не произошло. Наш зенитный огонь не позволил снижаться самолетам противника и бомбить прицельно. Выручил и сосед, командир Тендровского боевого участка полковник И.Р. Хвескевич. В те дни для прикрытия Тендры и проходивших кораблей там на узенькой песчаной косе флотские авиационные инженеры устроили примитивную взлетно-посадочную полосу. Корабли доставили туда горючее. На аэродром посадили эскадрилью истребителей И-153. Самолеты не бог весть какой мощи – биплан образца 1937 года, едва догонял «юнкерса» и только пулеметы имел. Но люди на них отчаянные и, не задумываясь, бросались на «мессеров».

Еще на рассвете Иван Романович прислал мне радиограмму: высылаю два И-153 для прикрытия порта. Не ахти какой зонтик, а все-таки вместе с зенитками они атаковали 10–88 и сорвали прицельное бомбометание. А второй радиограммой Хвескевич совсем порадовал: истребители будут прикрывать порт непрерывно. Вот это и называется войсковое товарищество!

Вчера адмирал Кулишов утвердил предложение штаба о порядке отхода командования армии и базы с нашего ФКП в порт

и выхода в море. Мы уходим с ФКП после того, как последний солдат армии покинет порт. Это ориентировочно после 3.00. Командование армии уходит в Севастополь сразу, а базы – после осмотра порта до 5.00. Генерал Петров согласился с этим.

В полдень я пригласил в штаб командиров «охотников» старших лейтенантов С. Гладышева и Г. Акимова. Их катера назначены для перехода командования армии и базы в Севастополь. В конце инструктажа приказал им к 22.00 ошвартоваться у Платоновского мола, причал № 14, и ждать нашего прихода.

По приказанию командира базы в 15.00 я провел повторный инструктаж капитанов и командиров конвоев, в том числе и только что пришедшего капитана «Чапаева» А.И. Чиркова. Из Севастополя прибыли десять «охотников» – их прислал командир ОВРа Главной базы контр-адмирал В.Г. Фадеев. Это большая помощь для нас. Теперь их у нас более двадцати пяти. Командиры «охотников», в том числе и вернувшиеся из дозора А. Разумный, А. Пожидаев, Г. Саратовцев во главе с Б. Винцюном, также были вызваны на инструктаж, в ходе которого обсуждались возможные варианты выполнения задачи в случае задержки подхода войск и в связи с этим выхода конвоев, в случае попадания бомб и снарядов в транспорт при стоянке в порту и необходимости пересадки людей на другие суда. Командиру эсминца «Шаумян» приказано с наступлением темноты начать буксировку поврежденного бомбой теплохода «Грузия» с ранеными.

Было дано новое важное указание. Конвои – транспорты и их охранение – следуют полным ходом, быстроходные обгоняют тихоходных. Им запрещалось оказывать друг другу помощь даже в случае повреждения. Не разрешалось брать друг друга на буксир и заниматься спасением людей с гибнущих судов других конвоев. Да, таковы суровые требования военной целесообразности и военно-морского искусства: можно во время спасения и буксировки потерять от ударов противника и другое судно. В Первую мировую войну немецкая подлодка, утопив один крейсер, по очереди поразила торпедами и два других, занимавшихся спасением людей. Были потеряны не один, а три экипажа.

Задачу спасения терпящих бедствие командование базы возложило на боевые корабли, не занятые непосредственным охранением судов: на эсминцы и тральщики, на вспомогательные суда, в том числе на три мощных буксира СП-13, СП-15, СП-18 и «Меркурий» с аварийно-спасательной техникой, которым надлежало следовать в конце колонны всех конвоев. Мы распрощались и пожелали друг другу счастливого плавания.

В 17.00 командир базы встретил на ФКП командующего

армией Петрова, члена Военного совета армии Кузнецова, начштарма Крылова и их опергруппу: операторов, связистов и артиллеристов. Так как связисты заранее готовили связь с дивизиями, то командование армии тотчас и приступило к управлению войсками с нашего, теперь уже совмещенного, КП.

Петров позвонил командиру правофланговой 421-й дивизии полковнику Коченову:

– Вы поняли, что вам на два часа позже?

Крылов пояснил: восточное направление опасное, от рубежей до порта близко. Чтобы противник, прорвавшись к порту, не создал помехи трем западным дивизиям, решено 421-ю, кроме Погранполка, задержать на рубежах на два часа.

Из порта шли доклады, что погрузка тылов и техники дивизий задерживается. Я проскочил в порт поторопить армейских товарищей и проверить флотские дела. Комендантов посадки дивизий – Северина, Ильича, Булаховича и Морозова застал у своих транспортов. Рядом с ними телефоны и радисты с рациями для связи со штабами базы и О В Ра. Все транспорты точно, как предусмотрено планом, стояли у своих причалов. Рядом с ними катера-охотники, предназначенные для охранения на переходе, а командиры конвоев в контакте с капитанами судов.

В Практической гавани для арьергардов 95-й дивизии стояли корабли отряда Державина: тральщики «Егурча» и «Сарыкамыш», шхуны и катера, способные поднять две тысячи человек. В Нефтяной гавани для арьергардов 421-й дивизии были сосредоточены корабли отряда Гинзбурга: канлодки «Днестр» и «Буг», тральщик «Советская Россия», шхуны и катера. Они также поднимут 2000 человек. В Новой и Карантинной гаванях стояли буксиры СП-13 и СП-15 и тральщики Леута для доставки арьергардов 25-й и 2-й дивизий на крейсера.

Я уже давно заметил: чем сложнее обстановка, тем собраннее становятся люди. Не пришлось делать кому-либо замечаний – все поступали правильно. Конечно, у более дисциплинированных и организованных командиров и начальников, у тех, кто еще до войны слыл строгим, дела шли лучше.

Когда я вернулся на ФКП, там находилось командование эскадры – Владимирский, Семин, Андреев. Их уже ознакомили с последними уточнениями планов армии и базы – порядком отхода и посадки войск, их прикрытием, выходом конвоев. Предполагалось посадить на крейсера по 2000 человек на каждый. Начштаба эскадры Андреев приказал командирам крейсеров выслать в гавани баркасы для перевозки людей. В связи с тем что транспорты не сводятся в один конвой, а каждый

следует самостоятельно полным ходом в охранении «охотников», всякое управление ими в море в смысле перестроений и тем более уменьшения их скоростей исключалось. Было оговорено, что командование эскадры не вмешивается в действия конвоев на переходе, а прикрывает их с рассветом, ориентируясь относительно сложившегося расположения. Предполагалось, что быстроходные теплоходы с наибольшим числом людей на борту окажутся в голове, их следует прикрыть крейсерами, а концевые тихоходы – эсминцами. Все потом так и было сделано.

Наступал ответственный момент отвода дивизий с рубежей. Командарм Петров и начштарм Крылов сидели в ожидании сообщений из соединений.

Телефоны зазвонили почти одновременно около 19.00. Командиры 95-й и 25-й дивизий генералы Воробьев и Коломиец и командир 2-й кавалерийской полковник Новиков доложили условным сигналом, что главными силами начали отход в порт на посадку. А еще через полчаса донесли, что все идет по плану, небольшие ночные атаки противника отбиты батальонами прикрытия. Вскоре и комдивы, оставив на позициях арьергарды для прикрытия, со своими штабами отбыли в порт на посадку. Звонит комдив 421-й:

– Погранполк ушел в девятнадцать ноль-ноль. Морские полки начнут отход позже. Сам отойду с арьергардами.

Другие комдивы отходили с главными силами. Ну что ж, восточное направление опасное, пусть комдив Коченов отходит с арьергардами, ему виднее. Командарм соглашается с таким порядком действий.

Все четыре дивизии в движении к порту. Ждем звонков из порта о подходе частей на посадку. Но до этого почти два часа, и, чтобы снять напряжение и скоротать время, Кулишов пригласил командование армии поужинать. Мы с Крыловым переглянулись и, отпросившись у начальства, отправились к себе. Если штаб хочет быть всезнающим, он должен быть постоянно бодрствующим.

Только Николай Иванович закончил разговоры с командирами батальонов прикрытия, а я – с комендантами участков, как началась бомбежка порта. Это было в двадцать часов. Попаданий в корабли не было. А на причалах загорелись склады, и часть порта оказалась освещенной.

В связи с этим эпизодом приходилось после войны слышать и читать, что это была работа диверсантов, якобы проникших в порт для поджогов. Никакой вражеской мифической руки тут не было. Еще днем по плану Барбарина, одобренному штабом базы и утвержденному Кулишовым, была продуманно организована

охрана и оборона порта. На взгорье, нависающем над портом, в том числе и на Приморском бульваре, были выставлены секреты. Они исключали возможность диверсионного обстрела порта сверху. Вокруг портовой ограды и на его территории находились подвижные патрули. Если учесть, что в порту было огромное стечение народа, да еще при нашей обостренной бдительности, когда хватали любого подозрительного, то все это полностью исключало поджоги складов для «иллюминации». Не надо врага принижать, но и делать из него всемогущего тоже не следует. Всякий, кто выдумывает мифические диверсии, не только покушается на наши организаторские способности, но и возвышает врага, делает из него героя. Наш противник не был способен на подобные героические дела.

Еще не истекло время для подхода дивизий, а в 20.50 зазвонил телефон. Докладывал Барбарин:

– К воротам порта подошли части 25-й и 95-й дивизий.

– Ликвидированы ли пожары? – спрашиваю его.

– От попаданий бомб загорелись два склада, да работники порта раньше времени подожгли свою мастерскую, чтобы не досталась врагу. С пожарами покончено. Проверил охрану и оборону порта, бойцы бдительно несут службу.

Информирую Петрова и Кулишова об этом. Звонок от КПП ворот порта, докладывает майор Волошин:

– Подошла 2-я кавдивизия.

Звонит Барбарин:

– Погранполк прошел ворота – и с ходу на «Абхазию».

Все четыре дивизии головными частями подошли к порту. Петров и Крылов довольны.

А вскоре пошли доклады от комендантов. Первым позвонил комендант посадки 25-й Чапаевской майор Ильич:

– Начал посадку полков на «Украину» и «Курск», а на «Жан Жорес» скоро закончу.

Комендант посадки 2-й кавдивизии майор Северин сообщил:

– Начал посадку частей Новикова на «Чапаев».

Майор Булахович, комендант посадки 95-й дивизии, доложил:

– Началась посадка частей Воробьева на «Армению», «Калинин» и частично на «Восток».

С докладом к командарму прибыл комдив-95 генерал Воробьев. Стоя перекусил и заторопился в порт. Перед уходом сказал мне:

– Хочу уходить не с главными силами, а дождаться арьергарда.

Я написал записку командиру отряда кораблей,

предназначенного для эвакуации батальонов прикрытия 95-й дивизии, капитан-лейтенанту П.И. Державину: «Принять на борт МО-119 генерала Воробьева и доставить его в Севастополь».

Получалось по-флотски: последними с одесской земли сходили командиры. Так поступили все комдивы Приморской армии: комдив-95 генерал Василий Фролович Воробьев, комдив-25 генерал Трофим Калинович Коломиец, комдив-2 полковник Петр Георгиевич Новиков. А комдив-421 полковник Григорий Матвеевич Коченов сразу спланировал свой уход с арьергардами из Нефтяной гавани. Все комдивы, отправив штабы с головными частями в Севастополь для организации выгрузки дивизий, сами остались в Одесском порту и покидали его между 3.00 и 4.30, когда их бойцов уже ни одного не оставалось в городе.

Только уехал Воробьев, звонок из Нефтяной гавани. Наконец-то. Докладывал комендант посадки 421-й дивизии майор Морозов:

– Морские полки Коченова начали посадку на «Котовский» и «Сызрань».

Все дивизии на всех участках начали посадку.

Заехавшим к нам комдивам Коломийцу и Новикову предложили в порт не ехать, а прямо с ФКП – это тупик Барятинского переулка – по тропинке с нашими провожатыми спуститься вниз. Через пять минут они будут у своих дивизий в Новой и Карантинной гаванях. Они так и сделали, избежав сложностей движения в потоке войск.

Воробьев, Коломиец и Новиков, прибыв в порт, сразу вошли в контакт с комендантами посадок и уже через четверть часа сообщали, что все идет по плану.

Командарм Петров и начштарм Крылов были постоянно в курсе всего происходящего. Вот они только что переговорили со всеми комдивами.

С 22.00 посадка войск шла полным ходом. Нам, ответственным за нее, не терпелось помчаться в порт. Но в том не было необходимости: там надежные люди, они знают, что и как делать, и с усердием выполняют свои обязанности. И все же Жуков не выдержал, не усидел на крейсере. Оставив за себя заместителя, он ушел на катере в порт – хоть одним глазком глянуть, как идет посадка войск, как ведут себя люди.

Звонит комендант посадки 95-й майор Булахович:

– На Военный мол прибыл адмирал Жуков. Обошел причалы, посмотрел посадку на «Калинин» и «Армению». Вот он подходит. Передаю трубку…

А я свою передал Кулишову.

– Удовлетворен организацией посадки войск.

Отрыв от противника прошел без осложнений, и прикрывать отход войск артогнем не имело смысла. Поэтому мы прервали стрельбу кораблей эскадры в Восточном секторе – побережем снаряды и пушки. Но уже успели создать у противника впечатление нашей активности: на месте мы, не уходим. А вот в Западном и Южном секторах береговые батареи Никитенко, Шкирмана и Куколева артдивизиона Денненбурга, которые придется подрывать, вели сильный огонь по позициям вражеских войск. И это не могло не создать впечатления, что советские части собираются наступать.

В 22.00 у Крылова зазвонили телефоны. Докладывали командиры арьергардных батальонов прикрытия: «Оставляем позиции, начинаем движение в порт, противник ничего не подозревает». Замысел об одновременном отходе войск и посадке их на суда в течение одной ночи осуществлялся успешно.

Боевой марш-маневр флота

Подходил час расставания с Одессой. Мы переживали эту печальную необходимость молча. Примириться с тем, что ты должен оставить частицу самого себя, оставить то, что свято для тебя, хоть ты и сделал все, чтобы надежно защитить город, было чрезвычайно тяжко. Но военная целесообразность диктовала свое, не признавая никаких эмоций. Надо было, и все тут.

В порту дела шли хорошо. Правда, мы планировали закончить погрузку артиллерии к 20.00, но на двух судах из-за маломощности их кранов ее затянули. Комендант порта Романов доложил, что армейские товарищи разбирают тяжелые орудия и грузят их по частям одновременно с посадкой войск. Петров и Кулишов похвалили их за находчивость.

На ФКП все с нетерпением ждали первого доклада о готовности судна к выходу. Кулишов и я уговорились не звонить комендантам посадки до 23.00, не нервировать их и не подгонять – время есть.

И вдруг в 21.30 звонит ответственный за посадку 25-й дивизии майор Ильич и докладывает:

– «Жан Жорес» закончил посадку, принял назначенные части, готов к выходу. Рядом со мной стоят командир Охраны рейдов Керн, капитан судна Лебедев и командир конвоя Милюков.

– Ждать «добро» от оперативного дежурного ОВРа на выход.

И я слышу, как Керн, получив «добро» от ОД ОВРа, передает командиру конвоя приказание на выход. В 21.40 вышел первый конвой. Началось. И началось хорошо.

Только мы порадовались успеху, вдруг докладывает рейдовый пост: «Вижу, выходят транспорты из Нефтяной гавани».

Как же так? Мы еще не получали оттуда докладов об окончании посадки. Командирам военных транспортов «Котовский» и «Сызрань» приказано возвратиться. Комендант участка посадки объяснил, что он встречал подходившие с фронта подразделения. Его помощник, посчитав подразделения, поднявшиеся на борт судов, как окончание посадки, сообщил об этом командирам транспортов. Те приняли это за «добро» на выход. Порядок восстановлен, и посадка продолжается. Но командир базы сделал за это исполнителям строгое внушение.

Звонит А.А. Барбарин с причала:

– «Абхазия» загружена артиллерией и тылами 421-й дивизии. Приняла Погранполк и батальон моряков. Готова к выходу.

В 22.00 вышел второй конвой.

В 19.00 буксиры вывели подбитую «Грузию», и в 23.00

эсминец «Шаумян» повел ее на буксире. А вслед вышел «Восток» с тылами и артиллерией 95-й дивизии и двумя с половиной тысячами бойцов на борту.

На войне бывает и смешное. Звонит Державин и трагичным голосом докладывает:

– Флагманский минер базы заминировал мой отряд кораблей в Практической гавани.

Я сразу понял, в чем дело. Флагмин Н.Д. Квасов руководил минированием гаваней и поторопился, раньше срока поставил мины в Практической, не глянув, что там стоят два корабля для арьергардов 95-й дивизии. Что же делать? Когда припрет, сразу найдешь выход. Передаю:

– Вручную перетяните корабли вдоль причалов к голове Военного мола. Где Квасов?

– Рядом со мной, я его пригласил отчитаться.

Сквернословия я не терпел и взыскивал за него с подчиненных – любителей соленого морского «фольклора». Но как хотелось тогда выругаться! Ограничился суровым разговором и спросил:

– Точно выдержали схему постановки? Есть «чистая» вода вдоль причалов, метров шестьдесят?

– Да.

– Вам лично находиться на мостике кораблей и консультировать командиров.

Через час Державин и Квасов доложили, что все исполнено. Конечно, я чувствовал и свою вину: все-таки надо было более четко проинструктировать флаг-мина, зная его характер.

Наступило 16 октября. Из Нефтяной гавани звонит комендант посадки И.А. Морозов и сообщает о готовности «Сызрани». В 00.55 она выходит с частями 421-й дивизии. В 1.45 вышел из порта теплоход «Украина» с частями 25-й дивизии. Командиры и капитаны Ребрик, Бададенко, Божченко, Половков искусно выводят свои корабли в море. В 2.00 капитан Труш вывел из порта «Курск».

Наконец в 2.30 звонит комендант посадки 2-й кавдивизии майор Ф.Ф. Северин.

– Части дивизии Новикова посажены, «Чапаев» готов к выходу. Некоторые подразделения с ее арьергардами отправил тральщиками на крейсер «Червона Украина».

Через полчаса А.И. Чирков увел «Чапаев» с кавдивизией.

И вдруг – чудо. С Тендры донесли, что в 23.00 проследовал «Большевик», идет к нам. Когда же он будет? Знает ли капитан, что это последняя ночь? Мы грешили, что он побаивается идти в Одессу в такое грозное время и поэтому тянет. А оказывается,

ошиблись, – Эрнест Иванович Фрейман упорно ведет свой корабль. Видите, как можно ошибиться и подумать плохо о человеке, которого не узнал. Майору Северину приказано дождаться «Большевик» и уходить на нем.

Уже ушли полностью 25-я и 2-я дивизии, половина 421-й. А вот и звонок коменданта посадки 95-й дивизии майора ЕМ. Булаховича:

– «Армения» приняла два стрелковых полка и готова к выходу.

В.Я. Плаушевский уведет «Армению» в 3.10.

Задерживается с выходом из Нефтяной гавани «Котовский». Комендант посадки не может объяснить, почему не подходят остальные части 421-й дивизии. И самого командира дивизии Коченова нет. Щепетильный он человек: никто не должен подумать, что он торопится уйти. Он где-то на подходе с последними подразделениями. Задерживается и «Калинин». Около него хлопочет сам комдив-95 Воробьев. Дело в том, что на транспорт грузится 161-й стрелковый полк и артиллерия 57-го артполка и отдельного дивизиона. Дело трудоемкое. И нас уже подмывает: скорее бы к ним, помочь советом.

Еще в первом часу доложили, что в порт начали прибывать арьергардные батальоны прикрытия. Комендант посадки в Аркадии Шилин доложил:

– Начал отправку частей кавдивизии на рейд к СКР «Кубань» на плавсредствах Некрасова.

Одновременно комендант Северин и Ильич сообщили, что начали отправлять тральщиками, буксирами и баркасами на крейсера арьергардные подразделения 2-й и 25-й дивизий. Поступило донесение и от Державина:

– Приступил к посадке арьергардов 95-й.

Последнее арьергардное подразделение армии прибыло в порт. Уже более трех часов между ФКП и позициями противника нет ни одного нашего воина. Мы, пропустив мимо себя войска, остались неприкрытыми с фронта. Пришлось организовать круговую оборону ФКП. Чтобы не подвергать опасности сразу два штаба, Кулишов, после того как в порт вошли главные силы и половина их уже ушла в Севастополь, предложил Петрову отправиться с главными силами. Но тот решительно заявил, что уйдет только с нами, в арьергарде.

Когда в порт прошли первые арьергардные подразделения, я передал командирам артдивизионов Денненбургу и Сологубу приказание командира базы усилить огонь по указанным ранее позициям противника до полного израсходования снарядов.

Выйдя из подземелья, услышал, как в полную силу

загрохотала флотская артиллерия. Это была лебединая песня морских батарей.

Приказываю начальнику связи Б.А. Баратову сообщить в Севастополь: «Радиовахты закрываются, и радиоцентры подрываются». В 2.30 адмирал Кулишов отдал Денненбургу и Сологубу приказ подорвать батареи и отходить на посадку.

Сказать такое нелегко было, а выполнить еще тяжелее. Особенно трудно было поднимать руку на новую 180-миллиметровую 411-ю батарею Никитенко – в железобетоне, полубашенную, с огромным боевым и энергетическим хозяйством. Уничтожить такое замечательное творение ума и рук человеческих! Два года здесь копали, цементировали, возводили, устанавливали присланное со многих заводов страны оборудование. Трудились сотни строителей под руководством инженеров Плоткина, Данилевского, Евтухова, Марголина, Гвозда. А теперь за десять минут все это должно превратиться в груду щебня и металлолома.

Подорвав батареи, личный состав убыл на машинах в порт, частично к шхунам, стоявшим у берега.

Пришла пора и нам уходить. Отдаю последние распоряжения всем, кто руководит в порту посадкой арьергардов. Сообщаю командиру ОВРа П.П. Давыдову, что командование базы переходит на малый охотник № 52, и передаю ему приказание адмирала, что он остается старшим в порту до окончания подрывных работ. Ему уходить последним, не позже 8 часов. Это был последний начальник гарнизона Одессы.

Связь со всеми прекращается. За перегородкой наш оперативный телефонный коммутатор, наш честный труженик, шагавший за нами по всем КП. Сколько миллионов слов прошло через него! Сколько приказаний и донесений он переварил за эти дни обороны! На нем самоотверженно работали наши боевые помощницы телефонистки Лида Бараненко, Маша Бондаренко, Белла Гендельман, Лида Каменева,

Лена Ревякина (Хоменко) и старшая – Нина Антоновна Серватинская. Славные труженицы, отважные фронтовички. Удары вражеской авиации и артиллерии, сыпавшиеся на наш штаб, пришлись и по ним. Рвались бомбы и снаряды, содрогалось здание штаба, со звоном разлетались стекла, но ни одна из них не дрогнула, не покинула своего боевого поста, ибо они знали: идет управление боем. Я вообще не представлял своей работы без такой надежной помощницы, как телефонистка. Не надо было самому искать нужного человека. Скажи телефонистке – и вскоре он на проводе. Она его и под землей разыщет: все обо всех знала. Последние часы обороны Одессы с нами работала самая

молоденькая – Маша Бондаренко. Мне кажется, ей и восемнадцати не было. Она и закрыла вахту.

Через треть века мы обменялись с Марией Михайловной Романцовой письмами и вспомнили ту последнюю ночь в Одессе.

В 3.15 командование армии и базы покинуло последний КП. Колонной по одному мы начали спускаться вниз. Через пять минут были в порту. Связисты и охрана направились на судно «Лукомский», а мы – к «охотникам» на Платоновский мол. Командиры «охотников» Акимов и Гладышев доложили о готовности к походу.

Короткая прощальная беседа с Петровым и Крыловым уже подходила к концу, когда мы увидели входивший транспорт «Большевик». Это было в 3.40. Старина Фрейман привел свой старый тихоход за войсками. Но брать уже некого. Петров не удержался:

– Все-таки моряки – обязательный народ. Все обещанные суда подали.

Прощальные рукопожатия, и командование Приморской армии в 3.45 убыло в Севастополь. А мы изменили первоначальное решение. Вошел «Большевик», неясно с «Калининым» и «Котовским». Нам надо уходить с последним судном, с последним солдатом. Адмирал принимает решение обойти гавани.

У головы Военного мола стоит «Калинин». Спрашиваю в мегафон:

– В чем дело?

– Отходим, – отвечает капитан судна И.Ф. Иванов.

И надо же такому случиться: в этот момент с судна падает в воду солдат. Подошли и подняли его. Он порядком наглотался воды, пришлось откачивать.

В 4.05 мы в Нефтяной гавани. Стоит «Котовский». На его борту 1-й морской полк, но не полностью. И в это время старпом корабля Д.М. Андрияш подводит последнее подразделение. По приказанию адмирала М.И. Безродкин уводит свой корабль в Севастополь.

Нет еще арьергардных подразделений прикрытия 421-й дивизии, и командир арьергардного отряда кораблей капитан 3-го ранга Г.И. Гинзбург очень волнуется: скоро рассвет, нужно уходить, а то угодишь под бомбежку.

Хорошо, что мы оказались здесь. Кулишов говорит:

– Правильно сделали, что пришли сюда. Некрасиво было бы уйти из порта, не убедившись, что все корабли с войсками убыли.

И принимает решение остаться на месте для ускорения эвакуации. Я с двумя автоматчиками направляюсь к воротам

нефтяных складов и приказываю коменданту посадки И.А. Морозову и политработнику А.Ф. Михайлову с группой матросов бежать навстречу отходящим частям прикрытия и ускорить их подход. Помогло. Когда я вернулся к кораблям, тут уже был и комдив Коченов. Он подошел к воротам с арьергардным подразделением. Гинзбург сильно шумел на Коченова из-за задержки. Адмирал тоже что-то выговаривал Коченову.

Вообще-то они правы. Сорок минут ожидания для них были сверх меры томительны. Но и Коченова надо понять.

Он имел приказ отходить несколько позже других. Немного перестарался.

Матросы арьергардного прикрытия из 1-го и 3-го морских полков – на кораблях. Командир 421-й дивизии полковник Г.М. Коченов – на катере. Гинзбургу приказано отходить. А мы на катере – назад, в порт. Выходит отряд кораблей П.И. Державина с арьергардами 95-й дивизии и с ними генерал Воробьев. Прошли вдоль причалов. Порт опустел. Стояло несколько катеров, назначенных для принятия подрывников. Мимо нас прошел отряд Г.И. Гинзбурга. Я приказал командиру «охотника» Акимову подвернуть к Платоновскому молу, а оттуда громовым голосом: «Куда вы лезете! Подрываем кран». Адмирал дал понять, что самовольничать не следует. Я попросил разрешения подойти к «Большевику» у Карантинного мола. Но он, снявшись со швартовов, уже направился к выходу.

Вот теперь и мы могли уходить с чистой совестью – в порту ни одного судна с войсками. За нами должны выйти руководители порта, потом подрывники и последним тральщик «Взрыватель» под командованием Трясцина. На нем и командир ОВРа Давыдов. Тральщик, выходя, должен поставить мины в акватории порта. Подрывом объектов и минированием порта руководят минеры ОВРа А.С. Евона, А.Н. Тараканов и Точилкин.

Адмирал теперь уже сам скомандовал Акимову:

– Командир! На выход.

«Большевик» уже вышел из порта, когда мы обогнали его, пройдя вплотную у кормы. Он не загружен – некого было брать. Я глянул на свою «Омегу» со светящимися стрелками и цифрами. Было 5 часов 31 минута. Впоследствии гравер выбил на крышке часов эти цифры.

На внешнем рейде тоже никого не было. Корабли эскадры ушли достаточно большой скоростью – мы не могли догнать крейсера. К утру им надо было быть ближе к середине Каркинитского залива.

Одессу сразу поглотила темень. И защемило в груди: там наши люди остались на поругание врагу Это жгло душу. Что

делать, военная необходимость не признает сантиментов.

Закрывалась последняя страница славной одесской эпопеи. Мы покидали город с сознанием исполненного долга. Враг не способен был сломить волю советских воинов.

Мы молча стояли на мостике, каждый отдавшись своим думам, которые, конечно же, были о судьбах Родины. Наши думы время от времени нарушали сигнальщики-наблюдатели, докладывавшие о кораблях, обгоняемых нами. Обогнали «Калинин» и «Котовский» в охранении «охотников» и тральщиков, множество мелких судов. Рассвет застал нас у Тендры. «Грузия», отдав буксирные концы, следовала своим ходом, и достаточно хорошим – узлов одиннадцать. Вел ее старпом В.А. Габуния.

Маршрут выходящих из Одессы кораблей имел один излом – у Тендры. От Одессы до Тендры корабли шли курсом 115 градусов – в восточном направлении, вдоль побережья, занятого противником. На этом отрезке всегда был наибольший риск подвергнуться ударам вражеской авиации с ближайших аэродромов. У Тендры корабли поворачивали вправо на курс 150 градусов и следовали в южном направлении до Тарханкута. В это время они удалялись от вражеских аэродромов. И чем дальше уходили, тем в большей безопасности становились. Когда мы сами повернули на этот курс и увидели впереди «Чапаев», а еще дальше «Армению», стало спокойнее на душе.

Эти пять концевых транспортов прикрывали четыре эсминца: «Шаумян», «Незаможник», «Смышленый», «Бодрый». Когда мы проскочили вперед полным ходом, то увидели «Курск» и «Сызрань». Дальше впереди шли «Украина» и «Восток» и уже совсем на горизонте – «Абхазия» и «Жан Жорес». Эти шесть головных транспортов (к ним подтягивалась и «Армения») с наибольшим числом людей прикрывали два крейсера.

Корабли эскадры с утра приступили к выполнению своей задачи – прикрытию конвоев зенитной артиллерией. Конечно, боевые корабли этой артиллерией должны защищать и себя.

Из труб пароходов валил густой дым. И даже над теплоходами (с дизелями) вился дымок. Это означало, что кочегары, машинисты и дизелисты по приказу капитанов выжимают из машин все, идут форсированным ходом. Оно и понятно, нужно к утру возможно дальше уйти на юг, куда реже залетают самолеты противника, и быть ближе к нашим аэродромам, под прикрытием истребителей.

Я нанес на карту места транспортов. Получалось, что колонна конвоев растянулась на 40 миль. Так мы и предусматривали. Конвои выходили в разное время, имели разные скорости, шли максимальным ходом. Концевые конвои в 9.00 вышли из

оперативной зоны Одесской военно-морской базы и вошли в зону Главной базы. Командование флотом возглавило завершение эвакуации армии. Адмирал Кулишов счел свои функции исчерпанными и приказал командиру «охотника» следовать в Ак-Мечеть.

Там мы обоснуемся на сутки для встречи малых и поврежденных судов и переотправки их в Севастополь.

Кулишов подошел ко мне:

– Начальник штаба, идите спать.

А я уже спал стоя – пошли четвертые сутки без сна. Таких рекордов я в жизни больше не ставил. Прилег на койку, а по приходе в Ак-Мечеть поднялся с палубы – во время качки свалился и не проснулся.

В течение дня в Ак-Мечеть заходили малые суда. Мы их тут же направляли в Севастополь. Нечего здесь задерживаться – Ишунь близко.

Поздно вечером катера доставили с моря группу людей во главе с майором Севериным, которые доложили, что торпедоносцы противника утопили наш концевой транспорт «Большевик». На нем было человек двадцать солдат. Погибли двое. Капитан Э.И. Фрейман вел себя с достоинством, умело управлял судном при атаках самолетов, а во время гибели судна последним сошел с мостика. Его и всех пострадавших мы определили в госпиталь, который находился в Ак-Мечети.

Из Севастополя сообщили, что все транспорты с войсками благополучно прибыли. И.Д. Кулишов доволен исходом операции и, разговорившись, высказал интересные мысли:

– Вот мы с вами не догадались заранее спланировать и поставить концевым в колонне этот старый, отслуживший свое, порожний транспорт, чтобы отвлечь на него вражескую авиацию. А получилось как по заказу.

Да, это был редкостный случай в войне, когда враг разрядился торпедами на порожнем судне, подлежащем слому. Если бы такой случай не произошел, то его надо было придумать, даже для легенды.

16 октября в Ак-Мечеть пришло много малых судов, в том числе сейнер «Красин», а на нем личный состав 39-й береговой батареи Шкирмана. Самолеты противника не прошли дальше к крупным судам, а бомбили его. Но батарейцы всеми видами оружия отбились, хотя и понесли потери.

На другой день на торпедном катере командование базы прибыло в Севастополь. С работниками штаба я обошел все транспорты, опросил капитанов, взял отчеты у командиров конвоев и капитанов. По ним была уточнена обстановка, в

которой совершался переход.

Когда рассвело, противник разведкой установил большое число транспортов, шедших из Одессы, и с 10.00 начал их бомбить. Бомбежке подверглись «Жан Жорес», «Украина», «Курск», «Калинин», «Большевик». Бомбили самолеты Ю-88 под прикрытием Ме-109. Налеты их отражались зенитной артиллерией транспортов, «охотников», тральщиков, эсминцев, крейсеров и малых судов, на которых были установлены полевые пушки и пулеметы для стрельбы по воздушным целям. Капитан «Жана Жореса» Г.Н. Лебедев распорядился установить зенитные пушки Чапаевской дивизии на палубе так, чтобы они смогли вести огонь по самолетам. Помогло. Ни одного попадания бомб в транспорты не было.

С восходом солнца истребители флота, поднявшись с аэродромов Крыма и Тендры, прикрыли транспорты, а при подходе вражеской авиации вступали с нею в бой. Авиация противника встретила организованный отпор наших судов, кораблей и истребителей. Флоту удалось избежать потерь. Лишь к концу дня, когда наши самолеты ушли на аэродромы, торпедоносцы противника, подойдя с севера, утопили слабо охранявшийся концевой транспорт «Большевик». Но это, как уже говорилось, небольшая потеря.

Я засел за составление доклада по эвакуации Приморской армии и базы. От меня требовался краткий материал (предполагалось в будущем составить отчет по всей одесской эпопее). К сожалению, он был составлен недостаточно квалифицированно и не во всем объективно, без участия армейских товарищей. А это неправомерно. Потому отчет и не может быть признан достоверным источником при изучении истории обороны Одессы.

Всего из Одессы в июле – октябре было вывезено морем около 300 тысяч человек гражданского населения – почти половина города – и 110 тысяч военнослужащих, в том числе тяжело раненных 31 тысяча. Доставлено в Одессу 50 тысяч воинов.

За время эвакуации с 1 по 16 октября было вывезено 86 тысяч военнослужащих с вооружением и 15 тысяч человек гражданского населения. Из них в последнюю ночь, 15–16 октября, эвакуировано 38 тысяч человек. Было вывезено 570 орудий, 1200 автомашин, 34 танка, 22 самолета.

В эвакуации участвовали 37 торговых и военных крупных, средних и малых транспортов. Такие, как «Украина», «Грузия», «Белосток», «Судком», за 15 суток обернулись четырежды, а «Жан Жорес», «Армения», «Москва» и «Большевик» – трижды. Все они сделали 70 рейсов. 15 боевых кораблей совершили 20 рейсов.

В последнюю ночь для эвакуации Приморской армии и Одесской базы было задействовано более 80 крупных, средних, малых и мелких судов, кораблей и катеров.

Основное ядро армии шло на 11 транспортах, 2 крейсерах, 4 эсминцах, 8 тральщиках и 3 канлодках. К охранению транспортов было привлечено 25 малых охотников и соединение торпедных катеров. Их прикрывали 40 истребителей.

Это был хорошо организованный и обеспеченный боевой марш-маневр Черноморского боевого и транспортного флота с армией на борту. В Одессе не осталось ни одного подразделения.

Эвакуация войск из Одессы – славная страница истории Черноморского флота и пароходства. Подобного успеха при эвакуации войск морем не зафиксировала история Второй мировой войны.

Образцовая эвакуация войск Приморской армии с осажденного Одесского плацдарма – результат смелой реализации удачного замысла и искусного осуществления операции на всех этапах: успешный отрыв войск от противника, организованная посадка, стремительный выход одиночных транспортов и переход морем форсированными ходами на полную мощность машин каждого судна в отдельности, не связанного с другими. Сэкономив время на марше войск от рубежей до порта, при посадке, на выходах и в пути одиночных транспортов, удалось протолкнуть конвои к утру настолько далеко, что вражеская авиация зависла у них на хвосте, а при попытке догнать крупные суда попала под удар флотских истребителей из Крыма.

Войска под командованием генерала И.Е. Петрова искусно и скрытно оторвались от противника и, прикрывшись арьергардами, организованно пришли в порт в назначенный срок. А о нас, моряках, слово Ивану Ефимовичу Петрову: «Личный состав Одесской военно-морской базы на посадке войск проявлял величайшую организованность. Посадка проходила дружно, организованно»[38].

На этапе перехода конвоев с войсками проявились талант капитанов и экипажей судов, командиров и экипажей кораблей и командования эскадры, мастерство и отвага летчиков-истребителей, умелое руководство командования и штаба флота, морского и авиационного командования. Успех операции по эвакуации войск морем был обеспечен мастерством и отвагой воинов флота и армии и согласованными усилиями морского и армейского командования и штабов во всех звеньях.

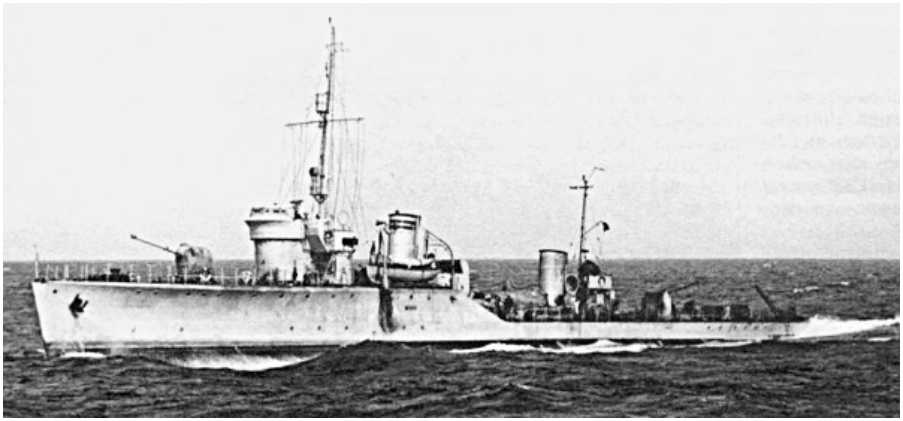
Партия и советское правительство высоко оценили героизм защитников Одессы, «храбро и честно выполнивших свою задачу»,

как отмечала Ставка Верховного Главнокомандования в своей директиве. 14 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза, 2167 человек награждены орденами и медалями. 22 декабря 1942 года была учреждена медаль «За оборону Одессы». Ею награждены все защитники города. 1 мая 1945 года в приказе Верховного Главнокомандующего Одесса в числе четырех городов названа городом-героем. 8 мая 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР она награждена орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Иллюстрации

Здание Военно-морского училища им. М.В. Фрунзе. 1920-е гг.

Учебный крейсер «Аврора» во время визита в Норвегию. 1930-е гг.



Сторожевые корабли Черноморского флота «Шквал» и «Шторм»

Ф.С. Октябрьский

Н.Г. Кузнецов

Крейсер «Коминтерн» в Одессе. 1930-е гг.

Командир Одесской военно-морской базы И.Д. Кулешов

Командующий войсками Одесского оборонительного района Г.В. Жуков

К.И. Деревянко, Г.В. Жуков, В.Л. Ильин. 1941 г.

Немецкие бомбардировщики «Хенкель-111», сбросившие первые бомбы на Севастополь

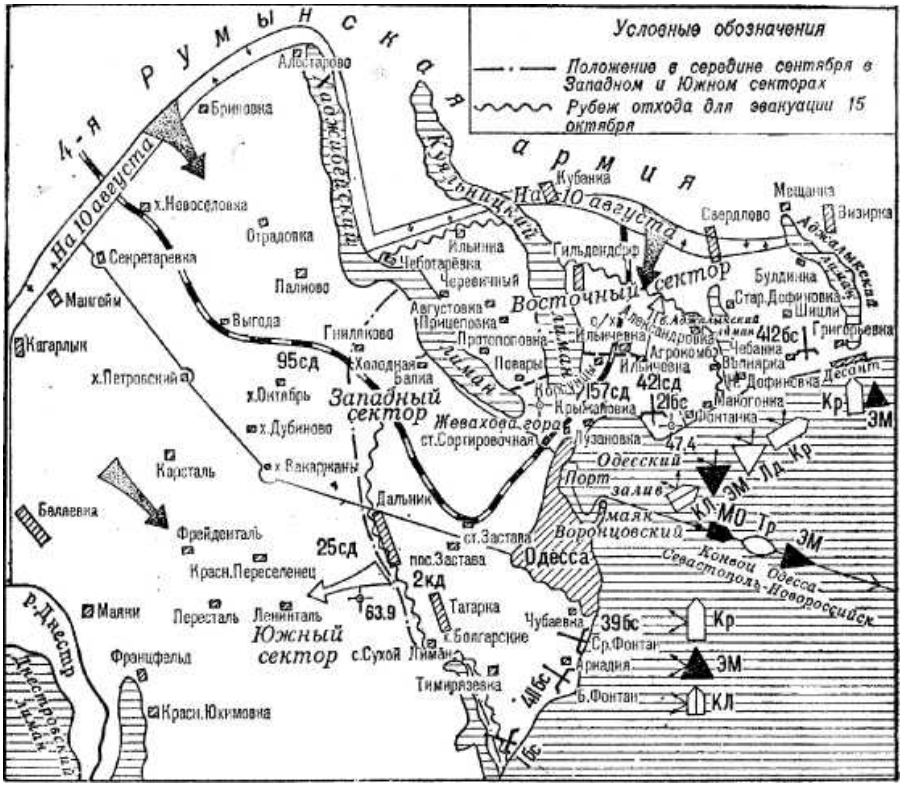


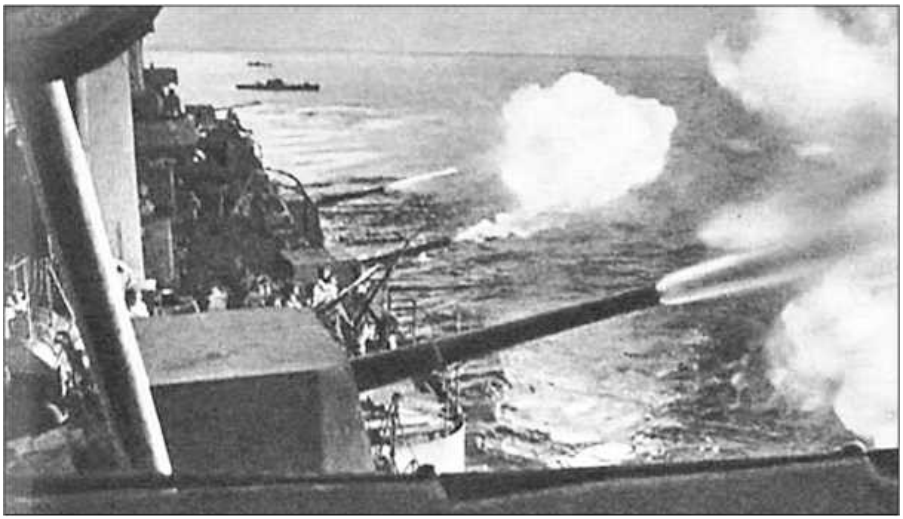
Схема обороны Одессы в 1941 г.

Огонь ведет крейсер «Червона Украина». 1941 г.

Одесса готовится к обороне. Строительство баррикад. 1941 г.

Отряды моряков выдвигаются на позиции. 1941 г.

Руководитель инженерных работ Восточного сектора ИД. Еремин докладывает генералу А.Ф. Хренову о ходе работ в Одессе



Залп корабельной артиллерии

Морская пехота в бою

Румынская танкетка R-1, захваченная советскими войсками под Одессой. Август – сентябрь 1941 г.

Румыны, плененные морпехами под Одессой. Август – сентябрь 1941 г.

Крейсер «Красный Крым»

Командир крейсера «Красный Крым» В.И. Зубков

Командир эсминца «Фрунзе» капитан – лейтенант П.А. Бобровников

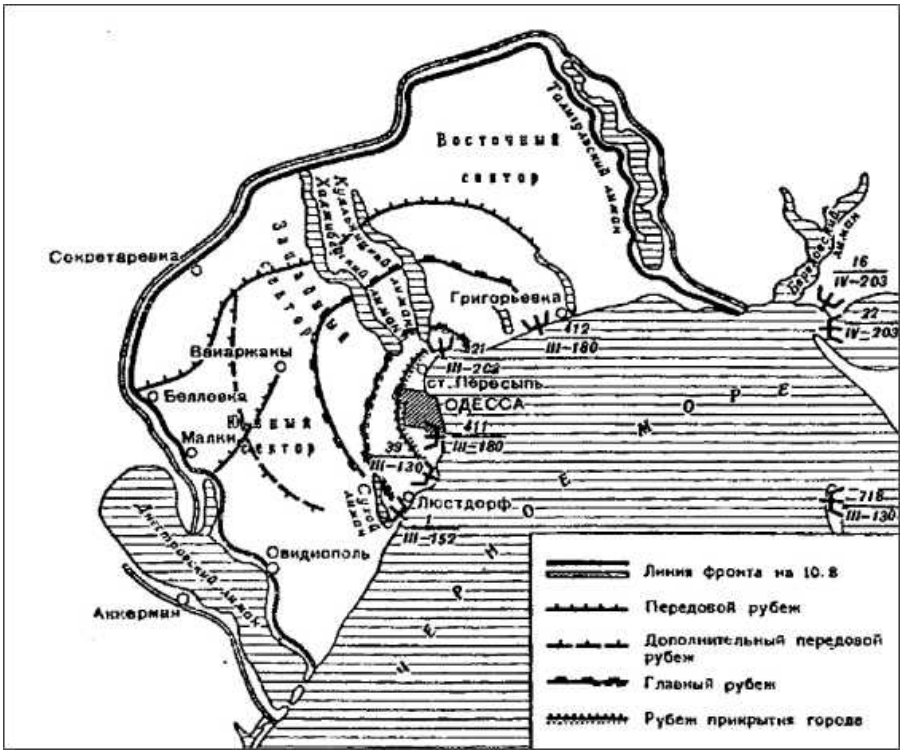


Схема расположения артиллерии Одесской военно-морской базы

Расчет орудия береговой обороны. Одесса, 1941 г.

Расчет берегового орудия за боевой работой. 42-я батарея под командованием капитана А.И. Денненбурга. Одесса, август – сентябрь 1941 г.

Командир 42-го артиллерийского дивизиона А.И. Денненбург

Командир 40-го артиллерийского дивизиона И.Б. Яблонский

Десант под Григорьевкой. Сентябрь 1941 г.

Румынские орудия, захваченные советским десантом под Григорьевкой. Сентябрь 1941 г.

Слева направо Н.Г. Кузнецов, Ф.Н. Воронин, ИМ. Азаров, Г.П. Софронов, Г.В. Жуков, Л.П. Бочаров, А.Г. Колыбанов. Осень 1941 г.

Бомбардировка Одессы вражеской авиацией

Бригадный комиссар И.И. Азаров встречает прибывшее из Севастополя подкрепление

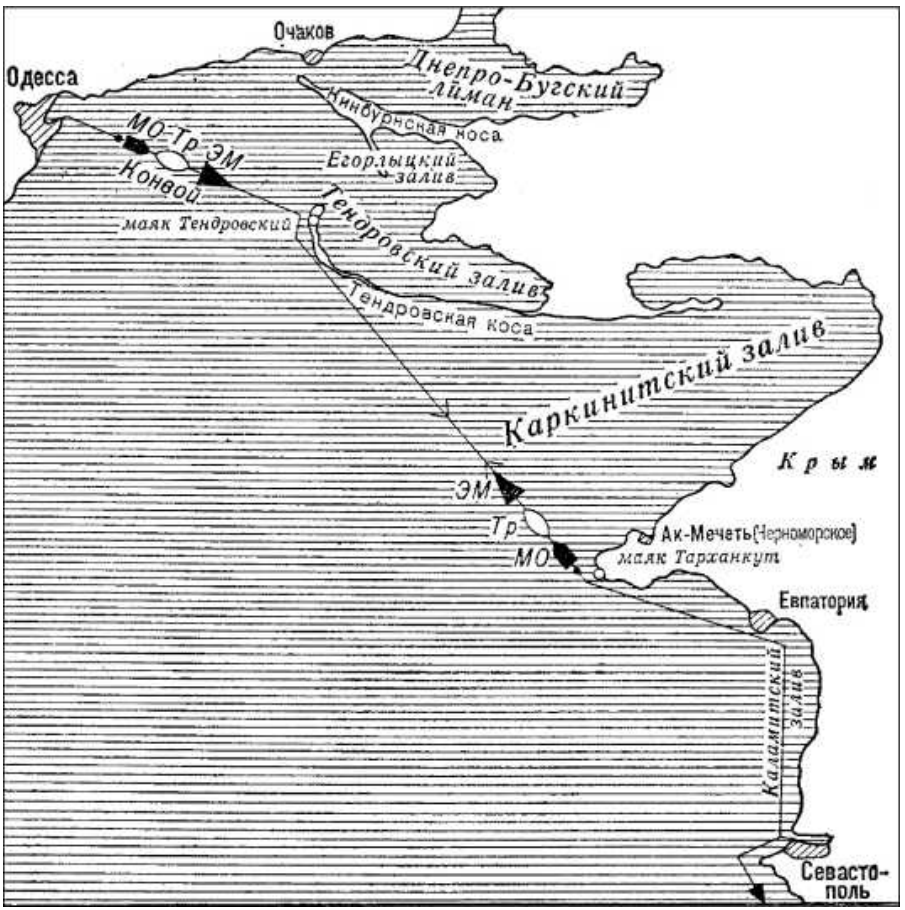
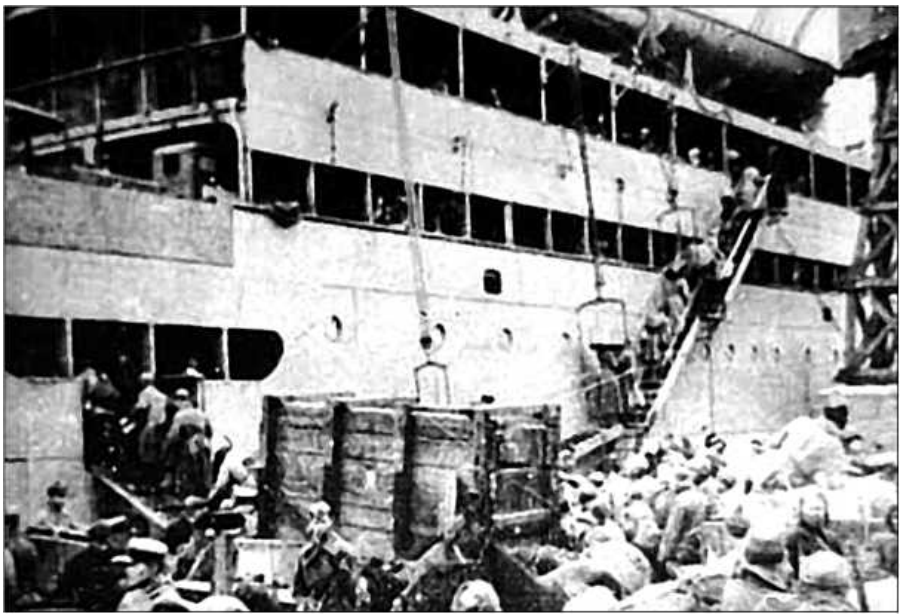


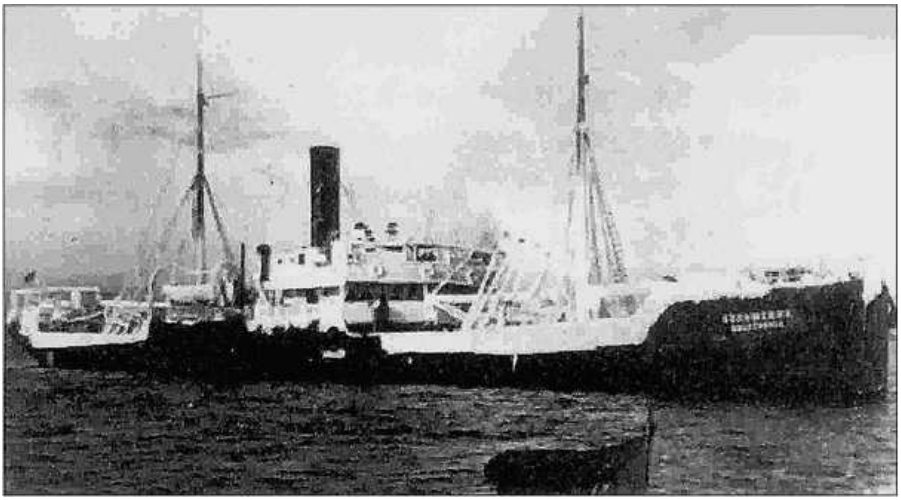
Схема движения конвоев на маршруте Одесса – Севастополь –

Новороссийск

Эвакуация морской пехоты из Одессы в Севастополь. Октябрь 1941 г.



Посадка войск на транспорт в Одесском порту. Октябрь 1941 г.



Транспорт «Большевик», погибший у Тендровской косы 19 октября 1941 г.

Транспорт «Жан Жорес», участвовавший в эвакуации первого эшелона Одесского оборонительного района и Приморской армии

notes

Примечания

1

На трудных дорогах войны. Л.: Лениздат, 1985. Две неопубликованные части книги – «Борьба за Севастополь и Кавказ», «От Кавказа до Балкан» – в рукописи.

2

Имеется в виду книга «От Кавказа до Балкан».

3

ЦВМА. Ф. 81. Д. 23064. Л. 1.

4

ЦВМА. Ф. 10. Д. 15164. Л. 178, 179.

Приказы ВГК, 1943–1945 гг. М., № 185.

Симонов К. Письма о войне. М.: Советский писатель, 1990. С. 330.

Холостяков Г.Н. Вечный огонь. С. 405–406; *Свердлов В.А.* На море Азовском. С. 199.

8

Когда автор упоминает «сейчас» или «в настоящее время», речь идет о 80-х годах XX века.

9

Военно-исторический журнал, 1966, № 6. С. 8.

10

Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 10. Д. 40329 (рукопись).

11

ЦВМА.Ф.72.Д. 739. Л. 72.

12

ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 2. Л. 26.

13

Гальдер Ф. Военный дневник. М.: Воениздат, 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 152.

14

ЦВМА.Ф.72.Д. 743. Л. 26.

15

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 210.

16

ЦВМА. Ф. 72. Д. 744. Л. 26.

17

ЦВМА.Ф.72.Д. 744. Л. 111,118.

18

Так он назывался в приказе и в оперсводке штаба армии от И августа (ЦВМА. Ф. 72. Д. 766. Л. 168). Н. И. Крылов в книге «Не померкнет никогда» правильно называет его соединением. В нем были четыре полка и ряд других частей и подразделений.

19

ЦВМА. Ф. 72. Д. 766. Л. 100,168.

20

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 288.

21

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 288, 291.

22

ЦВМА. Ф. 72. Д. 748. Л. 18.

23

ЦВМА.Ф.72.Д. 748. Л. 52.

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971. С. 118.

25

Перед войной в Одессе проживало 615 тысяч человек. Более 100 тысяч к этому времени было эвакуировано, остальные ушли воевать.

26

ЦВМА. Ф. 72. Д. 748. Л. 125.

27

ЦВМА.Ф.72.Д.804. Л. 64.

28

ЦАМО. Ф. 288. Оп. 10051. Д. 5. Л. 180.

29

ЦВМА. Ф. 72. Д. 805. Л. 206.

30

Передовая «Правды» от И сентября 1941 г.

31

18-летняя девушка Дарья Александрова, сирота, дочь погибшего в Синопском бою матроса, узнав, что русская армия двинулась (в сентябре 1854 г.) к реке Альме (в Крыму), к месту высадки англо-франко-турецкого десанта, продала домик, накупила медикаментов, приобрела лошадь с повозкой и двинулась за армией. И попала к Альминскому сражению. Развернула походный лазарет и начала перевязывать раненых. Затем она прибыла с армией к Севастополю и здесь врачевала пострадавших в бою. Прожила долгую жизнь.

32

В Черноморском пароходстве были два судна: «Чапаев» и «Василий Чапаев».

33

ЦВМА. Ф. 72. Д. 806. Л. 90.

34

ЦВМА. Ф. 72. Д. 783. Л. 115.

35

ЦВМА. Ф. 72. Д. 810. Л. 139; Д. 811. Л. 28.

36

ЦВМА. Ф. 107. Д. 23442. Л. 153.

Крылов Н.И. Не померкнет никогда. М.: Воениздат, 1969. С. 283—

Военно-исторический журнал, 1962, № 7. С. 65.